

Slav 290.3

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE REQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,
OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

2 Jan. 1899.

Joseph Pervonoff

Digitized by Google

СЛАВЯНЕ, ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ И СВЯЗИ

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА

(† 21 дек. 1891 г.).

съ портретомъ автора и указателемъ ко всѣмъ тремъ томамъ.

ТОМЪ III.

**Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ
Славянъ до конца XVIII вѣка.**

Часть II.

**Славяне западные и восточные
въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ.**

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
Королевская улица № 13.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго
Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ.*

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета издается нынѣ оставшаяся въ рукописи и не вполне оконченная *вторая* часть III-го тома многолѣтняго труда покойнаго профессора І. І. Первольфа. Смерть застигла нашего товарища въ самомъ разгарѣ окончательной обработки къ печати этого выпуска. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ работалъ надъ нею, какъ будто подталкиваемый какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ... Но судьба однакожъ не дала ему закончить даже III-ій томъ „Славянъ“, тогда какъ имѣвшійся въ виду IV-ый — о возрожденіи Славянъ и о развитіи славянской идеи за послѣднее столѣтіе ¹⁾—остался совсѣмъ ненаписаннымъ; для него былъ собранъ лишь сырой матеріалъ въ видѣ массы выписокъ, справокъ, вырѣзокъ и т. п.

По плану автора III-ій томъ посвященъ разсмотрѣнію *взаимныхъ сношеній Славянъ въ области политической и культурной* „насколько въ этихъ сношеніяхъ проявляется славянское сознаніе народовъ, и насколько въ нихъ замѣчается вліяніе одного народа на другой въ разныхъ сторонахъ народной жизни, напр. вліяніе одного языка славянскаго на другой, воздѣйствіе одной литературы на другую и вообще распространеніе культуры одного народа къ другому“ ²⁾. Въ *первой* части этого тома (изд. въ

¹⁾ См. Предисловіе къ I тому, стр. VIII.

²⁾ См. Предисловіе къ I части III-го тома, стр. I.

1890 г.) рассматриваются такі сношенія западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ и Поляковъ.

Предлагаемый нынѣ вниманію читателей посмертный II-ой и послѣдній выпускъ III-го тома заключаетъ въ себѣ обзорніе *взаимныхъ сношеній Славянъ западныхъ и восточныхъ*. Къ сожалѣнію авторъ не успѣлъ довести его до конца, а равно обработать окончательно тѣ части послѣднихъ его отдѣловъ, которыя уже были написаны или набросаны.

Большую часть настоящаго выпуска занимаютъ сношенія *русско-польскія*, и на нихъ сосредоточивается весь его интересъ ¹⁾. Но и этотъ отдѣлъ остался не вполне обработаннымъ (см. напр. пропускъ на стр. 221) и недописаннымъ, и изъ заключительной главы (о церковной уніи), куда долженъ былъ войти и обзоръ политическихъ сношеній польско-русскихъ въ позднѣйшій періодъ до конца XVIII в. — согласно общему плану книги, нашелся лишь небольшой отрывокъ.

Въ видѣ отрывковъ же, хотя и болѣе обширныхъ, являются и другіе два отдѣла книги, изъ которыхъ одинъ посвященъ *сношеніямъ Чеховъ съ православными Славянами* (Русскими и Югославянами), а другой — по всему видно — долженъ былъ обнять *сношенія южныхъ Славянъ между собой и съ остальнымъ славянствомъ*. Первый изъ нихъ остался не конченнымъ и не обработаннымъ, — имѣющееся было очевидно написано гораздо раньше и должно было быть дополнено по новѣйшимъ изысканіямъ; а изъ второго написана лишь одна глава: „Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы“.

Послѣдній трудъ I. I. Первольфа печатается конечно совер-

¹⁾ Первоначально очерки эти — лишь отчасти и притомъ въ нѣсколько иной формѣ (какъ извлеченіе изъ подготавлиаемаго большого труда) — появились по-чешски въ журн. Оsvěta за 1881 г. („Poláci a Rusini“), изданіи мало доступномъ русскимъ читателямъ.

шенно въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера автора. Самые незначительныя измѣненія текста, нами допущенныя, касаются исключительно внѣшней формы: языка и стиля. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ мы вездѣ руководствовались только необходимостью. Такое точное воспроизведеніе рукописи возможно было лишь потому, что большая часть книги (до 7 главы польско-русскаго отд., стр. 175) была вполне готова къ печати. Остальное — особенно послѣднія написанныя страницы этого главнаго отдѣла и отрывочныя части прочихъ — нося вообще характеръ неоконченности, не было еще въ такой же мѣрѣ подготовлено къ печатанью, не говоря уже объ отсутствіи внѣшней отдѣлки: недоставало кое-гдѣ ссылокъ и выносокъ, инныя изъ нихъ нуждались въ провѣркѣ и дополненіи, недоставало заголовковъ и проч. Всѣ эти, впрочемъ незначительныя пробѣлы нами посильно полнены.

Кромѣ того мы рѣшились составить и присоединить къ этому заключительному тому почтеннаго труда покойнаго слависта— *указатель личныя имена* ко всѣмъ тремъ томамъ, дабы облегчить каждому пользованье этимъ богатымъ и интереснымъ сводомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній изъ исторіи всего славянства, особенно нуждающимся—по самому характеру изложенія и группировкѣ матеріала—въ такомъ пособіи.

Принявъ на себя трудъ по редактированью и печатанью этой послѣдней книги Юсифа Юсифовича, мы счастливы, что имѣемъ случай тѣмъ самымъ принести посильную дань нашего глубокаго уваженія и сочувствія—памяти незабвеннаго товарища.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ высказать нашу искреннюю признательность профессору И. П. Филевичу за помощь при чтеніи корректуръ.

Константинъ Гротъ.

Варшава, 12 апр. 1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редактора	I
III. Поляни и Русскіе.	
1. Славянскія племена по Вислѣ, въ Карпатахъ, по Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ. Ляхи и Русь, ихъ этнографическая граница. Государства польское (лядское) и русское; польскій католицизмъ и русское православіе, ихъ борьба изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ. Стремленіе Поляковъ на русскій востокъ. Присоединеніе Руси карпатской и поднѣпровской къ Польшѣ. Побѣда польской культуры въ юго-западной Руси.	1
2. Раздѣленіе славянскаго праязыка. Словѣнскій языкъ церковный и литературный всей Руси, юго-западной и сѣверо-восточной. Языки западно-русскій и польскій, ихъ вліяніе другъ на друга. Вліяніе языка польскаго на западно-русскій. Книжный языкъ западно-русскій	23
A) Русь польская (коронная).	
3. Католицизмъ—вѣра польская, православіе—вѣра русская. Преслѣдованіе православія. Католицизмъ и унія—орудія ополяченія Руси.	45
4. Польскіе порядки въ коронной Руси. Бояре, земьяне, шляхта, паны. Русь и Поляки. Ополяченіе	

русской шляхты. Верещинскій, Орѣховскій, Гербуртъ. Польское право на Руси и его русскій переводъ. Города-мѣста на Руси, ихъ ополяченіе, мѣщане польскіе и русскіе. Селяне-кметы 58

5. Русскій языкъ и русская письменность въ карпатской Руси въ XVI—XVII вв. Польскій языкъ въ карпатской Руси; вліяніе русскаго языка на польскій, польскаго на русскій. Польская литература въ карпатской Руси 128

Б) Русь литовская.

6. Литва и присоединеніе къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Великое княжество литовско-русское. Русскій языкъ и русская вѣра въ Литвѣ. Гедиминовичи. Литва и литовская Русь и Польша, столкновение католицизма и православія, католическая Литва и православная Русь. Русскій языкъ — официальный и литературный языкъ литовско-русскаго государства, католической Литвы и православной Руси. Русское устройство литовско-русскаго государства; князья и бояре, города, селяне. 148

7. Соединеніе Литвы съ Польшей и его послѣдствій для Литовской Руси. Распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ Литвѣ и отстаиванье Литвою своей отдѣльности. Статутъ Литовскій. Антагонизмъ Литвы и Польши, переходящій въ явную вражду. Литовское „Подляшье“, особое его положеніе и быстрое ополяченье 175

8. Люблинская унія и ея вліяніе на отношенія литовско-русскаго вел. княжества къ Польшѣ. Укорененіе польскихъ порядковъ въ Литвѣ и югозападной Руси. Распространеніе польскаго элемента и вліяніе польскаго языка въ ущербъ русскому элементу и языку. Культурное значеніе польскаго вліянія въ литературѣ и просвѣщеніи; вѣроисповѣдное движеніе (распространеніе протестантизма). Польскій языкъ въ западной Руси 200

Отрывокъ изъ главы о церковной унії 237

	<i>Стр.</i>
IV. Чехи и православные Славяне	243
V. Югославяне въ сношеніяхъ между собой и съ прочими Славянами (отрывокъ).	
Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы	261
Содержаніе предыдущихъ томовъ	I
Указатель личныхъ именъ во всѣхъ трехъ томахъ . . .	I

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И КУЛЬТУРНЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНЪ

ДО КОНЦА XVIII ВѢКА.

III. ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

„Cóż wždy za pożytek ma król Jegomość z tak wielu kłopotów, które zażył z narodem ruskim? Ten pożytek ma, że jest nas sławiańskich narodów różnych ośmnaście; ci wszyscy kładli swobody swój ratunek na królach polskich; ci wszyscy rozumieli, że naród polski miał ich z ciężkiego pogańskiego jarzma wyswobodzić, ci wszyscy na każdą potrzebę króla i narodu polskiego garła swe gotowi dać byli. A teraz jako krzywdę poczęto czynić narodowi ruskiemu, są nam głównemi nieprzyjaciółami. Teraz wołą pomrzeć na wojnie sami, żony i dzieci swe popalić, jako to w Smoleńsku uczynili, niżby mieli do zgody jakiej przyjąć z nami krwią swoją“.

(Zdanie o narodzie ruskim pana Szczęsnego Herburtsa, 1613, см. ниже стр. 78).

III.

ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

1. *Славянскія племена по Висль, въ Карпатахъ, по Днѣпру, Днѣпру, Двинь. Ляхи и Русь, ихъ этнографическая граница. Государства польское (лядское) и русское; польскій католицизмъ и русское православіе, ихъ борьба изъ-за первенства на славянскомъ востоцкѣ. Стремленіе Поляковъ на русскій востокъ. Присоединеніе Руси карпатской и подднѣпровской къ Польшѣ. Побѣда польской культуры въ юго-западной Руси.*

Земли на сѣверъ карпатскихъ горъ, орошаемыя Вислою и Днѣпромъ, искони заселены славянскими племенами, которыя въ послѣдствіи стали означаться двумя главными названіями *Ляхи* и *Русь*. Многія изъ этихъ племенъ были въ своихъ земляхъ автохтоны, другія производили себя — по крайней мѣрѣ по древнимъ преданіямъ русскимъ и польскимъ — изъ южныхъ подкарпатскихъ и подунайскихъ странъ ¹⁾. Нельзя опредѣлить, когда въ закарпатскихъ и повислянскихъ земляхъ состоялось раздѣленіе тамошнихъ Славянъ на двѣ группы, Ляхи и Русь, принимая послѣднее названіе вообще въ смыслъ восточныхъ Славянъ ²⁾. Это раздѣле-

¹⁾ См. „Славяне“ II, стр. 100 и сл. и 420 и сл., о лѣтописяхъ русскихъ и польскихъ.

²⁾ Русскій народъ назывался искони *Русь* (собират.), единств. *Русинь* (срв. Литва—Литвинь, Чудь—Чудинь, Мазовше — Мазовшанинъ, Сербинь, Болгаринь, Угринь, Волошинь и пр.), позже на гре-

ніе случилось во всякомъ случаѣ въ доисторическія времена; несомнѣнно, что русское полногласіе и недостатокъ ринезма съ одной стороны, а ляхскій ринезмъ и недостатокъ полногласія съ другой стороны установились уже въ тѣ времена, и что уже тог-

ческій ладъ *Rossia*, *Rossininitz*, о чемъ см. „Славяне“ II, 435. Форма „Русинъ“ означала каждого Русскаго въ Галичѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Москвѣ, въ противоположность Гречину, Словенину, Варягу, Нѣмчину, Латинину, Литвинину, Татарину, Ляху и пр. Въ сѣверовосточной Руси (Москвѣ) позже вмѣсто „Русинъ“ стали употреблять прилаг. „Русскій“ (т. е. человекъ). Такъ напр. въ договорѣ польскаго короля Сигизмунда съ московскими боярами, писанномъ подъ Смоленскомъ (Акты западной Россіи IV, № 180), говорится о „господствѣ рускомъ московскомъ, о Руси (т. е. московскомъ государствѣ)“, о томъ, что „Русину (въ москов. госуд.) руская, а польскимъ и литовскимъ людямъ лядская вѣра вольна быти маеть“ и пр.; еще въ концѣ XVIII в. Поляки называли жителей русской имперіи *Rusin* (см. „Славяне“ II, 196). Латинская форма *Ruteni*, *Rutheni*, *Ruthenia* употреблялась рядомъ съ *Russi*, *Russia* безразлично въ значеніи Руси югозападной и сѣверовосточной; форма *Ruteni*, основываясь на формѣ Русинъ, опиралась тоже на воспоминавіяхъ книжниковъ, наткнувшихся у латинскихъ классиковъ на народъ въ Галіи *Ruteni*; они и стали означать Русь, какъ и *Teucri* — Турокъ, *Daci* — Датчанъ, *Roxolani* — Русскихъ, *Triballi* — Сербовъ, *Siretes* — Хорватовъ и пр. Такъ назывались король галичско-русскій Даниилъ — *rex Russiae*, *Ruthenorum*, Гедиминъ — *rex multorum Ruthenorum*, царь русскій Василій Ивановичъ — *imperator Ruthenorum* и пр. Гнѣзенскій архіепископъ I. Ласкій называетъ Русскихъ въ московскомъ государствѣ — *Rutheni albi*, а въ Польшѣ и Литвѣ — *Rutheni tutei*. Матвѣй изъ Мѣхова, въ описаніи Сарматіи, говоритъ, что „*in Moscovia* ipsa lingua et unum sermonem esse, scilicet *rutenicum* seu *selavonicam*“; Герберштейнъ — *Russi gentiliter*, *Rutheni latine*, и пр. Греческую форму „Россія“, „Россіяне“, полюбили въ концѣ XVI и въ XVII вв. особенно львовскіе и кіевскіе книжники въ значеніи южной Руси, и такъ писали тоже нѣкоторые Поляки (см. ниже). Названія Русь (Россія) Малая, Великая, Вѣлая, Черная, Червонная — формы книжныя отчасти греческо-византійскаго происхожденія, о чемъ срв. нашу статью въ *Archiv für slav. Philologie* VIII. 21. Прилагательное отъ Русь, Русинъ, было и можетъ быть только — русьскій (древнее), русскій (этимолог.) рускій (фонетич.), какъ и отъ Литвинъ — литов.

да восточныя племена говорили Судомирь, Володимирь, Ляхи — лядскій, а западныя—Сждомирь (Sandomierz), Влодимирь (Włodzimierz), и вѣроятно Ляхи ¹⁾.

Нѣкоторыя одинаковыя названія племенъ ляхскихъ и русскихъ могли бы указывать на одно происхожденіе, на переселенія ихъ съ востока (Руси) на западъ (къ Ляхамъ) и наоборотъ; за неимѣніемъ однако другихъ болѣе положительныхъ свидѣтельствъ нельзя еще настаивать на такомъ фактѣ и отчасти можно его объяснить просто случайностью, духомъ славянскаго языка вообще, по которому у всѣхъ Славянъ жители полей (равнинъ) названы—Поляне, жители дѣсовъ (деревъ) — Деревляне, и пр. Такъ напр. встрѣчаются Поляне по Днѣпру и по Вартѣ, Деревляне (Древяне) по Припети (въ Полѣсьѣ) и по нижней Лабѣ, Сѣверяне по Деснѣ и по Вислѣ, Волянне по Бугу и на балтійскомъ морѣ, и пр. Въ началѣ XII вѣка восточно-русскія племена Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка, хотя только названіе Радимичей можно производить отъ Радима, а Вятичей—скорѣе отъ Ватовъ (Veneti, Venedi, Antae)²⁾. Тогда-же, въ началѣ XII вѣка, въ кievской землѣ въ Поросьѣ, по рѣкѣ Роси (Рѣси), въ числѣ Поросьянъ, Поршанъ жили еще потомки плѣнныхъ Ляховъ, которыхъ тамъ поселилъ Ярославъ Володимировичъ. Такихъ поселенцевъ плѣнниковъ лядскихъ (польскихъ) на Руси, а русскихъ въ Польшѣ, было вообще много, но они, подобно другимъ переселенцамъ, живя среди соплеменниковъ, скоро примкнули къ господствующему народу. Жители карпатскихъ горъ и земель по верхней Вислѣ, по Сану и по верхней Днѣстру—Хорваты, вѣроятно уже рано раздѣлились на двѣ по-

скій (поль. litewski, а не litwiński), Словенинъ -- словенскій, Болгаринъ—болгарскій. Если же нѣкоторые поляки и ихъ русскіе ученики въ Галиціи отличаютъ guski (даже gusiński!), рускій, рускій (это-де малорусскій и бѣлорусскій) и russki, rossyjski, русскій, россійскій (а это-де великорусскій, московскій), то здѣсь играетъ роль, конечно, не наука, а какая-то особая наивная славянская политика.

¹⁾ См. Archiv für slavische Philologie IV. 68.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 93, 105.

ловины, такъ что западные Хорваты по верхней Вислѣ въ землѣ краковской примкнули къ Ляхамъ, а восточные Хорваты по Сану и верхнему Днѣстру къ Руси ¹⁾. Такіе же Хорваты жили и дальше на западъ въ Чехіи подѣ крѣконошскими горами и между полабскими Сербами, на югѣ же въ Далмациі ²⁾.

¹⁾ Ляшское происхожденіе всѣхъ карпатскихъ Хорватовъ („Chrobatów“, срв. Archiv für slav. Philologie VII. 626), на чемъ настаиваетъ изъ новѣйшихъ историковъ Ст. Смолька (Rok 1386, p. 51), сомнительно. Что было въ доисторическія времена, неизвѣстно; въ историческое время восточные Хорваты были не Ляхи, а Русь, и говорили: Перемышль, Теревовль, Звенигородъ, Городокъ, Дулѣбы, Холмъ, Володимеръ, Володаръ, Володиславъ, Судиславъ, Святополкъ, а не: Przemyśl, Trzebow', Zwenigrod, Grodek, Dudlebi, Chełm, Włodzimierz, Włodarz, Włodzislaw, Sędzislaw, Świętopelk; имена карпатско-русскихъ бояръ въ родѣ Судиславъ (а не: Sędzislaw) или Володиславъ (а не: Włodzislaw) вовсе не „lechickie“ (ляшскія, по латин. формѣ Lechitae), а тоже русскія и общеславянскія. Подобно тому нечего искать слѣдовъ Ляховъ въ земляхъ русскихъ Радимичей и Вятичей, т. е. если признать преданіе русской лѣтописи о происхожденіи обоихъ племенъ отъ Ляховъ; въ историческое время Радимичи и Вятичи (а не: Ватичи—Vętići) были Русь и говорили: Воробейна, Городецъ, Радимль, Дѣдославль, и пр. О переселеніи разныхъ славянскихъ племенъ см. нашу статью Slavische Völkernamen (Archiv. f. slav. Philologie VII. VIII).

²⁾ Разсказъ Константина Багрянороднаго о переселеніи южныхъ Хорватовъ изъ карпатской Хорватіи „бѣлой“ или „великой“ встрѣтился съ сильнымъ сомнѣніемъ со стороны Рачкаго (Rad jugoslav. akagemije, kn. 52). Срв. тоже наши замѣтки въ Archiv für slav. Philologie, VII. 625, VIII. 2—5. „Хорваты“ въ учредительной грамотѣ пражской епископіи (973, 1086) это — Хорваты въ Чехіи въ двухъ областяхъ подѣ крѣконошскими горами, а не Хорваты карпатскіе. Въ польскихъ лѣтописяхъ Хорваты — хорошо извѣстные русской лѣтописи — почти неизвѣстны, и только Викентій Кадлубекъ знаетъ, что Болеславъ Храбрый „Hunnos seu Hungaros, Cravatios (вѣроятно краковскихъ, повислянскихъ) et Mardos gentem validam (Моравянъ съ Словаками) suo manseravit imperio. Если Карпы или Карпіаны греческихъ и римскихъ писателей первыхъ столѣтій Р. Х., воевавшіе въ подунайскихъ странахъ — Хорваты, то можно принять отчасти разсказъ Константина Багрянороднаго, но только въ смыслѣ дви-

Какія были первоначально границы между Ляхами (Хорваты около Кракова, Висляне около Вислицы, Мазовшане по средней Вислѣ) и Русью (Хорваты по Сану и Днѣстру, около Перемышля и Теробовля, Дулѣбы - Бужане - Волыняне на верхнемъ Бугѣ около Червена, Волыня, Володимиря, Бужска и Белза, Дреговичи на среднемъ Бугѣ)—неизвѣстно, вѣроятно средняя Висла; позже, въ XII—XIII вѣкахъ, составляютъ эту границу водораздѣлъ рѣкъ Вислоки и Вислока, Санъ (Сянъ), Быстрица, Вепрь, Кросна, Нурецъ, верхняя Наровъ (Nagew'), Бобря (Biebrza); здѣсь на сѣверѣ Ляхи и Русь граничили съ литовскими племенами, именно съ Ятвягами (польск. Jadzwingi — Jačvegi), которые истреблены соединенными силами Ляховъ и Руси. Пограничные польскіе города были здѣсь, въ XII — XIII и XIV вв. Сандецъ, Тарповъ, Сандомѣръ, Люблинъ, Луковъ, Нуръ, Визна, а русскіе—Кросно (Коросно), Решовъ, Ярославль, дальше въ „украинѣ“ по Вепрю Щекаревъ, Холмъ, Верещинъ, наконецъ Берестье, Мельникъ, Дорогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ ¹⁾.

женія карпатско-подоунайскихъ Хорватовъ на югъ въ Далмацію, равнымъ образомъ какъ и движеніе карпатско-подоунайскихъ Сарматовъ—Сербовъ на югъ въ Мизію и Далмацію. Греки и Римляне знали горы Карпаты (хребты) и ихъ части Пенины и Бескиды (срв. племена Piengitae, Biessi), племена Арсіеты (Решовъ?) и Сабоки (по Сану), городъ Асанка (Сандецъ—Санчъ или Савокъ?).

¹⁾ Подробное изслѣдованіе вопроса объ этнографическомъ польско-русскомъ рубежѣ во всѣхъ его историческихъ фазахъ ждетъ еще своего историка. См. Н. Барсова Очерки русской исторической географіи (Варшава, 1885), Д. Зубрицкаго Granice między ruskim i polskim narodem w Galicyi (Lwów 1849), А. Добрянскаго О западныхъ границахъ подкарпатской Руси (Ж. М. Н. П. 1880, кн. 208), Андріашева Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV в. (Кіевъ 1887), Петрушевича, Краткое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во время свв. Кирилла и Мессодія, (Львовъ 1882) и Краткое извѣстіе о холмской епархіи (1867), И. Линниченка Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV в. (Кіевъ 1884), Филевича Борьба Польши и Литвы - Руси за галицко-владимирское наслѣдіе (СП. 1890), Е. Крыжановскаго Забужная (т. е. Забужская) Русь (Собраніе сочиненій, Кіевъ 1890, II), Лонгинова Чер-

Всѣ эти сѣверныя славянскія племена по Вислѣ и по Днѣпру долго жили въ раздробленіи, не думая о болѣе прочномъ и продолжительномъ союзѣ; нѣкоторыя повислянскія и карпатскія племена, Висляне и Хорваты, вошли въ составъ велико-моравскаго

венскіе города (Варшава 1885), Сборникъ Батюшкова Холмская Русь (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, VII, VIII Сп. 1885), Алекс. Будиловича, Истор. очеркъ милеевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія завепрянской Руси до р. Быстрицы (Варшава, 1890), О. Кольберга Mazowsze, t. V (Kraków 1890), и др. Среднее Побужье съ Дорогичиномъ было искони русское, а не ятвяжское, о чемъ срв. статью С. Кулаковскаго въ Этнограф. Сборникъ III. 47, Барсова Очерки 39, 231, ст. Авенариуса въ сб. Древности сѣверо-западнаго края (Сп. 1890, I); ст. Крыжановскаго о забужской Руси; о Ятвягахъ срв. тоже Sjögren: Über die Wohnsitze u. die Verhältnisse der Jatwägen (SP. 1858), Sembrzycki (Altpreuss. Monatschrift 1891, I. 76). Что касается люблинской земли, то возможно, что она первоначально была русская, но въ XII—XIII вв. она принадлежала уже Польшѣ (въ галичско-волинской лѣтописи упоминаются часто люблинскіе Ляхи), но галичско-волинскіе князья постоянно ея добивались. Во всякомъ случаѣ люблинская земля скоро ополячилась, только по Вепрю и по Быстрицѣ отчасти сохранилась православная, потомъ униатская Русь, а въ городѣ Люблинѣ она имѣла свою церковь и свое церковное братство, о чемъ срв. соч. Ал. Будиловича о милеевской церкви, Лонгинова Памятники русской старины въ г. Люблинѣ (Холмская Русь, Памятники VIII. 229) и Червенскіе города, 79. Въ городѣ Казимирѣ на Вислѣ была еще въ XV в. православная русская церковь (Востокова, Опис. рукописей Румянцова стр. 185, срв. „Славяне“ II. 550, примѣч. 3, гдѣ однако вмѣсто „католическая церковь“ надо читать „православная“). Что касается русскаго населенія на лѣвомъ берегу Вислы въ землѣ сандомирской (судомирской), то можемъ указать только на присутствіе русскіихъ жителей въ Чмелѣвѣ (Śmielów) около Опатова; по крайней мѣрѣ въ 1505 г. король Александръ, жалуя селенію Чмелѣву (Sczmielowo) нѣмецкое право, уничтожаетъ въ новомъ городѣ всѣ права польскія и русскія—*removentes omnia jura polonica et rutenica* (Метрыка коронна XXI, 211; грамоту знали Baliński i Lipiński, Starożytna Polska II. 316), т. е. если послѣднихъ словъ не считать обыкновенною формулою, встрѣчающеюся часто въ тогдашнихъ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право вообще. Мнѣніе о русскомъ на-

государства, а позже въ составъ чешскаго государства. Въ IX—X вѣкахъ возникаютъ однако два государства, въ которыхъ со временемъ соединились Ляхи и Русь. Ляхи по Вартѣ, около озера Гопла и по средней Вислѣ, Поляне, Куявяне, Мазовшане, являются около половины X в. соединенными подъ сильною рукою князя польскаго (Полянъ) Мѣшка, который могъ подумать уже о борьбѣ съ Нѣмцами, Лютичами, Чехами и Русью, и о распростра-

селеніи около Опатова (изъ соч. Петрушевича вошло и въ Исторію Россіи Иловайскаго I. 2. стр. 28, 40, и въ соч. Ант. Будиловича: Общеславянскій языкъ (Варшава 1892, II. 103)—просто недоразумѣніе; аббатъ католическаго опатовскаго монастыря и его преемники, епископы любушскіе были въ XIII в. не епископы русскіе (Ruthenorum episcopi), а епископы для сосѣднихъ Русскихъ, которыхъ эти епископы должны были сдѣлать католиками; срв. K. Reifenkugel: Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien von Halicz u. Wladimir (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 52, p. 406), Н. Дашкевичъ: Первая унія югозападной Руси съ католичествомъ, стр. 6 (Кіев. Университ. извѣстія 1884). Въ городѣ Сандомирѣ могла существовать и православная русская церковь, хотя объ этомъ упоминаетъ только писатель XVIII в., доминиканецъ Сейковскій (Dni goznie ś. zakonu kaznodziejskiego, Kraków 1743), который утверждаетъ, что доминиканскій „kościół św. Jakoba w Sandomierzu był przed oddaniem Dominikanom ruskiej religii, w którym odprawiała Ruś swoje nabożeństwo“. Угорскій монахъ Рикардъ (около 1227 — 1241 г., Regum hungaricarum monumenta Arpadiana, ed. Endlicher 1849, p. 254) рассказываетъ, что язычники „Мордваны“ (regnum Moldanorum около заволжской Ungaria Magna), желая принять христіанство, послали „ad duces magne Sondemerie, que est terra Ruthenorum illis vicina“, а этотъ дух указалъ имъ на папу; очевидно, здѣсь говорится о какомъ-то русскомъ князѣ около Мордвы; поэтому думаемъ, что тутъ вмѣсто Sondemerie надо читать Londemerie (Ladomerie) т. е. Володимерь. Считать нѣкоторыя церкви даже въ краковской епархіи, въ которыхъ въ началѣ XIV в. въ 1326 г. (Theiner: Monumenta Poloniae I, № 358) встрѣчается по два священника, на половину латинскою и словѣнскою — какъ это дѣлаетъ Петрушевичъ — слишкомъ фантастическое предположеніе. Наконецъ замѣтимъ еще, что нѣкоторые историки (напр. Петрушевичъ, Лонгиновъ), не вникая въ языкъ русской лѣтописи, по однимъ ея словамъ „епископы, игумены, попы, черноризцы, церкви, монастыри“ въ смы-

неніи границъ своего княжества. Восточныхъ Славянъ по Ильмену, Двинѣ, Днѣпру и Днѣстру соединили князья русскихъ кievскихъ Полянъ, и власть этихъ князей въ X вѣкѣ доходила на западъ за Санъ и Бугъ въ земли Хорватовъ, Дульбовъ и Дреговичей, гдѣ Русь сосѣдила съ государствами чешскимъ и польскимъ, и тоже съ литовскими племенами, именно съ Ятьвягами. Зачатки христіанства проникли къ карпатскимъ Ляхамъ изъ Моравіи, имен-

слѣ католическихъ польскихъ — впадаютъ въ большое заблужденіе, считая всѣхъ тѣхъ—словѣнскими или прямо русскими. Между тѣмъ древніе русскіе лѣтописцы называютъ и католическихъ польскихъ и православныхъ русскихъ іереевъ „епископами, попами“, и православные и католическіе храмы „церквами“ и „божницами“; а слова *церковь* и *попъ* тоже древнепольскія, срв. „Славяне“ Ш. 213. Равнымъ образомъ русскіе лѣтописцы говорятъ тоже о польскихъ „князьяхъ, боярахъ, челяди“; такъ напр. въ 1030 г.: „бысть мятежь великъ въ лядской земли, и вѣставше людье избѣша епископы и попы и бояры свои“; въ 1261 г. (т. е. 1260), въ разсказѣ о разгромѣ Сандомира Татарами: „церкви погорѣ.. игумени съ попы и съ дьяконы, бояре, боярынь, слуги боярьскіи (погибли)“; эти игумени, попы, дьяконы—доминиканскіе монахи, которые тогда перебиты въ Сандомирѣ; въ 1286 г. (т. е. 1288) по смерти краковского князя Лестька „епископъ, игумени и поповѣ и дьякони... положиша тѣло его во Краковѣ городѣ, во церкви св. Троицѣ, и плакашася по немъ вси людье, боярѣ и прости“, и пр. Непростителенъ промахъ Лонгинова (Грамоты малорусскаго князя Юрія П. стр. 13 въ москов. Чтеніяхъ 1887, II), который говоритъ даже о православной церкви св. Юрія въ Варшавѣ въ XIV в., ссылаясь на Балинскаго и Лишинскаго *Starożytna Polska* I. 411, гдѣ однако говорится о католической церкви св. Юрія въ Варшавѣ. Введеніе православныхъ русскихъ церковныхъ терминовъ въ польскій и латинскій языки (*władca — władyka*, *pop*, *bayt-ko — batko*, *archymandryt*, *ihumen*, *czerniec*, *cerkiew*, *monaster*, *krest* и пр.), а католическихъ польскихъ — въ русскій языкъ (*бискупъ*, *князь—ксьендзь*, *патеръ*, *костель*, *кляшторъ*, *крыжъ* и пр.) принадлежить уже позднѣйшему времени; срв. тоже „Славяне“ II. 552. Еще янычаръ Константиновичъ, Хвальчевскій, Бѣльскій говорятъ о православныхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ *biskupach*, *zakonnikach*, *kościołach*, *klasztorach*, *krzyżu* и пр., между тѣмъ какъ Стрийковскій говоритъ о русскихъ *władykach*, *archymandrytach*, *popach*, *czerncach*, *cerkwiach*, *monasterach* и пр. Съ другой стороны выраже-

но изъ епархїи Меводїа, и словѣнское богослуженіе сохранилось у нихъ отчасти и внослѣдствїи до XI вѣка, когда съ X в. католическая латинская церковь сдѣлалась въ Чехїи и Польшѣ господствующею ¹⁾. Русь прикнула къ церкви восточной, право-

нія: крыжъ латинскій или ляцкїй (а *крестъ* православїа), костель сирѣчь церковь, костель, бискупъ и пр. встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ уже въ XV вѣкѣ.

¹⁾ О словѣнскомъ богослуженїи въ Польшѣ знаемъ, по достовернымъ источникамъ, очень мало; срв. „Славяне“ II. 520, III. 170, 213, и Wł. Abraham, Organizacya kościoła w Polsce do połowy w. XII. (Lwów, 1890, p. 104—111). Устарѣвшїя сочиненїя В. Мацеѣвскаго: Pierwotne dzieje chrześcijaństwa u Słowian obojga obrządku (Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie, prawodawstwie Słowian, Petersburg, 1839, I. 61, русскїй переводъ въ Варшавѣ 1840, срв. тоже „Славяне“ II. 520, примѣчанїе), и Инокентїя Борисова: О началѣ христіанства въ Польшѣ (Ж. М. Н. II. 1842, перепечатано особою брошюрою въ Кїевѣ 1886)—не выдерживаютъ критики. Также и нѣкоторыя мнѣнїя о словѣнской церкви въ Польшѣ А. Петрушевича (см. выше) и Ант. Будиловича (Общеславянскїй языкъ II, 95 — 100) требуютъ болѣе вѣскихъ доказательствъ. Греко-византїйская архитектура, скульптура, живопись могли переходить въ Польшу съ начала черезъ Моравїю и позже черезъ Русь; о такихъ греческихъ памятникахъ часто говоритъ Длугошъ, по словамъ котораго (IV. 536) еще король Владиславъ Ягайло украсилъ церкви въ Гнѣанѣ, Сандомирѣ и Вислицѣ sculptura graeca, предпочитая ее латинской; а Дамалевичу казалась еще въ XVII в. живопись въ церкви гнѣзенской — pictura ruthenica et moscovitica. Длугошъ (Liber beneficiorum dioec. Cracov. III. 229), говоря о польскомъ монастырѣ св. Креста на Лысой Горѣ, вспоминаетъ о его ореге граеко, pictura graeca. Православные греко-византїйскїе и русскїе образа переходили и въ Польшу; такъ напр. образъ богородицы въ Ченстоховѣ — происхожденїя православнаго и переданъ туда во второй пол. XIV в. изъ Львова, срв. Zimogowicz, Historia m. Lwowa, przełoż. Piwockiego, p. 81, и срв. M. Baliński, Pielgrzymka do Jasnej Góry w Częstochowie, Warszawa, 1846, тоже книжку: Ченстоховская чудотворная икона Богородицы (Вильна, 1881). О греческихъ образахъ съ словѣнскими надписями въ нѣкоторыхъ катол. церквахъ краковской епархїи въ началѣ XVII в. вспоминаетъ Копыстенскїй, Палинодія, стр. 995—996. До сихъ поръ въ краковскомъ соборѣ есть одна часовня, Ягайлов-

славной греческой съ богослуженіемъ на словѣнскомъ языкѣ. Это религиозное и культурное раздвоеніе сѣвернаго Славянства дало его дальнѣйшему историческому развитію рѣшительный оборотъ, и повліяло на взаимныя отношенія Ляховъ и Руси. Еслибъ лядскія племена, подобно Руси, приняли православіе съ церковнымъ языкомъ словѣнскимъ, или еслибъ католическое вѣроисповѣданіе съ латинскимъ языкомъ распространилось и укрѣпилось на Руси, то племена лядскія и русскія слились бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ образовалась бы вѣроятно только такая разница, какъ между Кіевомъ и Володимиремъ-Москвою. Но католицизмъ „лядская (польская) вѣра“ и православіе „русская вѣра“ и связанный съ ними вѣроисповѣданный и культурный дуализмъ и антагонизмъ воздвигли между Поляками и Русскими такую преграду, которая придала всей ихъ исторіи особый характеръ: на славянскомъ востокѣ начинается борьба изъ-за первенства не только между обоими славянскими народами Ляхами и Русью, — какъ это было напр. между Русью южною (Кіевомъ) и Русью сѣвальною (Суздалемъ, Володимиремъ, Москвою)—а тоже между Ляхами-католиками „латинами, латинянами, римлянами, кривовѣрными, полувѣрными, еретиками“, и между Русью—православными „греками, схизматиками, невѣрными, погаными“¹⁾. Оба вѣроисповѣданія сдѣлались существенно при-

ская, украшенная въ концѣ XV в. русскою живописью и надписью, о чемъ см. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства (Кіевъ, 1885, стр. 107). Основаніе католическаго словѣнскаго монастыря въ Краковѣ съ монахами глаголяшами въ концѣ XIV в. не имѣетъ никакой связи съ православно-словѣнскими преданіями въ Польшѣ; см. „Славяне“ II. 546 — 547. О чествованіи св. Кирилла и Меодія въ Польшѣ см. тамъ же II. 606.

¹⁾ Приводимыя у Петрушевича (О введеніи христіанства, 59) слова Длугоша объ „идололатріи“ Русскаго Теодорика (Theodoricī genere Rutheni) читаются въ новомъ изданіи Длугоша (II. 409, ad a. 1268): *Tenutarius castri Bydgoszcz in Cuiav. ducatu Theodoricus genere Pruthenus, qui idololatria relicta, fidem rectam professus est.*—Католическая вѣра называлась на Руси тоже „фряжскою (Франговъ, Франковъ), нѣмецкою, варяжскою“. По византійскому примѣру и

надлежностью народностей польской и русской, и поддерживали и разжигали еще болѣе давнишній политическій и народный антагонизмъ Поляковъ и Русскихъ, гдѣ болѣе, что Поляки охотно приняли на себя роль, указанную имъ Римомъ: быть католическими миссіонерами на славянскомъ востокѣ и пособниками всевозможныхъ притязаній римскихъ папъ относительно распространенія католицизма среди огромной Руси ¹⁾.

Ляхи (Польша) и Русь, два сосѣдніе государства и народы, сносились и сталкивались издавна. Польскіе князья, со временъ образованія польскаго государства по Вартѣ и по средней Вислѣ, обращали свое вниманіе не только на западъ, а тоже на востокъ, гдѣ на юго-востокѣ отъ Кракова (съ 999 г. польскаго) по Вислокѣ до источниковъ Дунайца начиналась Русь ²⁾. По мѣрѣ того, какъ Польша была тѣснима Нѣмцами съ запада на востокъ, теряла славянскія земли по Одрѣ и балтійскому морю, она стремилась все

православные Славяне раздѣляли языки (народы) на правовѣрные— православные, полувѣрные (еретики, въ томъ числѣ и Ляхи, Чехи, Хорваты) и невѣрные, какъ это встрѣчается напр. въ одномъ памятникѣ болгарскомъ (Шафарика Слав. Древности, послѣднее приложеніе) и сербскомъ (Тихонравовъ, Памятники отреченной литературы II. 441). Такъ и въ русскихъ памятникахъ часто латиняне, полувѣрцы, еретики, безбожные, поганые, о чемъ срв. А. Попова: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), Москва, 1875. Сборники разныхъ такихъ полемическихъ статей противъ латинянъ (см. Макарія Исторія русской церкви, V. 329) часто списывались на Руси „на посрамленіе Ляховомъ и Латынамъ“. (А. Поповъ, 155). Русскіе лѣтописцы называютъ православіе просто „христіанская вѣра“ (правая, православная), а католицизмъ „вѣра латинская, нѣмецкая, лядская“, срв. лѣтописи литовско-русскія, новгородскую, софійскую.

¹⁾ См. „Славяне“ II, 80.

²⁾ Жидъ Ибрагимъ 965 г. (Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ, 49), говорить, что въ Прагу приходятъ изъ города Кракова Русы; въ одной запискѣ (послѣ 999 г.), впрочемъ довольно темной (Bielowski, Monumenta Poloniae histor. I. 148, Zeissberg въ Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 38, p. 109): fines Russe extendente (!) usque in Cracova.

больше на востокъ, и русскія земли должны были ей замѣнить утраченныя западно-славянскія земли, Лужицы, Поморье, Слезію. Ляхи виѣшивались въ дѣла Руси карпатской, волинской, кіевской, присоединили значительную часть этой южной Руси къ своей державѣ, вступали виѣстъ съ Литвою и въ Русь западную, наконецъ стремились завладѣть Русью восточною. Съ другой стороны, и русскіе князья виѣшивались въ дѣла Польши и помогали польскимъ князьямъ Пястовичамъ въ ихъ междоусобицахъ. Польскія войска часто стояли подъ Червенемъ, Володине-ремъ, Галичемъ, Кіевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ, Москвою, а русскія войска стояли подъ Люблиномъ, Сандомѣремъ, Краковомъ, Калишемъ, Варшавою; въ славянскихъ земляхъ по Вислѣ, Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ, Волгѣ лилась кровь потоками въ братоубійственной борьбѣ обоихъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и Руси; долго не рѣшался ихъ споръ изъ-за политическаго первенства въ восточной Европѣ, пока наконецъ не водружено русское знамя надъ Варшавою. Эта упорная и кровавая борьба все разжигала политическую, народную и вѣроисповѣдную вражду обоихъ славянскихъ народовъ до безконечности; равнымъ образомъ какъ кіевскій лѣтописецъ представлялъ себѣ „бѣса въ образѣ Ляха“, а галичско-волинскій лѣтописецъ называлъ Ляховъ „безбожными“, такъ и для польскаго лѣтописца Викентія Русскіе—заклятые враги Поляковъ, которые при каждомъ случаѣ утоляютъ вражеское бѣшенство ненависти и старинную жажду зависти въ крови Поляковъ¹⁾. Но не смотря на эту страшную борьбу Поляки и Русскіе не забывали о своемъ славянскомъ родствѣ, о томъ, что Чехія, Польша и Русь—огромная славянская страна, что Русь—какъ бы другой міръ, а русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ равняется звѣздамъ, какъ выражаются въ половинѣ XII вѣка краковскій епископъ Матей и кнѣзь Петръ Власть въ письмѣ Бернарду, аббату клервоскому; но они виѣстъ съ тѣмъ не нахо-

¹⁾ Русскія лѣтописи къ 1074 и 1143 гг. Слова Викентія: *Rutheni, quos nulla occasio, nulla remoratur difficultas, non ut amico morem gerant, sed ut hosticam odii rabiem, ut antiquam invidiae sitim cruore Polonorum expleant.* (*Monumenta Poloniae histor.* II. 286).

дать словъ чтобъ выругать соплеменный народъ русскій, только „по имени христіанскій“, за его „безбожные обряды“, „заблужденія“, „ереси“, которыя слѣдуетъ истребить, вѣроятно, тоже такимъ крестовымъ походомъ, какой затѣялъ тогда аббатъ Бернардъ на дальній востокъ и какой предприняли тоже одновременно сѣверные Нѣмцы противъ балтійскихъ Славянъ ¹⁾. Но не смотря на все взаимное озлобленіе обоихъ славянскихъ народовъ, все-таки раздавались изъ рядовъ Ляховъ такіе возгласы, обращенные къ Руси: „яко дьяволъ есть вовергъ вражду сію межи нами“, „братья моя милая Руси, потягнете за одно сердце“, а послѣ борьбы „умиришася Ляхове съ Русью и начаша быти въ любви велицѣ“, собирались „снемы рускимъ княземъ и лядскимъ, и положиша рядъ межи собою о землю рускую и лядску, утвердившеся крестомъ честнымъ“, и „створиша межи собою клятву Русь и Ляхове: аще посемъ коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ руское челяди, ни Руси лядской“ ²⁾.

Сношенія Поляковъ съ южною и западною Русью были, конечно, болѣе близки и тѣсны, чѣмъ съ Русью сѣверовосточною; а самыя тѣсныя сношенія завязались у Польши съ Русью кievскою, и особенно съ Русью карпатскою (княжествами перемышльскимъ, теребовльскимъ, галицкимъ) и волынскою (княжествомъ володимиро-волынскимъ). Польскіе Пястовичи и русскіе Рюриковичи не только сталкивались и боролись то другъ съ другомъ, то какъ союзники противъ борющихся между собою князей польскихъ и князей русскихъ; они и ихъ народы сносились тоже мирнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, посольствъ, пребываніемъ Ляховъ на Руси а Русскихъ въ Польшѣ, купцовъ (гостей), вои-

¹⁾ Monumenta Poloniae historica II. 15; срв. „Славяне“ III. 5. Петръ Власть играетъ извѣстную роль и въ исторіи карпатской Руси, см. упомянутое сочиненіе Линниченка, стр. 217.

²⁾ См. разсказъ галицко-волынскои лѣтописи 1202, 1229, 1262, 1268, 1281 гт. Лѣтопись издана, по ипатьевскому списку, въ полномъ собраніи русск. лѣтописей, II, особо археограф. комиссіею Сп. 1871; и Петрушевичемъ во Львовѣ 1871 — 1872, срв. монографію Шараневича Die Hupatioschronik (Lemberg, 1872).

новъ, плѣнниковъ, и пр. ¹⁾). Такимъ образомъ Ляхи познакомились съ русскимъ языкомъ, а Русь съ лядскимъ. Ляхи на своемъ языкѣ не писали, а русская грамота была для Ляховъ „рамота“ (поль. *garnota* — каракули), которую знали очень не многіе изъ нихъ. Въ началѣ XIII в. находилась у одного каноника въ Плоцкѣ русская лѣтопись, которая однако не могла оказать вліяніе на польскихъ лѣтописцевъ XIII—XIV вѣковъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ ²⁾). Только впоследствии, когда русскія земли стали входить въ составъ польскаго государства, польскіе историки, вводя въ польскую исторію тоже исторію Литвы и Руси, почувствовали необходимость знанія русскаго языка и русскихъ лѣтописей. Такъ І. Длугошъ, желая пользоваться русскими лѣтописями, учился уже въ старости русскому языку; русскими лѣтописями пользовался тоже М. Стрыйковскій въ своей исторіи Литвы и Руси ³⁾).

Борьба между Ляхами и Русью изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ началась очень рано, уже въ то время, когда племена Ляховъ по Вислѣ, а Русскихъ по Днѣпру соединялись Пястовичами и Рюриковичами въ два государства. Польскій князь Мѣшко, стремясь, съ начала второй половины X вѣка, къ распространенію предѣловъ своего государства, и натолкнувшись на западѣ на сильное сопротивленіе своимъ завоевательнымъ планамъ со стороны Нѣмцевъ, Лютичей и Чеховъ—последніе владѣли краковскою Хорватією и Слезією — бросился на востокъ, на сосѣднюю Русь, именно на земли карпатскихъ Хорватовъ и побужскихъ Дулѣбовъ или Бужанъ (позд. Воляннѣ), гдѣ были горо-

¹⁾ См. выше упомянутое соч. И. Линниченка.

²⁾ Wiszniewski: *Historya literatury polskiéj*, II. 108, Biblioteka Warszawska 1853, III. 23; срв. „Славяне“ II. 105.

³⁾ См. „Славяне“ II. 110, 122. Длугошъ говоритъ: *Сапо jam capite ad perdiscendas litteras rutenas me ipsum appuleram*; какъ онъ воспользовался русскими лѣтописями, о томъ срв. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей (приложеніа, 64). По словамъ Длугоша, краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій зналъ русскій языкъ, чѣмъ снискалъ себѣ расположеніе великаго князя литовско-русскаго Александра Витовта.

да Перемышль и Червень, и занялъ ихъ на время. Но скоро русскій князь Володимиръ отвоевалъ эти „червенскіе города“ и присоединилъ ихъ опять къ Руси ¹⁾. Эта русская область, — гдѣ потомъ являются княжества волинское, перемышльское, теремовельское, галичское, — осталась и впоследствии яблокомъ раздора между Польшею и Русью и представляла ближайшую цѣль завоевательныхъ стремленій Польши на востокъ, куда она старалась распространить свое вліяніе и свое господство. Такъ это было уже въ XI вѣкѣ при Болеславахъ I и II, доходившихъ до Кіева для поддержки русскихъ князей, своихъ родственниковъ; Болеславъ I присоединилъ червенскіе города на нѣсколько лѣтъ къ Польшѣ, а Болеславъ II сдѣлалъ такую же попытку, хотя вѣроятно безъ успѣха. Въ концѣ XI в. засѣли въ червенскихъ городахъ, Перемышль и Теремовли (и Галичъ) Ростиславичи, которые

¹⁾ Слова русской лѣтописи (981 г., но скорѣе 979 г.). „Иде Володимиръ къ Ляхомъ, и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины города“ — слишкомъ ясны, чтобъ можно было сомнѣваться въ достовѣрности этого факта, какъ это дѣлаютъ Крыжановскій и Лонгиновъ. Мѣшко былъ сильный князь завоеватель; равнымъ образомъ, какъ онъ до 990 г. отнялъ у чешскаго князя Болеслава какое-то герцогство (вѣроятно Слезію), такъ онъ могъ занять на время и русскія области. Слова лѣтописи, конечно, нельзя понимать въ такомъ смыслѣ, будто Хорваты по Сану и Дулѣбы (у Арабовъ Дулабы, а не Дудлебы, какъ они бы назывались попольски, какъ и чешскіе Дудлебы) по верхнему Бугу были Ляхи; лѣтопись называетъ оба племени Русью, а не Лягами, и вся исторія „червенскихъ городовъ“ указываетъ на ихъ русское происхожденіе. Разсказъ лѣтописи опровергаетъ тоже слова учредительной грамоты пражской епископіи (973, 1086 гг.), по которой восточныя границы этой епископіи были рѣки Бугъ и Стырь, т. е. именно въ области Дулѣбовъ—Волиннѣ; границы Руси начинались въ X в. уже недалеко отъ Кракова (см. выше). По словамъ русской лѣтописи, тогда, въ концѣ X вѣка (ок. 980—999 гг.), „Володимиръ бѣ живя съ князи околными его миромъ, съ Болеславомъ лядьскимъ, и съ Стефаномъ угорьскимъ, и съ Андрихомъ (Ондроникомъ, т. е. собственно Болеславомъ, отцомъ князя Ольдриха) чешьскимъ, и бѣ миръ межи има и любви“. По городу Червеню карпатская Русь называлась позже Червоною, что однако встрѣчается не раньше XVII вѣка.

относились къ Польшѣ враждебно; князь теребовельскій Василько, желая отомстить Ляхамъ за землю русскую, мечталъ прямо о завоеваніи Польши ¹⁾. Враждебныя дѣйствія противъ Польши продолжали галичскіе Ростиславичи и въ XII в., а ихъ преемники въ Галичѣ въ XIII в., Романъ волинскій и его потомки Романовичи. Казалось, что въ началѣ XIII в. Польшѣ удастся осуществленіе завѣтной ея мысли, что она распространить свое господство въ волинскую землю; здѣсь распорядился тогда Лестько князь краковскій, между тѣмъ какъ галичская земля сдѣлалась добычею Угровъ, отчасти и Поляковъ. Но скоро посредствомъ сѣвернаго князя новгородскаго Мстислава Удалаго „спасъ Богъ рускую землю отъ иноплеменикъ: вси бо Угре и Лихове убьени быша“, и Данилъ Романовичъ соединилъ свою волинско-галичскую отчину, Татарами страшно опустошенную, и поднялъ ее къ небывалой славѣ; онъ, подобно отцу своему, оспаривалъ у Польши Люблинъ, вѣщивался въ дѣла польскія, доходя до западныхъ предѣловъ

¹⁾ По одному посланію кіевскаго митрополита Никифора (1104—1121) о Латинахъ „къ неизвѣстному князю“ (см. митр. Макарія Исторія русской церкви II. 352): „понеже земля лядская въ *судьлѣ* у тебе есть“—казалось бы, что въ началѣ XII в. какая-то лядская земля находилась подъ властью русскаго князя; но оказывается, что въ этомъ посланіи *волинскому* князю Ярославу Святополковичу надо читать: „земля лядская въ *судьдалѣ* у тебе есть“. (А. Поповъ: Историко-литерат. обзоръ древнорусскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ, 109). Митрополитъ Никифоръ пишетъ между прочимъ, что Латинны „молятъ, яко не достоитъ инѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо тремя языки, жидовскимъ языкомъ, еллинскимъ и римскимъ. Блудутъ бо въ томъ: Христосъ же за вся умре, и пророци вся языци научаютъ. Глаголетъ бо Давидъ: вси языци въсплещѣте руками, вси языци придуть и поклонятся предъ тобою Господи. Всяко дыханіе да хвалитъ Господа, яко всякомъ языкомъ достоитъ хвалити Господа, ни единого бо не отгонитъ Господь отъ хваленія и отъ пѣнія его“. Никифоръ, самъ Грекъ и писавшій по гречески, возстаетъ здѣсь противъ той „трязычной ереси“, которую столь блестящимъ образомъ поразилъ и посрамилъ еще въ 867 г. св. Константинъ въ спорѣ съ латинскимъ духовенствомъ въ Венеціи: срв. „Славяне“ II 613.

Польши, до Калиша: „иный князь не входилъ бѣ въ землю лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго“; да онъ, какъ союзникъ угорскаго короля и польскаго князя, проникъ въ сѣверную Моравію: „не бѣ бо никоторый князь рускій воевалъ землѣ чешское, не бѣ бо въ землѣ русцѣй первее, иже бѣ воевалъ землю чешскую, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святыи“¹⁾. Романовичи галичскіе и волинскіе вообще дѣятельно виѣшивались въ польскія дѣла; Левъ Даниловичъ въ концѣ XIII в. мечталъ о занятіи краковскаго стола, хотя напрасно; но ему удалось занять Люблинъ, который однако уже въ началѣ XIV в. взяли вновь Поляки.

Стремленія Польши распространить свое господство или вліяніе на Русь галичскую и волинскую не удавались, не удавались то же планы папской куріи о водвореніи католицизма, униі православной церкви съ Римомъ въ галичско-волинскомъ княжествѣ, ни при Романѣ²⁾, ни при королѣ Данилѣ, при чемъ польское духовенство и монахи думали играть роль папскихъ слугъ на Руси не только въ пользу католицизма, а также и Польши. Но положеніе дѣлъ перемѣнилось послѣ прекращенія галичско-волинскихъ Рюриковичей-Романовичей (1321 — 1322), когда на княжескій столъ галичскій и володимирскій вступилъ Пястовичъ, мазовскій князь Болеславъ Тройденевичъ (1325 — 1340), сынъ Маріи, сестры послѣднихъ двухъ Романовичей, жены мазовско-черскаго князя Тройдена. Болеславъ принялъ православіе и имя Юрія II; но вскорѣ послѣ занятія галичскаго стола возвратился къ католи-

¹⁾ Эти слова галичско-волинскаго лѣтописца не вѣрны: по его же словамъ, уже въ 1076 г. „ходи Володимеръ сынъ Всеволожь (Мономахъ) и Олегъ Святославль Ляхомъ въ помощь на Чехы“; а князь Володимеръ ходилъ „за Глоговы до чешскаго лѣса“, какъ князь самъ написалъ въ своемъ поученіи.

²⁾ Неизвѣстно, откуда Длугошь (II. 173) почерпнулъ свое свѣдѣніе, что князь Романъ, собираясь въ походъ противъ Польши, *minatur se non solum Poloniae regnum vastaturum, sed et paginam divipam Latinorem exterminaturum*. Въ галичско-волинской лѣтописи какъ разъ недостаетъ разсказа о княженіи князя Романа Мстиславича.

цизму и сталъ преслѣдовать православіе¹⁾. Болеславъ-Юрій попла- тился за это жизнью—онъ былъ отравленъ галичскими боярами; но анти-православную и анти-русскую дѣятельность этого мазовскаго Пастовича продолжалъ его преемникъ въ галичской Руси, дру- гой Пастовичъ, польскій король Казимиръ; онъ занялъ ее—послѣ неудачной попытки въ 1340 г. — въ 1349 г. и удержалъ ее про- тивъ Литвы, которая тогда завершала собираніе югозападной Руси и отразила Польшу по крайней мѣрѣ отъ Володимира, Луц- ка, Белза, Холма, Берестья. Съ половины XIV в. югозападная Русь стала раздѣляться на „Русь што Литвы слушаетъ“ и на „Русь што польского короля слушаетъ“. Къ послѣдней скоро присоеди- нены были Холмъ и Белзь (1396 — 1462 принадлежавшій мазов- скимъ князьямъ), и—послѣ долготнѣй борьбы съ Литвою—Подо- лье; между тѣмъ Волынь Литвѣ удалось отстоять отъ всѣхъ прита- заній Польши²⁾. Такимъ образомъ въ половинѣ XIV в. и оконча-

1) Тождество Болеслава Тройденовича и Юрія II доказалъ осо- бенно Режабекъ (Časopis Česk. Musea 1883), срв. тоже замѣтки Бѣ- лѣвскаго (Monumenta Poloniae histor. II. 620), Рейфенкутеля (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 52, p. 422), Лонгинова (Москов. Читенія 1887, II). Монеты съ русскою надписью „Болеславъ“ (т. е. польскій Б. Храбрый, см. „Славяне“ II. 520) не могутъ принадлежать Боле- славу Тройденовичу, какъ предполагаетъ Болсуновскій (Solidy Bolesława z sławiańskim napisem, Kijów 1887); Болеславъ, какъ русскій князь, назывался не Болеславъ, а Юрій.

2) И. Филевичъ: Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко- владимирское наслѣдіе (СП. 1890), И. Линниченко: Критическій об- зоръ новѣйшей литературы по исторіи галицкой Руси (Ж. М. Н. II. 1891, май, июнь, июль). Нѣкоторые свѣдѣнія о галицкихъ дѣлахъ сообщаетъ современнѣй чешскій лѣтописецъ Францискъ (Fontes re- gum bohem. IV. 430); онъ, подобно польскимъ лѣтописцамъ, тоже го- ворить о „scismaticus ergo Ruthenorum“ (а „christiani“ у него толь- ко catholici). О Подольѣ см. Н. Молчановскій: Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 г. (Кіевъ 1886, срв. Варшав. Атенейш 1887, I.), Батюшковъ: Подолія, историческое описаніе (СП. 1891). — Потѣшныя рѣчи короля Казимира и пана Спытка изъ Мельштыва помѣщаетъ Зиморовичъ въ хроникѣ Львова (XVII в., изд. въ поль- скомъ переводѣ 1835). Мельштынскій, какъ истый Катонъ, кончаетъ

тельно въ 1387 г. Польша достигла своей завѣтной цѣли, стала крѣпко и на продолжительное время на русской почвѣ, сдѣлала первый болѣе успѣшный и прочный шагъ въ своемъ дальнѣйшемъ походѣ на славянскій востокъ, на Русь. Это стремленіе Польши на востокъ означало рѣшительный поворотъ въ исторіи польскаго народа, именно его поворотъ съ запада на востокъ; оно сопровождалось все усиливающимися успѣхами, указывало какъ бы на блестящую роль польской народности въ восточномъ Славянствѣ, но сдѣлалось въ концѣ концовъ для Польши роковымъ: Польша не устояла противъ окрѣпшей Руси и пала подъ ея напоромъ и стремленіемъ на западъ. Это движеніе и стремленіе Польши на востокъ вполне естественно и понятно; роль ея на западъ была—во время короля Казимира—уже сыграна: Польша вынуждена была сложить оружие передъ все наступающими на западныхъ Славянъ Нѣмцами, лишилась почти половины своихъ земель на западѣ, и безъ соединенія съ силами Литвы и Руси не могла и подумать объ успѣшной борьбѣ съ страшнымъ врагомъ Славянства, съ нѣмецкими крестоносцами, которые стремились прямо къ истребленію польскаго народа ¹⁾. Соединеніе Польши и Литвы состоялось во второй половинѣ XIV в., хотя эта связь обоихъ государствъ съ начала была только династическая; литовская династія Гедимина заняла въ лицѣ Ягайла Ольгердовича также и польскій престолъ. Но эта внѣшняя политическая связь Польши и Литвы была для Польши не столь еще важна, сколько связь внутренняя, религіозно-культурная. Литва

свою рѣчь противъ ненавистной Руси такъ: (стр. 50). „Tego od nas ojezyczna, potomki, patronowie i opiekunęze duchy mileząc wymagają, abyśmy las wyciąwszy i wilków, także ich wolności wyplenili, że tylko zguba nienawistnego narodu końcem nieszczęścia a początkiem ich będzie wolności. Upadkiem niegdyś zawistnego miasta (Kartaginy) Rzym wzniósł się najwyżej, ani my, jak długo Rusini zostają, bezpiecznie zostawać będziemy mogli, jeżeli ich niezgładziemy, sami zginiemy!“

¹⁾ *Temerarii fratres et rabidi cruciferi temere contra deum et iusticiam terram suam (Wladisłai Loketkonis) occupare volentes, conantes exterminare idioma polonicum*—говорить одинъ лѣтописецъ къ 1331 г. (*Monumenta Poloniae historica* II, 815).

одна, т. е. земля литовско-жемонтскаго (жмудскаго) народа по Нѣману, не могла бы придать особыя силы Польшѣ; Литва сдѣлалась великою державою только вслѣдствіе присоединенія къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Эта литовская Русь сдѣлалась для Польши важнѣе, чѣмъ понѣманская Литва.

Вслѣдствіе присоединенія всей югозападной Руси къ двумъ чужимъ государствамъ, къ Польшѣ и къ Литвѣ, русскій народъ въ Карпатахъ, по Днѣпру и по Двинѣ очутился въ близкихъ отношеніяхъ къ двумъ народамъ, чужою литовскому и соплеменному польскому. Результатъ этой связи Руси съ Польшею и съ Литвою не былъ однако тотъ же самый. Воинственные, но необразованные князья и вельможи литовскіе вскорѣ подчинились влиянію своихъ подданныхъ, болѣе многочисленныхъ и образованныхъ Русскихъ, которые дали своимъ повелителямъ свои учрежденія, языкъ, литературу, вѣру и вообще культуру. Литва между морями балтійскимъ и Чернымъ, хотя основанная и управляемая литовскими князьями, стала собственно государствомъ русскимъ, и ея государи не только назывались, но и были великими князьями литовскими и русскими; официальнымъ и вообще литературнымъ языкомъ этого государства былъ языкъ русскій, учрежденія по большей части — русскія, и многіе литовскіе князья и вельможи, если не остались вѣрны своей національной вѣрѣ, приняли отъ Руси тоже вѣру православную, русскую и русскую образованность. Иначе было на Руси польской. Здѣсь польскій элементъ, господствующій и виѣсть съ тѣмъ представитель западно-европейской культуры, не подчинился болѣе многочисленному, но менѣе культурному элементу русскому; напротивъ, онъ дѣйствовалъ на него все сильнѣе, проникалъ въ него все глубже, и наконецъ втянулъ въ себя вполнѣ его высшіе, господствующие и образованные классы, которые со временемъ приняли порядки, языкъ, вѣру, культуру своихъ повелителей, стали Ляхами—Поляками.

Польша въ своемъ стремленіи на востокъ, на Русь, не остановилась однако на Карпатахъ и на Бугѣ: она стремилась дальше на юговостокъ и на востокъ. Это стремленіе Польши къ устьямъ Дуная, къ Днѣпру и Двинѣ увѣнчалось тоже успѣхомъ. Съ одной стороны православные молдавскіе князья съ своимъ народомъ, во-

лошскимъ и русскимъ, должны были признать верховную власть польскаго короля, хотя они часто разбивали своихъ повелителей, стремившихся все дальше на юговостокъ къ Черному морю. Съ другой стороны въ 1386 г. великій князь литовскій и русскій Ягайло избранъ въ польскіе короли, принялъ католицизмъ и имя Владислава. Такимъ образомъ Литва съ своею Русью и Польша соединены подъ одною династіей, и польскій элементъ сталъ дѣйствовать на подиѣпровскую и подвинскую Русь и на Литву настоящую и обрусѣвшую съ такимъ же успѣхомъ, какъ на Русь карпатскую: Ягайловичи, литовскіе и русскіе вельможи и бояре со временемъ окатоличились и ополячились и сдѣлались такими же Ляхами, какою была шляхта въ „коронѣ“ (Польшѣ) и какими давно сдѣлались и русскіе бояре въ коронной (польской) Руси. Одинъ только простой народъ во всей Руси не пошелъ по слѣдамъ своихъ князей и бояръ, остался вѣренъ своей народности, отстоялъ ее отъ окончательнаго ополяченія, приготовлялъ свое соединеніе съ Русью сѣверовосточною, и наконецъ прекратилъ дальнѣйшее существованіе польскаго государства въ той формѣ, какую оно приняло со времени присоединенія всей югозападной Руси къ Польшѣ. Вѣсть съ тѣмъ прекратился тотъ постепенный процессъ асимилациі югозападной Руси съ господствующею надъ нею Польшею и прививки той Руси польскихъ порядковъ и нравовъ.

Съ водвореніемъ польскаго господства въ югозападной Руси завѣтныя желанія краковскаго епископа Матея о приобрѣтеніи католическою церковью „схизматическихъ“ Русскихъ приняли болѣе осязательную форму и стали осуществляться, тѣмъ болѣе, что Поляки, давно уже усмотрѣвши въ католической церкви важное орудіе въ дѣлѣ усиленія и умноженія своей народности, стали дѣйствовать въ такомъ духѣ; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ на Руси стали латинскіе-„лядскіе“ (польскіе) крестъ, церковь, монастырь, тамъ, гдѣ появились латинскіе-польскіе епископы, священники, монахи, — тамъ и водворялось не только католичество — „вѣра лядская“, а также господство или притязанія на такое господство Ляховъ съ ихъ культурою, которая тоже заявляла свои притязанія на православную Русь. Этотъ тѣсный союзъ латин-

ства и „лядства“, или вѣрнѣе тождество этихъ двухъ факторовъ, религіозно-культурнаго и политическо-національнаго, объясняетъ лучше всего громадныя успѣхи польской народности въ русскихъ земляхъ, отъ Перемышля и Львова до Кіева, отъ Полоцка, Чернигова до Смоленска. Малый польскій народъ, лишенный поддержки католичества, не могъ бы никогда приобрести себѣ такого значенія и такой силы на Руси ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 77 и дальше. Поляки, справедливо отождествляя католицизмъ съ „польскою“ вѣрою, а православіе или „схизму“ съ „русскою“ вѣрою, смотрѣли на свое стремленіе на востокъ очень просто. Уже завоеватель карпатской Руси, король Казимиръ, въ письмѣ (1370 г.) царырадскому патріарху—у котораго онъ хлопочетъ объ учрежденіи особой галичской митрополіи (противъ кievско-московской) — высказываетъ такую мысль, что „если у Русскихъ не будетъ митрополита, то намъ нужно будетъ крестить ихъ на латинскую вѣру (Русская истор. библіотека, СП. 1880, VI, приложенія, стр. 128, и срв. Smolka: Rok 1386, p. 133). Митрополита не стало въ концѣ XIV в., и латинская польская вѣра на Руси восторжествовала. Въ 1406 г. католическій епископъ перемышльскій Матвѣй объясняетъ введеніе извѣстной платы католическому духовенству вмѣсто десятины просто—, „ut ad partes Russie populus catholicus liberius confunderet Ruthenosque et alios scismaticos easdem partes inhabitantes potencius extirperet“. (Akta grodzkie i ziemskie IV. № 12). Въ XVI в. Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ Червоной Руси, замѣтилъ: „In hanc postea gentem (Graecorum-Ruthenorum in Roxolania), maiorum nostrorum memoria, Polonorum victoria latinum nomen invexit, tanto rerum successu, ut latinus pro graeco princeps habeatur nunc in Roxolania ritus, quod maximam partem nobilitas ipsa ritus sit latini, colonis et infimae plebi ritu derelicto graeco“ (автобиографія Орѣховскаго 1564 г., изд. краков. 1891, p. 6, и срв. Orichoviana, p. 587). Еще въ концѣ XVI в. польскій поэтъ-философъ Сев. Клѣновичъ восхваляетъ короля Казимира: „Rex Casimirus abusus otio non est, sed eo tempore Leopolim et alias primarias civitates et arces Ruthenorum subjugavit et in fide societateque Polonorum ita continuit, ut jam Russia sacrorum ritu, moribus, artibus, lingua, legibus, commerciis, consanguinitatibus omnino polonizet“. (Стихотвореніе Gogais ок. 1590, wyd. Okęcki, w Warszawie 1875, p. 19). Отъ людей старыхъ временъ нельзя, конечно, ожидать вѣротерпимости, и Поляки не бы-

2. *Раздѣленіе славянскаго праязыка. Словѣнскій языкъ церковный и литературный всей Руси, юго-западной и сѣверо-восточной. Языки западно-русскій и польскій, ихъ вліяніе другъ на друга. Вліяніе языка польскаго на западно-русскій. Книжный языкъ западно-русскій.*

Раздѣленіе славянскаго праязыка на нѣсколько языковъ съ ихъ фонетическими особенностями состоялось еще въ доисторическія времена. Подунайскіе Словѣне говорили: градъ, блато, межда, поштъ, штудъ, свѣтъ, мѣжъ, рало; поднѣпровскіе Русскіе—город(ъ), болото, межа, поч(ь), чуж(ь) свѣт(ь), муж(ь), рало; повислянскіе Ляхи — грод (гард), блото, медза, ноц, цудз, свѣт, мѣж, радло и пр. Ближайшіе соплеменники и сосѣди восточныхъ Славянъ (Антовъ-Руси), подунайскіе Славяне (Словѣне), стали—первые среди Славянъ вообще—писать на своемъ языкѣ, который сдѣлался у Руси языкомъ церковнымъ, литературнымъ, оказывая свое вліяніе и на русскій языкъ. Съ политическимъ могуществомъ Польши на славянскомъ востокѣ и вмѣстѣ съ культурнымъ преобладаніемъ польскаго элемента въ юго-западной Руси, началось вліяніе польскаго языка на языкъ этой Руси ¹⁾.

Словѣнскій языкъ сдѣлался на Руси, послѣ принятія христіанства, языкомъ церковнымъ и вообще письменнымъ, литературнымъ, хотя онъ не сохранился на Руси въ первобытной своей чистотѣ: большее или меньшее вліяніе домашняго русскаго языка на этотъ принятый изъ Болгаріи и вообще изъ подунайскихъ земель церковный и литературный языкъ Руси создало словѣнско-русскій изводъ, который употреблялся въ книгахъ церковныхъ, но заявилъ свою силу отчасти и въ литературѣ свѣтской; и въ послѣдней, именно въ лѣтописяхъ, писанныхъ преимущественно монахами на болѣе чистомъ народномъ языкѣ русскомъ, все-таки

ли ни лучше, ни хуже другихъ народовъ; еще хорошо, если въ тѣ мрачныя времена пробивались хоть нѣкоторые болѣе гуманные голоса въ пользу инновѣрцевъ, въ Польшѣ напр. голоса Орѣховскаго, Сенявскаго, Гербурга, Сапеги, Пясецкаго, о которыхъ см. ниже.

¹⁾ Срв. „Славяне“ I. 197, II. 530.

не могли обойтись без церковно-словѣнскихъ словъ въ родѣ—градъ, глава, злато, дщерь, дръжати, потврѣженіе и пр. Менте всего поддався вліянію церковнаго словѣнскаго языка русскій языкъ юридическихъ памятниковъ, законовъ, грамотъ и пр. ¹⁾. Такъ это было во всей Руси, въ юго-западной и въ сѣверо-восточной; обѣ эти половины Руси участвовали соединенными силами въ разработкѣ литературы: произведенія южной Руси дѣлались достояніемъ сѣверной Руси, и наоборотъ ²⁾. Связующимъ ихъ звеномъ былъ именно книжный церковный языкъ словѣнскій въ своемъ русскомъ изводѣ. „Если языкъ этой письменности“ — замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ ея знатоковъ — „не былъ народный, а церковно-славянскій, слегка видоизмѣняемый вліяніями народной рѣчи, то онъ былъ совершенно одинаково доступенъ на югѣ и на сѣверѣ. Кромѣ того, были совершенно одинаковы тамъ и здѣсь культурныя условія, создавшія эту письменность. Главнымъ источникомъ письменной дѣятельности была одна и та же церковь, приносящая на югъ и сѣверъ одни и тѣ же сначала въ особенности южно-славянскіе памятники въ видѣ переводовъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ, твореній святыхъ отецъ и иныхъ церковныхъ писателей, житій и поученій, византійскихъ хронографовъ, повѣстей, апокрифическихъ легендъ и т. д. Усвоеніе этихъ произведеній, являвшихся въ большомъ числѣ въ готовыхъ южно-славянскихъ переводахъ, очевидно, не могло быть приписано спеціально ни сѣверной, ни южной письменности: это чужое содержаніе, дававшее пищу возникавшей образовательной дѣятельности и направлявшее извѣстнымъ образомъ домашнія литературныя силы, воспринималось одинаково на югѣ и на сѣверѣ. Первые результаты этого просвѣтительнаго вліянія выразились

¹⁾ Обширно см. „Славяне“ II, послѣднюю главу.

²⁾ Подробныя указанія на древнѣйшія рукописи и старопечатныя книги, именно южно-русскаго происхожденія, см. между прочимъ А. Архангельскаго: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888, стр. 51 и слѣд.), то же у П. Владимірова: Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. (Кіевъ 1890).

появленіемъ русскихъ учительныхъ сочиненій и русской лѣтописи; то и другое являлось опять одинаково на сѣверѣ и югѣ, и для старыхъ книжныхъ людей видимо не представляло никакого различія то, исходили-ли они отъ писателей сѣверныхъ или южныхъ: это была одна и та же школа, одно и то же содержаніе. Правда, бывали отгѣнки: вслѣдствіе того, что на югѣ сосредоточивались въ первое время великія княженія, шла болѣе оживленная политическая жизнь, собирались бѣльшія образовательныя средства, въ южныхъ произведеніяхъ сказывалось болѣе оживленія, напр. въ лѣтописи, тогда какъ на сѣверѣ эта лѣтопись была болѣе сухою; на югѣ, по видимому, письменная производительность была въ первое время сильнѣе, но это не измѣняло общихъ условій литературы, и доказательствомъ ея цѣльности въ этомъ періодѣ можетъ служить то легко наблюдаемое обстоятельство, что произведенія письменности — безразлично сѣверной и южной—обращались одинаково тамъ и здѣсь. Такъ, южная лѣтопись перешла на сѣверъ и служила обыкновенно началомъ для мѣстныхъ лѣтописей, которыя въ дальнѣйшемъ продолженіи посвящались уже только мѣстнымъ событіямъ, какъ, съ другой стороны, извѣстно, что лѣтописный сводъ, носящій имя Нестора, въ свою очередь заключалъ въ себѣ данныя, почерпнутыя изъ чужихъ мѣстныхъ лѣтописей. Словомъ, если Русь удѣльнаго періода, при всемъ ея дѣленіи на земли съ ихъ мѣстною жизнью и интересами, была объединена одною вѣрою, династією и общимъ племеннымъ инстинктомъ, то она была также объединена и одною письменностью. Очевидно, что выдѣлить изъ этой письменности тѣ или другія произведенія, писанныя на югѣ, и механически сопоставить ихъ, какъ историческое явленіе, это будетъ значить насильственно вырвать факты изъ ихъ естественной связи и поставить ихъ въ чисто искусственную и потому фальшивую систему. Правда, много памятниковъ древней письменности, и особенно южно-русской, погибло въ позднѣйшихъ нашествіяхъ и военныхъ погромахъ, и многое, вѣроятно, безслѣдно, но внимательный историкъ не могъ бы тѣмъ не менѣе забыть того знаменательнаго факта, что большинство этихъ произведеній сохранилось до нашего времени въ спискахъ сѣверно-русскихъ... Можно признать (и это вѣроятно

справедливо), что именно южная Русь в древнемъ периодѣ проявляла наиболѣе оживленную умственную дѣятельность; но результатъ ея, быть можетъ, становился тѣмъ цѣннѣе, что дѣлался достояніемъ обще-русскимъ. Историческая картина довершается еще слѣдующимъ важнымъ явленіемъ. Когда миновалъ древній періодъ и произошло политическое раздробленіе Руси на сѣверную (новгородскую и суздальско-московскую), западную (малорусско-бѣлорусскую въ литовскомъ великомъ княжествѣ) и юго-западную (галицко-русскую въ составѣ Польши), то литературная традиція чрезвычайно ослабѣла, частью прервалась даже совсѣмъ въ двухъ послѣднихъ и сохранилась только въ первой. Здѣсь въ письменности сѣверной Руси не только берегались произведенія стараго періода, но и послужили исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Такъ развивалось обширнымъ образомъ лѣтописаніе, причемъ основою оставалась Несторова лѣтопись, и здѣсь же создались потомъ первые опыты историческихъ сводовъ, т. е. цѣльныхъ изложеній русской исторіи, конечно, въ томъ духѣ, какъ въ тѣ вѣка понималась исторіографія. Первые житія святыхъ, явившіяся на югѣ (житія Бориса и Глѣба, Печерскій Патерикъ), развились на сѣверѣ въ цѣлую обширную литературу житій, первые древнія поученія—въ обширную литературу подобныхъ произведеній. Самое Слово о полку Игоревѣ нашло отзвукъ на сѣверѣ у писателя, прославлявшаго побѣду Дмитрія Донского надъ Татарами. Обширное собраніе древней повѣсти византійско-южнославянскаго происхожденія и апокрифической легенды, какъ надо думать, впервые появлявшееся на югѣ, разрослось по преимуществу въ сѣверной письменности, получивши здѣсь распространеніе въ народной массѣ и разнообразно отразившись въ самой народной поэзіи, и т. д. Однимъ словомъ, наблюдая ходъ старой русской письменности отъ древнѣйшихъ временъ до самаго XVIII вѣка, мы находимъ *непрерывающуюся* нить развитія, составившую цѣльное историческое преданіе. Наконецъ, даже народно-эпическая память о древнемъ Кіевѣ и князь Владимирѣ сохранилась только въ сѣверной былинѣ: въ настоящее время Илья Муромецъ несравненно популярнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, въ Кіевѣ, гдѣ преданіе указываетъ мѣсто его погребенія.

Все это было естественно. Въ древней періодѣ, до Татаръ и до политическаго раздробленія Руси, не было никакой специально южно-русской литературы; была общая литература русскаго или русско-славянскаго письменнаго языка, распространявшаяся одинаково по всѣмъ областямъ тогдашняго русскаго племени. Для той поры современные филологи только съ нѣкоторымъ усиленіемъ отыскиваютъ въ памятникахъ слѣды мѣстныхъ нарѣчій, во всякомъ случаѣ столь незначительные, что строить на нихъ какую-либо отдѣльную литературу нѣтъ никакой возможности“¹⁾.

¹⁾ А. Пыпинъ: Особая исторія русской литературы (Вѣстникъ Европы 1890, сентябрь, 262, нѣмецкій переводъ въ Archiv. für slavische Philologie XIII, 434 и сл.), т. е. отзывъ о странной исторіи „русской“ литературы Омеліана Огоновскаго (Львовъ 1887), которая свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ историко-филологическихъ наукъ въ современной Галиціи. Литература „русская“ должна быть что-то другое, чѣмъ „русская, російская, московская“ (срв. выше стр. 3, пр.) равнымъ образомъ какъ „Исторія Руси“ А. Барвинскаго (Львовъ 1890)—исторія Руси юго-западной (съ портретами напр. Володимира св., Данила галичскаго, князя К. Острожескаго, гетмана Хмѣльницкаго и др., и нѣмецкихъ государей Маріи Терезіи, Іосифа II, Франца-Іосифа, кронпринца Рудольфа). Въ исторіи „русской“ литературы являются на сцену, ни къ селу, ни къ городу, „московскіе панслависты“, къ которымъ причисляется — въ отвѣтъ Огоновскаго Пыпину — также и послѣдній. О воображаемой роли этихъ ужасныхъ русскихъ „панславистовъ“ (скорѣе петербургскихъ, чѣмъ московскихъ) въ мірѣ русскомъ и вообще славянскомъ можно, конечно, думать, говорить, писать, фантазировать сколько угодно, что и дѣлается особенно въ Галиціи; но едва-ли можно серьезно думать, что забытымъ карпатскимъ Русскимъ, Лемкамъ, Бойкамъ, Гуцуламъ помогутъ Нѣмцы съ своими союзниками; такая своеобразная „помощь“ оказывалась для Славянъ всегда роковою, и едва-ли на карпатской Руси оправдывается южно-русская поговорка: „Мова не полова, ніякій вѣтеръ еѣ не вывѣ“. Что касается языка книги Огоновскаго и другихъ галичско-русскихъ ученыхъ, какой-то смѣси русско-польской, то уже въ половинѣ нашего столѣтія одинъ изъ лучшихъ представителей галичской Руси, Д. Зубрицкій (Исторія древняго галичско-русскаго княжества, Львовъ 1852, II. 47) высказался о необходимости одного литературнаго языка въ научныхъ книгахъ для всей Руси довольно рѣзко:

Культурнолитературная связь между Русью югозападною и сѣверовосточною не порвалась и впоследствии, когда югозападная Русь подпала господству и влиянію Польши; эту связь поддерживало православное вѣроисповѣданіе и церковный языкъ словѣнскій (славянскій) или скорѣе словѣнско-русскій (славено-россійскій), на который переводились въ Москвѣ книги „бѣлорусскія (бѣлороссійскія)“; а между писателями и дѣятелями сѣверовосточ-

„Есть мрачные изстуженники или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣни доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному разговору своихъ слугъ и работниковъ, и желавшіе теперь, чтобъ мы писали свою исторію на областномъ нарѣчій галичской черни. Странное и смѣшное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыри. Где-же то пишутся исторіи на нарѣчій простаго земледѣльца?“ Читая книгу Огювскаго и его *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*, убѣждаешься все болѣе въ той великой благодати, какую представляетъ одинъ общій литературный языкъ для всей Руси, и въ глубокой истинѣ словъ Як. Гримма: „Alle Mundarten und Dialekte liefern Gefahr sich ins unendliche zu splintern und zu verwirren, wäre dem nicht eine weise Schranke gestellt durch das Uebergewicht der sich niedersetzenden grösseren Schriftsprachen, wie die Herrschaft grosser Völker dem Zerfahren der Stämme steuert und die im kleinen unvermögenden Kräfte zu einem mächtigen Ziele sammelt. Herrschende Sprachen verzehren schonunglos, aber wohlthätig, eine Masse von Eigenheiten, günstigen und nachtheiligen, deren Schalten der grossen Wirkung des Ganzen nicht zu gute kommen würde. Wie es den Bäumen des Waldes versagt ist, alle Aeste, dem Ast alle Zweige in gleicher Reihe zu treiben, so werden auch Sprachen, Dialekte, Mundarten neben und durcheinander gehindert und zugleich gefördert: zwischen zurückbleibenden ragen erblühende desto herrlicher vor.“ (*Geschichte der deutschen Sprache*, II. Ausg. p. 578). Вопросъ объ одномъ обще-литературномъ языкѣ русскомъ рѣшается въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ кружкахъ болѣе лирическо-эпическимъ тономъ козацкихъ бандуристовъ, чѣмъ въ практическомъ смыслѣ стремленій славянскихъ философовъ и политиковъ въ родѣ Крижанича или Петра Великаго. „Между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьезно“ — замѣчаетъ А. Пыпинъ (*Споръ между южинами и сѣверянами, Вѣстникъ Европы 1886, апрѣль*)— „могло бы

ной Руси XVII — XVIII вв. является значительное число югозападных Русских, которые писали на славяно-русскомъ и со времени Петра Великаго на общелитературномъ русскомъ языкѣ¹⁾.

Фонетика языковъ русскаго и польскаго строго опредѣлена; такъ напр. полногласіе, отсутствіе носовыхъ звуковъ — характеристическая черта русскихъ нарѣчій, а носовые звуки, отсутствіе полногласія — характеристическая черта ляхскихъ (польскихъ) нарѣчій. Нарѣчія русскія и польскія на этнографическомъ рубежѣ народностей русской и польской стоятъ другъ къ другу ближе, чѣмъ нарѣчія болѣе отдаленныя. Вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, влияніе польскаго языка на болѣе близкія русскія нарѣчія оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ влияніе языка русскаго на польскій. Нѣкоторыя одинаковыя явленія фонетики польской и русской не нужно непременно считать влияніемъ тѣхъ или другихъ нарѣчій, а можно ихъ объяснить — какъ общеславянскія черты²⁾. Такъ напр. произношеніе *ъ* (тоже *e*) какъ *ja*, *ѣa* (*вѣра* — *вјара*, *гнѣздо* *гнѣздо*) свойственное языку польскому и нарѣчію бѣлорусскому, встрѣчается тоже отчасти въ говорахъ мало-

быть дѣйствительно сильною опорой для мѣстной русской жизни Галиціи, могло бы доставить ей поддержку той великой умственной и нравственной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего развитія, успѣла собрать русская литература въ своемъ новомъ періодѣ... Что же касается до того, что русскій языкъ „не есть еще всемірный“, то во всякомъ случаѣ его литература есть самая обширная по объему и богатая по содержанію славянская литература; и если ея поэтическія произведенія получаютъ въ послѣднее время такое широкое распространеніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои самостоятельные вклады въ содержаніе науки европейской, то, думаемъ, они бы могли съ пользою послужить и для Галичанъ: имъ естественнѣе было бы примкнуть къ этому родственному движенію, чѣмъ нуждаться во „всемирной литературѣ“ чужого языка, которая огромному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ имѣть на слабую народность подавляющее влияніе.“

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 465, 472.

²⁾ Въ подробности не входимъ, о нихъ см. сочиненія по исторіи языковъ русскаго и польскаго, и по ихъ діалектологіи.

русскихъ и великорусскихъ, и въ языкѣ болгарскомъ. Перейѣна долгаго *o* въ *yo* (*ya, ye*), *y* въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ (конь — куонь, кунь, Польша — Пуольша) встрѣчается и встрѣчалась въ говорахъ бѣлорусскихъ, чешско-словенскихъ, польскихъ и сербскихъ ¹⁾. Такъ какъ носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ не было — въ историческое время — и нѣтъ, то употребляемая въ русскихъ нарѣчійхъ слова въ родѣ Венгрія, вензель, зацентый, ксѣндзь, дзенковаць (-ати) уже этимъ самымъ указываютъ на свое нерусское происхожденіе, — срв. русскія Угрія, узель, утатый, князь, дакувати (передѣланное на русской ладъ польское *dziękować*). Съ другой стороны если Поляки говорятъ *łuk* (вмѣсто *łak, łek*) или *zibg* (неправильно *żibg*, см. *zabr*), то отсутствіе въ такихъ словахъ носовой гласной указываетъ на ихъ русское происхожденіе ²⁾. Полногласныя формы *город(ъ)*, *голова* — свойственны издавна русскимъ нарѣчіймъ, а формы *грод*, *глова* — польскимъ ³⁾; поэтому, если въ русскихъ нарѣчійхъ встрѣчаются слова: грод, кроль (круль), хлоп, хлопец (хлопецъ и хлопецъ), то это заимствованія изъ польскаго; если же въ польскомъ языкѣ встрѣчаются слова *drożka, czereda, czeper, dereń, hałas*, то это заимствованія изъ русскаго, какъ и слова *sobor* (тоже *sbog, zbor, concilium*, но позже только *sobor*, а *zbor* — протестантская церковь), *sojusz* (союзъ). Смягченіе зубныхъ *d* и *t* въ *dź* и *ć* (*dź, ć*), свойственное польскому языку (нарѣчіймъ Ляховъ восточныхъ, но не западныхъ) ⁴⁾ и нарѣчію бѣлорусскому (дзень, дзевяць, жици—жиць) можетъ быть общее этимъ нарѣчіймъ явленіе, а не непременно польское вліяніе на бѣлорусское нарѣчіе. Это дзеканье и цеканье въ бѣлорусскомъ во всякомъ случаѣ—явленіе болѣе новое (первые его слѣды можно отыскать только во второй пол. XII в.); оно встрѣчается спорадически и въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, напр. въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ на рубежѣ бѣлорусскомъ и польско-

¹⁾ Срв. „Славяне“ Ш. 200.

²⁾ Срв. тоже „Славяне“ Ш. 200.

³⁾ Срв. тоже „Славяне“ Ш. 204.

⁴⁾ Срв. „Славяне“ Ш. 195. 203.

карпатскомъ, и въ одномъ говорѣ великорусскомъ (Ситкарей). Гортанное *z*, произносимое у Ляховъ, Словѣнъ и восточныхъ Русскихъ (Великорусовъ) какъ *g*, произносится у всѣхъ западныхъ Русскихъ (Малорусовъ, Бѣлорусовъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ западно-великорусскихъ) какъ *h*; поэтому, если въ западно-русскихъ нарѣчійхъ встрѣчается *g* (здѣсь писалось *kg*, въ отличіе отъ *z=h*), то такіа слова указываютъ на свое польское происхожденіе, напр. *kgrodъ*, *kgвалтъ*, *kgрунтъ*. Съ другой стороны въ польскій языкъ перешло нѣсколько западно-русскихъ словъ съ *h*, напр. *hulać*, *hultaj*, *hołota*, *hruby*, *hubacha* — *hubaszny* (вѣроятно вмѣсто *hgrubacha*), *bohacyr* (*bohater*), *hreczka* (и *gryka*, „греческое“ растение), *hospodar*, *hody* (годі, довольно), *hubka* (*gąbka*), *druh*, *rozhowor*, *hołoble*, *buhaj* (*bugaj*), *hajdamak*, *hałas*, *hornostaj* (*gronostaj*), *hoży*, *czerha* и др. ¹⁾.

Польскія (и вообще западно-славянскія) *радло*, *седло* соотвѣтствуютъ русскимъ *рало*, *село*; если въ западно-русскомъ нарѣчій употребляется слово *быдло* (скоть), то оно уже по суффиксу *дло* указываетъ на свое польское происхожденіе помимо польскаго значенія этого слова (скоть). Равнымъ образомъ польское *sielancka* взято изъ русскаго (село-селянка); по польски было бы *siedlaczka* (*siedło*, *siedlce* — *siedlaczka*, срв. *wieś* — *wieśniaczka*). Замѣна мягкаго *p* (*rz*) твердымъ (*r*) въ нѣкоторыхъ польскихъ словахъ *śrebrго*, *środek*, *źródło*, *źrebię*, *źrenica*, конечно, не русское вліяніе, а новѣйшее правописаніе старопольскихъ *śrzebro*, *śrzodek*, *źrzódło*, *źrzebię*, *źrzenica*. Но суффиксъ — *icz*, — *owicz* (*panicz*, *królewicz*) вѣроятно русскій, такъ какъ польскій — *ic*, — *owic*: *królewic*, (дрполь.), *panic* (другое значеніе чѣмъ *panicz*), *ościc* (*ojczyc*, *ojcowic*), *dziedzic*, *rodzic*, *księżyc*, *wojewodzic*, *starościc*, *Prawdzcic*, *Wojślawic* (*Wojślawice*), *Włostowic* (*Włostowice*) и др. ²⁾. Нѣкоторыя слова съ начальными группами *kl*

¹⁾ Срв. еще „Славяне“ III. 202.

²⁾ Формы именъ *Klonowicz*, *Szymonowicz*, *Zimogowicz* надо слѣдовательно считать русскими вмѣсто польскихъ *Klonowic*, *Szymonowic*, и пр.

(кпнѣти, крѣіе изъ нѣмецкаго), *пс* (псувати), *кв* (квѣтъ рядома съ цвѣтъ) и др. указываютъ на польское ихъ происхожденіе.

Формы русскія и польскія—своеобразны, хотя въ нихъ, какъ вообще во всѣхъ славянскихъ формахъ, замѣчаются и сходства. Такъ простыя прошедшія времена (аористъ, имперфектъ) исчезли, уже въ историческое время, изъ обоихъ славянскихъ языковъ, и прошедшее время выражается формулою *ходилъ есмь*, что въ польскомъ языкѣ съ XIV—XV вв. сокращается: изъ *chodzil ješm, jeś, jest, ješmu, jeście, są*, въ *chodziłem, chodziłem* и пр., но въ русскихъ нарѣчіяхъ сохранилось съ разными измѣненіями—до сихъ поръ; если же кое-гдѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ слышны напр. форма *ходилимъ, ходилась*, то это по всей вѣроятности вліяніе польское. Форма *буду ходила* не непременно польская, такъ какъ она встрѣчается также въ древнерусскихъ памятникахъ и въ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ ¹⁾.

Польское вліяніе на русскія нарѣчія и говоры сказалось особенно сильно на этнографическомъ рубежѣ Ляховъ и Руси по Сану, Вепрю, Нурцу, Бобрѣ. Такъ, въ говорѣ Русскихъ на крайнемъ западѣ въ карпатскихъ горахъ, около источниковъ Вислока и Вислоки и на верхнемъ Санѣ, такъ называемыхъ „Русняковъ Лемковъ“ (по слову *лемъ*, у Словаковъ *lep*, у Поляковъ *jeń, jeno*), живущихъ около другихъ славянско-карпатскихъ горцевъ, польскихъ (Горалей и Подгальянъ) и словенскихъ. Въ говорѣ Лемковъ слышны польскія формы: кроль, брозда, заграда (рядома съ русскими борозда, боронити), крстити—кстити, мьудъ, льудъ, приньусъ (*miód, lód, przynióśl*), дзевча, дзядекъ, идземъ, здрадиць (вмѣсто: здрадиць, хотя обыкновенно—ити), маць, цы—ци (поль. *czy, cy*), знаме, продаламъ, и др.; Лемки употребляютъ вообще много польскихъ словъ, не передѣланныхъ на русской ладъ, напр. власна, цура (*сѣга*), лясъ, пасъ, попатрети (*popatrzyc*), барзь, обѣцати, гварь (говори), заржнути (*zarżnać*), соботка (праздникъ Ивана Купала), крижь, панна Марія, и пр.; даже удареніе въ говорѣ западныхъ Лемковъ ставится, по польскому примѣру, на

¹⁾ Срв. П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889), стр. 48—50, 70—71.

предпоследнемъ слогѣ ¹⁾). Въ говорахъ побужскихъ Русскихъ на Руси холмской (губ. люблинской) и подляшской (губ. сѣдлецкой и городенской), соприкасающихся по рѣкамъ Вепрю, Кроснѣ, Нурцу и Бобрѣ съ Поляками малопольскими и мазовскими, замѣтно тоже сильное вліяніе польское въ разговорной рѣчи и въ пѣсняхъ; такъ напр. Русскіе говорятъ — на польскій ладъ — дзись, зацентый (zasięty), дзенкую, хоць, госци, цякнуль (сіаснаѣ, сіаѣ); чарноксентникъ (czarnoksięźnik), конкуоль (kakol), цѣнкгле (ciągłe), тѣнкго (tęgo), ксѣнже, цо, цы, и вообще на мазурскій ладъ: друзина, цорный, сце (еще), пусцу, чтó замѣтно у Русскихъ городенской губерніи на рубежѣ съ польскими Мазурами; иногда встрѣчается въ пѣсняхъ удареніе польское, хотя въ разговорной рѣчи удареніе другое. Притомъ многіе Русскіе, принявшіе изъ униі католичество, сохранили свое малорусское нарѣчіе, хотя они говорятъ тоже на польскомъ языкѣ; послѣдній

¹⁾ См. о Лемкахъ, ихъ пѣсняхъ и обычаяхъ, въ сборникѣ Ян. Головацкаго: Народныя пѣсни галичской и угорской Руси II. 718, III. а. 115, 248, б. 366, 521, тоже у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 333, у Кочубинскаго: Отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчїями (Одесса 1876); объ удареніи въ говорахъ галичскихъ Русскихъ вообще ст. Верхратскаго (Archiv. für slav. Philologie III. 381). Вотъ начало одной пѣсни Лемковъ изъ окрестностей Сандча, перенятой очевидно отъ Поляковъ: „Иполь дзядекъ, не преставши, трафилъ на богача: заночуйте добры люде, бо мя ночка зашла! Мы тя не приймеме, бо мы тя не знаме, не будешь ту ночевати, иди собѣ дале“. Лемки и другіе угорскіе Русскіе заимствовали тоже отъ Словаковъ разныя слова, пѣсни и пр. часто совсѣмъ неорганически, напр. хлапъ, глава, гавранъ, младенець (т. е. юноша, парень), злато, заграда, шугай, сетникъ, кровавый (3-слож.), пожегнати и пр. Вообще въ западныхъ Карпатахъ славянскіе горцы смѣшались въ значительной степени, при чемъ словенскій элементъ занялъ первое мѣсто. У всѣхъ этихъ славянскихъ горцевъ, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ жизни, встрѣчается много общихъ словъ — специфически карпатско-славянскихъ, напр. салапъ (шалашъ), острова — островница (ostrev), гуня, колиба, ватра, поляна, и пр. Срв. „Славяне“ III. 196.

употребляется тоже многими побужскими Русскими, прежде уніатами, а нынѣ православными ¹⁾).

Поляки, живущіе на этнографическомъ рубежѣ польско-русскомъ, приняли отъ своихъ русскихъ сосѣдей и соплеменниковъ русскія слова, хотя русское вліяніе на Поляковъ не столь значительно, какъ польское вліяніе на Русь. Такъ напр. карпатскіе Поляки употребляютъ русскія слова *brechać* (брехати)—*pleść*, *brezić*, *herba* (горбъ)—*grzbiecik góry*, *hagny* (гарный) — *dumny*, *hagašny* (гараздъ)—*piękny*, *hory* (горі)—на *górze*, *stryło* (стрѣла, стріла)—*piogun*, *wataszka* (ватажка, т. е. топоръ), *hody* (годи)—*wcale nie*, и др. Гораздо больше повліяла Русь (Малорусы и Бѣлорусы) на Поляковъ-Мазуровъ въ бывшемъ Подляшѣ по Бугу, Нарви, Бобрѣ (пол. *Wiebrza*). Эти восточные Мазуры употребляютъ много словъ русскихъ, особенно въ пѣсняхъ, которыя приняты отъ Руси, напр. *hołys* (голышъ, но *pagis*), *het* (геть, вотъ), *nahledziu sie* (нагляжуся), *hlani* (глини), *huska* (тоже *gaška*, булка, чеш. *houska*), *dub* (*dąb*), *okutać* (окутать), *szukać się* (чуждаться), *chołojec* (вм. *chołodziec*, холодецъ — *chłodnik*), *korowaj* (коровай), *cerez* (черезъ), *woroniećki* (вороненькій, конь), *drogna* (дорога), *horodzici* (городити, но *zagrodzić*), *sołoma*, *hronostaj* (тоже *gronostaj*), *horoch* (*groch*), *hruszecka* (*gruszcza*), *daryci*, *trymaci*, *prysel*, *dobre*, *korenje*, *skrydło*, *gospodar*, *śłozka* (*łza*), *siolo*, *pirog*, *choroso*, *bojagu* (въ свадебной пѣснѣ), формы: *pytaje*, *zbieraје*, *maје*, *takaja*, и пр. ²⁾. Поляки,

¹⁾ О говорахъ Руси холмской и подляшской см. Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. П. Чубинскимъ (СП. 1872, VII. 364, 552), П. Житецкаго Очеркъ исторіи звуковъ малорусскаго нарѣчія 297, замѣтки Желеховскаго (варшав. Русскій Филолог. Вѣстникъ 1884, 255), Страшкевича (въ сб. Батюшкова Холмская Русь II. 494), Янчука (въ Памятной книжкѣ сѣдлецкой губерніи на 1891 годъ), С. Кулаковскаго, о западной части городенской губерніи (Этнограф. Сборникъ III. 85), П. Бобровскаго соч. о городенской губерніи I. 623, и др. Городенскіе Русскіе поютъ даже польскія пѣсни (срв. Этнограф. Сборникъ, 101); въ Червоной Руси поется напр. пѣснь о Жальманѣ отчасти по-русски, отчасти по-польски (срв. сборникъ Як. Головацкаго II. 697).

²⁾ Вотъ нѣсколько стиховъ изъ пѣсень подляшскихъ мазуровъ: *Hej pójdzietmu bracia rzecki horodzici, zagrodzim rzeckę...* *Siadaj pro-*

живущіе на Руси Малой и Бѣлой среди русскаго населенія, приняли много русскихъ словъ и фразъ, часто вопреки законамъ фонетики, даже русское удареніе, и употребляютъ эти русскія особенности, если не въ языкѣ письменномъ, то по крайней мѣрѣ разговорномъ; такъ напр. *hołoble*, *strymhołow*, *robereźnik*, *rohany*, *storożka*, *hołubić*, *badinka*, и много другихъ русскихъ словъ, напр. *sobaka*, *futor*, *kurzeń*, *perebendiować*, *padalica*, *postoły*, *osełedeć*, *tuman*, *wertepu*, *czerha*, *czupurno*, и пр., и формы *piszu*, *widuszczu*, *my pili*, *okólica*, и др. ¹⁾.

Что касается лексикальнаго богатства, то въ нарѣчіяхъ ляхскихъ и русскихъ—не говоря объ общеславянскомъ богатствѣ—встрѣчается множество одинаковыхъ словъ; нѣкоторыя вышли изъ употребленія въ литературномъ языкѣ, но сохранились въ нарѣчіяхъ, говорахъ, другія совсѣмъ исчезли и встрѣчаются только въ древнихъ памятникахъ. О заимствованіяхъ словъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ можно говорить только послѣ тщательнаго ихъ изслѣдованія. Въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ находится, конечно, больше словъ, общихъ съ ляхскими нарѣчіями, чѣмъ въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ; но много такихъ словъ, общихъ нарѣчіямъ ляхскимъ и западно-русскимъ, встрѣчается тоже въ во-

ściuseńko, *hlani milusieńko*... *Cerez bór zieleneńki biezy koń woronieńki*... *Niet cem druzeńków daryci*... *Ojceńko wianka nie wstrzymaje*; *bo w nim nadzieję małą ma*... *Sokół leci, skrydłami zwinie do duba*... *Idzie dziewczyna z komory, do swej matuli howory: moja matulu, moja rodzona, rozłaka mnie z toboju*... *Rozwijaj się suchy dubie choć na cztery liście, jak ja cię kochał, tak kochać będę*, etc. Подробно у Кольберга: *Mazowsze. Obraz etnograficzny* (t. V, Kraków, 1890). Неорганическія въ польскомъ языкѣ слова: *horodzici*, *doroha*, *dub*, *siolo*, *daryci* и пр., встрѣчаются главнымъ образомъ въ пѣсняхъ, очевидно перенятыхъ Мазурами у ихъ русскихъ сосѣдей. Въ этихъ пѣсняхъ часто *dupaj*—вообще вода.

¹⁾ См. разныя статьи польской діалектологіи (срв. „Славяне“ III. 199), Верхратскаго въ *Archiv. für slav. Philologie* III. 381, Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскій край, П. Чубинскаго, VII. 251, и др. Русское слово *тудо* замѣнило у Поляковъ польское *тѣдо* (срв. *тѣдак* у Мазуровъ =быкъ); слово *туд* (мудъ) сдѣлалось у Поляковъ въ южной Руси даже презрительнымъ названіемъ мужика.

сточно-русскихъ (великорусскихъ) говорахъ. Такъ напр. вежа (архангельск.)—wieża, вечерять (ужинать, смоленск., пензенск.)—wiecierzeć, господня (кухарка, тверск.)—gospodyni, громада (въ курск. губ. сходка поселянъ, какъ и въ югозападной Руси и въ Польшѣ)—gromada, жадать (желать, вологод., рязан., тамбов.)—żadać, жито (рожь, въ г. курск. и донской землѣ)—żyto, жупанъ (въ г. вологод., смоленск., худой кафтанъ)—поль. żupan¹⁾, обычно (обыкновенно, въ костром., смолен.)—zwyyczajnie, кій (палка, въ г. псков., смолен., твер.)—kij, купа (куча въ г. твер.)—kupa, мара (призракъ въ г. курск.)—мага, надѣя (надежда, въ г. архангель.)—nadzieja, пильно (прилежно, въ г. курск., смолен., твер.)—pilnie, посагъ (приданое и свадьба въ г. орлов., твер.)—posag, рачить (хотѣть въ г. олонек.)—gасзуć, честовать (угощать, въ г. архангель., малорусск. частувати)—częstować, вмѣсто czestować, и пр. ²⁾. Въ нарѣчійхъ и говорахъ русскихъ и польскихъ вообще встрѣчается много одинаковыхъ словъ, которыя не вошли въ литературные языки или прежде употреблялись, а потомъ исчезли. Такъ напр. въ польскомъ языкѣ употреблялись слова: imięnie (имѣние), ułożenie (уложение), zakon (законъ), gospodzin — gospoda (господинъ), gospodza (госпожа), żeńszczyzna (женщина),

¹⁾ Слово вѣроятно татарское (тоже зипунъ), которое перешло къ Полякамъ только въ XVI в., какъ и татарскіе kontusz, szarawaty, karabela, sahajdak — sajdak, kołczan, buńczuk, dzida, tabog, и др. Замѣтимъ, что слово żupica (у Секлюціана и Рея) означаетъ плащъ; оно встрѣчается тоже въ западно-русскомъ романѣ о Тристанѣ (злотоглавая жупица), и было извѣстно до недавна въ мазурскомъ Подляшѣ (Kolberg, Mazowsze V. 170). Можно-ли поль. żupan сопоставить съ француз. и итальян. jupon — giubbone (юбка, женская), не знаемъ. Срв. слова Л. Горницкаго (Dworzanin polski 1566, wyd. Turowskiego p. 92): „Dziś u nas tak wiele jest strojów, iż im liczby niemasz; to po włosku, to po hiszpańsku, po brunswicku, po usarsku, po kozacku, po tatarsku, po turecku... jedni gola brody, a z wasy chodzą, drudzy strzygą brody po czesku, trzeci przystrzygają po hiszpańsku... My polacy niemamy swego własnego ubioru i (jesteśmy) do cudzoziemskich ubiorów zbytnie chciwi“.

²⁾ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., стр. 45.

gzesz (рѣчь, а не вещь), niedziela (недѣля), łoż (ложь), lubieźny (любезный), wien (вонь), słuza (слеза), nielza (нелзя), kupia (купля), junoeh—junosza—junoszka (юноша), młodziec (молодець), poźny (ножны), żdać (ждать), wrzenie — brzenie, wrzeźnienny (время, временный), kłodnik w ciemnicy (колодникъ въ темницѣ), pobiedzić (побѣдить) ¹⁾, przytca (притча — случай), szłom (шеломъ, шоломъ), przystaw (приставъ), cyrkiew—cerkiew (церковь католическая), sbór—zbór (церковь—соборъ), pop (попъ католическій), chrzebt—chrzybiet (хребетъ), dziewica (дѣвица), gęśli (гусли), gorze (горе!), jęcstwo (ятство-нятство), kaki-kako (какой—како), lubić się (полюбиться), miłość (милость, gratia), mołwa (молова, нынѣ mołwa), myto (мыто, pretium), nynie (нынѣ) obiata (обѣтъ, votum), opięć (опять), ostrow (островъ), piac — pienie (пѣть — пѣние), smard (смердъ), ssad (сосудъ), iskać (искать), odiskać (отыскать), iściec (истецъ), piżwieniec (первенець), płoszczyca (площица), pośledni (последній), skot (скотъ), smieś (смѣсь), teszno—tesznica (тошно), trzem (теремъ, atrium et tentorium), wieliki (великій), zapad (западъ), zaszczyć — zaszczyćca (защитить, защитникъ), zeli (зелье), znamienity (знаменитый), zwał—źwięk (звукъ), żadny (жадный), żyź — żyźność (жизнь, ubertas), jętry—jętrew', jątrew' (ятровъ), świekry (свекровь), żelw'—żelwica — żołwica (золовка), dziewierz (деверь), szurz—szurzu (шуринъ), ²⁾ śma (тьма, часть войска), wiadro (ведро), robionek (ребенокъ), prok (порокъ, т. е. праца, поль. тоже проса), posuły (посулы), utolić (утолить), zmiennik (измѣнникъ), gzewniwy (ревнивый), przysiodłek (приселокъ), przygrodek (пригородъ, у балт. Ляховъ prigard), pisany (писанный, т. е. malowany), rozbójca (разбойникъ), najmit (наймитъ), bies (бѣсъ), и др. Нѣкоторыя такіа слова исчезаютъ изъ польскаго

¹⁾ Срв. польскія географ. названія Pobiedzisko, Pobiednik, Pobiedna.

²⁾ Szurz (а не: szurza) въ краковскихъ судебныхъ книгахъ 1439 г. (Helcel: Pomniki II. № 2779), szurzu у М. Бѣльскаго. Въ польскомъ Подляшьѣ до недавна żalwica — сестра жениха (Kolberg, Mazowsze, V. 141).

языка въ XIV в., другія въ XV и въ первой половинѣ XVI в., и позднѣе; такъ напр. слово *wrzemię* (*brzemię*), *wrzemienny*, встрѣчается еще въ проповѣдяхъ св.-крижскихъ XIV в. и въ обихъ псалтиряхъ XIV—XV вв., *słom*, *przystaw*, *robiedzić* въ XV в. (рядомъ съ *wicieństwo*, *wicieźca*), *zabr*, *łęczyszcze* въ началѣ второй половины XVI в., *smard*, *gospodzin* — *gospodza* во второй половинѣ XVI в. (хотя уже въ XV в. преобладаетъ *pan* — *pani*); другія слова употребляются еще во время разцвѣта польской литературы во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в., напр. *rosuły*, *gzewniwy*, *bies*, и пр. ¹⁾.

Въ польскихъ нарѣчiяхъ и говорахъ употребляются до сихъ поръ многія слова, которыя употреблялись въ древнепольскомъ или не вошли въ литературный языкъ польскій, но извѣстны и въ другихъ славянскихъ языкахъ, именно въ чешскомъ и русскомъ; такъ напр. слова: *gabież* (рубежь), *zabuc* (забыть), *top'* (топь), *śwa* (тьма, множество), *jajco* (яйцо), *siewierz* (сѣверь), *piska* (писанка), *oberwaniec* (оборванецъ), *ani widu ani słychu* (ни виду ни слуху), *narocznie*—*znaroczna* (нарочно), *dźwierze* (двери), *niewiasta* (невѣста), *szczuka* (щука), *żałoba* (жалоба), *niedziela* (недѣля), *doma* (дома), *ostrow* (островъ), *leż* (ложь), *wietew* (вѣтка), *zdać* (ждать), *przystaw* (смотритель рабочихъ, въ польской библии XV в.: *przystaw jen za żency stał*, на островѣ *Pani* въ 1307 г.: *puncius qui pristaw dicitur*), и др. ²⁾.

Многія названія разныхъ общественныхъ и государственныхъ учреждений у Ляховъ и у Руси, равнымъ образомъ какъ и

¹⁾ См. *Nehring*, *Altpolnische Sprachdenkmäler*, его-же словарь къ псалтири XIV в., срв. разныя статьи по древнепольскому языку въ *Archiv für slavische Philologie*, и польскій словарь *Линде*. Многія такія древнепольскія слова встрѣчаются тоже въ чешскомъ языкѣ; срв. „Славяне“ III. 208. Что касается формъ *wrzemię* (въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ) и *brzemię* (въ псалтиряхъ XIV—XV вв.), то срв. *brime* вмѣсто *vrime* въ древнехорватскомъ евангеліи Н. Равини 1504 года. Въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ встрѣчаются формы *togo* (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, нын. *tego*), *chociał* (хотѣлъ), нын. *chciał*.

²⁾ Срв. „Славяне“, III. 197.

у другихъ Славянъ, одинаковы или сходны, и относятся къ древнѣйшему періоду славянской исторіи, напр. слова городъ (grad), обчина (obec), село—весь (siedło—wieś), вѣче (wiece), князь (kniądz), господарь (gospodarz), староста (starosta), владыка (włodyka), дѣдичъ (dziedzic), воевода (wojewoda), смердъ (smard), холопъ (chlop), отчина и дѣдина (ościzna, dziedzina), волость (włość), дань и боръ (dań, robog), укладъ и уложение (układ, ułożenie) и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ со временемъ и вслѣдствіе разнороднаго вліянія приняли у Руси и у Ляховъ различныя значенія; такъ напр. Русскіе употребляли обыкновенно *село*, а Поляки *wieś*; общеславянское *городъ* сохранился у Русскихъ, между тѣмъ какъ Поляки приняли по нѣмецкому *stadt—stätte, miasto*, а *grad* сталъ у нихъ означать замкнутую крѣпость; *zamek* (нѣм. *schloss*); русское *вѣче* — общенародное собраніе, польское *wiece*—судъ, русскій князь—господарь (государь), польскій *kniądz, ksiądz* — духовный начальникъ (а *gospodarz*—хозяинъ), равнымъ образомъ какъ русскій *владыка* (изъ азыка церковно-словѣнскаго)—духовный начальникъ, а древне-польское *włodyka*—низшій землянинъ; русское и польское *староста*—первоначально начальникъ общины, но со временемъ у Поляковъ—княжескій намѣстникъ, замковый судья; русское и польское *воевода* — военный начальникъ вообще, потомъ въ Польшѣ первый придворный сановникъ (comes palatinus) и намѣстникъ въ воеводствахъ, и пр. Названія оружія у всѣхъ Славянъ одинаковы или сходны; общія русско-польскія названія: мечъ, ножны (тоже дрполь.), щитъ, лукъ (дрполь. *łuk, łęk*), тулъ (тоже дрполь.), копье, рогатина (*rogacina*), шоломъ (*szłom*), и др. Если Поляки употребляли (уже въ XV в.) формы *sulica, rohatyна*, то эти русскія формы вмѣсто польскихъ *sudlica* (срв. чешское *sudlica*) и *rogacina* указываютъ на заимствованіе изъ русскаго; но слово *szłom* (XV в.) можетъ быть чисто польское, а не заимствованное изъ русскаго шоломъ, шоломъ (словѣн. *шлѣмъ*), хотя Поляки употребляли тогда обыкновенно *przyłbica* и тоже нѣмецкое *helm*; форма *szłom* соотвѣтствуетъ вполне законамъ польской фонетики, какъ и *prok—ргоса* (порокъ, праща) ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 259. Сулицы „лядскія“ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Племенное родство Ляховъ и Руси и вообще всѣхъ Славянъ выразилось тоже во множествѣ одинаковыхъ или сходныхъ названій лицъ и мѣстъ; такъ напр. Русскіе и Поляки назывались Молибогъ (Modlibog), Володиславъ (Włodzisław, Władysław), Збыгнѣвъ, Вячеславъ (Węcesław, Węśław), Ярославъ, Славята (Sławęta), Святополкъ (Świętopełk, Świętopełk), Станиславъ, Ратиборъ, Перемышль (Przemysł — Przemyśl), Мстиславъ, Кій и пр. Подобно тому въ земляхъ русскихъ и ляхскихъ встрѣчается множество одинаковыхъ географическихъ названій: племень, селеній, горъ, рѣкъ, урочищъ и др., какъ Поляне, Воляняне, Лучане, Хорваты, Сѣверяне, Деревляне (Древяне), Новгородъ, Бѣлгородъ, Вышегородъ, Волянь, Пѣна, Бобръ, и др. Эти имена и географическія названія оба славянскіе народа приносили по своему, по законамъ своей фонетики; Русскіе говорили о польскихъ Володиславахъ, Святополкахъ, Межкахъ, а Поляки о русскихъ Влодзимѣрахъ, Влодзиславахъ, Святотелкахъ; русскія географическія названія Перемышль, Холмъ, Межирѣчье, Володава, Берестье, Дорогичинь, Городно (Городня), Новгородокъ, Володимерь и др. Поляки приносили Przemyśl, Chełm, Miedzyrzecze (Międzyrzecz), Włodawa, Brześć, Drohiczyn, Grodno, Nowogródek, Włodzimierz и пр., польскія Sandomierz, Łęczysca, Goniądz, Rajgród называли Русскіе—Судомирь, Лучица, Гопязь, Райгородъ. Вслѣдствіе политическаго и культурнаго преобладанія польскаго элемента въ юго-западной Руси польскія формы сдѣлались господствующими и среди Русскихъ, напр. Влодава, Дорогичинь, Гродно, Новогрудокъ, и пр. ¹⁾.

Все здѣсь сказанное надо имѣть въ виду, если говорить о вліяніи языка русскаго на польскій и польскаго на русскій. Вліяніе русскаго языка на польскій до половины XVI вѣка очень незначительно, ограничиваясь принятіемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ вопреки законамъ польской фонетики,

¹⁾ Въ Руси холмской и подляшской древнерусскія названія возобновлены, но въ остальной юго-западной Руси употребляются часто польскія формы до сихъ поръ, напр. Брестъ, Гродно, Новогрудокъ.

напр. *suplica* вмѣсто *sudlica*, *rohatura* вм. *rogacina*, *łuk* вм. *łak*, *łęk*, *rubl*—*rubel* ¹⁾. Больше русскихъ словъ переходило въ польскій языкъ позднѣе, по мѣрѣ постепеннаго присоединенія югозападной Руси къ Польшѣ, не только политическаго, а тоже культурнаго, напр. *bohatur* (*bohater*), *hultaj*, *smierd*, *zubr*, *cerkiew* (православная), *por* (православный) и др. Вліяніе русскаго языка на польскій было вообще незначительно, ограничиваясь принятіемъ сотни русскихъ словъ въ польскій языкъ; за то вліяніе польскаго языка на русскій оказалось гораздо сильнѣе вслѣдствіе политическаго и культурнаго перевѣса Польши надъ Русью; въ послѣдней и въ ея языкѣ являются польскіе шляхта, земляне, воеводы, старосты, паны (и пани, панны), гетманы, войты, князья (т. е. поль. *ksiądz*, священникъ), замки, кроды (*grod*, а не *hogod*), и др. Такой переходъ русскихъ словъ въ языкъ польскій, и польскихъ въ русскій совершался тѣмъ легче, что многіе польскіе писатели XVI в. считали такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ возможнымъ и желательнымъ ²⁾.

При переходѣ нѣкоторыхъ русскихъ словъ въ польскій языкъ играютъ извѣстную роль тоже разныя національныя, вѣроисповѣдныя и соціальныя соображенія и сословныя курьёзы, которые придавали тѣмъ же самымъ славянскимъ словамъ въ польской ихъ формѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ въ формѣ русской. Такъ напр. у Поляковъ русское слово *kniaź* означало князей низшаго разряда (какъ-бы *podlejszego gatunku*), чѣмъ польское *książe*; такъ и русское *bojar* стало ниже, чѣмъ *szlachcic*, *por*—ниже, чѣмъ *ksiądz*; слово *gamota* (изъ: грамота, *gramota*) стало означать ма-ранье, каракули (непонятная для Ляховъ русская грамота), *hałas*

¹⁾ Предполагаемое В. Макушевымъ (Славянскій Сборникъ III) русское вліяніе на польскій языкъ XIV—XV вв. опровергаетъ А. Крынскій (Варшав. *Ateneum* 1879). Предполагаемая О. Огоновскимъ (*Archiv. f. slav. Philologie* IV. 364) „русскія“ слова въ польской библии XV в. вовсе не русскія, а дрпольскія (*prok*, *plaszczusa*, *mirzonu*, *udacien*, *przystaw*, *robionek*), и чешскія (*duha*, *skiba* изъ вѣмецкаго); о словѣ *ług* см. замѣтку Крынскаго и напу въ *Archiv. f. slav. Philologie* VII. 599; только слово *rubel* заимствованное русское.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 150—157, III. 204, 208, 213.

(голосъ, hołos) — шумъ, крикъ; hałasować—поднимать шумъ, а głos—голосъ, głasować—подавать голосъ, и пр.

Народный языкъ югозападной Руси входилъ въ употребленіе въ свѣтской письменности, въ памятникахъ юридическихъ, грамотахъ, въ лѣтописяхъ, при чемъ вліяніе церковнаго языка словѣнскаго заявляло ббольшую или меньшую силу, а даже исчезало совсѣмъ. Со временемъ образовался особый книжный языкъ русскій, на основаніи разныхъ нарѣчій югозападной Руси и выработавшихся традицій въ канцеляріяхъ и судахъ великаго княжества литовско-русскаго. Въ этомъ книжномъ языкѣ русскомъ встрѣчаются особенности то нарѣчія западнаго, то южнаго, но вообще характеръ этого языка одинъ; онъ и назывался всегда просто языкомъ „русскимъ“ или „рускимъ“ (фонетическимъ правописаніемъ); онъ отличался сначала не много отъ языка „русскаго“ въ сѣверо-восточной Руси (Москвѣ) и назывался здѣсь — по ближайшей Руси Бѣлой—„бѣлорусскимъ, бѣлороссійскимъ“, хотя въ немъ не встрѣчалось свойственное впоследствии народному говору въ Бѣлой Руси *дзе*-канье, *це*-канье и *а*-канье. Этотъ книжный языкъ югозападной Руси нашелъ себѣ мѣсто не только въ юридической и исторической (лѣтописной) литературѣ, а тоже въ романахъ, повѣстяхъ и другихъ произведеніяхъ свѣтской письменности. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ начала XVI в. въ югозападной Руси является стремленіе сдѣлать и библію болѣе доступною для простаго народа, и замѣнить, болѣе или менѣе, церковный языкъ словѣнскій или скорѣе словѣнско-русскій языкомъ русскимъ, при чемъ понятіе „русскій языкъ“ опредѣлялось субъективными взглядами переводчиковъ. Они, воспитанники церковныхъ школъ, гдѣ господствовалъ церковный словѣнскій языкъ (въ изводахъ русскомъ, болгарскомъ и сербскомъ), не могли сразу отрѣшиться отъ всѣхъ традицій; поэтому они, предоставляя въ своихъ переводахъ больше или меньше мѣста народному русскому языку, не могли вполнѣ отдѣлаться отъ словѣнскаго текста книгъ, такъ что ихъ языкъ представляетъ не чистый народный языкъ югозападной Руси, а какую-то смѣсь языковъ русскаго, словѣнско-русскаго и словѣнско-болгарскаго (съ юсами) ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ П. 595 и слѣд.

Давнишнія сношенія сосѣднихъ двухъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и югозападной Руси, ихъ политическое соединеніе и послѣдствія этого соединенія,—все это обнаружило свою силу и въ языкахъ Ляховъ и Руси; если русское вліяніе на польскій языкъ было незначительно, то вліяніе польское на русскій языкъ было очень значительно, усиливаясь съ теченіемъ времени все больше. Сначала это польское вліяніе въ русскомъ языкѣ сказалось принятіемъ польской терминологіи въ области государственнаго устройства, судопроизводства и военнаго искусства (воевода, кастелянъ, староста, войтъ, шляхта, панъ, речникъ, гетманъ, ротмистръ и др.); но позднѣе въ русскій языкъ переходило тоже много другихъ словъ польскихъ, прежде всего въ Руси польской (Червоной), потомъ литовской. Въ червонно-русскихъ переводахъ польскихъ коронныхъ статутовъ XV в. русскій языкъ очень чистъ, и польское вліяніе замѣтно—кромѣ той польской терминологіи—въ немногихъ словахъ, въ родѣ: моць, чонокъ, скарбъ, превротность и др. Подобно тому русскій языкъ, употребляемый въ литовской Руси въ памятникахъ юридическихъ, въ лѣтописяхъ, повѣстахъ и др. до начала XVI в. довольно чистъ, безъ особенной примѣси польской. Фр. Скорина въ своемъ бѣлорусскомъ переводѣ библіи отвелъ гораздо больше мѣста словамъ чешскимъ, чѣмъ польскимъ. Послѣдующіе за Скориною переводчики библіи на русскій языкъ, авторы разныхъ богословскихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, поддавались вліянію польскаго языка и отводили ему въ своемъ русскомъ языкѣ больше мѣста уже въ силу привычки. Съ половины XVI в. польщизна пріобрѣтала въ литовской Руси все больше гражданскихъ правъ, почти такія права, какими она уже давно пользовалась въ коронной Руси, гдѣ со второй четверти XV в. почти перестали писать по-русски, и русскій языкъ уступилъ мѣсто латинскому и польскому.

По мѣрѣ все усиливающихся связей, политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ, соединяющихъ Литву и литовскую Русь съ Польшею и закончившихся политическою уніею Польши и Литвы 1569 года, — русскій языкъ всей югозападной Руси принималъ все болѣе польскихъ элементовъ фонетическихъ, формальныхъ, синтаксическихъ и лексикальных; они водворились въ письмен-

ночь языкъ русскою до такой степени, что не возбуждали никакого удивленія и сопротивленія, да считались даже свойствами русскаго языка; подъ конецъ этотъ русскій языкъ казался почти транскрипціею польскаго языка, чѣмъ дѣйствительно и былъ: русскіе писцы и авторы, слыша постоянно польскій языкъ, читая разцвѣтающую польскую литературу, употребляя все больше польскій разговорный и письменный языкъ, по неволѣ поддавались ему и предоставляли ему все больше вліянія на свой родной языкъ русскій. Польское вліяніе сильно замѣтно въ русскою языкъ уже перваго литовскаго статута (1529), а языкъ друхъ послѣдующихъ литовскихъ статутовъ (1566, 1588) кажется какою-то русскою транскрипціею польскаго текста. Польское вліяніе замѣтно все больше и въ другихъ юридическихъ памятникахъ, грамотахъ, судебныхъ записяхъ и пр., въ дѣтописяхъ, въ историческихъ, полемическихъ, богословскихъ, филологическихъ сочиненіяхъ, въ романахъ и повѣстяхъ, стихахъ, вообще во всей литературѣ югозападной Руси XVI — XVII вв., въ сочиненіяхъ Бронскаго, I. Вишенскаго, Ставровецкаго, Копыстенскаго, Могилы, Галатовскаго, Барановича, Зизанія, Берынды, Саковича и др. Многие изъ русскихъ писателей, владѣя хорошо польскимъ языкомъ и желая дѣйствовать на болѣе широкіе кружки русскіе и польскіе, и просто по привычкѣ, писали по-польски, и — надо отдать имъ справедливость — лучше и правильнѣе чѣмъ по-русски; при томъ они принимавали въ свои польскія сочиненія разныя русскія слова, подчасъ совсѣмъ лишнія. По-польски писали Смотрицкій, Кревза, Кальнофойскій, Саковичъ, Коссовъ, Могила, Барановичъ, Жоховскій и др. Такое распространеніе польскаго языка среди югозападныхъ Русскихъ было вполне естественно, и происходило само собою безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ; да литовскій статутъ (2 и 3) прямо защищалъ право русскаго языка въ юридической жизни Литвы и литовской Руси, хотя это право, вслѣдствіе повальнаго ополаченья шляхты югозападной Руси, съ теченіемъ времени сдѣлалось чисто теоретическимъ.

А) Русь польская (коронная).

З. Католицизм—вѣра польская, православіе—вѣра русская
Преслѣдованіе православія. Католицизмъ и унія — орудія
ополченія Руси.

Польскому вліянію подчинились прежде всего русскія земли, присоединенныя къ Польшѣ непосредственно, т. е. Русь Червоная (земли перемышльская, галичская, львовская, и др.), Русь белзская, холмская и подольская. Вѣрный союзникъ Поляковъ въ ихъ походѣ на Русь, латинскій католицизмъ, вступая на Русь подъ покровительствомъ польскаго короля, присвоилъ себѣ тотчасъ роль господствующаго вѣроисповѣданія и воинствующей церкви противъ греческой русской вѣры, т. е. православія или „схизмы“¹⁾. На польской Руси основаны во второй половинѣ XIV вѣка католическія епископіи въ Галичѣ (архіепископія, перенесенная позже во Львовѣ), въ Перемышлѣ, Володимирѣ волинскомъ (позже перенесена въ Луцкѣ), Холмѣ, Каменцѣ подольскомъ; строились католическія церкви и монастыри для католическаго духовенства польскаго и ради пропаганды среди русскаго народа²⁾. У православныхъ епископій русскихъ отнимались

¹⁾ „Греческая“ вѣра называлась и на Червонной Руси православною (см. „Славяне“ II. 328), не только у Русскихъ („православные христіане нашего закону греческаго“—перемышльскій епископъ Арсеній 1547 г., „православная церковь россійская“—львовскій епископъ Арсеній Желиборскій 1644 г.), а тоже у Поляковъ („prawosławni chrześciance“ у польскаго поэта XVII в. львовянина І. Зиморовича).

²⁾ Въ 1412 г. король Владиславъ Ягайло просилъ папу о перенесеніи архіепископіи изъ Галича во Львовѣ „pro defensione fidei orthodoxae ac etiam incremento fideliumque salute, ac reductione ad ovile dominicum infidelium et oberrantium populorum.“ (Theiner, Monumenta histor. Poloniae II. 5). Тотъ же король въ 1423 г. пожаловалъ львовскому архіепископу право наказывать еретиковъ и схизматиковъ, именно: Ex nunc nullus christianorum vel christianarum ritus romani audeat pueros suos in scismaticam sectam quoquomodo bap-

церкви и имѣнія и передавались католическимъ, какъ напр. въ Галичѣ, Львовѣ, Перемышлѣ, Холмѣ; въ Перемышлѣ въ 1412 г. король Владиславъ Ягайло отнялъ у православныхъ русскихъ соборъ и передалъ католикамъ, чтобъ очиститься передъ Нѣмцами, что онъ де не покровительствуетъ „схизматикамъ“¹⁾. Особая православная митрополія въ Галичѣ, возникшая въ половинѣ XIV в. и поддерживаемая, по политическимъ соображеніямъ—въ виду отдѣленія польской Руси отъ митрополіи всерусской,—польскимъ королемъ Казимиромъ, скоро исчезла, и Галичъ остался, съ начала XV вѣка до первой половины XVI в., безъ духовнаго пастыря. Старинная на Руси вѣра православная, „русская“, ея приверженцы, ея духовенство, церкви, праздники не пользовались у господствующихъ католиковъ Поляковъ, королей, епископовъ и духовенства, пановъ и шляхты особою симпатіею и уваженіемъ, и даже встрѣчались часто прямо съ презрѣніемъ. Старая вражда Ляховъ и Руси, народная и религіозная, выступила еще ярче, и оба народа (*Rutheni et Lechitae sive homines ritus romani catholici, Rutheni et catholici*) находили въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ неизсякаемый источникъ взаимнаго недоброжелательства. Поляки не особенно долюбливали всѣхъ этихъ схизматиковъ Русскихъ (*schismatici Rutheni*), владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, чернцовъ, этихъ церквей или „синагогъ“ (*synagogae*) и монастырей, ставили ихъ ниже своихъ католическихъ польскихъ, правовѣрныхъ бискуповъ, опатовъ, ксендзовъ, мниховъ, законниковъ, костеловъ, кляшторовъ; они употребляли и въ латинскихъ и польскихъ документахъ ихъ русскія названія (*mitropolit, wladicae, popones, batko, baytko, popowicz, czyrgncy, harchi-*

tizare et si baptizati sunt, ad ritum suum catholicum reducantur. Изъ метрики коронной XXIII. 287 сообщаетъ J. Pocij: *Zbiór wiadomości histor. i aktów dotyczących dziesięcin kościelnych na Rusi*, Warszawa 1845, p. 6, то же A. Prochaska: *Codex epistolaris Vitoldi*, p. 607, срв. „Славяне“ III. 173. Перечень католическихъ церквей и монастырей на польской Руси XIV—XVIII вв. см. въ статьѣ Як. Головацкаго, *Карпатская Русь* (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179, стр. 366—374).

¹⁾ Длугоша *Historia Polon.* IV. 149.

mendrita, humyon, dyak, monaster — manastir), а слово „христианинъ“ считали какъ бы принадлежащимъ исключительно католикамъ ¹⁾. Въ городахъ и въ селеніяхъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ, православные Русскіе не всегда допускались въ представительства общинъ, въ цехи, и это право предоставлялось только католикамъ, Нѣмцамъ и Полякамъ.

Это враждебное отношеніе католиковъ къ русскому православію, „схизмъ“—явленіе, въ тѣ времена обыкновенное и повсемѣстное, нашло себѣ позднѣе и формальную причину, именно въ томъ, что въ 1439 г. русскій митрополитъ Исидоръ во Флоренціи принялъ унію церковей западной и восточной и старался водворить ее и на Руси, вызывая всѣхъ христианъ, Латиновъ и Грековъ, и всѣхъ „иже подлежатъ соборной церкви константинопольскій, еже суть Руси и Серби, Влахи“, принять это „свято-

¹⁾ Срв. напр. въ судебныхъ книгахъ львовскихъ. А. 1445: *nobiles Stanislaus et Suprom de Czeperow recusabant ad colcza (кольца, цѣпь) ecclesie ruthenicalis jurare, sed voluerunt ad crucem sicut christiani*, хотя эти Чеперовскіе сами себя называютъ *terrigene ab antiquo Rutheni*. А. 1448: *juveni filio est nomen Johannes et non Jakowycz, et est Christianus et non Ruthenus*. (Akta grodzkie i ziemskie XIV. № 1277, 2024). Срв. въ другихъ актахъ: *iure ruthenico jurare... per catenam ecclesie, circa ecclesiam, synagogam*; въ перемышльскомъ земскомъ судѣ 1468 г. разсматривался вопросъ: *qualiter nobiles Rutheni debent jurare, an circa synagogam ipsorum vel circa crucem more terrestri*; а въ 1462 г. перемышльскій городскій судъ постановилъ способъ присяги *more ruthenico* (Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 6899, 5034). Въ Перемышлѣ католическіе радцы утверждали „*esse sancitum de jure communi civili, testimonia Ruthenorum in causis christianorum non esse admittenda*“; перемышльскіе православные принуждались праздновать и латинскіе праздники, что однако отчасти отмѣнили короли Іоаннь Альбрехтъ (1497), Александръ (1502) и Сигизмундъ (1519; послѣдній приказываетъ: *Rutheni jurabunt apud suam synagogam, non tamen secundum jus ruthenicum etc.*“ (изъ Метрики коронной XXXI, 511 сообщаетъ Поцѣй, О dziesięcinach, р. 8). Во Львовѣ въ 1518 г. сожжены Армянинъ Ивашко и его любовница Полька католичка Софія — *quia ipse existens Armenus commisceri ausus est cum christiana* (Zubrzycki, Kronika miasta Lwowa, 141).

пресвятое единачество“¹⁾. Исидоръ, возвращаясь изъ Флоренціи черезъ Угрію и Польшу на Русь, проживалъ нѣкоторое время (1440) въ польской Руси и отправился потомъ въ Кіевъ и Москву²⁾. Скоро послѣ того польскій король Владиславъ III особою жалованною грамотою (1443) уравнилъ русскую церковь и духовенство, принявшее унію съ Римомъ, въ правахъ съ католическою церковью и духовенствомъ въ Польшѣ, т. е. на Руси коронной (Червонной и подольской); эта привилегія впоследствии подтверждалась еще нѣсколько разъ (1504, 1543, 1621)³⁾. Но эта

1) Воскресенская лѣтопись въ П. С. Р. Л. VIII. 106.

2) Послѣ берестьевской уніи, во время полемики между православными, уніатами и католиками, уніаты выдумывали разные факты и документы, которые должны были доказывать существованіе флорентинской уніи на Руси въ XV—XVI вѣкахъ. Въ началѣ XVII в. (1605) уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй сочинилъ и напечаталъ, по-русски и по-польски, „Поселство до папежа римскаго Сикста“ уніатскаго митрополита Мисаила, духовенства и пановъ литовской Руси будто 1476 г., найденное-де имъ въ Кривѣ (см. Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 193). Православные Русскіе уже тогда считали эту грамоту подложною, такъ напр. львовскій священникъ (см. „Славяне“ II. 447) и авторы „Synopsis“ 1632 г. (см. Архивъ югозапад. Россіи I. 7, стр. 574, 635). Къ этому же времени и къ этой же фабрикѣ относится подложная грамота митрополита „всея Россіи“ Исидора, изданная будто-бы въ Холмѣ 1440 г. „старостамъ холмскимъ и воеводамъ и заказникомъ и всемъ православнымъ“; Исидоръ въ ней проповѣдуетъ такую мысль: что „намъ сущимъ православнымъ христіаномъ Ляхомъ и Руси достойтъ исполняти божія церкви, и ихъ священниковъ, а не обидети: есмо бо нини, даждь Богъ, одно братя христіяне Латыни и Русь“. Эта подложная грамота Исидора была хорошо извѣстна въ XVII вѣкѣ (Hagasiewicz, Annales 75), записана въ 1637 г., по просьбѣ холмскаго епископа Меѳодія Терлецкаго, въ Метрику коронную (Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 4); одинъ ея списокъ, находящійся въ публичной библиотекѣ познанской, издалъ О. Бодянский въ московскихъ Чтеніяхъ 1846, I. (О моихъ поискахъ въ познанской публичной библиотекѣ, стр. 13). Надо удивляться, что архіепископъ Макарій (Исторія русской церкви IX. 45) могъ грамоту Мисаила считать подлинною.

3) Hagasiewicz 78, Архивъ югозапад. Россіи I. 1. стр. 440,

унія принята однимъ только митрополитомъ Исидоромъ и его преемникомъ Григоріемъ; на Руси польской, литовской и московской она не была принята и скоро пришла въ забвеніе, не смотря на всѣ старанія польскаго духовенства. Напрасно нѣсколько лѣтъ спустя послѣ флорентинскаго собора (1451) краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій надѣялся на краснорѣчіе Іоанна Капистрана, которому удастся-де отвратить многихъ знатныхъ людей отъ „старой секты греческой“ и присоединить ихъ къ католической церкви; правда, флорентинская унія не сдѣлала своего дѣла на польской Руси, и Русскіе или Греки не отказались отъ своихъ заблужденій и суевѣрій; напротивъ, они ихъ берегутъ до сихъ поръ еще упорнѣе, утверждая, что не они, а Латиняне заблуждались; между тѣмъ русскій народъ можно бы было легко отвратить отъ греческаго послушанія, такъ какъ онъ — народъ простой и жаждущій добра и очень проникнутый нравами и образомъ жизни Латинянъ ¹⁾.

Дѣйствительно, русскій народъ держался крѣпко своей ста-

Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи I. № 42. Въ грамотѣ говорится только о королевствѣ польскомъ, а не о великомъ княжествѣ литовскомъ.

¹⁾ Codex epistolaris saec. XV, t. I. в. р. 125; срв. „Славяне“ III. 93. Флорентинская унія пришла въ полное забвеніе до самаго конца XVI вѣка на всей Руси вообще, и въ коронной Руси о ней нѣтъ и помину. Самъ папа Павелъ II считаетъ (1471) Перемышль лежащимъ *inter gentes scismaticas et ruthenicis ac neophytos*; а въ началѣ XVI в. Іоаннъ изъ Освѣтима (*Sacranus*) и Іоаннъ Ласкій, архіепископъ гнѣзенскій, говорятъ только о *Rutheni schismatici* и о ихъ *errores*, при чемъ Ласкій (1514) раздѣляетъ Русскихъ: *Rutheni albi modo vero Moscovitae, Rutheni Walachi (idioma habent commune cum rutheno et italico vulgari, ritum ruthenicum), Rutheni rubei subditi regis in corpore regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae*. Подобно тому польскій географъ и историкъ Матвѣй Мѣховскій (*Tractatus de duabus Sarmatiis, 1517*) знаетъ только православныхъ Русскихъ въ Польшѣ: *Ad montes sarmaticos habitat genus Rutenorum, quibus praesident nobiles Polonorum; in Russia sunt plures sectae; est enim religio christiana romano pontifici subjecta, et illa regit et praevalet, quanquam sit exigua numero; est altera secta Ruthenorum amplior, quae ritum Graecorum*

ринной православной „русской“ вѣры. Объ униі русской церкви съ Римомъ нельзя было пока и думать, и польско-католическое духовенство обращало все свое вниманіе на приобрѣтеніе католицизму высшихъ сословій, шляхты, изъ которыхъ многіе—по словамъ епископа Збыгнѣва—продолжали отказываться отъ „старой секты греческой“, дѣлались „христіанами“ (католиками), и тѣмъ самымъ переставали быть „Русскими“ и превращались въ Ляховъ. Этотъ процессъ продолжался успѣшно уже со времени занятія карпатской Руси Казимиромъ; съ тѣхъ поръ, какъ по настоянію этого короля одинъ знатный русскій князь (вѣроятно Александръ Коріатовичъ) со своею дружиною принялъ католичество, ряды русскихъ православныхъ бояръ все рѣдѣли, и они дѣлались „Ляхами“ въ отношеніи вѣроисповѣднѣ, а также народномъ ¹⁾. Польскіе короли, чиновники и епископы на Руси дѣйствовали здѣсь дружно. Имѣнія прекратившейся въ началѣ XV в. галичской православной епископіи (митрополіи) были расхищены, достались католическому архіепископу львовскому и львовскому старостѣ; они отдавали ихъ особымъ намѣстникамъ въ пользованіе, въ опеку (оріекадlnictwo), которыхъ принадлежала даже судебная власть надъ русскимъ духовенствомъ (poropes и ихъ synagogaе) и въ дѣлахъ церковныхъ. Не лучше было въ сохранившейся епархіи перемышльской. И здѣсь многіе польскіе католическіе чиновники и земiane притѣсняли православное русское духовенство, позывали ихъ самовольно къ своему суду, совершали брачные разводы, удаляли поповъ отъ ихъ церквей и давали ихъ другимъ попамъ за деньги. Король Казимиръ, къ которому обратился перемышльскій владыка за помощью, запретилъ такіе незаконные поступки

imitatur, totam Russiam adimplens; est tertia secta Judaeorum etc. Современникъ Мѣховскаго, историкъ Децій тоже говоритъ: *Apud Roxelanos et Podolitas sunt Rutheni, qui graecam habent fidem, et ita, ut Bohemi, a romana ecclesia separati.*

¹⁾ Объ успѣхахъ католицизма среди „схизматической“ Руси уже во второй половинѣ XIV в. см. письма папъ 1351, 1371 гг. (Theiner, Monumenta histor. Poloniae I. p. 531, 668), тоже галичскаго архіепископа Якова 1392 г. (Akta grodzkie i ziemskie III. № 55), и др.

(1469): онъ долженъ заботиться о всѣхъ своихъ подданныхъ, и надѣется, виѣсть съ папою и другими католическими государями, на будущую унию церкви греческой или русской съ Римомъ, и поэтому онъ беретъ подъ свое покровительство владыку и запрещаетъ строго всѣмъ католическимъ чиновникамъ и землянамъ виѣшиваться въ духовныя дѣла Русскихъ, что принадлежитъ одному владыкѣ¹⁾. Эту привилегію короля Казимира перемышльскому русскому епископу подтвердилъ король Сигизмундъ I въ 1509 году; но съ другой стороны тотъ же король въ томъ же самомъ году (1509) пожаловалъ католическому львовскому архіепископу право назначать „наиѣстниковъ русскихъ“ православной львовской епископіи, съ тою цѣлью, „чтобъ схизматики тѣмъ легче приводились къ христіанской религіи или по крайней мѣрѣ исправились въ своихъ заблужденіяхъ—*quo ipsi scismatici tanto facilius ad religionem christianam adducantur seu saltem in eorum erroribus emendarentur*“²⁾. Подобно тому, и въ холмской землѣ по мѣрѣ того, какъ тамошняя русская шляхта окатоличивалась и ополячивалась, польскіе короли отнимали имѣнія у холмской православной епископіи (*vladicatu*) и давали ихъ католической епископіи (*episcopatu*); такое отчужденіе имѣній православной епископіи довершилъ король Сигизмундъ I (1533), въ виду того, что почти вся

¹⁾ Послѣ принятія перемышльскимъ православнымъ епископомъ униі (въ концѣ XVII в.) въ Перемышлѣ подумали, что эта жалованная грамота Казимира дана *Ruthenis unitis*, что конечно не вѣрно; другіе правильно считали ее данной *favore non unitorum*.

²⁾ См. документы 1458 и 1469 гг. (*Akty grodzkie i ziemskie VII. № 51, 60, XII. № 4286*), 1509 и 1516 гг. (изъ Метрики коронной, кн. 23 и 29 издалъ Поцѣй *O dziesięcinach*, р. 9, 10); срв. Turgenев, *Supplementum ad historica Rnssiae monumenta* р. 137, *Harasiewicz Annales* р. 50, Д. Зубрицкаго *Kronika Lwowa* 160, Галицкая Русь въ XVI ст., 37 (въ москов. Чтеніяхъ 1862, III). По словамъ акта 1458 г. „на *mitropolita*“ и королевской грамоты 1522 г. „*vladica seu metropolitae Haliciensis*“ видно, что бывшая галицкая епископія считалась митрополіею.

холмская шляхта перешла отъ обряда греческаго или русскаго въ единство съ римскою церковью ¹⁾).

Оставшаяся, но все рѣдѣющая шляхта въ коронной Руси— въ ряды которой вступали и нѣкоторые волошскіе бояре изъ со- сѣдней Молдавіи—не переставала, на сколько могла, защищать свою православную вѣру и жаловаться на ея притѣсненіе и на вспышки католической нетерпимости. Въ 1539 г. духовенство, шляхта и посольство греческой вѣры въ земляхъ русской и подольской просили своего митрополита кіевскаго заступиться передъ королемъ за намѣстника галичской епископіи Макарія и вообще за тѣснимое православіе противъ католическаго архіепископа львовскаго. „Столець галицкій загинулъ отъ кольца сотъ лѣтъ, и на томъ столці галицкомъ учинено есть арцибискупство латинское; которыя были мѣста и села къ Галичу, то все отобрали и на томъ фундовали арцибискупство, гдѣжь имъ былъ того фундовалъ Якейло король и листы папезскими подтвердилъ“; нынѣ же настала для нихъ „великая бѣда, плачъ и тяжесть, гдыжь насть былъ выдалъ король на вальномъ сеймѣ арцибискупу и бискупомъ у розказованье и у моцъ на вѣки вѣчныи“; всѣ эти притѣсненія дѣлаются съ тѣмъ, „обыхмо тымъ рыхлѣй были прину- жени къ вѣрѣ римской“. Наконецъ удалось православной шляхтѣ въ коронной Руси выхлопотать у короля Сигизмунда I возобно- вленіе православной епископіи во Львовѣ (1539) ²⁾. Православные русскіе роды были тогда Шумлянскіе, Болобаны (Балабаны), Станимирскіе, Дѣдошицкіе, Чолганскіе, Шептицкіе, Ярмоливскіе,

¹⁾ Грамоту (изъ Метрики коронной, кн. 49) издалъ Цоцѣй О dziesięcinach, стр. 13.

²⁾ Католическій архіепископъ львовскій сохранилъ однако свое вліяніе на замѣщеніе православной львовской епископіи. Еще во вто- рой половинѣ XVII в. (1671) уніатскій митрополитъ Коленда пишетъ римской конгрегаціи пропаганды: *Episcopatus Leopoliensis immediate confertur seu praesentatur regi ab archiepiscopo Leopoliensi ritus latini. Nulla bona et villas habet. Statim enim ac schismaticis cessit, occupata fuerunt bona per potentiam variorum magnatum. Reditus ipsius sunt ex parochis ecclesiarum, quas dicitur sex millia numerare.* (Theiner Monumenta Poloniae histor. III. p. 600).

Грабовецкіе, Горбачовскіе, Желиборскіе, Свистельницкіе, Дубравскіе, Замостьскіе, Жолковскіе и др. Нѣкоторые изъ этихъ русскихъ шляхтичей (въ томъ числѣ Олехно Замостьскій) сдѣлались тогда (1544) членами православнаго церковнаго братства львовскаго ¹⁾. Православная русская шляхта защищала свою вѣру, жаловалась на ея притѣсненія на сеймахъ и въ судахъ, такъ напр. на сеймѣ въ Пётрковѣ 1558 — 1559 г., въ градскихъ судахъ галичскомъ и львовскомъ и пр. ²⁾.

¹⁾ См. грамоты 1509 — 1544 гг. въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 137, въ Актахъ западной Россіи II, соч. Гарасевича Appales 94, Зубрицкаго Галицкая Русь 38. Жолковскихъ считаетъ Бартошевичъ (Encyklopedia powszechna) русскимъ родомъ, назвавшимся по русской Жолкви (Nicolaus Zolkowski woywoda Sapoensis a. 1388), хотя они въ XVI в. производили себя изъ Польши. Православные русскіе Замостьскіе происходили изъ Замостья около Радымна въ перемышльской землѣ (nobiles heredes de Zamoszcze Jazcko, Josko, Senko, Piechno, Michno, Wancko, Hawrilo, Wolczko, Iwan, Napya, Fepa, въ XV в.). Гнѣздомъ другихъ Замостьскихъ было Замостье въ белзской землѣ, около котораго въ 1580 г. гетманъ Іоаннь Замостьскій (Замойскій) основалъ городъ Замостье; но и эти Замойскіе были по всей вѣроятности русскій православный родъ; Христофоръ Филалеть, посвящая свое сочиненіе Апокрисисъ (1597, по-русски 1599) канцлеру и гетману Іоанну Замойскому, прямо заявляетъ, „że przodkowie W. M. niekiedy greckiej religiej byli“, выхваляя его вообще за его вѣротерпимость, такъ что современники называли его oziębłym kalolikiem (озяблымъ католикомъ). Но русское происхожденіе этихъ Замойскихъ скоро пришло въ забвеніе; они стали считать себя Поляками. М. Смотрицкій, который хорошо зналъ русскіе роды, сдѣлавшіеся Ляхами (срв. его Lament wschodniej cerkwie, 1610), Замойскихъ къ нимъ не причисляетъ, и, посвящая свое соч. Apologia peregrynacyej do krajów wschodnych (1628) подканцлеру Ѳомѣ Замойскому (сыну Іоанна), замѣчаетъ, что „podać usadziłem katolicki script katolikowi, obronę prawdy obrońcy prawdy, istotne ruskiej cerkwie wiary wyznanie z przodków istotnego ruskiej cerkwie wiary wyznania, urodzonemu potomkowi, pobożnego ojca pobożnemu synowi.“

²⁾ Приводимъ здѣсь любопытныя слова русской шляхты о положеніи „Ляховъ и Руси“ въ коронной Руси, сказанныя на сеймѣ въ Пётрковѣ 1558—1559 г.: „Angariae ziem ruskich. Stan duchowny

Но ряды этой православной русской шляхты все рѣдѣли, благодаря дѣятельности іезуитовъ и другихъ католическихъ монаховъ и священниковъ, Нагая, Скарги, Камила, Гербеста, Скринскаго, которые въ концѣ XVI вѣка обращали много русской шляхты въ католичество. Съ конца XVI в., когда въ Берестѣ провозглашена вновь унія русской православной церкви въ Польшѣ и

rzymskiego kościoła jako w innych ziemiach ślachtę a rycerstwo koronne do sądów swych ciągnie i za dworem wyzywa; tak się też to wszystko dzieje w ruskich ziemiach; ich m. księża przywłaszczają sobie nad nami zwierzchność, prawo, sądy o majątności, o gardła, o pocziwości, o małżeństwa, o dzieci nasze i dusz naszych zbawienie, co nic innego nie jest, jeno tyraństwo a niewola ludziom wolnym a zwłaszcza krześciańskim nieznośna; k temu nad wszytki innych ziem uciski to jeszcze większe okrucieństwa cierpiemy. Ślachtę posłuszeństwa kościoła greckiego do sądów swych przymuszają, prawa swe na nich przewożą, klątwy wydawają, roku doczekawszy do starosty na exekucyą odsyłają; jeśli się kiedy trafi, by jeden raz rzymski człowiek na roli siedział, już po nim kmiotki nasze greckie w nabożeństwie, zwyczaju, na dawanie mesznego przyciskają. Przetoż gdy rola po Lachu spustoszeje, nie chce na nią Rusin dla placeni mesznego siedzieć, tak iż wiele pustek we wsi mieć musimy. Są to rzeczy barzo obciążliwe, a przed tym nigdy w Rusi niesłychane, abowiem ludzie ruskiego zakonu mają osobne swe kościoły, osobne władzyki, osobne popy, których pasterstwa używają a onym skromne wyżywienie z dobrej wolej swej oddzielają, co wdzięcznie a z dzięką przyjmując Pana Boga chwala, a służby owiec swych pilnują, o dochody swe sądów sobie żadnych nieprzywłaszczają, ani klątwy żadnej na ludzi niewydawają, ani pro exequutione do urzędów odsyłają, jako ich m. księża kościoła rzymskiego czynią. Których praecangariae nam cięższe, niżli Tatarzyn albo który iny poganin, aby się nam i braciej naszej i poddanym nie działły, prosimy i pilnie się oświadczamy, żeśmy się pod nie nigdy nie poddali, ani poddać chcemy, bo niewyznamy ani mamy inszego pana, jeno W. K. M.“ (Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta króla polskiego, w. ks. litewskiego, 1555 i 1558 r. w Piotrkowie złożonych, Kraków 1869, p. 228). Срв. жалобы русской шляхты на разныя притѣсненія православія—въ Актахъ западной Россіи III, № 140, 146, 147, въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 148, и пр.

Литвъ съ Римомъ, былъ внесенъ раздоръ въ русскую церковь; какъ бы полноправными считались только Русскіе принявшіе унію, „униты, уніаты“, между тѣмъ какъ православные „схизматики, дисуниты“ стали считаться врагами Польши. Унія стала распространяться разными безнравственными средствами и въ коронной Руси, въ епископіяхъ холмской, перемышльской и львовской, хотя не безъ борьбы съ православіемъ, продолжавшейся до конца XVII вѣка. Уніи благопріятствовали польское правительство, духовенство, шляхта, вполне соглашаясь со словами одного холмскаго уніатскаго епископа XVII в., Якова Суши, что „унія необходима не только для спасенія душъ, но и для сохраненія Рѣчи посполитой“. Холмскіе епископы были уніаты уже съ конца XVI вѣка, хотя въ ихъ епархіи унія боролась съ православіемъ до второй половины XVII вѣка. Въ концѣ этого вѣка (1691) унія восторжествовала въ перемышльской епархіи¹⁾. Всего позже присоединился къ уніи львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій (1700), хотя онъ уже съ 1677 г. былъ тайнымъ уніатомъ. Не смотря на то, онъ все заискивалъ у русскихъ царей и у русскаго резидента въ Варшавѣ, и даже по смерти короля Іоанна Собескаго выразилъ желаніе возвратиться къ православію, увѣряя кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго и боярина Бориса Шереметева, что онъ — *prawdziwy cerkwie bożej prawosławno-wostocznej wun, щоденный Его Царско-Величества богомольца*“, и желаетъ „цареву нашему Петрову на враги побѣду и всему воинству христіанскому покорить подъ нозѣ всякаго врага и супостата“²⁾. Но всѣ эти

¹⁾ Въ началѣ XVII в. Іоаннъ изъ Вишни восхваляетъ перемышльскую церковь: „Сія имать похвалу въ Мало-глаголемой Росіи въ захованію вѣры, непорочности, отъ всѣхъ прочихъ честнѣйшую: не бо помазася духомъ латинумудрія, ни же обесчестися ересію, но въ красоть апостольской проповѣди неподозрено стоить.“ (Архивъ югозападной Россіи, ч. I. т. 7. стр. 37). Любопытно, что въ концѣ XVII в. при церкви русскаго посольства въ Варшавѣ служилъ одинъ священникъ изъ Перемышля (Сводная галицко-русская лѣтопись, 365).

²⁾ О Шумлянскомъ см. Антоновича: Очеркъ состоянія православной церкви въ югозападной Россіи съ половины XVII до конца

слова остались словами, и въ 1700 г. епископъ Шумлянскій принялъ окончательно унію. Примѣру епископовъ послѣдовало духовенство, оставшаяся еще шляхта — которая однако скоро сдѣлалась прямо католическою, а тѣмъ самымъ и польскою — мѣщане и простой народъ, церковныя братства, наипозднѣе львовское ставропигійское (1708). Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. православіе исчезаетъ во всей коронной Руси, въ Червонной Руси, Подольѣ, Холмѣ и Белзѣ; уніа здѣсь вполне восторжествовала, да кромѣ того съ теченіемъ времени многіе русскіе уніаты, особенно на польско-русскомъ рубежѣ, переходили прямо въ католицизмъ и такимъ образомъ дѣлались вполне Поляками ¹⁾. Этому

XVIII столѣтія (Монографіи I. 281). О сношеніяхъ Шумлянскаго съ Россіею см. особенно Самуила Величка Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи (Кіевъ 1851, II, 503, III. 388), С. Соловьева Исторія Россіи XIV. 194; срв. Сводную галицко-русскую лѣтопись 253, 347, 371. Около этого времени искали тоже нѣкоторые православные Русскіе сѣверной Угрии помощь у русскаго царя Петра, покровителя Фр. Ракоцы, о чемъ см. Bidermann, Russische Untriebe in Ungarn (Innsbruck 1867, p. 2 sqq.), тоже Slovenské Pohľady 1886 p. 46. Царь Петръ, какъ союзникъ польскаго короля Августа, бывалъ часто въ русскихъ земляхъ Польши; такъ напр. въ 1698 г. онъ пребывалъ въ Жолкви, Равѣ, и въ православномъ монастырѣ Креховскомъ (см. Холмская Русь I. 334), въ 1707 г. въ Жолкви и Львовѣ, въ 1711 г. съ войскомъ подъ Ярославлемъ; здѣсь онъ пользовался большою популярностію: *Nikt się przed carem darmo nie poskarżył, z najśniejszym gad gadał, na biesiady mieszczan uczęszczał, w obozie najwięcej przebywał, i sam każdemu sprawiedliwość czynił* — замѣчаетъ одинъ современникъ; см. Siarczyński, *Wiadomość histor. i statyst. o mieście Jarosławiu*, p. 111.

¹⁾ Въ холмскомъ и подляшскомъ Забужьѣ замѣчаются слѣды русскаго происхожденія въ говорѣ и обычаяхъ у многихъ Поляковъ католиковъ на рубежѣ польско-русскомъ, да многіе изъ этихъ католиковъ говорятъ по малорусски, о чемъ срв. вышеупомянутыя сочиненія Крыжановскаго и Будиловича, см. Щебальскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1883, кн. 165, стр. 492, Страшкевича въ сб. Холмская Русь II. 453, Труды этнограф.-статист. экспедиціи VII. 364, и др. Подобно тому и на верхнемъ Дунайцѣ, въ нѣкоторыхъ нынѣ польскихъ селеніяхъ сохранились нѣкоторые остатки русскихъ церквей

способствовало тоже недружелюбное отношеніе польскаго католическаго духовенства, шляхты и мѣщанства даже къ униатской Руси, которая не считалась равноправною съ католическими Поляками. Такъ напр. въ карпатскомъ мѣстечкѣ Тыличѣ, подданномъ краковскому епископу, между русскими Лемками, многіе като-

(нынѣ католическихъ) и образцовъ, о чемъ срв. Biblioteka Warszawska 1850, III. 422. Dodatek do Gazety lwow. 1855, № 32 (Ruś sandeska). Въ епархіи перемышльской было въ XVII в. нѣсколько тысячъ приходоѡ (3,000 по словамъ холмскаго епископа Суши, 5,000 по словамъ униатскаго митрополита Коленды), нынѣ только ок. 800; въ епархіи холмской было въ XVII в. 700 приходоѡ, въ XVIII в. менѣе 300, а въ концѣ существованія униі 267. См. упомянутыя сочиненія Петрушевича (о холм. епархіи), Головацкаго, Гарасевича, Поцѣя, Малиновскаго (Die Kirchen— u. Staatssatzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus in Galizien, Lemberg 1861), Шапаневича (Patryarchat wschodni w obec kościoła ruskiego i rzeszypospolitej polskiej, Rozprawę krakow. akademii, wyd. histor. t. 8, 10), Петрушевича (Сводная галичско-русская лѣтопись, Львовъ 1874 и 1887, т. е. матеріалы для исторіи Червоной Руси 1600—1772 гг.). Приведемъ здѣсь два свидѣтельства современниковъ о введеніи униі въ карпатской Руси. Въ 1593 г. Екатерина Ваповская, кастелянша перемышльская, желая „dusznego zbawienia“ своихъ русскихъ подданныхъ около Дынова и соображая, „iż wiele Polaków wiary katolickiej między Rusią mieszkając na ruskie niedowiarstwo dla swawolniejszego żywota przystawali“, рѣшила „cerkwie ruskie na kościoły rzymskiej wiary przemienić, kapłany katolickie w nich postanowić, popu ruskie przątnąć“; католическіе священники и иезуиты должны „dawtać Ruś do kościoła św. rzymskiego, dzieci ruskie chrzczyć“, etc. (Harasiewicz, Annales 53—55). Нѣсколько лѣтъ спустя (1606) православный епископъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій жалуется на жестокое поведеніе униатскаго митрополита Ипатія Поцѣя въ своей епархіи; здѣсь онъ „cerkwi pieczętuje, zabrania chwałę bożą wedle starego zwyczaju cerkwie św. odprawować; on wiele zacnych panów do tego przywiódł, że popów swoich w władcytwie moim gwałtownie iłmusem do posłuszeństwa tegoż ks. metropolity przywiedli; on do władcytwamego takowych osób nasyła, którzy wielkie zamieszanie i nienawiść między ludźmi duchownymi i świeckimi czynić nieprzestają etc. Wielki a nigdy niesłuchany rozruch i niemilość między krześciany urosła; zaczym krzyk, płacz ludzi dla wiary uciśnionych“.

лики приняли православіе; епископъ дозволилъ жить тамъ только уніатамъ (1612), отнялъ церковь у православныхъ и вытѣснялъ ихъ изъ мѣстечка насильственнымъ образомъ. Позже (1682) отнята церковь и у Руси уніатской, какъ это случилось еще раньше въ другомъ сосѣднемъ мѣстечкѣ краковскаго епископа, Мушинѣ, такъ что русскіе уніаты тыличскіе и мушинскіе сдѣлались уже прямо латинскими католиками, а тѣмъ самымъ и Ляхами ¹⁾).

4: Польскіе порядки въ коронной Руси. Бояре, земляне, шляхта, паны. Русь и Поляки. Ополяченіе русской шляхты. Верещинскій, Орѣховскій, Гербуртъ. Польское право на Руси и его русскій переводъ. Города-мѣста на Руси, ихъ ополяченіе, мѣщане польскіе и русскіе. Селяне-кметы.

Галичско-волинское княжество во время своей самостоятельности при Рюриковичахъ рода Ростислава и Романа имѣло свое древне-русское устройство, политическое и общественное: около князя находились бояре (великіе, старшіе, и малые, младшіе)—землевладѣльцы, дѣдичи, отчичи, на своихъ дѣдинахъ-дѣдичствахъ, отчинахъ-отечествахъ, пріобрѣвшіе уже рано много политическихъ правъ и большее значеніе, чѣмъ въ другихъ рус-

mięnństwo polskie, Dodatki, p. 223). О насильственномъ распространеніи уніи въ холмской Руси епископомъ Мееодіемъ Терлецкимъ (1626—1649) см. въ запискѣ холмскаго епископа Якова Суши 1664 г. (у Гарасевича *Annales ecclesiae ruthenae* 298—349); о дѣятельности самого Суши см. его письмо римской пропагандѣ 1681 г. (*Theiner Monumenta Poloniae* III. 682). Срв. Петрушевича, Холмская епархія (1867), Н. Попова, Судьбы уніи въ русской холмской епархіи (Москва 1874), и др. (срв. въ вышеупомянутомъ соч. Ал. Будиловича о милеевской церкви).

¹⁾ См. *Ordynacya komisarzów biskupa krakowskiego przeciwko Rusi po wziętėj cerkwi r. 1636* (Dodatek do *Gazety lwowskiej* 1855, № 34, 35), *Liber fundalis ecclesiae ritus graeci in Tylicz a. 1682* (Зубрицкій: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или галицкой Руси, Москва 1845, приложения, стр. 20—28).

скихъ земляхъ, въ городахъ жили горожане, въ селахъ—селяне, смерды, временно обязанные, но лично свободные, отправлявшіе разныя повинности, наконецъ невольная челядь (рабы); всѣ эти классы народонаселенія подчинены одному общему земскому праву. Земля принадлежала князю, боярамъ, духовенству и общинамъ. Княжество дѣлилось на земли и волости, а населеніе— на тысячи, ста (сотни), десятки, единицы административныя, судебныя, финансовыя и военныя; въ ихъ главѣ стояли тысяцкіе или воеводы, сотскіе (сотники) и десятскіе (десятники), сначала народомъ выбираемые, потомъ назначаемые княземъ чиновники преимущественно судебныя, какъ и другіе княжескіе сановники и чиновники, дворскій или дворецкій, печатникъ, княжесскій дядька, держатели городовъ, дѣтскіе, отроки, тіуны-живуны, стольники, и др. Въ карпатской Руси существовали, какъ и повсюду на Руси, народныя вѣча (а снены—вообще сходки), хотя они здѣсь, вслѣдствіе особаго историческаго развитія этой Руси, рано лишились своего значенія¹⁾. Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ сосѣднею Польшею и Угріею князья галичско-волинскіе и ихъ бояре знакомились съ порядками польскими и угорскими, съ языками польскимъ и особенно латинскимъ, столь необходимымъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними „латинскими“ государствами, съ Польшею, Угріею, Чехіею, съ Нѣмцами, въ томъ числѣ и съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Галичско-волинскій лѣтописецъ, по которому можно себѣ составить хорошее понятіе объ устройствѣ княжества XIII в., знаетъ сосѣднюю Польшу, ея порядки, языкъ и исторію. Хотя онъ польскія учрежденія обыкновенно называетъ по-русски (лядскіе бояре, воеводы, епископы, попы, игумены, церкви и пр.), но изрѣдка онъ употребляетъ и польскія слова, напр. крижевники (т. е. крестоносцы нѣмецкіе), керльшь (какъ пѣли Ляхи *kurie eleison*²⁾), пасати мечемъ (хотя пишетъ всегда по-русски: поясъ), пробощъ (люблинскій), Краковъ городъ (т. е. замокъ, поль. *gród*)

¹⁾ Подробно въ I т. „Славяне“, внутренней бытъ.

²⁾ Такъ пѣли и Чехи: *kerlesn*, какъ видно изъ хроника Косьмы (*Fontes rer. bohém. II. 38*); въ концѣ пѣсни *Nosrodine pomítuj ny po-*

и мѣсто (miasto), а жители—горожане и мѣстичи, и пр. Польскія имена и географическія названія приводитъ онъ то въ русской, то въ польской формѣ, напр. Володиславъ, Святополкъ, Судиславъ Бернатовичъ, Вячеславъ, Воршъ, Судомирь (Sandomierz), Воротьславъ (Wrocislaw, Wroclaw), Вышегородъ (мазовецкій), Индрихъ, Кондрать, Лестько, Межко, Сомовить и пр. Княженіе Болеслава-Георгія мазовскаго въ галичско-волинскомъ княжествѣ сблизило эту Русь еще больше съ Польшею; при немъ разныя учрежденія русскія стали, въ латинскихъ грамотахъ, называться на польскій ладъ: *barones et milites palatini*, т. е. воеводы—тысячскіе, именно въ Белзѣ, Перемышлѣ, Львовѣ, Луцкѣ, надворный судья (*judex curiae*), и др.

Водвореніе польскаго господства въ Карпатской Руси въ половинѣ XIV вѣка раскрыло польскимъ порядкамъ путь въ русскія земли; они выѣстѣ съ громаднымъ наплывомъ польской шляхты мало по малу прививались на Руси и со временемъ почти совсѣмъ вытѣснили русскіе порядки. Въ белзской Руси, присоединенной въ 1396 г. прямо къ Мазовіи, порядки польско-мазовскіе распространились съ самаго начала господства въ ней мазовскихъ князей, раньше и глубже, чѣмъ въ коронной, польской Руси, червонной, холмской, подольской.

Древніе бояре-землевладѣльцы въ княжествахъ галичскомъ и володимирскомъ уже рано приобрѣтали большую силу, вліяли на занятіе княжескаго стола, подобно панамъ польскимъ и угорскимъ. Присоединеніе карпатской Руси къ Польшѣ произвело въ боярскомъ сословіи громадный переворотъ. Вслѣдствіе господства польской народности и вѣры въ карпатской Руси и все усиливающейся польской колонизаціи, именно переселенія туда польской шляхты, бояре въ Руси Червонной, въ земляхъ белзской, холмской, подольской, входили все болѣе въ сношенія съ польскою шляхтою, принимали польскіе гербы; многіе изъ нихъ дѣлались католиками, а такимъ образомъ и „ляхами“ въ отношеніи вѣроисповѣданномъ и народномъ, *панами, землянами (землянами)*,

ется тоже *krles*^v. Слово „вицькій“ въ лѣтописи галичско-волин. — не польское, а угорское (взятое изъ хорватскаго) *vitez*.

шляхтою¹⁾). Такимъ образомъ въ рядахъ земянства карпатской Руси водворился дуализмъ народный и вѣроисповѣдный: земянство было „Поляне и Русь“, „добрые люди шляхты Ляхи и Русь“, „Poloni et Ruteni de nobili genere“. Русскіе земляне долго, глубоко въ XV вѣкѣ, назывались по русскому способу: Васко Кузмичъ, Гаврило и Ванко Кирдеевичъ, Габъ Дядковичъ, Дмитръ Волчковичъ, не только въ грамотахъ русскихъ, а тоже латинскихъ: Hleb Dworscowicz, Wasco Cusmicz, Hriczko Kierdejowicz, Iwanko Ruthenus; другіе стали называться по своимъ имѣніямъ: Заdereвецкіе (Данило-Дажбоговичъ), Ходоровскіе, Быбельскіе, Дѣдошицкіе, Облазницкіе, или Ивашко изъ Бориничъ, Братко изъ Дулебъ, также и въ латинскихъ актахъ: Jurscha Chodorowski, Iwan Zamoszczsky, Czurylo de Stoyanicze, Iwanco Werboticzski, Wolczco Boretinsky, Federko et Fedko filii Wasconis de Malczyce, Stecko de Czerkas, Iwasko de Duleby, Wolczko Przesluha (Przesluzicz) de Rohatyn. Такъ напр. въ списокъ шляхты земель львовской и зучевской (жидачевской) 1464 г., Поляковъ и Русскихъ, шляхта называется по своимъ имѣніямъ, названія которыхъ пишутся обыкновенно на польскій ладъ: Czemieszynce, Strzelczyce, Pomorzany, Czartoryje; немногія сохранили русскія формы: Pohorelec, Duleby, Drewlany; нѣкоторые шляхтичи русскаго происхожденія называются еще по-русски: Iwan, Fedko, Dmitr. Olechno, Jurscha и пр., именно изъ родовъ Ходоровскихъ, Лагодовскихъ, Мальчицкихъ, Гошовскихъ, Дѣдошицкихъ, Балицкихъ, Черкасскихъ и пр.; надписи на печатахъ по большей части латинскія, и только на нѣкоторыхъ еще русскія²⁾).

1) „Бояре“ еще въ грамотахъ 1371—1378 гг., потомъ „земляне, земляне“; „Бояре и земляне“ въ грамотѣ подольскаго князя Александра Коріятовича 1375 г., заподозрѣнной К. Стадницкимъ, но защищаемой Житецкимъ (Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 355) и Молчановскимъ (Очеркъ извѣстій о подольской землѣ, 219); „бояре хмельницкіе“ (въ Подольѣ) въ грам. Швитригайла 1431 года. Еще въ грам. 1427 г. nos bojari, proceres, nobiles, terrigenae Halicien-sea et sic de aliis terris Russiae (Ciolek Liber cancellariae, I, N-ro 116).

2) Akta grodzkie i ziemskie VII. 105.

Название „бояре“—замѣненное польскимъ „паны, земные, шляхта, рыцари“—стало съ тѣхъ поръ означать особый классъ свободныхъ людей, занимавшихъ мѣсто между шляхтою и кметами и обрѣзанныхъ—какъ и литовско-русскіе бояре—преимущественно къ военной службѣ въ замкахъ; они назывались тоже служки. Такіе „бояре“ встрѣчаются въ XVI—XVII вв. въ селахъ земель хомской и львовской, и въ Подольѣ около Скалы, Каменца, Хмельника и Бара¹⁾.

Къ этому коренному русскому земянству прибывала—со временъ польскаго владычества въ Червонной Руси и Белзѣ—шляхта польская, преимущественно изъ Малой Польши (земель краковской и сандомирской) и Мазовіи. Польскіе короли и ихъ намѣстники, епископы и вообще польско-католическое духовенство благопріятствовали такой польской колонизаціи по соображеніямъ экономическимъ, религіознымъ и національнымъ. Польская шляхта получала на Руси отъ короля или посредствомъ браковъ съ русскими шляхтянками земли, города, села, по которымъ стала и называться. Уже во второй половинѣ XIV в. и еще больше въ XV вѣкѣ являются въ Червонной Руси, въ Холмѣ, Белзѣ, Подольѣ польскіе роды: Пилецкіе, Одровонжы, Далейвскіе, Ходецкіе, Мельштынскіе, Кмиты, Тарлы, Тэнчинскіе, Ясинскіе, Конецпольскіе, Фредры, Калиновскіе, Сенявскіе, Конопки, Цебровскіе, Стадницкіе, Буцацкіе—Язловецкіе и др.²⁾.

¹⁾ О холмскихъ и подольскихъ боярахъ см. люстраціи староствъ любомльскаго и барскаго 1564 и 1565 гг. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2; около Бара: wsi ziemiańskie, które tak ślacheście polscy jako i ziemianie abo bojarowie ruscy dzierżą), люстраціи ст. скальскаго 1570 г. (Dodatek do Gazety lwowskiej 1859, Nro 38) и королевскихъ имѣній въ воеводствахъ подольскомъ 1615—1616 гг. (Źródła dziejowe V); о львовскихъ боярахъ см. О Любомирскаго Rolnicza ludność w Polsce XV—XVI w. (Biblioteka Warszawska 1858, I, 244). Еще въ уставѣ цеха портныхъ г. Тернополя (1636) говорится тоже о тѣхъ членахъ цеха, которые работали „u ziemianina i bojarzyna którego w naszym państwie“. (Dodatek do Gazety lwowskiej 1855, Nro 8).

²⁾ Въ Подольѣ поселились польскіе шляхетскіе роды особенно по смерти Витовта; но еще раньше, въ концѣ XIV и въ началѣ XV

Нѣкоторые изъ нихъ приняли свои родовыя названія уже по своимъ русскимъ городамъ и селамъ, какъ напр. Далеѣвскіе по Далеѣву, Бучацкіе по Бучачу, Язловецкіе по Язловцу, Жабокрукіе и Браницкіе (Цебровскіе) по Жабокрукамъ и Браницамъ (Бранцамъ), Бѣлецкіе по Бѣлкѣ и пр. Эта польская шляхта, осѣдлая и дѣйствующая въ русскихъ земляхъ, привыкала къ русскому языку, который былъ столь близокъ ихъ родному языку¹⁾.

вѣка являются въ Подольѣ многіе Поляки или ополяченные Русскіе (изъ Червонной Руси), напр. Спытекъ изъ Мельпигына, Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ, Дерславъ Конопка, Петръ Шафранецъ, Фредро, Бучацкій, Бедрихъ (Бедришко) и др. Около половины XIV в. одинъ изъ подольскихъ князей Коріатовичей, Александръ, принялъ католицизмъ (первый Гедиминовичъ). См. K. Stadnicki, Synowie Gedymina (Lwów 1881, отдѣлъ о Коріатовичахъ и объ исторіи Подолья), Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 года (Кіевъ 1886).

¹⁾ Происхожденіе многихъ родовъ, осѣдлыхъ въ карпатской Руси, надо — послѣ изданія актовъ гродскихъ и земскихъ — вновь разсмотрѣть; такъ напр. Цебровскіе не были Русскіе, какъ думаетъ Шапаевичъ (*Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w 2 poł. 15 wieku*, Lwów 1869, р. 79), а Поляки, происходившіе отъ Бенка изъ Кухарь, который въ 1374 г. получилъ отъ Владислава опольскаго Жабокруки и Бранице въ землѣ львовской съ тѣмъ, чтобъ онъ съ семьей поселился на Руси *propter carenciam populi* (срв. *Akta grod. i ziemskie VII. Nro 10, XIV. pag. XI—XII*). Бучацкихъ-Язловецкихъ считаетъ Шайноха (*Jadwiga i Jagiełło*, Lwów, 1861, III. 245, глава „*Ruś Czerwona*“) Русскими, но они были Поляки и католики (Михаилъ Бучацкій католикъ въ 1379 г.); они, конечно, знали и русскій языкъ, какъ видно изъ русскихъ грамотъ Михаила Бучацкаго, старосты галичскаго (1418 и около 1434 г.), Мужила и Бартоша Бучацкихъ, старосты снятинскаго и подольскаго (1454), Яна Бучацкаго (около 1458 г.); о Бучацкихъ-Язловецкихъ см. К. Стадницкаго *Synowie Gedymina*, Lwów, 1881, стр. 247. Родъ Бирецкихъ или Берецкихъ (изъ Бирчи) былъ русскій православный, какъ видно уже по именамъ его членовъ XV в.: Iwan, Iwaschko, Denko и др.; два изъ этого рода, Анастасій (Аванасій) и Иванъ, были православными епископами (*wladicae*) перемышльскими, и послѣдній называется прямо *nobilis de ritu Gregorum*; поэтому не вѣрно производство Бирецкихъ отъ мазовскихъ Гижицкихъ (по Папроцкому, Несецкому, Бар-

Заселеніе русскихъ земель польскою шляхтою не обходилось однако безъ насильственныхъ мѣръ. Старые русскіе роды боярскіе, потомъ шляхетскіе, часто не могли доказать своихъ правъ на свои дѣдины-отчины, проигрывали въ судахъ процессы, которые начинали противъ нихъ новые польскіе колонисты, получавшіе на эти земли королевскія грамоты. Такъ напр. въ 1421 году полякъ Іоаннъ Бѣлецкій, предъявивъ на львовскомъ судѣ русскаго старосты королевскую грамоту на Бѣлку (по которой онъ и назвался), выигралъ процессъ противъ стараго русскаго рода Лопатичей, который эту свою дѣдину Бѣлку „стратилъ на вѣки и его ближніи“¹⁾. Старинные національные и религіозные счеты между Ляхами и Русью не могли быть вообще заглушены. Они проявлялись часто еще въ безконечныхъ распряхъ между Литвою и Польшею, вспыхнувшихъ по смерти великаго князя литовскаго и русскаго Александра Витовта (1430 г.) и поведшихъ къ кровавой войнѣ изъ-за Волыни и Подолья; послѣднее только тогда окончательно присоединено къ Польшѣ и открылось для наплыва польской шляхты²⁾. Многие польскіе паны, по-

тошевичу, который предполагалъ даже, что польскіе Бирепкіе приняли потомъ православіе). Кромѣ польской шляхты поселялись въ русскихъ земляхъ и другіе шляхтичи, напр. Гербурты изъ опавской земли (см. ст. К. Стадницкаго во львовскомъ журн. *Przewodnik naukowy* 1874, II. 83), Paulus Bohemus de Zahradiszce (1389), Хорваты Ярмолинскіе, и др.

¹⁾ Актъ напечатанъ Р. Губе (*Wyrok lwowski r. 1421, Warszawa 1888*) и И. Линниченко (*Ж. М. Н. П. 1891, июль, 168*). Остальные три акта, напечатанные у Губе, изданы между тѣмъ въ сборникѣ А. Прохаски *Materiały archiwalne wujęte głównie z Metryki litewskiej od 1348 do 1607 r. (Lwów 1890)*. Недостатокъ грамотъ, какъ документальныхъ доказательствъ на землевладѣніе передъ судомъ, вызвалъ уже во второй половинѣ XIV в., а еще больше въ XV и XVI вв. цѣлый рядъ подложныхъ „листовъ“ будто князя Льва Даниловича. См. Востокова, *Описаніе рукописей Румянцова. № 69, и статью Линниченка.*

²⁾ О Подольѣ смотри вышеупомянутыя сочиненія Стадницкаго и Молчановскаго; тоже Владимирскаго-Буданова: *Населеніе югозапад-*

лучивши въ 1442 г. отъ короля Владислава города и селенія на Руси и Подольѣ, прогоняли оттуда старинныхъ жителей и дѣдичей, которые въ отчаяніи бѣжали къ Татарамъ и побуждали ихъ къ наѣздамъ на русскія земли и на тѣ имѣнія, откуда были прогнаны. Они бывали вѣроятно и въ числѣ татарскихъ „козакъ“, сброда бѣглецовъ и разбойниковъ, которые опустошали русскія земли¹⁾. Недостатокъ населенія въ карпатской Руси вѣсть съ нерадѣніемъ польскаго правительства въ виду постоянныхъ наѣздовъ татарскихъ²⁾ вызывали часто вопросъ объ уси-

ной Россіи отъ половины XIII до пол. XV в. (Архивъ югозападной Россіи VII. 1, 2).

¹⁾ Срв. Длугоша *Histor. Polon.* IV. 422, 683, V. 530, рассказы къ 1430, 1442 и 1469 гг. „*Augebant autem hujusmodi malum baronum Poloniae ambitio, quia a rege donationibus oppidorum et villarum in terra Russiae et Podoliae impetratis, antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi ad Tataros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerant, inducebant*“. Къ 1469 г. упоминаются впервые *козакки*: *frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis praedonibus et exulibus, quos sua lingua kowacos appelabant, collectus*. Къ разсказу Длугоша относится напр. процессъ львовскихъ русскихъ землянъ Лопатичей Чеперовскихъ противъ Іоанна Далеевскаго (1444—1446 гг.), который выпросилъ себѣ село Чеперовъ у короля; но Чеперовскіе доказали, что село не королевское, а ихъ старинная дѣдина, что они ея старыя „отчичи“; см. *Akta grodzkie i ziemskie* XIV. Ngo 946, 1577, и др. Эти Чеперовскіе не хотѣли однако присягать по русскому обычаю, о чемъ см. выше, стр. 47. Темныя слухи о такихъ притѣсненіяхъ въ Червоной Руси доходили и на Литву, которая тогда боролась противъ притязаній Поляковъ на унию Литвы съ Польшею. Литовско-русскій лѣтописецъ XVI в. (изд. Нарбуттомъ, 57), говоритъ, что черезъ годъ послѣ коронаціи короля Казимира паны польскіе на сеймѣ въ Парчевѣ „вмыслили пановъ литовскихъ порезать, а княство литовское до коруны привлациать, и потомужь вчинити, какъ вчинилъ (король) надъ паны русскими, премысльскими, позвавши ихъ до рады, и тамъ порезали и Премысль засели“.

²⁾ Вотъ напр. какъ описываетъ Длугошъ (V, 608) наѣздъ Татаръ на Подолье и Русь 1474 г.: „*gemitus et ploratus in Podolia et aliis Russiae locis, suorum carorum mortes et abductiones, ab his, qui*

ленной колонизаціи русских земель и о лучшем устройствѣ вооруженныхъ ея силъ. Въ началѣ XVI в. представленъ планъ о такой колонизаціи людьми изъ разныхъ западно-европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ также Чеховъ; эти послѣдніе пойдутъ можетъ быть на Русь ради торговли и славы, которой они всегда жаждутъ; они вообще приносятся къ новымъ странамъ и обычаямъ, и такъ будетъ тѣмъ скорѣе на Руси; что они приходили бы изъ славянскихъ странъ, и полагаютъ, что они самый знатный изъ славянскихъ народовъ¹⁾.

Число шляхты изъ „Ляховъ“ на Руси все увеличивалось не только новыми пришлецами—землянами польскими, а также все поступающими въ ихъ ряды лицами русской шляхты, которая принимала католицизмъ, а тѣмъ самымъ и польскую народность²⁾. Важную роль играли здѣсь браки Русскихъ съ Польшками и вообще родство Русскихъ съ Ляхами, съ ихъ гербами. Такъ напр. въ 1441 г. русскій шляхтичъ Сенко Быбельскій, женихъ польки Ядвиги Фредровны, долженъ былъ передъ бракомъ сдѣлаться ка-

residui erant, deplangentium, et suos principes atque rectores execrantium, usque ad Altissimi pertingens thronum, andiebatur: interim justa forsitan effervens rabie, ut niterentur sibi de alio principe providere, videntes, se non solum ab ope, sed etiam omni spe destitutos.

¹⁾ Уляницкій: Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи (Москва 1887, стр. 236). Замѣтимъ, что около этого времени въ подольскомъ Каменцѣ былъ чешскій гарнизонъ; срв. „Славяне“ III. Ч. I. стр. 253.

²⁾ Любопытны слова католическаго архіепископа галицкаго Якова, которыя онъ сказалъ по поводу основанія католической церкви русскимъ земляниномъ Іоанномъ Ключомъ (панъ Ключъ Вишнянскій въ русской грамотѣ 1414 года) въ его дѣдинѣ Вишнянахъ, (1400); архіепископъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что при немъ „eadem provincia haliciensis orthodoxis pro magna parte sui tamquam choruscantibus gemmis preciosis principibus et baronibus est illustrata, per quos divinus cultus crescit in eisdem partibus cotidie ac augetur, scismaque mira dei dispensacione decrescit et exstirpatur“, и желаетъ, чтобъ примѣръ Ключа подѣйствовалъ и на другихъ. (Грамоты напечатаны въ изд. *Dodatek do gazety lwowskiej* 1851, Nro 39, 1852, Nro 25, 26, 27).

толикомъ или, какъ тогда говорилось, „окреститься“¹⁾. Рускіе шляхтичи Чеперовскіе доказывали передъ львовскимъ судомъ (1445—1446 г.) право—какъ отчичей на свою дѣдину тоже тѣмъ, что ихъ предки были не только „шляхта русскаго рода“ (*nobiles de ruthenicali genologia*), а тоже „шляхта Ляхи“ (*nobiles Lachi*); они, хотя себя называли землянами издавна русскими (*terrigene ab antiquo Rutheni*), не хотѣли однако уже присягать по русскому обычаю, а непременно—какъ католики²⁾. „Ляхами“ сдѣлались Клюсы (Клюши), Кирдеи (Кирдеевичи, Кердеевичи), Ходоровскіе, Давидовскіе, Лоевичи, Быбельскіе, Бѣлецкіе, Мальчицкіе, Дѣдошицкіе (нын. графы Дзедушицкіе), и др.³⁾. Въ родѣ Дѣдошицкихъ первый католикъ былъ Іоаннъ въ началѣ XVI в., но его сыновья и внуки Вячеславъ были опять православные; Вячеславъ Дѣдошицкій, котораго называетъ еще Рей (*Zwierzyniec*, 1562) „Грекомъ“, принялъ только передъ смертью († около 1583) съ семействомъ католицизмъ⁴⁾.

Русское происхожденіе многихъ родовъ, не говоря о генеалогическихъ данныхъ, можно узнать тоже по русскимъ именамъ, употребляемымъ въ тѣхъ родахъ и тогда, когда они сдѣлались „Ляхами“-католиками, но продолжали еще долго употре-

1) Akta grodzkie i ziemskie XIII, N-ro 1491.

2) Akta grodzkie i ziemskie XIV, N-ro 946, 1277, 1577; см. тоже выше, стр. 65. Лопатици Чеперовскіе приводятъ въ этомъ дѣлѣ *nobiles de ruthenicali genologia Michaellem de Remynno, Hlepkonem de Chilczicza, Fedorkonem Moschenski, Dimitronem de Lahodow, Jurgiy de Lahodow, Olechnonem de Borschow, Chodkonem de Stanimirz, Dimitronem de Czanstin; nobiles Lachos Nicolaum de Romanow, Nicolaum de Dawidow, Johannem de Hermanow, Stanislaum de Chodorowstaw*; но и эти „Ляхи“ Романовскіе, Давидовскіе (Осташко Д. упоминается въ русскихъ грамотахъ, 1386, 1414, 1422 гг.), Германовскіе, Ходоровскіе были по происхожденію тоже русскіе земляне.

3) Случалось, что одни члены и линія одного рода были католики, другіе остались православными; такъ напр. панъ Иванъ Ключъ изъ Вижнянъ былъ ок. 1400 г. католикъ, а двѣсти лѣтъ спустя (1600) другой Иванъ Ключъ былъ православный, членъ львовскаго ставропигійскаго братства.

4) Kronika domowa Dzieduszyckich (Lwów, 1865).

блять родной языкъ русскій. Приведемъ нѣсколько такихъ при-
мѣровъ изъ латинскихъ актовъ XIV—XV вѣковъ съ прибавле-
ніемъ именъ, встрѣчающихся въ немногихъ русскихъ актахъ кон-
ца XIV и начала XV вѣковъ: Балицкіе, (Татомиръ, Нгуско, Ste-
ско, Danko), Бирецкіе (Elena, Denka, Iwanko), Боратинскіе
(Dimitr, Hleb, Iwaszko, Wolczko), Боршовскіе (Olechno, Fed-
ko, Michno), Быбельскіе (Ходко-Chodko, Андрейко-Andrejko,
Грицко-Нгуско, Iwan, Kostko-Koscej, Wasko, Semon-Senko,
Duchna), Бѣлецкіе (Budko, Fedko), Давидовскіе (Осташко,
Ostaszko), Дѣдошицкіе (Dimitr, Jacko), Замостьскіе (Senko,
Iosko, Iwan, Piechno, Michno, Wanko, Навгуло, Wolczko,
Fenka, Nastka), Кирдеевичи (Нгуско, Ванко-Wanko), Ларо-
довскіе (Iwaszko, Dimitr, Jury), Лоевичи (Стецко, Ходко,
Волчко сыновець пана Ходковъ Лоевича, вѣроятно Волчко Пере-
служичъ, Преслужичъ, Wolczko de Rohatyn), Лопатки или Ло-
патичи-Чеперовскіе-Осталовскіе (Sopron, Roman, Iwaszko, Sen-
ko, Mitko, Иванъ Юрьевъ), Мошенки, Мошенчичи-Мальчиц-
кіе (Fedorko, Fedko, Jury, Wasko, Нгуско, Senko, Oluchna,
Nastka), Неслуховскіе (Olechno, Stecko, Iwan, Ostaszko), Ре-
меновскіе (Michalo, Lazar), Романовскіе (Hleb, Dmitrius), Ры-
ботскіе, Рыботицкіе, (Fedko, Jurko, Ihnatko, Wasko, Iwan-
ко-Иванко, Радко), Ритеревичи, Рытеровскіе (Нгуско, Iwasko),
Свистельницкіе (Iwan, Wasyl-Wasko, Anastasia), Станиширскіе
(Wasko, Danko, Iwanko, Hleb, Stecko, Kuprian, Chodko Ru-
thenus), Хилецкіе (Hlebko, Wasko, Ihnatko), Ходоровскіе
(Jursza-Georgius, Klichua), Шейтицкіе (Hlib, Fedor. Senko),
Шумлянскіе (Fedko, Jurko, Ihnatko, Iwanko, Wasko), и др.
Этотъ обычай употреблять въ латинскихъ и польскихъ актахъ
русскія, а не польскія формы извѣстныхъ именъ христіанскаго ка-
лендаря во многихъ родахъ первоначально Русскихъ, но потомъ
Ляховъ, сохранился до XVII вѣка включительно; въ рядахъ шлях-
ты львовской и жидачевской половины XVII в. встрѣчаются въ
польскомъ актѣ многія такія имена: Fedor-Fedko, Hrehory,
Iwan, Wasyl-Wasko, Навгуло, Нгуи, Dumitr, Ihnat, Нгуѣ
и др. въ родахъ Чайковскихъ, Лозинскихъ, Гошовскихъ, Бе-
резовскихъ, Струтинскихъ (у нихъ даже съ отчествомъ Leś

Pawłowicz, Stefan Olechnowicz, Hryć Witowicz, Iwan Daszkowicz), Витвицкихъ (Wasko Demkowicz, Fedko Andruszewicz), и др. ¹⁾.

Въ русскихъ родахъ нерѣдко водворялся дуализмъ вѣроисповѣданія; одни члены остались православными, и такимъ образомъ сохранили болѣе свой русскій характеръ, не говоря о принятіи ими многихъ чертъ польскаго быта; другіе члены рода сдѣлались „Ляхами“—католиками Поляками. Въ началѣ XVI в. въ холмской землѣ жилъ православный русскій землянинъ Федоръ Верещинскій; его жена, урожденная Сосновская, была сестра православнаго епископа холмскаго Ивана; другой ея братъ Григорій принялъ, не смотря на всѣ отсовѣтыванія родителей, католицизмъ, и пользуясь покровительствомъ католическаго епископа холмскаго сдѣлался католическимъ священникомъ. Когда у Федора Верещинскаго родился сынъ, то католикъ Сосновскій поспѣшилъ предупредить своего православнаго брата и окрестилъ его по-католически именемъ Андрея къ большой досадѣ епископа Ивана и отца Федора, который жаловался, что католикъ Сосновскій сдѣлалъ его сына „бѣсовымъ Ляхомъ“. Мальчикъ учился дома русской грамотѣ у дьяка; но католикъ Сосновскій сманилъ его къ себѣ и воспитывалъ, желая сдѣлать изъ него тоже священника; однакожь молодой Верещинскій избралъ военную службу и поселился потомъ въ Холмской землѣ и жилъ, хотя и „Ляхъ“, въ дружбѣ съ родителями ²⁾. Такія довольно дружелюбныя сношенія шляхты

¹⁾ Popis rozpolitego ruszenia szlachty lwow. i zydzaczow. 1651 г. (Akta grodzkie i ziemskie I. № 42).

²⁾ Всю эту исторію рассказываетъ сынъ Андрея, Іосифъ Верещинскій, католическій каноникъ холмскій, абать сецеховскій и наконецъ епископъ кievскій, въ книжкѣ: Wizerunek na kształt kazania (Kraków 1585), а еще раньше В. Папроцкій: Herby rycerstwa polskiego (Kraków 1584, р. 544); срв. тоже статью Шайнохи: Jak Ruś polszczała (Szkice historyczne IV. 175). Іосифъ Верещинскій былъ извѣстный польскій писатель, авторъ проповѣдей и разныхъ сочиненій моральныхъ и политическихъ; онъ много мечталъ и писалъ о войнѣ христіанъ противъ Турокъ, и объ освоеніи рыцарскаго ордена въ Украинѣ на нижнемъ Днѣпрѣ; онъ старался дѣйствовать въ та-

Ляховъ и Руси не были необыкновенны именно въ XVI вѣкѣ, поглощенномъ разными вѣроисповѣдными мудрствованіями, и поэтому довольно вѣротерпимомъ. Протестантизмъ кальвинскій нашель себѣ и въ коронной Руси сторонниковъ, въ родахъ Горайскихъ, Сенявскихъ, Бучацкихъ, Дорогостайскихъ, Дрогоёвскихъ, Потоцкихъ, Стадницкихъ, Реевъ, Замоискихъ, Жолкевскихъ и др. Такое разнообразіе вѣроисповѣдныхъ мнѣній въ Польшѣ при королѣ Сигизмундѣ Августѣ способствовало тоже пережѣнъ во взглядахъ многихъ Поляковъ, не только протестантовъ, но тоже католиковъ, на православную русскую церковь, которую въ Польшѣ привыкли считать все „схизмою“ и—въ виду постепеннаго усиленія и обаянія Москвы въ русскомъ мірѣ—даже опаснымъ Польшѣ вѣроисповѣданіемъ. Равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій въ Польшѣ при благоразумномъ королѣ Сигизмундѣ Августѣ стали многіе Поляки считать лучшимъ укрѣпленіемъ своего отечества и прославляли своего короля: онъ де уничтожитъ тоже „ссоры между латинянами и Русью, которыя породили столько кровопролитій, столько смутъ въ Рѣчи посполитой ¹⁾“.

Такой благоразумный взглядъ на православную греческую, русскую вѣру раздѣлялъ тоже одинъ изъ первыхъ польскихъ писателей тѣхъ временъ, Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ перемышльской земли, сынъ польскаго шляхтича и русской поповны. Онъ, католическій священникъ, каноникъ перемышльскій, заклятый врагъ всѣхъ ересей—въ томъ числѣ и чешскаго гуситства,—относился всегда дружелюбно къ русскому православію, вѣроисповѣданію своей матери, и, хотя и желалъ уніи церкви западной и восточной, защищалъ всетаки русскій народъ и православную церковь противъ католическихъ фанатиковъ, утверждая, что православные Русскіе—добрые христіане; да одно время онъ даже самъ хотѣлъ присоединиться къ русскому православію; впервые онъ въ молодости хотѣлъ

комъ смыслѣ и на русскаго царя Федора Ивановича. См. I. WereszcuŃskiego Pisma polityczne (wyd. I. Turowskiego, Kraków 1858).

¹⁾ Такъ выразился сандомирскій депутатъ Зомбскій на пѣтровскомъ сеймѣ 1559 г. См. L. Kubala: Stanisław Orzechowski (Lwów, 1870, p. 47).

сдѣлаться православнымъ священникомъ, чтобъ избѣгнуть неестественнаго и ненавистнаго целибата, а позже, преслѣдуемый католическою іерархіею за свой бракъ, онъ намѣревался примкнуть опять къ православной русской церкви и въ ней проводить и кончить свою жизнь ¹⁾. Орѣховскій называлъ себя—въ виду своего русскаго происхожденія по матери и по поводу своей родины „Руси“ (воеводства русскаго, Russia)—часто Русскимъ (Ruthenus, Russus, Rusin, hruby Rusin) ²⁾; но, чувствуя себя вполне польскимъ

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя мысли Орѣховскаго (изъ сб. Orichowiana. Opera inedita et epistulae St. Orzechowski, ed. I. Kozłowski, Cracov. 1891, I): Ego in Ruthenorum ecclesiis, graeco ritu constitutis, versari errorem nullum scio, ne illum quidem de Spiritu sancto... ceterum matrimonium sacerdotum et plebis calicem, id error non est, sed ipsissima veritas (p. 218). Quae gentes atque integrae nationes schismatis nomine a papa romano notatae sunt non aliam ob causam, nisi quod religionibus vetustis et sacerdoti uxorem et plebi suam linguam faventissime conservarunt (p. 451). Dissidium hoc (въ вѣроисповѣданіи) reperit absurdum et reprehendendum, ut alii Latini, alii Graeci, alii Rutheni, alii Poloni in Russia appellentur, ut quasi familiae dissentientes inter se et arrogantes magis quam disjunctae aut dispares, alteri sibi solis debere possessionem ecclesiae contendant, alteri vero tanquam commune patrimonium derelictum a communi parente adeant jure cum Romanis pari. (p. 41). Орѣховскій изо всѣхъ силъ стремился уничтожить разныя такія злоупотребленія—abusus, quibus improbiissimi idemque avarissimi atque ignavissimi homines efficiunt, ut Ruthenus Polonum, Polonus vicissim in Russia damnet Ruthenum, quae omnia ad ipsius Christi domini nostri contumeliam fiunt. (p. 311, и срв. 315 жалобы Орѣховскаго на фанатизмъ перемышльскаго католическаго епископа). Si ex ecclesiae latinae pellar, non in partem haereticorum, sed in illam veterem atque sanctissimam ecclesiam Graecorum concedam... cum hominibus graecis communicabo... idque instituto majorum meorum maternorum faciam, qui omnes alto a sanguine graeco fuerunt creti (p. 463).

²⁾ Такъ часто въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ (Ruthenum me esse et glorior et libenter profiteor, memor generis graeci ac sanguinis ruthenici, unde cretus ortusque sum, etc.), хотя онъ зналъ, что majores mei a Polonis oriundi etc.; срв. Orichoviana, 30, 38, 219, 588. Въ соч. Chimaera sive de Staneari funesta regno Poloniae secta (1562) Орѣховскій выражается такимъ образомъ: Est mihi genitrix Polonia, pro-

шляхтичемъ, Полякомъ, гражданиномъ польской Рѣчи посполитой, онъ называлъ себя „родомъ Русскій, а народомъ Полякъ“ — *gente Ruthenus, natione Polonus*, а въ своихъ рѣчахъ онъ могъ говорить къ шляхтѣ польской и къ русской (изъ Руси) „мы Поляки“, или иногда и на русскій ладъ (по-польски) „*my Lachowie*“¹⁾.

Орѣховскій зналъ, кромѣ языковъ латинскаго и греческаго, польскаго и русскаго, тоже языкъ церковный словѣнскій (*słoweński, bułgarski*), который онъ очень уважалъ, а отчасти и чешскій; онъ называлъ свв. апостоловъ Славянъ, Кирилла и Меѳодія, переведшихъ съ языка греческаго на словѣнскій священныя книги и для Руси, „величайшими гениями Славянъ—*maxima genia inter Schlavos*“²⁾. Орѣховскій счелъ возможнымъ вводить въ польскій языкъ и нѣкоторые слова словѣнскія и русскія, напр. *kierchmasz albo prażnik* (праздникъ); *krzyż któru po słowiańsku krzest zowia*; славянское *король* сравниваетъ съ гре-

creatrix Ecclesia, atrix Roxolania, patria Peremislia, postremo Orichovianum est mihi natale rus et solum.

¹⁾ Высокое мнѣніе Орѣховскаго о польскихъ шляхетскихъ привилегіяхъ видно напр. по слѣдующимъ его словамъ, обращеннымъ къ литовцамъ: „*O niewolny Litwinie! mnie wolnego słuchaj Polaka... z niewolnika wolnym wolnością swą cię czynię, jakom też niewolnego przed laty Rusina wolnym i swobodnym panem, i równym we wszem sobie uczynił, z którym w ziemi jego mieszkam, i gruntu jednego z nim używam, wszystkiego na polu z nim mam, nie jako z sąsiadem, ale jako z swym własnym bratem. Grunt i wszystko księstwo ruskie ja Polak dobywszy go pod ruskimi pany, pod srogimi tyranu, w jednym ciału królestwa polskiego, pod jednym królem i pod jednym prawem złączył*“. (Quincunx, t. j. wzór korony polskiej na cynku wystawiony, 1564). Но одинъ Литовець въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ Орѣховскому (*Rozmowa Polaka z Litwinem, 1564*) возразилъ: „*Nie wiem co za libertas u was... iżeście insze stany uciśnęli, iż ich sobie prosto za nic nie macie, stan miescki i oracki ledwo ludźmi być rozumiecie, czasem wzgardziensze niż żydy i podlejsze poczytacie, rychlój o żydowską niż o ich wolność się zastawicie*“. Срв. *Przewodnik naukowy i literacki, 1891, p. 916.*

²⁾ *Orichoviana p. 39.*

чекимъ *κίρανος* (kiran): Polacy jako i ini słowiańskiego języka ludzie, z greckiego *κίρανος*, u Węgrów kiral, u Rusi korol, u nas Lachów król; подобно тому онъ слово кметъ (кмієць) считаетъ греческимъ *κρηστής*: robotny człowiek kмієць-кмит starzy Słowacy грециемъ словомъ назвали; lichwa—якобы jakie osobliwe złe, bo lichy po słowiańsku złą rzecz znamiętuje¹⁾.

Въ русскихъ земляхъ саночкой и перемышльской, находящихся на польскомъ рубежѣ въ сосѣдствѣ земель краковской и сандомирской, Русь и Ляхи искони сносились и сталкивались, и какъ-бы поини воли приучались смотрѣть другъ на друга не всегда съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія. Еще въ концѣ XVI в., уже во время приготовленій къ униі, раздается съ католической стороны жалоба на многихъ Поляковъ, живущихъ между перемышльскою Русью, что они присоединяются къ „русскому полувѣрью—на *ruskie niedowiarstwo*“²⁾. Даже не всѣ католическіе епископы перемышльскіе XV—XVI вв. относились къ православной Руси съ обязательною для нихъ враждою, и заботились о православныхъ понахъ и церквахъ въ своихъ имѣніяхъ, какъ напр. епископъ Валентинъ Гербортъ изъ Фульштейна (Фель-

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 88, 135, 149, 151, III. 126, 245. О Ст. Орѣховскомъ см. гр. I. Оссолинскаго *Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej* III. (w Krakowie 1822), гр. Ст. Тарновскаго *Pisarze polityczni XVI w.* (w Krakowie 1886, I), вышеупомянутую статью Кубали, и ст. Сумцова (Кіев. старина 1888, ноябрь). Русскіе знали мысли Орѣховскаго о православной церкви, авторъ „Апокрисисъ“ (1597—1599), и Зах. Копыстенскій (Палинодія 1621, по изд. въ Русской истор. бібліотекѣ IV. 606, 931, 997, 1162, VII. 1577). Копыстенскій восхваляетъ Орѣховскаго: „То правый и старый правды мовца Ляхъ. О! гды бы и нынѣшніи панове Поляцы такъ читали, шановали и поважали св. столицу Константинопольскую, теды нѣгды бы зъ нами, братією своею, которыхъ одинъ народъ роксолянскій сплодилъ, одна отчизна—корона польская выховала, и одна Константинопольская столица вѣры Христовы научила,—нѣгды бы зъ нами, братією своею, въ шранки о вѣру не вступовали“.

²⁾ См. выше, стр. 11, примѣчаніе.

штына), который помогалъ православнымъ Русскимъ въ своихъ ипѣвнѣихъ строить церкви (1562—1566)¹⁾. Одинъ изъ его преемниковъ, Павелъ Пясецкій (съ 1644 г.), прежде епископъ въ подольскомъ Каменцѣ и въ Холмѣ, былъ въ тѣ бурныя времена фанатическихъ вѣроисповѣдныхъ споровъ человекъ необыкновенный; онъ, Полякъ изъ сандомирской земли, жившій много лѣтъ въ русскихъ земляхъ, относился къ православному русскому народу и козакамъ съ симпатіею, и—что особенно замѣчательно—не долубливалъ дельяннаго католическою польскою іерархіею дѣтища, *unii* (такъ онъ пишетъ это слово всегда въ своей всемирной хроникѣ), называя ее главнымъ источникомъ всѣхъ смуть въ тогдашней Польшѣ²⁾. Пясецкій еще какъ епископъ холмскій выступилъ рѣзко противъ холмскихъ уніатовъ, утверждая, что русскіе уніаты католической церкви вреднѣе, чѣмъ православные (*disuniti*³⁾. Не забудемъ, что въ перемышльской землѣ съ конца XVI в. и съ начала XVII в., именно при одномъ изъ предшественниковъ Пясецкаго, Сецинскомъ, шла ожесточенная борьба между православіемъ и уніею, поддерживаемою епископомъ Сецинскомъ⁴⁾.

¹⁾ Pawłowski, *Premislia sacra*, 297, 319; Prochaska въ статьѣ о Радымѣ (*Przewodnik naukowy* 1891, p. 774).

²⁾ По его словамъ православные противники уніи „*omnibus populis suis adeo exosam fecerunt, ut audito solo unionis nomine, ab omni de ea tractatu prorsus abhorreant, et nihil magis hucusque quam tumultus istorum seditiosi et querelae perennes pro unione et contra unionem rem publicam polonam turbant*“. (*Chronica gestorum in Europa, Cracoviae* 1645, p. 165).

³⁾ Harasiewicz, *Annales ecclesiae ruthenae*, 352.

⁴⁾ Взглядъ польскаго епископа Пясецкаго на дѣла восточнаго Славянства крайне не понравился его новѣйшему биографу, Юл. Бартошевичу: „*Piasecki nie lubi unii religijnej, której wszędzie przymawia, jego całe współzucie ma suzma. Nigdy nie mówi o unii jako o kościele, który powstał natchnieniem i potrzebą naprawy upadłej cerkwi, ale jako o wymyśle ludzkim, unitów ma za wichrzycieli i zawsze, o nich mówiąc, pisze: tak zwani unicy; samo nazwisko unitów odmiennemi głoskami drukuje. Niepojęta jest w nim, biskupie, ta zaciętość dla katolickiego obrządku, dla cudownych ducha spraw, które wywołało święte wes-*

Энергическій голось въ защиту Руси раздается въ началѣ XVII вѣка изъ саночкой земли, именно изъ Добромила, города Гербуртовъ (Гербортовъ) изъ Фульштына (Фельштына), переселившихся въ концѣ XIV вѣка изъ опавской земли въ карпатскую Русь, и здѣсь вполнѣ ополчившихся¹⁾. Въ началѣ XVII вѣка уніа распространялась всѣми средствами въ земляхъ русскихъ; православная шляхта и епископы—въ томъ числѣ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій²⁾—протестовали противъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Въ перемышльской землѣ явился, по смерти Копыстенскаго (1610), уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій, который, поддерживаемый католическимъ епископомъ перемышльскимъ Станиславомъ Сецинскимъ, оспаривалъ перемышльскую епархію у православнаго епископа³⁾. Вмѣстѣ съ этими вѣроисповѣдными вопросами Польша волновалась тогда возстаніемъ Зебридовскаго—въ которомъ играли видную роль не католики, — московскими дѣлами и московскою войною. Въ тѣ бурныя времена *Іоаннъ Феликсъ Гербуртъ*, ученый и просвѣщенный польскій панъ, жилъ и дѣйствовалъ—послѣ возстанія Зебридовскаго, въ которомъ онъ тоже принималъ участіе—въ Добромилѣ, слѣдилъ за политическими событіями и издавалъ въ своей типографіи разныя книги на языкахъ польскомъ и латинскомъ. Іоаннъ Гербуртъ,

technienie Rusi“. (Kronika P. Piaseckiego, polski przekład, Kraków 1870, p. LVIII, LIX, срв. XLII). Пиасецкій не любилъ не только „святого вѣтра Руси“, но также иезуитовъ, Нѣмцевъ, Габсбурговъ, и, какъ истый Славянинъ, съ любовью вспомнилъ о свв. апостолахъ славянскихъ, Кириллѣ и Меѳодіѣ; см. „Славяне“ П. 93, 74, 167. Пиасецкій только въ имѣніяхъ своей епископіи не могъ не поддерживать уніа; см. Pawłowski, Premislia sacra, 459.

¹⁾ Герборты или Гербурты были родъ нѣмецкій, поселенный оломуцкимъ епископомъ Брунономъ въ опавской землѣ; одинъ Гербуртъ (Гврьбортъ) защищалъ, вмѣстѣ съ двумя панами Бенешевичами, въ 1253 г. опавскую землю противъ Данила Романовича галичско-волынскаго, о чемъ см. галичско-волынскую лѣтопись (изд. археограф. комис., 548). О Гербуртахъ см. выше (стр. 64) упомянутую статью К. Стадницкаго.

²⁾ См. выше, стр. 74, и Павловскаго Premislia sacra, 366.

католикъ, Полякъ, любилъ русскій народъ, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ, изъ котораго происходила и его жена, русская княжна Елисавета Заславская, хотя уже католичка; виѣсть съ тѣмъ онъ, зная Польшу, Русь и Чехію—гдѣ онъ былъ въ 1590 г.—былъ тоже ревностнымъ Славяниномъ¹⁾. Не даромъ польскій поэтъ Каспаръ Мясковскій прославляетъ І. Гербурта, „славянскаго Геркулеса“, какъ онъ озаглавилъ свою поэму „Herkules słowieński“, изданную въ Добромиль (1612): этотъ славянскій Геркулесъ—Русскій (Rusin), украшеніе русской земли, который живетъ на сѣверѣ, гдѣ процвѣтаетъ нынѣ держава внуковъ Лѣха, кровь Славянъ! Самъ Гербуртъ, въ предисловіи къ поэмі Мясковского, вспоминаетъ объ обоихъ славныхъ польскихъ поэтахъ, Реѣ и Кохановскомъ, этихъ пѣвцахъ „пѣсни богини славянской“, восхваляетъ тоже Мясковского, что онъ „столь прелестно одѣлъ эту славянскую дѣвушку—*żeś nam tę dziewoję słowieńską tak strojno ubrał*“, и желаетъ поэту, „украшенію языка и славы славянской“ многихъ лѣтъ: „*choć waj cię boże długo ozdobo języka i sławy słowieńskiej!*“²⁾ Въ приложенномъ къ поэмі Мясковского разговорѣ Геркулеса съ Счастьемъ и Доблестью—родѣ автобіографіи,—Счастье говоритъ Геркулесу, чтобъ и Славяне искали груши въ пещѣ, что оно любитъ славянскій языкъ; Доблесть же приводитъ изреченія о счастіи Грека и Латинина, а также „моего славнаго Славянина“, и говоритъ „о твоихъ доблестныхъ Славянахъ“. Гербуртъ, зная русскій языкъ, сообщаетъ въ этой статьѣ одну русскую пѣснь и двѣ русскія пословицы³⁾. Іоаннъ Гербуртъ, понимая всю важность отечественной исторіи, издалъ въ своемъ Добромиль лѣтопись Викентія Кадлубка, аналы Орѣховскаго, и начало польской исторіи Длугоша, котораго онъ справедливо назвалъ „первенствующимъ въ славянской исторіи—*princeps historiae slavicae*“; изданію всей исторіи Длугоша помѣшала глупость современниковъ⁴⁾.

¹⁾ О. І. Гербуртъ см. ст. А. Соколовскаго въ журн. Biblioteka Warszawska 1883, II. III.

²⁾ См. „Славяно“ II. 161.

³⁾ Срв. Вишневецкаго *Historia literatury polskiej* VII. 122.

⁴⁾ Срв. „Славяно“ II. 101.

Такой польскій и славянскій патриотъ не могъ молчать въ виду ужасной братоубійственной борьбы между Поляками и Русскими изъ-за „уни“ и всѣхъ ея послѣдствій, и дѣйствительно заговорилъ, и не какъ Полякъ римскій фанатикъ, а какъ истый Полякъ Славянинъ. На сеймѣ 1613 г. панъ Іоаннъ Гербуртъ представилъ свое мнѣніе о народѣ русскомъ — *Zdanie o narodzie ruskim*¹⁾. „Той рану задееть въ сердце отчизнѣ нашей, хто колвекъ право еи дамлетъ, згуду межи народами, зъ которыхъ есть полская речъ посполитая зложена, розрываетъ, тотъ въ сердце отчизну забиваетъ. Такая есть колотня, которую зачали зъ народомъ рускимъ, братьею и кровью нашею, тая есть якъ рана сердечная, которая бы наменьшая была, смерть приноситъ. Вѣдаю добре, што ея почавши отъ зызду берестійского онимъ дветъ. Тое вѣдаю добре, якъ на сеймикахъ надѣю имъ чинять, а на сеймахъ зъ нихъ смѣхи строить. На сеймикахъ братьею зовуть, а на сеймахъ отщепенцами. Чого они хотять по томъ зацномъ народѣ, якую раду и до которого цѣлю зибряють? того я жаднымъ способомъ розумѣти не могу. Бо если того хотять, абы Руси не было въ Руси, то есть речъ неподобная, и такое подобенство есть, яко бы ся имъ хотѣло, жебы тутъ море было коло Самбора, а Бесчадъ коло Гданска. Жаденъ того розумъ, жаденъ гвалтъ перемочи

¹⁾ Это *Zdanie o narodzie ruskim* собственноручной рукописи Гербурта находится въ экземплярѣ книги *Wizerunek utrapionej Rzeczypospolitej i prawda Piotra Grzegorzewicza. Przy tym Herceulea słowieński K. Miaskowskiego. (Dobromil 1616)*, хранящемся въ университет. библиотекѣ львовской (Hagasiwicz, *Annales* 40, Петрушевича Сводная галицко-русская лѣтопись, 63). По другой рукописи (виленской) издано въ сборникѣ: *Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края* (СП. 1865, стр. 214). Современный западно-русскаго перевода помѣщенъ въ книгѣ кievскаго ученаго Захаріи Коныстенскаго: *Палинодія или книга обороны каволической св. апостолской веходней церкви* (1621 г., по изданію въ Русской истор. библиотекѣ IV. 956): „Здане премудрого и велможного мужа и пана Іоанна Щасного Герборта, старосты выппенского и мостиского, красомовного и выборного оратора на сеймѣ валномъ у Варшавѣ поданое“. Приводимъ слова Гербурта по этому переводу.

не можетъ, абы Руси не было въ Руси. Штожь, а коли зась ся кому зобачить, абы Поляковъ не было въ Полщи? ба, безмалъ южь не такъ, бо хотяжь по-подску мовимо, але правъ и звычайевъ запомиѣлисмо. Але речеть хто: „не хочемо мы Руси отиѣняти въ Руси“. Ба, и не можете! Але хотѣте ихъ позискати до вѣры нашей повшехной римской и до едности ведлугъ собору флорентского привести. Того я не ганю, если то пристойне чинять и ведлугъ науки Христовы“. Гербуртъ строго осуждаетъ насильственные мѣры въ дѣлѣ введенія уніи, какъ это дѣлается и при уніатскомъ перемышльскомъ епископѣ Крупецкомъ. „Штожь вжды за пожитокъ маеть король его милость зъ такъ великихъ клопотовъ, которыхъ зажилъ зъ народомъ рускиимъ? Тотъ пожитокъ маеть, же есть насъ словенскихъ народовъ розныхъ осинадцать: тыи всѣ розумѣли, же народъ полскій мѣлъ ихъ зъ тяжкого поганского ярма высвободити; тыи всѣ на каждую потребу кроля и народу полского горла свои дати были готови. А теперь, якъ кривду почато чинити народови рускому, суть намъ головными неприятелими. Теперь волятъ померети сами на войнѣ, жоны и дѣти свои попалити, якъ въ Смоленску учинили, нѣжбы мѣли до згоды якої прійти зъ нами, кровью своею. А што есть перешкодою до успокоена Москвы? Едно уражоная вѣра руская. А што помогло до побита въ Волошехъ Потоцкаго? Едно таяжь нехуть народу руского ку народови нашему“¹⁾.

Іоаннъ Гербуртъ высказалъ свои убѣжденія относительно уніи самому папѣ Павлу V, который—по просьбѣ католическаго епископа перемышльскаго Сецинскаго — потребовалъ отъ него содѣйствія въ дѣлѣ распространенія уніи среди Русскихъ. Гербуртъ, въ письмѣ отъ 5 августа 1616, отвѣтилъ папѣ, что онъ одобряетъ принципъ уніи, которую слѣдуетъ распространять средствами мирными, но ничуть не насильственными. Польша до сихъ поръ была свободна отъ религіозныхъ смуть; но уже надо опасаться, чтобъ и въ Польшѣ не возникъ такой пожаръ, отъ ко-

¹⁾ Эти послѣднія слова Гербурта о Славянахъ, о Москвѣ и о Потоцкомъ повторилъ князь Х. Збаражскій на сеймѣ 1627 г.; см. „Славяне“ II. 94. Срв. энциграфъ въ началѣ этой 2 части III-аго тома.

того, погибла бы она какъ Троя: *Fuimus Troes, fuit Pium et ingens gloria!* Этого боится и Гербуртъ. „Русскіе — народъ мой, Русь—наше общее отечество, съ ними у насъ безконечное родство, подданные почти всѣ Русскіе; вижу, что дѣло уніи проводится насиліемъ: насиліе возбуждаетъ смуту, смута — очень опасна. Русская держава — огромна, состоя изъ шести воеводствъ, которыя могутъ приравняться не областямъ, а державамъ. Сосѣди у насъ безчисленные народы Угрія, Болгаріи, Греціи, Москвы, всѣ той же самой вѣры, всѣ рождены къ войнамъ“ ¹⁾. Епископъ Сецинскій, познакомившись съ этимъ письмомъ, упрекалъ Гербурта за его помощь, оказываемую „схисматикамъ“ и противникамъ уніи: онъ, Гербуртъ, ихъ вождь, онъ ихъ защищаетъ повсюду, публично и частно, онъ дозволяетъ строить православныя церкви въ имѣніяхъ королевскихъ и своихъ, покровительствуетъ православному монастырю въ Добромилѣ, позволяетъ грубому люду идолопоклонничать, дѣлая изъ глупыхъ сумасбродныхъ; онъ отвращаетъ отъ послушанія уніатскому владыкѣ, утвержденному папою, его подчиненныхъ и преслѣдуетъ ихъ; онъ содержитъ у себя какого-то бѣжавшаго изъ Угріи злодѣя и велитъ ему рукополагать поповъ; онъ вообще дѣйствуетъ въ смыслъ противномъ своему католическому имени. Что касается Русскихъ, которыхъ Гербуртъ называетъ своимъ народомъ, — кончаетъ епископъ—то это не вѣрно; онъ родился въ Руси и породнился съ Русскими, именно посредствомъ своей жены изъ русскаго рода князей Заславскихъ, но католиковъ, мать его была католичка Дрогоѣвская; но первый Гербуртъ прибылъ на Русь изъ Фульштына около Оломуца въ Моравіи ²⁾.

¹⁾ *Russi gens mea est, Russia patria nostra communis, adfinitates cum illis infinitae, subditi fere omnes Russi; vi rem geri video: vis excitat tumultum, tumultus periculosissimus. Regnum Russiae maximum, sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis aequiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes hungaricae, moesicae, bulgaricae, graecae, moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella natae!*

²⁾ Эти любопытныя письма издалъ, въ особой брошюрѣ, уже по смерти Гербурта († 1616) Яковъ Сливскій, канторъ тарновскій: *Grus*

Еще во второй половинѣ XVII в., когда православіе въ Польшѣ клонилось уже къ упадку, а уніа все больше торжествовала, изъ той же карпатской Руси, именно изъ ея окраины, изъ Кросна, раздался польскій голосъ въ защиту православныхъ и противъ уніи. На варшавскомъ избирательномъ сеймѣ 1669 г. права православной Руси защищалъ молодой польскій панъ Іоаннъ Фредро, староста кросенскій,—онъ возсталъ противъ уніи и назвалъ ее—въ смыслѣ словъ епископа Пясецкаго—прямо причиною войнъ и смуть въ Польшѣ, которой козаки гораздо нужнѣе, чѣмъ уніаты ¹⁾).

Православіе, составлявшее всегда важную принадлежность русской народности, осталось—особенно при повальномъ ополяченіи русской шляхты, члены которой дѣлались „Ляхами“, и при повсемѣстномъ распространеніи среди русской шляхты польскаго языка и польскихъ нравовъ—почти единственною чертою русской народности той шляхты и мѣщанства въ коронной Руси, которые не сдѣлались „Ляхами“, а остались вѣрны своей старинной русской православной вѣрѣ греческаго закона. Около половины XVII в. въ воеводствахъ русскомъ и подольскомъ православные были Балабаны, Замојскіе (перемышльскіе), Тисаровскіе, Рознятовскіе, Чолганскіе, Винницкіе, Шумлянскіе, Жураковскіе, Березовскіе, Струтинскіе, Васильковскіе, Витвицкіе, Братковскіе, Балицкіе, Подвысоцкіе, Свистельницкіе, Терлецкіе, Грабовецкіе, Лозинскіе, Шептицкіе,

spiritualis seu vigilantia pastoris, continens litteras de unione schismaticorum Ruthenorum cum catholicis optanda (Cracoviae 1617). См. Nagasiewicz, Annales eccles. ruthenae, 249—252, Петрушевичъ, Сводная галицко-русская лѣтопись I. 424. Въ помянникѣ православнаго добромильскаго монастыря съ благодарностью упоминается (къ 1614 г.) „арцышляхетный панъ милостивый Янъ Щенсный Гелбулъ“ и его семья; срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 50.

¹⁾ Объ этомъ съ негодованіемъ пишетъ уніатскій митрополитъ Коленда римской пропагандѣ 1671 г. (Theiner: Monumenta Poloniae, III. p. 597). Коленда радуется то же, что на слѣдующемъ коронаційномъ сеймѣ оказалась слабость православія: *tum cognovimus parvas jam vires superasse schismaticorum; nam vix 30 nobiles schismatici in hac electione rivabantur nobiscum.*

Предимирскіе, Устрицкіе, Путятинскіе, Яворскіе, Тустановскіе, Попели, Кульчицкіе, Копыстенскіе, Кропивницкіе, Добрянскіе, Дубравскіе, и др. ¹⁾. Но со времянь побѣды уніи надъ православіемъ въ епархіяхъ перемышльской и львовской вся тамошная шляхта сдѣлалась не уніатскою — уніа была для мѣщанъ и для хлоповъ, — а католическою, и тѣмъ самымъ и Ляхами.

Польское господство въ карпатской Руси повліяло на весь ея политическій и общественный строй. Намѣстникомъ короля въ карпатской Руси былъ съ половины XIV в. староста (capitaneus), какъ онъ назывался по образцу польскому, староста „русскій“, староста „русской земли“ во Львовѣ; кромѣ этого главнаго старосты были меньшіе старосты въ Санокѣ, Перемышль, Галичѣ, Самборѣ, Зудчевѣ (Жидачовѣ), Коломыѣ, Снятинѣ, Глинахахъ, Городкѣ, Теревовли, Холмѣ и др., были старосты въ подольской землѣ, въ Белзѣ. Старосты вѣдали администрацію, судъ, военное дѣло; они съ самаго начала польскаго владычества были Поляки, католики, сановники въ коронѣ (Польшѣ); такъ во второй половинѣ XIV в. и въ началѣ XV в. „русскими“ старостами были паны Пилецкій, Кмита, Тарновскій, Далевскій, Корыцинскій, Обыховскій, Мельштынскій, Харбиновскій, Менжикъ изъ Домбровы ²⁾; санокіе старосты—Бенко изъ Кухарь, Оглендовскій, Браницкій, Кобылянскій, Пенѣнжекъ; перемышльскіе старосты—тотъ же Бенко изъ Кухарь, Буцацкій, Конецпольскій, хотя королева Ядвига (1387 г.) обѣщала назначать здѣсь старосту „Поляка или Русскаго шляхетскаго рода“ ³⁾; галичскіе старосты—Щекоцкій,

¹⁾ Эти и другіе „szlachta wojewodztwa ruskiego i podolskiego... naroda naszego starożytnego religiej greckiej... podług obrzędu cerkwie wschodniej apostołskiej“ подписались на актѣ избранія новаго „episkopa prawosławnego, lwowskiego, halickiego i Kamieńca podolskiego“ 1641 г. См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600 — 1700, стр. 87—91.

²⁾ О русскіхъ старостахъ см. М. Дзедушицкаго въ ж. Przewodnik naukowy 1875, р. 428, въ соч. Филевича (Борьба Польши, стр. 203), Губе (Wyrok lwowski), Линниченка (Ж. М. Н. П. 1891), и др.

³⁾ Akta grodzkie i ziemskie VII. 37.

Буцацкій, Гарновскій, Одровонжъ; нѣкоторые подольскіе старосты— Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ (ополяченный Русскій), Петръ Шафранецъ, Михаилъ и Федоръ Буцацкіе. Помощникомъ старосты сдѣлался древнерусскій *воевода*, называемый еще до XV в. и въ латинскихъ актахъ по-русски *wojewoda*, *woywoda*, или *ra-latinus*, тоже *subcapitaneus*—*vicescapitaneus* (подстаростій), иногда *burgtabius*; его помощники были до начала XV в. древнерусскіе сотскіе ¹⁾. Староста, воевода и сотскій, судья, писарь и нѣсколько земянъ составляли судъ, на которомъ рѣшались всѣ судебныя дѣла по обычному праву русскому, но тоже по праву польскому; приговоры записывались въ актъ (листъ) на языкъ русскомъ или чаще латинскомъ, потому въ особыхъ судебныхъ книгахъ латинскихъ, вводимыхъ по образцу польскому и на Русь. Члены суда, кромѣ старосты Поляка, были Русскіе и Поляки ²⁾. Польскіе порядки судебныя и др. вообще проникали все болѣе и на Русь, и по мѣрѣ все усиливавшагося переселенія польской шляхты въ карпатскую Русь, распространялись туда разныя постановленія и обычаи польскаго права и примѣшивались все болѣе къ „русскому“ праву и обычаямъ. Судъ староства саноцкаго уже въ началѣ XV в. принимаетъ нѣкоторыя черты земскаго суда по образцу польскому. Наконецъ является и высшій земскій судъ по образцу польскаго вѣща (хотя самое слово вѣще еще не встрѣчается), состоявшій изъ наивысшихъ сановниковъ земскихъ и многихъ земянъ ³⁾. И внѣшняя форма судопроизводства по „русскому праву“ лишилась русской одежды: латинскій языкъ (и ка-

¹⁾ Сотскіе (*соцкіе*, *szoczky*, *szeczky*) упоминаются въ Львовѣ, Тереховѣ, въ грамотахъ русскихъ и латинскихъ 1368—1412 гг.

²⁾ *Tempore juris ruthenicalis* (т. е. уже во время польскаго господства на Русь) *erat moris inscriptiones facere coram capitaneis pro causis quibuscunque*—записано въ одномъ саноцкомъ актѣ 1442 г. (*Akta grodzkie i ziemskie* XI. № 1445).

³⁾ О судопроизводствѣ въ коронной Русь (до 1435 г.) см. R. Hube: *Wyrok lwowski* г. 1421 (Warszawa 1888) и замѣтки И. Линиченка въ Ж. М. Н. П. 1891, июль, 144; предисловія къ сборнику *Akta grodzkie i ziemskie*, начиная съ XI тома. О польскихъ судахъ см. Hube: *Prawo polskie w 14 wieku* (Warszawa 1886).

лендарь) сдѣлался официальнымъ въ политической и юридической жизни коронной Руси со всѣми юридическими терминами польской государственности, такъ что со второй половины XIV в. латинскія грамоты подавляютъ своимъ количествомъ небольшое число русскихъ грамотъ, а судебныя книги писались съ самаго начала только на латинскомъ языкѣ ¹⁾. Такъ какъ писари латинскихъ грамотъ и судебныхъ книгъ были Поляки, то и тѣ нѣкоторыя нелатинскія слова, встрѣчающіяся въ латинскихъ актахъ, — польскія, а не русскія, напр. *kmetones, alias mązy, humiliacionem alias pokora, obligavit alias zastawił, daciám alias danina, obszary, posag, possessionabit vulgariter osadzi, communitas ville alias gromada, terminus magnus alias wiece, pamiętne, potoczne, manu conjuncta pospolną rąką, pena quindecimalis pięćnadsześciece, pena niestanie, terminus peremptorius rok zawity, tenuta rius officialis alias urzędnik, подать podymne* (1426), и др.

Русскія грамоты выходили изъ королевской канцеляріи, отъ нѣкоторыхъ князей, пребывавшихъ временно въ Червонной Руси (напр. Володислава опольскаго, Швитригайла, Федора Любартовича), отъ старостъ въ русскихъ земляхъ (Пилецкаго, Далеевскаго, Кухарскаго—Жабокруцкаго, Обыховскаго, Щекоцкаго, Буцацкаго и др., и отъ нѣсколькихъ русскихъ пановъ. Въ этихъ русскихъ грамотахъ — писанныхъ особыми писарями, дьяками попо-

¹⁾ Отъ судебныхъ книгъ временъ „русскаго“ права сохранились только сапоцкія 1423—1434 г., изд. въ сборникѣ *Akta grodzkie i ziemskie XI*. Русскія грамоты изданы въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты зап. и южной Россіи, Научный сборникъ галицко-русской Матицы 1865—1867, *Archiwum ksiąząt Sanguszków I*, Материалы изд. Уляницкимъ, *Akta grodzkie i ziemskie*, *Materyały archiwalne* (изд. Прохаски) и др. Срв. *Lisiewicz: Język urzędowy na Rusi Czerwonej* (*Przewodnik naukowy* 1886), соч. Филевича, Губе, Линниченка. Последний русскій судебный актъ ок. 1434 г.— Михаила Буцацкаго, пана и старосты галицкаго, и Колы Далеевскаго, судьи галицкаго (*Akta grodzkie i ziemskie XII*. 425). Въ статью Линниченка (стр. 160, прим.) вкралась опечатка: вмѣсто 1474 г. надо читать 1424 г. Замѣтимъ еще, что и на монетахъ (грошахъ), чеканенныхъ для Руси, имѣются только латинскія надписи.

вичами — замѣтно уже вліяніе польское, матеріальное и формальное (въ языкѣ): панъ, землянинъ — землянинъ, шляхетни панове, рада панская и землянская, пани, панна, урядникъ (врядникъ), староста, кметъ, войтъ, мѣстичъ, князь арцибискупъ (львовскій, ksiądz arcybiskup), бискупъ (премыскій, католическій и православный), рокъ завилый, покупити три гривны (поль. rokupić trzy grzywny, т. е. заплатить вину), оправити (orgawić), посполная рука, помочное, привиліе, ланъ, чиншъ, личба (польская, русская), гроши, и пр. Въ языкъ русскихъ грамотъ вкрадываются польскія формы: кроль, кролество, королевскій (подлѣ обыкновеннаго король), градъ (подлѣ обыкновеннаго городъ), влость (подлѣ волость), кторый (подлѣ который), обротити, габати, прозвиско; даже географическія названія: Премысль, Премышь (премыскій), Сѣндомиръ (Сундумиръ) подлѣ Перемышль (переимскій), Судомиръ; Владиславъ (Владиславъ и Володиславъ), Бартошь, Мацѣй, Бенко, Крщень (Хрщень), Вятславъ, Бедрихъ, Алжбета; наконецъ и въ русскихъ грамотахъ употребляется обыкновенно лѣточисленіе не съ сотворенія міра (такъ только въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ грамотахъ), а съ Рождества Христова. Но рядомъ съ этими новыми польскими наслоеніемъ въ русскихъ грамотахъ встрѣчаются еще многія древнерусскія черты и учрежденія: воеводы, сотскіе, тивуны, дяки, земли или волости (перемышльская, саноцкая, снятинская, галицкая, теребовльская, смотрицкая, и въ нихъ волости меньшія, села и селища съ ихъ уѣздами, и дворща съ ихъ объѣздами, дѣдичтва — дѣдины — дѣднины — дѣдинины, вотнины (отчины), вотчичи (отчичи), и др.; древнерусская гривна, рубель-рубль, рядомъ съ новыми пѣнази, копами грошей русской и польской личбы, краковского разу, краковской монетой, подольскими полугрошниками - полугрошками, и пр. Равнымъ образомъ какъ западноевропейскіе гроши перешли изъ Польши на Русь и стали здѣсь означать вообще деньги, такъ и русскій рубль сталъ извѣстенъ въ Польшѣ ¹⁾).

¹⁾ Rubl, rubel — отрубленный кусокъ серебра (русск. рубить = польск. rąbić rąbać) означалъ въ Польшѣ XV в. извѣстный вѣсъ

Такимъ образомъ многіе польскіе обычаи и постановленія польскаго права распространялись постепенно въ русскія земли еще до формальнаго въ нихъ введенія польскаго права. Такъ было именно въ белзской землѣ, гдѣ уже съ конца XIV в. и въ XV в. являются польскіе чиновники—воевода, кастелянъ, староста, (а подстаростій—древнерусскій воевода), судья земскій и подсудокъ, особые суды городскій и земскій; наконецъ въ 1462 г. белзское воеводство соединено съ короною и пожаловано польскимъ правомъ. Въ остальной польской Руси, при многочисленной въ ней польской шляхтѣ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ короною, введено польское право раньше, именно при Владиславѣ Ягайлѣ, на създахъ въ Едльнѣ (1430) и въ Краковѣ (1433), и наконецъ на коронаціиномъ сеймѣ 1434 г. при Владиславѣ Ш. ¹⁾ Съ 1435 г. водворено въ новыхъ воеводствахъ (дѣльныхъ на земли и повѣты), русскомъ и подольскомъ,—вмѣсто русскаго права—окончательно польское право, какъ оно уложено въ статутахъ вислицкомъ, вартскомъ и др. Вмѣсто старость—наместниковъ королевскихъ, являются воеводы (palatini) русскій и подольскій; кастеляны, которые отчасти являются еще раньше; дальше старосты и под-

серебра (waga, siclus, talentum); это слово встрѣчается въ разныхъ юридическихъ памятникахъ, въ судебныхъ книгахъ краковскихъ, перемышльскихъ (а. 1464: unius finistri (!) argenti alias rubel), въ польской библии XV вѣка и пр. Отъ слова *рубить* происходитъ и слово *рубезъ*, которое вошло тоже въ литературный польскій языкъ—*gubież*, но которое въ кувяско-добринскомъ говорѣ встрѣчается съ правильнымъ носовымъ звукомъ *gubieź*.

¹⁾ Volumina legum I. 40, 91 (изд. Петербург.), Длугоша Historia polon. IV, 296, 548; Bandtkie Jus polonicum p. 292 (возобновленіе правъ 1456 г.); срв. К. Стадницкаго Synowie Gedymina (1881, p. 213—216). Польское право пожаловано, конечно, всей шляхтѣ, католической и православной — tam catholicis quam scismaticis (срв. Liber cancellariae St. Ciölek, I. № 40). „Русское право“ упоминается потому рѣдко; такъ напр. въ санецкой землѣ въ 1445 г. terrigene de Dobra осуждены на niestanie, videlicet bovem secundum jus ruthenicum; а въ 1450 г. осужденъ мельникъ на такое niestanie in bove secundum jus polonicum; другіе примѣры въ ст. Линниченка въ Ж. М. Н. II. 1891, июль, 166—167.

старості (эти въ XV в. еще по-древнерусски воеводы), судьи, писари на судѣ городскомъ (для уголовныхъ дѣлъ), судьи и подсудки, писари на судѣ земскомъ (для гражданскихъ дѣлъ), и двоякія судебныя книги, городскія и земскія, подкоморіе, бургграфіе (тоже воеводы и подвоеводы), коморники, войскіе, хорунжіе, мечники и другіе урядники; земскіе вѣчевые суды (wieśa, colloquia) и сеймики въ земляхъ русскаго воеводства (львовской, перемышльской, саночкой, галичской, холмской); на этихъ сеймикахъ выбирались земскіе послы (депутаты) на польскій сеймъ, которые вмѣстѣ съ сенаторами собирались еще на генеральномъ сеймикѣ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ въ Вишнѣ и Галичѣ; въ подольскомъ воеводствѣ былъ сеймикъ въ Каменцѣ, въ белзскомъ — въ Белзѣ ¹⁾.

Статуты польскіе (коронные и мазовскіе) написаны на латинскомъ языкѣ, который однако понимали немногіе паны и земане; оказалась потребность перевести статуты на языкъ польскій, что и сдѣлано въ половинѣ XV вѣка ²⁾. Но эти и нѣкоторые болѣе поздніе польскіе переводы имѣли характеръ частный, а не офиціальныи; офиціальнымъ остался текстъ латинскій. Подобно то-

¹⁾ Въ самомъ началѣ земскихъ книгъ галичскихъ находится слѣдующая записка: Anno domini 1435 proxima feria secunda post festum Nativitatis Marie (т. е. 12 сентября) post donacionem juris polonici terre Russie per serenissimum principem dominum Wladislaum p̄sens registrum est factum pro iudicio terrestri presentibus magnifico domino Johanne Cola iudice, Stiborio de Wasuczyn subiudice, Nicolao de Wodnyki, camerario iudicis et Conrado de Kunaschow, camerario subiudicis dominorum. Въ городскихъ книгахъ галичскихъ 1435 г. (12—18 ноября) записано одно постановленіе — *ius quod fit in terris crasov. et sandomir. et terra Polonie*, которое приняли и для Руси старосты львовскій и галичскій и многіе паны галичскіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми сенаторами Польши. Одна записка въ земскихъ книгахъ львовскихъ относилась начало польскаго права къ 1 января 1435 г. Срв. *Akta grodzkie i ziemskie t. XI. p. V, t. XII. p. 1, 425*. Слово „рядца“ едва-ли можно по-польски передать *gadca*, а скорѣе *rzadca*, управляющій, то что владарь, *włodarz (villicus)* или тивунъ.

²⁾ Польскіе переводы изданы въ Вильнѣ 1824 г. (Лелевелемъ, *Księgi ustaw polskich i mazowieckich*), въ Познани и Парижѣ 1876

жу и въ коронной Руси, послѣ введенія здѣсь польскаго права, оказалась потребность перевести польскіе статуты для Русскихъ на русскій языкъ. Статутъ вислицкій переведенъ на русскій языкъ два раза; переводы сдѣланы независимо другъ отъ друга прямо съ латинскаго текста, при чемъ переводчики не знали польскаго перевода и не воспользовались имъ. Первый русскій переводъ статутовъ, вислицкаго и вартскаго ¹⁾, сдѣланъ, по всей вѣроятности, въ промежутокъ 1430—1434 гг., т. е. въ то время, когда польское право провозглашалось обязательнымъ и для коронной Руси, но еще не было введено вполнѣ, когда еще не устроены воеводства русское и подольское, не назначены воеводы и другіе чиновники, а когда еще дѣйствовало „русское право“, правда, пропитанное уже многими польскими порядками, и когда русскими землями управляли королевскіе намѣстники—старосты. По крайней мѣрѣ русскій переводчикъ вислицкаго и вартскаго статутовъ не совсѣмъ точно знакомъ со всѣми подробностями польскаго права и государственнаго строя, и переводитъ иногда не совсѣмъ вѣрно. Такъ напр. онъ перевелъ слово *colloquium magnum* — *соймъ* великій (земскій, однажды тоже правильно: рокъ великій земскій), между тѣмъ какъ слѣдовало перевести великое *вѣче*, какъ перевелъ и польскій переводчикъ (*wielkie wiece*); польское *wiece*—наивысшій судъ, а *sejm* — парламентъ ²⁾. Русскій перевод-

(по рукописи 1460 г.), и—вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ—Гельцелемъ: *Starodawnego prawa polskiego pomniki I* (1856 w Warszawie), новымъ правописаніемъ, въ которомъ однако часто затерты особенности древней польщизны.

¹⁾ Изданы по списку съ новгородской софійской рукописи (о ней срв. Востокова Описание рукописей Румянцева, № 430) въ Актахъ западной Россіи I. № 1 и 27. Русскій переводъ коронаго вартскаго статута (1420, 1423 гг.) сдѣланъ, конечно, не для Литвы, какъ полагаетъ Г. Иречекъ (*Svod zákonův slovanských*, 1880, р. IX, 69), а для коронной Руси. Слова въ скобкахъ ниже, въ выпискахъ, взяты изъ выписки Востокова.

²⁾ Русскій переводчикъ, очевидно, уже забылъ о древнерускомъ „вѣчѣ“, о томъ времени, когда — по словамъ галичско-волинскаго лѣтописца—князь Даниилъ созвалъ вѣче, на которомъ присут-

чикъ не счелъ нужнымъ переводить слова palatinus (wojewoda) и castellanus (kastelan, pan) — воевода и кастелянъ, такъ какъ эти должности въ русскихъ земляхъ (еще не воеводствахъ) не существовали; онъ переводить эти слова, равнымъ образомъ какъ и capitaneus (starosta), — староста, общее названіе королевскихъ наиѣтниковъ на Руси; при томъ онъ не могъ избѣгнуть противорѣчій, такъ какъ онъ — говоря о судахъ — называетъ всѣхъ этихъ сановниковъ одинаково старостами; воевода у него скорѣе воевода русскій, помощникъ старосты, подстаростій ¹⁾). Названія: шляхта (шляхтичъ), землянинъ, рыцарь — означаютъ то же самое, что и польскіе ślachta (ślachcic), ziemianin, guscerz (nobilis, terrigena, miles), пользующіеся правомъ рыцарскимъ (jus militare, prawo ślachetne, prawo guscerskie); слово панъ употребляется иногда въ смыслъ шляхтичъ (nobilis), или вообще какъ владѣлецъ

ствовавали его тысячскій, сотскій и отроки; онъ забылъ тоже о тѣхъ временахъ, когда „снимашася снемы, сонмы“ (сходки) князей русскихъ и лядскихъ, или даже „снемы“ русскихъ и лядскихъ воевъ; а вислоцкое вѣче онъ назвалъ, болѣе по русски, соймомъ. Такъ въ сѣверно-русской лѣтописи разсказывается, что въ 1382 г. „сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы и сташа суймомъ народы мятежницы, крамолицы“; въ уставной грамотѣ полоцкой (во второй половинѣ XV в.) постановляется, „абы вси сымались послулу... а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“. Послѣ 1435 г. въ коронной Руси слова *вѣче* (wiece) и *сеймъ* употребляются въ польскомъ значеніи: вѣче — высшій судъ, напр. въ актахъ саноцкихъ 1438 г. (collocucio generalis alias wiece), галичскихъ 1435, 1471 гг. (convencio magna dominorum alias wiece, colloquium generale alias wiece, magnum iudicium alias wiece), переворскихъ 1463 г. (colloquium alias wiece). Сеймъ — сходка, напр. въ актахъ львовскихъ 1442, 1443 гг.: convencio alias sejm (въ Мости-скахъ), convencio ubi terre cracoviensis, sandomir. et Russie convencionaliter conveniant alias sejmą się. О словахъ *вѣче* и *сонмы* (сонмъ, снемъ, съемъ, сеймъ) см. „Славяне“ I. стр. 162.

¹⁾ Срв. напр.: iudex, palatinus, castellanus, oprawca — sędzia, wojewoda, kastelan alibo grodztwo pan, oprawca — судья, староста, воевода, буркграбя, оправца; castellanus cracov., sandomir., lublin. — kastelan (kr., sand., lub.) — староста алюбю воевода, castellania — grodztwo — староста; filia palatini — dziewczka wojewodza — дочка старо-

села и кметей (*dominus*), но обыкновенно въ смыслѣ наивысшихъ сановниковъ, засѣдающихъ вмѣстѣ съ королемъ въ вѣчѣ (*bagones*, паны рады, головные паны),—прежніе кмети, которыхъ польскій переводчикъ назвалъ уже не *kmieście*, а *guscerze*¹⁾. Въ русскомъ переводѣ нѣтъ и влодыкъ (*włodyka* — *miles*, простой шляхтичъ, а *ślachcic* — *miles famosus*—знаменитый шляхтичъ), нѣтъ паношней (*simplex miles*—*prosty panosza*—простой землянинъ)²⁾.

Приведемъ здѣсь выписки изъ этого перевода статутовъ вислицкаго и вартскаго.

Статутъ вислицкій:

О ставленѣ правъ, коли вси права мають быть. Колижъ вси уставленя, законъ и право (права) чинять всимъ рѣчемъ, то хочемъ, штобы (чтобы) тыя (тая) права, што есмы уставили на великомъ соймѣ у Вислицы, прииманы были (была): про тожъ (тоже), коли кого хто на судъ зазоветъ за дѣдичство (дѣ-

O ustawieniu nowem, a którą moc imā. Gdyż wszyscy ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) i statuta układają rzeczam a dziejom przydającym nie przeminąłym, chcemy, aby nasza ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) wszystka nynie w wiecu wielkiem (r. 1506: na smowie pospolitej) w Wislicy uczyniona nie patrzyli przeminąłych, ale tylko nyniejszych a

стина; да въ одной и той же статьѣ переводится *capitaneus* — староста, *palatinus*—староста. Въ статутѣ вартскомъ тоже *palatinus*—староста, а между тѣмъ въ томъ же статутѣ опредѣляется точно кругъ дѣятельности старость (*capitanei*), начальниковъ городскихъ судовъ. Послѣ 1434 г. не встрѣчается уже такое колебаніе относительно значенія словъ *palatinus*, *castellanus*, *capitaneus*; кругъ дѣятельности этихъ „урядниковъ“ точно опредѣленъ, по примѣру польскому, и въ коронной Руси.

¹⁾ См. „Славяне“ I. 138.

²⁾ Влодыки сохранились въ Польшѣ до XV в. (срв. „Славяне“ I. 135, III. 211). Въ мазовскихъ статутахъ XV в. хорошо отличаются *nobilis*—*ślachcic* и *miles* — *włodyka*. Мазовскіе статуты были вѣроятно извѣстны тоже въ белзской Руси. Польскій текстъ приводимъ по изданію Мелевеля, по рукописи 1449 г., но нынѣшнимъ правописаніемъ; латинскій—по изд. Гельцеля (своду).

дство) на пѣнези оставлено (заставлены), а колижъ виноваты не станеть на року, тогда подводца изыщеть дѣдичство (дѣдство).

przydających rzeczy. A tego dla, gdy kto pozywa do sądu kogo o dziedziną w pieniądzech zastawioną, a ji do sądu wyzowie, tedy, acz sąpierz na roku zawilem nie stanie, powod (r. 1460: powod abo jisciec) zyscze mienionej dziedziny pieniądze wždy sąprzewi wrociwszy.

I. Quum omnes constitutiones et statuta legem imponant rebus et negotiis futuris et non praeteritis, volumus, ut omnes nostrae constitutiones, editae nunc in colloquio generali in Vislicia, non respiciant praeterita, sed tantum modo praesentia et futura. Unde, si quis citat ad iudicium aliquem pro hereditate in pecunia obligata, et ipsum ad iudicium evocat, extunc, si reus in termino peremptorio non parebit, actor lucrabitur nominatam hereditatem, pecunia reo nihilominus restituta.

Коли хто наганить алюбю наречеть сказанью старосты краковского, имѣеть ему откладать лупешми горностайными, а старость судомирскому или любельскому лисицами, судьи краковскому и судомирскому кунницами, подсудкомъ лисицами, подкоморнымъ по 6 гривень, коморникомъ по 6 шкотъ, судьямъ городнымъ по полугривны каждому, земскому писареву каждому по лисицы.

Kiedy kto nagani abo otzowia skazania pana krakowskiego, co rzeczono jest popolicie narzeczenie alibo naganie, lupieże (r. 1460 i 1503: kocz abo torlop) gronostajowe to jest takie kozuchy, ale panu sandomirskiemu a lublinskiemu łasiczne, a każdemu wojewodzie łasicze, sądziam krakowskiemu i sandomirskiemu kunie, podsądkom lisie, podkomorzam po 6 grzywien, komornikom tych wszystkich po 6 skot, sądziam kastelańskim alibo pańskim po półgrzywny każdemu, pisarzowi ziemskiemu lupieże lisie.

XCV. Cum aliquis arguit seu provocat sententiam castellani cracoviensis, quod vulgariter dicitur narzcze vel nagani, pe-

les ermelineas, castellanis autem sandomiriensi et lublinensi pelles mustellinas, *cuilibet palatino pelles mustellinas* ¹⁾, iudicibus cracoviensi et sandomiriensi pelles mardurinas, sub iudicibus pelles vulpinas, sub camerariis per 6 marcas, camerariis istorum omnium per 6 scotos, iudicibus castellanorum per mediam marcam, cuilibet notario terrestri pelles vulpinas.

Статутъ вартскій.

Головнии паны земль нашихъ на великихъ соймѣхъ... сѣдаютъ отъ насъ на судѣхъ, предъ которымижъ то паны жалобы великыи дѣдичьныи бывали жаловани, а ихъ сказаніе бывало правдиво, какъ бы предъ нашею обличью то ся дѣло.

Rycerze ziem naszych w sądziech wiec pospolitych lubo wielgich personą naszą znamionują, przed jimiż rzeczy dziedzinne i jiné wiąższe wodzą się a rozprawiają, a skazania przez nie uczyniona moc mają wiekuistą, jako przed oblicznością naszą się stała.

XIII. Barones terrarum nostrarum in iudicio colloquiorum generalium personam nostram repraesentant, coram quibus causae haereditariae et aliae majores agitantur et tractantur, et sententiae per eosdem latae robur oblinent firmitatis, ac si in praesentia nostra ferrentur.

Мы уставляемъ, которые члонки имѣють судить старосты: напервѣй судить о усиство женское, другое о розбой на добровольной дорожѣ, третее о пожогу, четвертое о квалты домовыи; а въ иныхъ жалобѣхъ не имаютъ судить.

Ustawiamy, aby starosty ziem naszych jinszych rzeczy mimo czlonki niżej popisane nikakie sądzić nie mieli: gwałt albo fatanie dziewic albo niewiast, sbijanie na gościńcu albo na jawnej drodze albo uczyniony gwałt, pożega a ognia wypuszczenie, nagabanie gwałtowne czyjego przebytku; ale jinszych rzeczy mimo ty czlonki nie mają mieć mocy sądenia.

¹⁾ Эти слова въ русскомъ переводѣ не находятся. Слово *lupież* въ значеніи звѣриной шкуры Поляки знали еще въ XVI—XVII вв.; см. словарь Линде.

XVII. Decernimus, quod capitanei terrarum nostrarum non debeant alias causas praeter infrascriptos articulos judicare, videlicet pro violentia feminarum, pro depraedatione stratae publicae, pro incendio et emissione ignis, pro violentia domicilii alicujus invasione; aliarum autem causarum minime judicandi habeant facultatem.

Другой русскій переводъ вислоцкаго статута сдѣланъ ок. 1440 г. побужденіемъ Ванка Кирдеевича изъ Квасилова, кастеляна (пана) холмскаго ¹⁾. Этотъ „Ванко Кирдеевичъ, панъ земли холмской, дворянинъ а рыцерь удатный, изъ рады пана короля Володислава“—говорить переводчикъ въ предисловіи къ статуту, „о то былъ сталь, абы тыто книги правъ польскихъ изъ латини были въ часку (? руску) ричь и въ тыхто странахъ на дальней земли рускіи выложены; онъ о тыто книги праведнии статочне стоялъ, абы ему могли изъ чески (?) изъ латини выложены быть, небо латини чести невѣше, але литеру руску добре чтяше“. Переводчикъ былъ по всей вѣроятности Чехъ или въ русскомъ переводѣ участвовалъ какой-нибудь Чехъ, и зная по опыту близость языковъ чешскаго, польскаго и западно-русскаго, не могъ пропустить случая, чтобъ не заговорить о близкомъ племенномъ родствѣ Чеховъ и Русскихъ: „далеко суть одъ себе тыто земли, Чехи а Руси за лесы... суть Чехове люди на западе слонца на горахъ, а люди дощепны; мало отъ руского языка оттаргнены... а Русь есть люди близки ричи свы языка ческа подъ усходемъ слонцемъ. Чехове тито великими и успанелыми дощепносцами часы суть свои воевали, а велики вальки по краль Вятславе а

¹⁾ Ванко Кирдеевичъ изъ Квасилова, холмскій кастелянъ, упоминается часто въ грамотахъ 1434 — 1470 гг.; по одной грамотѣ 1438 г. видно, что онъ служилъ уже королю Владиславу Ягайлу; въ русской грамотѣ 1470 г. „Ванко Скердѣвич (!) сынъ Джусинъ ис Квасилова панъ Холмскій“ объявляетъ, что онъ продаетъ свои „отчизну и дѣдину“ (11 селъ въ луцкомъ повѣтѣ, въ томъ числѣ и Квасиловъ) князю Семену Васильевичу дѣдичу Збараскому за „тысяч копъ широкихъ грошей чешское монеты.“ (Archiwum książąt Sanguszków I. № 69). Ок. 1500 г. упоминается Кирдей Ванковичъ.

по смерти его и съ цесаремъ Зыгимонтемъ королемъ угорскимъ, и зъ его стороны Неици, Ракушане, Швабы, Дурынки, Харвати, Бавори, Сляжане и съ иными многими суть поступовали“. Въ предисловіи упоминается „князь Казимиръ а панъ король польска роду“, несомнѣнно братъ польскаго короля Владислава III, избранный Чехами гуситами въ чешскіе короли въ 1438 году ¹⁾. Русскій языкъ этого польскаго статута довольно не удаченъ, и переводъ сдѣланъ подъ вліяніемъ языковъ польскаго и чешскаго; только чешскимъ вліяніемъ можно объяснить нѣкоторыя слова русскаго текста, которыхъ Полякъ употребить не могъ; такъ напр. въ предисловіи вышеупомянутыя слова: удатный (чеш. *udatný*, т. е. храбрый), о то былъ сталъ (о to był stál), статочне стоялъ (*statečně stál*), ричи (т. е. рѣчью, чеш. *řečí*), по краль Вятславе (po král Václavě), названія упомянутыхъ народовъ вполне чешскія: *Rakušané, Durynkové, Bavoři, Slezané, Charvátí*, и пр. Такъ и въ самомъ текстѣ статута: дѣти цо летъ немаи (*děti co let nemáí*), седлакъ, прото седлаци въ той вси быдлѣции (proto *sedláci v té vsi bydlíci*), разгрешить (*rozgrěšiti*), книжата (*knížata*), опытати (*opytati, optati*), посвятный (*posvátný*), небъ (*neb*, ибо), окончанія—*емъ,—ехъ*, и пр. ²⁾. Приведемъ изъ этого русскаго перевода вислицкаго статута одну выписку (изъ постановленія архіепископа Ярослава о десятинахъ), виѣстѣ съ польскимъ переводомъ 1449 г. и съ латинскимъ подлинникомъ:

¹⁾ Это обстоятельство опредѣляетъ ближе время русскаго перевода, т. е. скоро послѣ 1438 г. О симпатіяхъ карпатскихъ Русскихъ къ гуситскимъ Чехамъ см. „Славяне“ III. 58.

²⁾ Этотъ русскій переводъ вислицкаго статута помѣщенъ въ рукописномъ сборникѣ 1520 г., хранившемся до 1827 г. въ супрасльскомъ монастырѣ. Даниловичъ издалъ изъ этого сборника литовско-русскую лѣтопись: *Latorisies Litwy (w Wilnie 1827)*; здѣсь на стр. 9 и 325 описанъ супрасльскій сборникъ; срв. тоже статью Даниловича о литовскихъ лѣтописяхъ въ варшавскомъ изданіи хроникки Стрыйковскаго 1846, I. 56. Раньше эта рукопись была въ рукахъ Сосновскаго, который напечаталъ изъ вислицкаго статута нѣсколько выдержекъ (*Dziennik Wileński 1822, II. 277*) со многими ошибками, латинскимъ письмомъ и польскимъ правописаніемъ. Предисловіе см.

Кды жака забияють, такежъ кде и ксенза алибо жака посвецоного, былъ бы раненъ а не забить, тоготъ мястя костель алибо церковь правешъ суть положоны во посвятныхъ обходехъ, а прото въ немъ служба божия неима быти о бозе такъ длуго, ажъ тенъ злосникъ ксензю бискупу поданъ будетъ; а естлижбы тенъ злосникъ не могъ улапанъ быти, тогда тито седлаци имаю присячь, ижъ его влапннати немогли, ани таки причины давали, абы втекль; тогда бискупъ има костель разгрешить зася ку службе божии.

Gdzie żak święcony albo kapłan był by zabity, ufanion, ufacon, jat albo w jatstwie dzirżan, tam cirkiew (r. 1460 и 1503: parrachia, parochia), albo cirkewi, acz jich wiacej jest, prawem albo ot prawa sia zapowiedzany, to jest iż interdykt w nich samem prawem położon, a tego dla w nich urząd służby bożej niema być przez kapłany czynion, ale winowaciec księdzu biskupowi bądźcie podan, jenu nie bądźcie-li być moc ufacon albo jat, tedy przebywacze tego miasca (r. 1460 и 1503: kmiecie onej wsi albo miasta) przysiąga, jako winowacca jać nie mogli ani jemu przyczyny uciecienia dali, zatym biskup albo jego namiastnik włoży zapowiedź lubo interdykt prawem położony, to jest odpuścić (1460 и 1503: ma dać rozgrzeszenie) wspiewać i jinszych urząd cirkiewny czynić jako pirzwej, ale wždy złostnik ten ma być sbiegiem i przez kogokole ufacon może być, księdzu biskupowi podan bądź a kląt ma być rozumien, aliż dosyć uczyni.

тоже у Вишневекаго *Historya literat. pol.* VIII. 442. По словамъ „въ часку ричъ“ и „изъ чески изъ латини“—очевидной безсмыслицѣ, происшедшей отъ неумѣнья Сосновскаго читать русское письмо—Бѣльскій (*Biblioteka Ossolińskich* 1864, 182) и I. Иречекъ (*Časopis. Česk. Musea* 1875, 168) совершенно произвольно говорятъ о „чешскомъ“ переводѣ вислицкаго статута. Нынѣ супрасльскій сборникъ затерялъ; срв. нашу замѣтку въ *Трудахъ VI археолог. съѣзда* (Одесса 1886,

Praeterea ubi clericus ordinatus, vel presbyter esset occisus, captus, vulneratus vel detentus, illius loci ecclesia vel ecclesiae, si fuerint plures, jure sint interdictae; et ideo in eisdem divinum officium non debet celebrari, quousque malefactor domino episcopo tradatur; qui si comprehendi non poterit, tunc habitatores ejusdem loci praestabunt juramentum, quod malefactorem deprehendere non potuerunt, nec occasionem effugiendi dederunt; extunc ordinarius sollet interdictum a jure statutum; et nihilominus malefactor sit proscriptus, et per quemcunque capi potuerit, domino ordinario tradatur, et omnino excommunicetur.

Русскій переводъ этихъ коронныхъ статутовъ представляетъ наглядно всё тѣ перемѣны въ жизни коронной Руси, которыя начались съ половины XIV в., распространялись все больше и наконецъ узаконены коронными статутами, обязывающими съ 1435 г. тоже русскія коронныя земли. Шляхта воеводствъ русскаго и подольскаго дѣлается такимъ же политическимъ факторомъ государственной жизни Польши, какъ и шляхта Польши Малой и Великой и Мазовіи, посылаетъ въ польскій сенатъ своихъ сенаторовъ (епископовъ католическихъ, но не православныхъ, воеводъ, кастеляновъ), и въ избу посольскую своихъ пословъ (депутатовъ). Статуты вислицкій и вартскій не представляютъ еще политическаго устройства Польши въ той полнотѣ, въ какой оно является со второй половины XV в. и въ какой оно опредѣлено статутомъ Ласкаго 1506 г.; поэтому польскій парламентаризмъ не опредѣленъ еще въ тѣхъ двухъ статутахъ, не говорится напр. о сеймахъ и сеймикахъ (какъ назывались эти собранія и по-русски), и словомъ „соймъ“ означается наивысшій судъ — вѣче (wiece); кромѣ того переводчикъ вислицкаго и вартскаго статутовъ, имѣя въ виду особенности политическаго и юридическаго устройства коронной Руси, не передаетъ во всей точности обязанностей воеводъ и кастеляновъ. Но въ остальномъ и въ русскомъ текстѣ коронныхъ

I. 307). Замѣтимъ еще, что, переписывая русскій текстъ русскимъ письмомъ съ изданія Сосновскаго, мы, конечно, не ручаемся за его исправность.

статутовъ является все устройство Польши,—польское право, которыми управлялись паны, шляхта, рыцарство, земляне, со своими урядниками, называемыми по-польски: староста, подсудокъ, подкоморій, оправца, коморникъ, служебникъ, владарь, буркграбя; кмети (рѣдко: селяне) на правѣ польскомъ и нѣмецкомъ, и начальники послѣднихъ—шелтысы; вся юридическая терминологія польская: роки, поводъ и супоръ (тоже виноватый), речникъ, злодѣй, мужебойство, вины 15 и 70, паметное, закладъ или отежаніе (siaża, siażanie) или дѣцкованіе (dzieckowanie, pignoratіo); опекальникъ (opiekadnik) ¹⁾, отчизна (obczyzna, imienie obczyzne), материзна (macierzyzna), пустощина (puścizna, puścizna), и пр. Нѣкоторыя изъ такихъ названій и юридическихъ терминовъ общеславянскія, польскія и русскія, напр. староста, судья, писарь, злодѣй, дѣдичъ, дѣдина и пр., но они приняли на Руси подъ вліяніемъ польскимъ извѣстное значеніе, равнымъ образомъ какъ нѣкоторыя русскія слова и термины приняты и Поляками, жившими на Руси. Такъ напр. русскій переводчикъ статута употребляетъ слово *владарь* (włodarius, włodarius, włodarz), хотя могъ употребить русское *тивуноу*, извѣстное и въ судебныхъ актахъ XV вѣка (włodarius alias tyuon) ²⁾. Слово *злодѣй* приняло у западныхъ Славянъ болѣе опредѣленное значеніе вора,—древнерусскій *татъ*; хотя злодѣй тоже у карпатскихъ Русскихъ стало означать вора, но старинное татъ сохранилось въ судебныхъ актахъ—*otaćbić* (otaćbić alias obwinić złodziejską wina, 1455). *Дѣтскіе* (*дѣцкіе*) въ смыслѣ молодой служби княжеской и боярской, отроковъ, пасынковъ, были хорошо извѣстны на Руси ³⁾ и означали поздне въ литовской Руси низшихъ судебныхъ чиновниковъ; можетъ быть, что дѣтскіе были и въ Польшѣ, судя по слову *dzieckowanie*; львовскій *dziecki* въ актѣ 1446 г. можетъ быть и русскаго

¹⁾ Это слово (латин. tutor) встрѣчается уже въ русской грамотѣ литовскаго князя Семена Лыгвенія 1389 г., изданной въ польскомъ Судомирѣ.

²⁾ Обязанности тивуна описаны напр. въ двухъ перемышльскихъ актахъ; см. Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 472, 4727.

³⁾ См. „Славяне“ I. 136.

происхожденія. Общеславянское *дѣдичъ* (латин. *heres*) земле-
владѣлецъ,—собственникъ, господарь, и князь государь; у Рус-
скихъ, кромѣ дѣдича, употреблялось тоже слово *отчичъ*; такъ
назывались (дѣдичъ и отчичъ) князья русскіе, московскіе, литов-
скіе и галичскіе ¹⁾. Это слово сохранилось въ карпатской Руси
до XV вѣка, и употреблялось не только въ русскомъ переводѣ
вслицкаго статута: отчичи алюбо дѣдичи (латин. *heredes*, поль.
только *dziedzicy*), а также въ латинскомъ языкѣ судебныхъ актовъ.
Дѣдичи или отчичи владѣли своими землями: дѣдинами, отчинами
(поль. *dziedzina*, *oścuzuŋa*), имѣніями дѣдичными (*imienie oścuzu-
ŋne*), дѣдичствами или отчествами, тоже бабинами, или, какъ на
Руси позднѣе стали говорить на польскій ладъ, отчизнами, мате-
ризнами (*macierzuŋa*), бабизнами (*babizna*); все это земли дѣ-
довъ, отцовъ, матерей-бабъ (*hereditates*, *patrimonia*, *bona pa-
terna*, *materna* — *matrimonialia*, *avalia* — *avalitates*) ²⁾.

Кромѣ юридическихъ терминовъ въ русскій переводъ вслиц-
каго и вартскаго статутовъ вошло нѣсколько польскихъ словъ не
передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. пани, панна, невѣста (т. е.

¹⁾ Въ галичско-волынской лѣтописи разсказывается, что въ
1190 г. „галичскіи мужи срътоша Володимера Ярославича, князя
своего и дѣдича“, а въ 1208 г. галичскіе бояре говорили угорскому
королю: „дай намъ отчича Галичю Данила.“

²⁾ Срв. въ актахъ львовскихъ 1444 г.: *beredes alias oścuziczo-
wye et terrigene ab antiquo Rutheni*; въ актахъ львов. 1443—1444 г.:
bona materna et paterna alias babisna y oścuzizna, въ актахъ галич-
скихъ 1472 г.: *porcio matris et avae alias babina*; въ актахъ пере-
мышльскихъ 1445 г.: *villa patrimonialis alias oścuzistwo*) и пр. Въ
русскихъ грамотахъ второй половины XIV р. и начала XV в.: дѣ-
дичьство, дѣдицтво, дѣдина, дѣднина, дѣдинина, вотнина, отчичи—
вотчичи. Дѣдинами владѣли не только семьи, а цѣлые роды или
племена. Слово *отчичъ* было извѣстно и древнимъ Полякамъ: *ościc*
(отъ *ościes*, какъ *dziedzic* отъ *dziad*), позже *ojezyc*, *ojeowic*, это сло-
во означало первоначально несомнѣнно то, что *dziedzic*, а въ XVI—
XVII вв. — сынъ отца, сынъ отчества, но тоже, подъ литовско-рус-
скимъ вліяніемъ, отчичей—подданныхъ (см. словарь Линде). Кажет-
ся, что и Чехи знали это слово *ościc*=*dedic*: *čstni ościci, všie šlechty
předci dedici* (Alexandreis).

жена), малжонка, хоругвь (chorągiew, т. е. знамя), моць, речъ (т. е. вещь), квалтъ, члонокъ, скарбъ, брониѣ (bronnie), готовизна (gotowe pieńiądze), вымовляти, злюбити (ślubić), ошацовати, варовати ся, частокротъ (—kroś), польскія формы именъ Якубъ, Кондратъ, Идій, Индрихъ, и др. ¹⁾. Русскій переводчикъ употребляетъ слова: бискупъ, прелать, ксензь, капланъ, жакъ; ecclesia (католическая) переводить: церковь (такъ и польскій переводчикъ: сугекiew), рѣдко костелъ. Видно, что противоположность обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, польскаго и русскаго, все больше выступала, и латинско-польская церковная терминологія входила въ употребленіе у Русскихъ для католицизма, а греческо-русская у Поляковъ для православія ²⁾. Въ латинскихъ грамотахъ, относящихся къ карпатской Руси, и въ судебныхъ книгахъ русскихъ земель церковная православная русская терминологія оставляется непереведенною на латинскій языкъ: wladica, poro, batko—baytko, ihumen—humion, и др. ³⁾.

Въ русскомъ текстѣ польскихъ статутовъ осталось не много древнерусскихъ терминовъ: отчичъ, дѣдичъ, дѣдичство, племенникъ (членъ племени-рода), дѣцькованье, селяне (изрѣдка подлѣ обыкновеннаго кмети), село (тоже на польскій ладъ: весь), доспѣшныи людъ (armata militia, harnaszowa ślachta) и пр. Вообще

¹⁾ Въ статьѣ 96 „о голотахъ“ встрѣчается „слуга реченыи уломокъ“, т. е. famulus qui dicitur gołotaка (въ другой рукописи włomek, вѣроятно испорчено вм. gołomek), поль. rąbek już gzeszon po polsku gołotaка, изд. Гельцеля § 94); въ позднѣйшихъ изданіяхъ famulus dictus gołota aut alias obłomek (Volumina legum I. 36), sługa czyj gzeszony gołota albo inaczej obłomek (Herbert Stat.).

²⁾ Напр., въ русской грамотѣ 1404 оба перемышльскіе епископы, католическій и православный, называются еще бискупы: мы бискупи Мацѣй премыски и Ованасей владыка премыски; въ русской грамотѣ 1415 г.: князь архибискупъ львовскій по польскому ksiądz arcybiskup; въ русской грамотѣ польскихъ сенаторовъ въ Молдавію 1433 г. духовные сенаторы называются бискупами: iarcbiskupъ гнѣзденскіи, бискупове краковскіи, познанскіи, холмскіи, влоцлавскіи.

³⁾ См. выше, стр. 46. О древнепольскихъ словахъ сугкiew, poro; см. „Славяне“ III. 213.

въ русскомъ переводѣ коронныхъ статутовъ сохранилось менѣе слѣдовъ древнерусскихъ словъ и учреждений, чѣмъ въ русскихъ грамотахъ второй половины XIV в. и начала XV вѣка, или даже въ латинскихъ грамотахъ и актахъ XIV — XV вв., издаваемыхъ въ коронной Руси и для нея.

Русскій переводъ статутовъ вислицкаго и вартскаго, сдѣланный частнымъ образомъ, служилъ только частнымъ потребностямъ карпатской Руси. Со времени введенія польскаго права въ этой Руси употребленіе русскаго языка въ официальныхъ документахъ—явленіе и до того времени довольно рѣдкое — совсѣмъ прекратилось. Во всякомъ случаѣ скоро миновало время, когда можно было сказать о русскихъ панахъ, что они не знали по-латыни, а читали хорошо по-русски; латинскіе статуты коронные сдѣлались болѣе или менѣе понятными и русской шляхтѣ около Перемышля, Холма, Львова и Каменца, равнымъ образомъ какъ и польской шляхтѣ на Руси, въ Польшѣ Малой и Великой, и въ Мазовіи. Въ судахъ и сеймикахъ русская шляхта говорила по-русски или по-польски, подражая своимъ польскимъ собратьямъ; но всѣ судебныя дѣла, приговоры, постановленія записывались на официальномъ языкѣ латинскомъ, тѣмъ болѣе, что урядники (чиновники) были почти все Поляки. То, что практиковалось уже въ судахъ еще во время „русскаго права“, т. е. что въ судебныхъ книгахъ въ латинскіе акты прииѣшивались польскія слова ¹⁾, происходило потомъ и въ судебныхъ актахъ и другихъ документахъ въ воеводствахъ русскомъ, подольскомъ и белзскомъ. Вся юридическая терминологія была, конечно, латинско-польская (*habejussio*, *hereditas*, *memoriale*, *pignoratio*, *terminus*, *dziedzina*, *ciąża* — *dzieckowanie*, *ramiętne*, *rosag*), равнымъ образомъ и другія нелатинскія, славянскія слова и цѣлыя фразы, роты (формулы присягъ), попадающіяся въ латинскихъ грамотахъ и актахъ,—польскія, при чемъ объясненіе латинскаго слова польскимъ сопровождается часто словами: *alias*, *vulgariter*.

Подобно тому и географическая номенклатура Руси, названія городовъ, сель, горъ, рѣкъ, урочищъ и пр., передавалась По-

¹⁾ См. выше стр. 83 (объ актахъ саноцкихъ).

ляками, польскими писарями на польскій ладъ, хотя часто сохраняла и подъ руками польскими свою русскую форму. Такихъ образомъ являются формы Przemyśl—Перемышль, Chełm—Холмъ, Gródek — Городокъ, Trębowla (Trzebowla въ XVI в.) — Теребовль, Działoszyce—Дядошичи, но также русскія формы Halicz, Horodło (Hrodło), Hrubieszów, Podhajce, Hlebowice, Nawręłów, Horysławice, Drewlany, Dublany, Uherce, Horodnyca, или двойныя формы: Dołhe—Dłuhe — Długie, Werbeża—Werbiaź, Czestín — Częstín, Dubrowlany — Dąbrowiany, Czortoryje—Czartoryje, Tolstobaby—Tłustobaby, Bortniki — Bartniki, Połowce—Płowce, Hruszowice — Gruszowice, Książa Dąbrowa, и пр. Польскія формы многихъ названій урочищъ въ русскихъ ильнїяхъ объясняются тоже присутствїемъ въ этихъ земляхъ польскаго населенїя ¹⁾, которое могло употреблять такія польскія названїя, напр. Trzy Dęby, Długi Potok, rzeka, błoto, рядомъ съ русскими: Tatowy Czerteży, ustie (русское устье)—uście, wirchowiny—wirschowiny, połoniny — płoniny ²⁾, и пр. Но съ другой стороны такія польскія формы географическихъ названій въ русскихъ земляхъ являются просто какъ результатъ польскаго происхожденїя писцовъ, которые русскія названїя часто писали на свой польскій ладъ. Равнымъ образомъ и Русскіе произносили и писали на свой ладъ Судомиръ (Sandomierz), Лучица (и Ланчица, Lanciścia — Łęczusa) и др.; даже въ русскихъ актахъ Поляковъ встѣчаются такія русскія формы польскихъ именъ и названій, напр. Судивой (Sandiwoj — Sędziwoj), Мужикъ з Дубровы (Meżuk z Dąbrowy), Заруба (Zaręba), Судомиръ (Sandomierz), Брѣсть ((Brześć), Межирѣчье (Międzyrzecze),

¹⁾ Селенїя Ляшки, Ляцкое и др. въ русской Галиціи, давно уже русскія, были сначала дѣйствительно „лядскія“. Срв. Ян. Головацкаго Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179, стр. 365), повторено тоже въ I т. его сборника пѣсенъ галицкой и угорской Руси.

²⁾ Длугошъ пишетъ: montes et silvae provinciarum Russiae, qui połoniny nuncupantur; писари судебныхъ актовъ пишутъ часто płoniny. Русское полонина = югослав. планина. Срв. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, изд. Я. Головацкимъ, I. 577.

Ляда (Lęda), рядомъ съ польскими формами Владиславъ, Марцинь, Войцехъ, Ланчица, Влоцлавъ и пр. ¹⁾). Обрусеніе и ополяченіе коснулось даже именъ лицъ; такъ напр. Полякъ Иво изъ Обыхова, староста русскій (въ началѣ XV в.), называется въ грамотахъ русскихъ и польскихъ по-русски Иванъ (Iwo alias Iwan), галичскій воевода Zaludz (1435—1436, т. е. Жалудъ) называется обыкновенно Zolađz (Żolađz), сынъ пана Ходка Головенчича (Hółwienczycz) называется Jasko Głowienczycz, и пр.

Писари латинскихъ актовъ и документовъ на Руси—какъ Поляки—употребляли польскія формы географическихъ названій и примѣшивали и польскія слова и фразы; но случалось тоже, что писарь, живя долго на Руси, привыкши къ тамошнему русскому нарѣчію, слыша его и передъ судомъ, иногда помимо воли поддавался ему, и употреблялъ изрѣдка и русскія слова и формы. Нѣкоторыя исключительно русскія названія разныхъ русскихъ учрежденій оставались и въ латинскихъ (позже и въ польскихъ) актахъ, напр. władyka, pop, dyak и вся русская церковная терминологія, далѣ bojari, homines kalanny, setny—sotny, ciągły (тяглый), ordyniec, wojewoda (русскій), setski—sotski, dziecki, tywon, krajnik, kniaz, wataman, zbor, kunica—kuniczne, prazniczne, pojemszczyzna, и пр. Кроме того изрѣдка попадаютъ въ латинскихъ актахъ русскія слова и формы случайно вмѣсто польскихъ, напр. sudza (судья, поль. sandza—sędzia), rokoгу (обыкновенно рокога—humiliacionem), słuha, boho (въ польской присяжной ротѣ вмѣсто bog), grossi prahenses (pragenses), otaćbić (тать), oścзус (отчичъ), tretina, czetwertnia, kniaz (староста села по волошскому праву), но также на польскій ладъ knedz, kniadz, kniađz, ksiądz—ksią-

¹⁾ Срв. русскую грамоту польскихъ сенаторовъ 1433 г. молдавскому воеводѣ Стефану (Уляницкій: Матеріалы, 37). Въ этой грамотѣ встрѣчается тоже польское слово *столечники* (въ переводѣ статута вислицкаго 1460 г. stolnik, 1503: stolecznik, т. е. сановники, пользующіеся правомъ сидѣть на стульяхъ (stoi, stolec, stolica, krzesło). Это слово перешло тоже въ западно-русскій языкъ, въ одну библію XVI в. „столеchnikом и бояромъ земьским“, польск. starostowie i ksiązeta (Владиміровъ о Скоринѣ, 240).

stwo, и пр. ¹⁾. Этому влиянію языка русскаго на польскій поддавались болѣе или менѣе не только писари актовъ и документовъ, но также другіе Поляки, жившіе между Русскими. Такъ напр. въ одной латинско-польской рукописи ок. 1462 — 1468 г., списанной во Львовѣ доминиканцемъ происхожденія польскаго или русскаго, встрѣчаются изрѣдка такія формы: *światu wiara, łaju, ma-ju* (вмѣсто *maja*), *koğuści* (вм. *korzyści*), *gecz* (вм. *gzez*), *wy-gzezczonogo* (вм.—ego, по русскому—oho) ²⁾.

Со времени введенія польскаго права въ коронной Руси русскій языкъ, употребляемый и до тѣхъ поръ довольно рѣдко, исчезъ изъ публичной жизни и совсѣмъ уступилъ мѣсто языку латинскому, а позже польскому. Польскіе короли писали на Русь по латыни, и только очень рѣдко и по-русски, какъ напр. король Сигизмундъ I (1535) перемышльскому епископу Лаврентію и пану Рагозинскому. Въ рядахъ русской шляхты карпатской Руси ихъ родной языкъ или скорѣе знаніе его письма приходило мало-помалу въ забвеніе; она, хотя и говорила еще долго послѣ принятія католицизма на своемъ языкѣ, въ судахъ, сеймикахъ, вѣчахъ и въ частной жизни ³⁾, все-таки признавала официальный латинскій языкъ. Поэтому уже въ первой половинѣ XV в., особенно послѣ водворенія польскаго права, оказалась необходимость переводить русскія грамоты на официальный языкъ латинскій, а позже и польскій; такія русскія грамоты предъявляли Быбельскіе, Мальчицкіе, Свистельницкіе, Дѣдошицкіе, Замостьскіе, Шептицкіе, епископы

¹⁾ Если въ судебныхъ книгахъ коронной Руси XV в. встрѣчается форма *wpiuk* рядомъ съ *wpaŭk*, то и первая форма (безъ носового звука)—польская; обѣ формы встрѣчаются тоже въ краковскихъ судебныхъ книгахъ XV в. (*wpank*, *wpiuk*). Срв. „Славяне“ III. 202.

²⁾ *Sprawozdania komisji językowej akademii I. 21.*

³⁾ Любопытный примѣръ русской рѣчи въ судахъ записанъ въ актахъ львовскихъ 1446 г., о чемъ срв. выше, стр. 67. Русскіе земляне Лопатичи Чеперовскіе, въ числѣ свидѣтелей своихъ правъ отчичей на отчину, приводили тоже „шляхтичей Ляховъ“—причемъ они подразумѣвали нѣсколькихъ окатоличившихся русскихъ землянъ; а градскій писарь написалъ въ латинскомъ актѣ необыкновенное слово „*nobiles Lachos*“—вмѣсто *Polonos, christianos* (т. е. *catholicos*).

перемышльскій и львовскій, и другіе шляхтичи и священники, часто съ просьбою перевести ихъ на языкъ латинскій ¹⁾). Въ числѣ такихъ грамотъ нерѣдко предъявлялись тоже грамоты подложныя, напр. князя Льва Даниловича. Русскія грамоты и ихъ переводы, латинскіе и польскіе, записывались тоже въ коронной метричѣ и въ судебныхъ книгахъ XVI—XVII вѣковъ въ русскомъ подлинникѣ или въ польско-латинской транскрипціи. Въ польскихъ, иногда и въ латинскихъ переводахъ, сохранялись нѣкоторыя русскія слова, не говоря уже о церковной терминологіи (władyka, por, serkiew и пр.), напр. kniaz, wojewoda (русскій), szluz, samodzierzec, horodyszcze, gramota — gamota, kuna, и др. ²⁾). Польскіе переводы оказались нужными по мѣрѣ водворенія польскаго языка, какъ официальнаго, и его распространенія и употребленія среди русской шляхты въ воеводствахъ коронной Руси; даже протесты православныхъ Русскихъ противъ притѣсненій львовскихъ православныхъ изъ народа русскаго Поляками „rośluszeństwa rarieskiego“ записаны въ львовскихъ городскихъ книгахъ (1592, 1595) по-польски. Также въ дѣлахъ русскихъ кметей по волошскому праву уже рано сталъ употребляться польскій языкъ, какъ видно напр. по польскимъ письямъ сельскихъ „князей“ 1544 и 1558 г. ³⁾). Март. Кроиеръ, въ описаніи Польши

¹⁾ Такъ напр. въ 1530 г. львовскій землянинъ І. Мальчицкій предъявилъ русскую грамоту 1407 г. королю Сигизмунду, съ просьбою „illud privilegium suum de ruthenico idiomate in latinum transferri et innovari“.

²⁾ См. въ Aktach grodzkich i ziemskich I. № 4, 5, 60; III. № 84, 87, V. № 27, VI. № 12, VII. № 26, въ метричѣ коронной кн. 77, стр. 166, у Подвѣя O dziesięcinach na Rusi 21, Dodatek do Gazety lwowskiéj 1853, № 12, и др. Составляя подложныя русскія грамоты будто-бы XIII—XIV вв., авторы употребляютъ ополяченный русскій языкъ XVI в.: кроль, царь и царь самодръжець, метрополить, православной вѣры, грецкой (а не греческой), землямя, прѣмыскый и др.; они знаютъ и „боярь“ въ древнерусскомъ значеніи, хотя въ XVI в. „бояре“ Руси Червоной и подольской уже не означали земель—шляхты. См. выше, стр. 62.

³⁾ Supplementum ad hist. Russiae monumenta, 151, A. Stadnicki: O wsiach wołoskich, 47 (первая намъ извѣстная запись на поль-

1573 г., замѣчаетъ, что въ коронной Руси, особенно на югѣ, употребляется почти больше нарѣчіе польское, чѣмъ русское, такъ какъ со временъ польскаго господства на Руси Поляки охотно тамъ поселялись вслѣдствіе плодородной почвы и борьбы противъ Татаръ ¹⁾).

Русскій языкъ употреблялся съ XVI вѣка рѣдко, преимущественно въ дѣлахъ церковныхъ, православною русскою шляхтою, мѣщанствомъ, духовенствомъ. Такъ напр. въ началѣ XVII в. панъ Иванъ Ключъ записался въ книгу церковнаго братства львовскаго по-русски (1600), паны Адамъ и Александръ Балабаны, основывая и жалуя одинъ монастырь, употребили въ своихъ грамотахъ, первый — русскій языкъ (1612), а второй — польскій (1629). На польской грамотѣ объ избраніи львовскаго владыки (1641) православные духовные подписались по большей части еще по-русски, а нѣкоторые по-польски; изъ присутствовавшей православной шляхты изъ воеводствъ русскаго и подольскаго большинство (81) подписалось уже по-польски (Jerzy Zamojski, Jerzy Bałaban, Prokop Tużarowski, Andrzej Czołhański, Theodor Winnicki, Stefan Szumlański, Eliasz Swistelnicki, Bazyli Rozniatowski, Alexander Balicki, Wasko Jaworski, Roman Popiel, Gabriel Kulczycki, Jordan Dobrański, Jan Przedymirski, Fedor Żurakowski, и др.), и только меньшинство (30) еще по-русски (Юрій Рознятовскій, Феодоръ Балицкій, Павелъ Предмирскій, Миколай Яворскій, Иванъ Попель, Федоръ Кулчицкій, Иванъ Добрянскій, и др.). И русское письмо дѣлалось среди русской шляхты менѣе обычнымъ, чѣмъ польско-латинское; поэтому и тѣ Русскіе, которые употребляли еще свой родной русскій языкъ, иногда стали его писать письмомъ польско-латинскимъ: такъ напр. на одной церковной книгѣ написалъ (1686) Andrey Żurakowski woyski ziemski Halicki: *Syia knyha kuplena ot*

скомъ языкѣ 1544 г. въ городскихъ книгахъ перемышльскихъ), *Dodatek do Gazety lwow. 1853, № 17.*

¹⁾ *Polonia sive de situ, populis, moribus et republica regni polonici (Coloniae 1578, p. 46).*

мене mnohohrisznoho do seľa Turi do chramu Preswiatoy Bohorodycy, aby precz neodbyrana proszu ¹⁾).

Русскій языкъ, уступая въ коронной Руси латинскому, а позднѣ польскому, сохранился дольше въ сношеніяхъ Польши и карпатской Руси съ сосѣднимъ молдавскимъ княжествомъ. Земля по рѣкамъ Пруту и Днѣстру до устьевъ Дуная издавна заселена была тоже русскими племенами, которыя находились въ постоянныхъ сношеніяхъ и въ зависимости отъ галичской Руси; еще въ началѣ XII в.—по словамъ русскаго лѣтописца—жили русскіе Тиверцы въ своихъ городахъ по Днѣстру до устьевъ Дуная и до Чернаго моря въ „Великой Скиѣи“, а въ концѣ этого вѣка пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ восхваляетъ галичскаго князя Ярослава Осмомысла, что онъ „подперъ горы уторскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви (угорскому) путь, затворивъ Дунаю ворота, суды ряда до Дуная“. Русское населеніе сохранилось въ этихъ земляхъ до позднѣйшихъ временъ, когда здѣсь распространились Волохи (Румыны) и основали княжество молдавское—съ устройствомъ и культурою славянскою, именно русскою ²⁾. Въ православной церкви молдавской, равнымъ образомъ какъ и волошской, и между Волохами въ Угрии и Семиградіи, употреблялся словѣнскій языкъ болгарскаго извода, а этотъ изводъ распространился тоже въ карпатскую Русь и въ первыя старопечатныя книги словѣнскія, изданныя въ Краковѣ ³⁾. Молдавскіе воеводы или господари, жупаны-сановники, бояре были ревностные поборники православія, которое поддерживали и на Руси и въ болгарскихъ странахъ до Охриды и до Св. Горы Авонской;

¹⁾ См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг.

²⁾ О сношеніяхъ Русскихъ и Волоховъ см. въ статьѣ Я. Головацкаго: Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179); срв. тоже А. Jabłonowski: Sprawy wołoskie za Jagiellonów (Źródła dziejowe X, Warszawa 1878). Разныя русскіе акты Молдавіи см. въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты южной и западной Россіи, Памятники дипломат. языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ, Akta grodzkie i ziemskie, въ сборникахъ Хаждеу, Яблоновскаго, Уляницкаго и др.

³⁾ См. „Славяне“ II. 550, 559, 572.

они писали по словѣнско-болгарски, а въ сношеніяхъ съ Русью польскою, литовскою и московскою—по-русски; на русскомъ языкѣ писали имъ тоже изъ королевской канцеляріи польской, нѣкоторые пограничные паны польскіе (напр. Бучацкіе), хотя обыкновенный дипломатическій языкъ между Польшею и Молдавіею былъ языкъ латинскій. Молдавскіе господа признали во второй половинѣ XIV в. верховное владычество польскихъ королей, но не всегда его признавали, а часто оспаривали. Это вело къ частымъ войнамъ между Польшею и Молдавіею, такъ что „Волохъ“ (молдавскій) считался такимъ же врагомъ Польши, какъ и Турокъ, Татаринъ, Москаль; оно и понятно, если принять во вниманіе, что молдавскіе воеводы, повелители православныхъ Волоховъ и Русскихъ, восприняли отъ князей карпатскихъ Русскихъ роль поборниковъ православія противъ наступательнаго движенія католическо-польскаго элемента; они, дѣйствительно, долго останавливали стремленіе на русскій востокъ католическихъ Поляковъ, которые, завладѣвши карпатскою Русью, все стремились дальше на юговостокъ, къ устьямъ Дуная и къ Черному морю и старались здѣсь насаждать свою культуру. Это имъ хоть отчасти удалось. Скоро дипломатическій русскій языкъ между Молдавіею и Польшею уступилъ мѣсто латинскому; а съ первой половины XVI в. входитъ въ употребленіе и языкъ польскій ¹⁾. Въ государственный строй Молдавскаго воеводства входятъ въ употребленіе тоже нѣкоторые польскіе порядки и названія, напр. панъ, панове рада, староста, прѣколабъ (бургграфъ) и др. Въмѣстѣ съ тѣмъ и католическая пропаганда стремилась въ Молдавію, хотя съ небольшимъ успѣхомъ ²⁾. По мѣрѣ повсемѣстнаго ополяченія шляхты

¹⁾ Срв. напр. польскіе договоры между королемъ Сигизмундомъ I и воеводою молдавскимъ Стефаномъ 1519 и 1527 гг. (Acta Tomisiana V. 90, IX. 172).

²⁾ Въ 1571 г. удалось обратить въ католицизмъ около двухъ тысячъ угорскихъ гуситовъ (Ungari, qui prius sequebantur haeresim Joannis Hus) Молдавіи, гдѣ гуситство распространилось уже ок. 1430 года (срв. Codex epistolarius saec. XV, t. II. 254, 290, и „Славяне“ III. 94); см. о томъ письмо секретаря каменецкаго епископа папскому нунцію въ Польшу (Theiner, Vetera Monumenta Poloniae II. p. 762).

и нѣмецкаго въ коронной Руси польскій языкъ входилъ въ употребленіе все чаще и въ сношенія молдавскихъ воеводъ съ православными русскими „бургарами (брѣгарами)“, Львовянами, съ ставропигійскимъ братствомъ; уже во второй половинѣ XVI в. и особенно въ XVII в. молдавскіе воеводы употребляютъ въ этихъ сношеніяхъ польскій языкъ, и на такомъ же языкѣ пишутъ воеводамъ и Львовяне, именно съ XVII вѣка ¹⁾.

Со временъ польскаго господства въ карпатской Руси измѣнился характеръ древнихъ *городовъ*, которыхъ было здѣсь много: Санокъ, Перемышль, Ярославль, Галичь, Львовъ, Звенигородъ, Тереховль, Коломыя, Белзь, Холмъ, а въ волинской Руси Володимиръ, Луцкъ и др. Въ этихъ русскихъ городахъ уже давно поселялись — на болѣе или менѣе продолжительное время — иностранцы, именно гости (купцы): Нѣмцы, Ляхи, Чехи, Угры, Татары, Жиды и др.; въ Холмѣ въ XIII в. поселились не только Русскіе, а также Нѣмцы, Ляхи и другіе „иноязычники“; такъ и въ Володимирѣ—Нѣмцы; и во Львовѣ рядомъ съ Русскими жили тоже Жиды, Татары, Армяне, Нѣмцы и др. Но всѣ эти иноплеменники въ городахъ югозападной Руси не исключались изъ-подъ общаго русскаго права; въ русскихъ городахъ не образовались особыя общины иноплеменниковъ, какъ это было въ сосѣдней Польшѣ. Здѣсь въ XIII в. на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ возникали особыя нѣмецкія *мѣста*, а вѣстѣ съ ними и нѣмецкія села; жители мѣстъ, *мѣщане* или *мѣстичи*, и жители новыхъ или вновь устраиваемыхъ селъ (всей) управлялись своимъ особымъ нѣмецкимъ правомъ, въ противоположность земскому польскому праву, съ своими избираемыми бурмистрами и радцами, войтами, шолтысами (шелтысами) и лавниками и пр. ²⁾. Всѣ эти перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ Польши были, конечно, хорошо извѣстны и въ галичской и волинской Руси; здѣсь точно умѣли отличать, какъ напр. и въ Краковѣ, старый

¹⁾ Срв. разныя грамоты (русскія и польскія) въ юбилейномъ изданіи въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886).

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 125.

„городъ“ (grod, zamiek) и „горожанъ“, и новое „мѣсто“ и „мѣстичей“; да жители города Володимира, Русскіе и Нѣмцы, назывались тоже „мѣстичами“, хотя эти володимирскіе „мѣстичи“ вовсе не были то же, что краковскіе „мѣстичи“, а просто старые горожане ¹⁾. Въ русскихъ городахъ были тысяцкіе или воеводы — давно уже наместники княжіе, а не народомъ выбираемые старшины и сотскіе ²⁾.

Водвореніе польскаго господства въ Руси Червоной и белзской открыло путь и нѣмецкому праву въ города и села. Русскіе города измѣнялись въ „мѣста“, въ такія же общины мѣщанъ, управлявшихся правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ, которое вводилось вмѣсто права русскаго (consuetudines ruthenicales, jus ruthenicum) или права польскаго, и привилось съ польскимъ господствомъ среди польскаго ихъ населенія ³⁾. Подобно тому какъ въ Польшѣ въ городахъ водворился сильный элементъ нѣмецкій, и въ карпатской Руси города принимали другой характеръ, наполняясь Нѣмцами ⁴⁾.

Нѣмецкое право пожаловано потомъ королемъ Казимиромъ и его преемниками городамъ Львову (Lamburg, Lemburg, Lemberg, 1356), Саноку ⁵⁾, Черемышлю, Ярославлю, Теревовлю, До-

¹⁾ Срв. галичско-волинскую лѣтопись, по изд. археограф. комисіи, 596, 614.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 115.

³⁾ Въ привилегіяхъ городамъ на нѣмецкое право все говоритъ объ уничтоженіи въ нихъ права русскаго и польскаго обыкновенно безъ болѣе точнаго ихъ опредѣленія; только изрѣдка встрѣчаются нѣкоторыя ихъ подробности, напр. въ привилегіи г. Тышовцамъ (1453), гдѣ между прочимъ уничтожается подать *odumarszczuzna*, основывающаяся на „правѣ русскомъ“. Эта *odumarszczuzna* встрѣчается часто въ актахъ карпатской Руси XV вѣка.

⁴⁾ Любопытно, что Владиславъ Опольскій вызывалъ (1387) жителей Червоной Руси къ войнѣ съ королевою Ядвигаю нѣмецкимъ манифестомъ—*alle landleuten und stätten in Reussen*. (A. g. z. III № 39).

⁵⁾ По грамотѣ галичско-волинскаго князя Болеслава-Юри 1339 г. *Codex diplomat. Poloniae* III. 197) Саноку пожаловано уже тогда нѣмецкое право, которымъ должны были пользоваться всѣ его жители Нѣмцы, Поляки, Угры, Русскіе. Эта грамота упоминается

рогобычу, Холму, Красному Ставу, Белзу, Бужску, Туробину, Городлу, Каменцу, Смотричу, Лятичеву и др.; позднѣе, въ XVI—XVII вв., вновь основываемыя городамъ Бару, Тернополю, Бережанамъ, Бродамъ, Жолкви, Замостью, Станиславу, Фирлеёву и др. ¹⁾ Въ этихъ городахъ селились Пѣмцы, Поляки, Русскіе, Армяне, Жиды и др., составляя тоже особыя общества церковныя: католическое господствующее, православное, армянское, жидовское; православные Греки, Волохи, Сербы примыкали къ своимъ русскимъ единовѣрцамъ.

Русскимъ и другимъ жителямъ городовъ предоставлялось пользоваться правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ или ихъ стариннымъ правомъ. Въ Коломыѣ встрѣчается въ концѣ XIV в. русскій войтъ. Въ Каменцѣ подольскомъ съ XV в. были общины польская или лядская (*Lechitae*), русская и армянская, со своими войтами, лядскимъ, русскимъ и армянскимъ, радцами (*consules ritus polonici, consules ritus rutenici*), и пр. ²⁾ Городъ Баръ

въ XV в. (1439) въ саночкихъ судебныхъ книгахъ (*Akta grodzkie i ziem. XI, p. 161*).

¹⁾ О Львовѣ см. *Zubrzycki: Kronika miasta Lwowa* (1844), *Шараневичъ: Стародавній Львовъ 1250—1350* (1861), *Rasp: Beiträge zur Geschichte der Stadt Lemberg* (*Archiv für östereich. Geschichte, Bd. 43*), *Łoziński: Lwów starożytny* (1889—1890, 2 t.), *Czołowski: Lwów za ruskich czasów* (*Kwartalnik histor. 1891*). О Каменцѣ и о другихъ подольскихъ городахъ см. вышеупомянутыя люстраціи подольскихъ староствъ, статьи Яблоновскаго и Молчановскаго, *Przedziecki: Podole, Wołyń, Ukraina* (1841), *Rolle: Zameczki podolskie na kresach multińskich* (1880). Вообще срв. *Baliński i Lipiński: Starożytna Polska*; *Szajnocha: Zdobycze pługa polskiego* (*Dziela II. 327*); *Tatomir: Geografja ziem dawniej Polski* (1868, p. 186), и др. Много документовъ см. въ сборникѣ *Akta grodzkie i ziemskie*.

²⁾ Въ люстраціи каменецкаго староства 1565 г. (*Архивъ юго-западной Россіи VII. 2. стр. 165*) говорится: „*Miasto Kamieniec ma w sobie trojaki naród ludzki, trojaki obyczaj prawa: Polacy autoritate praeseminent, a sądzą się prawem maydemburskim, Ruś prawem i zwyczajem ruskim sądzą się i wojta swego mają, Ormianie—obyczajem armeńskim i wojta też swego mają*“. Въ Каменцѣ тогда были *pisarz grodzki i pisarz ruski* (*Źródła dziejowe XIX. 216*).

раздѣлялся тоже на три части, лядскую, русскую и черемисскую (Черемисы — Татары); такъ и городъ Могилевъ на Днѣстрѣ состоялъ изъ общинъ польской, русской (съ Греками, Волохами, Сербами), армянской. Такъ какъ съ XV и особенно съ XVI в. Нѣмцы католики сливались съ господствующимъ народомъ польскимъ, то Поляки скоро приобрѣли и въ городахъ перевѣсъ и господство, и такимъ образомъ придали имъ польскій характеръ. Во львовскихъ городскихъ книгахъ XV — XVI вв. записано, что Нѣмцы мало-по-малу превращались въ Поляковъ (*Germani in Polonis sensim mutati*), и наконецъ сдѣлались, вмѣстѣ со многими Русскими, — Поляками (*Russorum magna pars, antiqui Germani: omnes in Polonos transierunt*). Польскій элементъ восторжествовалъ и въ городахъ коронной Руси; польскій языкъ сдѣлался господствующимъ, официальнымъ, равнымъ образомъ какъ и нѣмецкое магдебургское право въ польской одеждѣ ¹⁾).

При вѣроисповѣдной исключительности и нетерпимости среднихъ и новыхъ вѣковъ мудрено было установить въ городахъ болѣе сносный способъ общежитія между католиками Поляками (и другими народностями, прикннувшими къ Полякамъ) и православною Русью. Польскіе католическіе короли, паны и шляхта, епископы, священники, монахи относились съ надменною спѣсью къ русскому православію или „схизмѣ“, къ „русской сектѣ“, къ ея служителямъ „владыкамъ“, „попамъ“, „батькамъ“, „игуменамъ“, „черницамъ“, къ ея „церквамъ — синагогамъ“, „монастырямъ“, и только и твердили, въ Польшѣ и на Руси, что главная цѣль польскаго захвата Руси — уничтоженіе здѣсь „схизмы“ и торжество католицизма ²⁾. Отъ своихъ пановъ и епископовъ не

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 11 -- 12. Съ магдебургскимъ правомъ перешли и на Русь всѣ его варварскія казни, и мѣстскія власти приобрѣтали „*facultatem seu potestatem secundum jus maydeburgense decolandi, rotandi, mutilandi pedes, manus, aures, linguas, prout jus deservet*“ — какъ замѣчаетъ панъ Андрей Тарло въ привилегіи, данной на это право городу — мѣсту Хырову (1538).

²⁾ См. выше, стр. 13, 21. Еще въ концѣ XVI в. (1596) львовскій архіепископъ Іоаннъ Соликовскій заявляетъ, что онъ всегда желалъ въ своей епархіи торжества католицизма „*in media turba haeretico-*

отставали и католическіе мѣщане, нѣмецкіе и польскіе, и, если ужъ не могли удалить „схизматиковъ“ изъ ихъ древнихъ городовъ, то давали имъ во всемъ чувствовать преимущество своего „христіанства“, т. е. католической, „лядской“ вѣры передъ ихъ „русскою“ вѣрою ¹⁾. При такой вѣроисповѣдной нетерпимости и ненависти трудно было предполагать, чтобы католическіе мѣщане безропотно терпѣли въ своей средѣ православныхъ. Дѣйствительно, если уже общежитіе „христіанъ“ (католиковъ) и „схизматиковъ“ оказывалось, по разнымъ экономическимъ соображеніямъ, необходимымъ, то первые относились ко вторымъ болѣе или менѣе враждебно, стараясь исключать ихъ изъ городского представительства, изъ цеховъ и вообще всевозможно имъ вредить и солить. Это враждебное настроеніе католическаго большинства въ городахъ противъ православнаго меньшинства усиливалось вмѣстѣ съ усиленіемъ польскаго элемента, въ которомъ исчезъ элементъ нѣмецкій, и со времянь провозглашенія уніи одной части русской церкви съ Римомъ; вражда „Ляховъ“ къ „Руси схизматической, дисунитской“ не осталась на одной почвѣ вѣроисповѣдной, а очутилась тоже на почвѣ національной.

Въ столицѣ Червоной Руси, въ городѣ Львовѣ, послѣ его обращенія въ нѣмецкое „мѣсто“ *Lamburg—Lemberg*, сначала новый элементъ нѣмецкій относился къ старому населенію русскому довольно хорошо, и въ XIV—XV вв. даже въ числѣ мѣстскихъ радцевъ попадаются тоже Русскіе (*Ruthenus, Reusse*) ²⁾.

gam et schismaticorum aliorumque infidelium“, въ чемъ ему помогутъ водворенные во Львовѣ іезуиты.

¹⁾ Въ уставѣ львовскихъ мѣховщиковъ (1470) постановлено тоже, что „*die Reussen zu unsir kristenlichen beigruft* (похороны), *und die zechе zu erer reusseshen beigruft, nisnichten haben sullen. Auch sall man keinen Reussen, weder keinen unkristen zu zechmeister kusen*“. Въ польскомъ уставѣ (1557) выражаются уже иначе: на *porzeczach polskich i ruskich... na sechmietrzostwo żaden inszy tylko z rzymaskiej religiej nie ma być*. Срв. *Akta grodzkie i ziemskie VI. № 97, Dodatek do Gazety lwow. 1861, № 22*.

²⁾ Въ числѣ львовскихъ мѣщанъ Русскихъ въ первой половинѣ XV в. часто упоминается радца и лавникъ *Johannes (Januszko) Tolmacz, J. dictus interpres*.

Съ начала XVI в. однако католическіе мѣщане выступали все болѣе противъ православной Руси, не выбирали ихъ въ мѣстное представительство, не признавали ихъ свидѣтельства въ судѣ, заставляли ихъ присягать не въ ихъ церкви, а въ церкви католической или въ ратушѣ, мѣшали имъ въ отправленіи ихъ обрядовъ. Король Сугизмундъ I защитилъ львовскихъ православныхъ противъ такихъ враждебныхъ дѣйствій львовскихъ католиковъ (1521), но вскорѣ послѣ того (1525) самъ поступилъ по примѣру послѣднихъ и запретилъ имъ покупать дома внѣ ихъ „русской“ улицы, вступать въ цехи, въ которые они раньше не допускались, и вообще одобрилъ разныя притѣсненія, практиковавшіяся съ цѣлю повредить ихъ матеріальнымъ интересамъ и религиознымъ чувствамъ. Этою грамотою короля Сигизмунда прикрывалось всегда католическое польское большинство городского представительства, когда русскіе мѣщане жаловались на разныя стѣсненія и требовали ихъ уничтоженія ¹⁾. Отправленіе православныхъ обрядовъ въ публичныхъ мѣстахъ часто возбуждало неудовольствіе католиковъ; напр. похороны Русскихъ не смѣли отправляться торжественно черезъ весь городъ, такъ какъ такіе обряды ненавистныхъ „схизматиковъ“ производили соблазнъ и вызывали негодованіе католиковъ ²⁾. Даже въ тѣхъ цехахъ, въ которые допускались Русскіе, пришлось имъ терпѣть разныя притѣсненія со стороны католическихъ членовъ цеха. Цехи котельниковъ и суконщиковъ исключали схизматиковъ (1616), мѣховщики допускали и Русскихъ, но только въ члены, а не въ начальники (цехмистры), которыми должны были быть только католики (1470, 1557). Львовскіе сапожники, раздѣлявшіеся на два цеха, польскій и русскій, сочли потомъ (1635) болѣе удобнымъ соединиться въ одинъ цехъ

¹⁾ Срв. напр. *Lustracya starostwa lwowskiego* г. 1570, wyd. Neck, p. 35 (Stryj 1890).

²⁾ Срв. напр. любопытную жалобу львовскихъ католиковъ по поводу русскихъ похоронъ (1623 г.), приговоръ львовскаго войта І. В. Зиморовича (1659 г.) въ спорѣ двухъ бабъ, польской и русской, о колоколахъ, и пр. (Сводная галицко-русская лѣтопись, 277, 315). Зиморовичъ въ хроникѣ Львова назвалъ „kondaki“ и „tropagi“—прислугою митрополита (*Zubrzycki: Kronika m. Lwowa*, 271).

съ двумя цѣхмистрами, польскимъ и русскимъ; но не смотря на это соглашеніе, между безпокойными львовскими сапожниками „religii rzymskiéj i religii greckiéj“ споры не прекращались ¹⁾. Въ началѣ XVII в. (1609) православные мѣщане львовскіе жаловались королю: „Утяжени естесмо мы, народъ рускій, отъ народа полскаго ярмомъ надъ египьскую неволю, же насъ лечь безъ меча але горѣи нѣжъ мѣчемъ съ потомствъ выгубляютъ, заборонивши намъ пожитковъ и ремесль обходовъ вшелякихъ, чимъ бы толко человекъ живъ быти могъ, того не воленъ Русинъ на прироженой земли своей русской уживати въ томто рускомъ Львовѣ. А зажь панове цехмистрове и ремесници львовскіе, шевцѣ, кравцѣ, рѣзники, поворозники, гончары ец. ец. (et cetera), цось зачнѣйшого о собѣ надъ войска Ваш. Кор. Мил. быти розумѣють, же насъ въ цехахъ своихъ весполъ зъ собою мѣти не хотятъ? А зажь панове райцѣ львовскіе и цехове львовскіе щось болшого надъ то себе быти розумѣють, же насъ народу рускаго при боку своемъ мѣти не хотятъ, але съ потомствъ насъ выгубляютъ?“ ²⁾. Но всѣ такія жалобы были бесполезны, и притѣсненія православныхъ Русскихъ не прекращались, не смотря на разныя королевскія грамоты, уравнивавшія православныхъ съ католиками: и въ Польшѣ теорія и практика расходились.

Подобное тому болѣе или менѣе униженное положеніе занимали Русскіе и въ другихъ городахъ карпатской Руси. Въ Перемышлѣ городскіе радцы были только католики; они въ дѣлахъ католиковъ не принимали свидѣтельствъ Русскихъ, взыскивали съ Русскихъ высшія судебныя платы, заставляли ихъ участвовать въ католическихъ праздникахъ, такъ что къ концѣ XV и въ началѣ XVI в. сами польскіе короли, Іоаннъ Альбрехтъ, Александръ и Сигизмундъ (1519), должны были вмѣшиваться въ дѣла перемышльскихъ католиковъ и православныхъ, отчасти и въ пользу

¹⁾ См. Łoziński: Lwów starożytny II. 253, Литер. сборникъ галицко-русской матицы 1870, стр. 101, Akta grodzkie i ziemskie I. № 47, срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 308.

²⁾ С. Голубевъ: Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (Кіевъ 1891, I, 65).

последних¹⁾. Въ цехахъ перемышльскихъ является та же самая вражда католиковъ къ православнымъ; сапожники раздѣлялись на два цеха, польскій (Поляки и Пѣмцы) и русскій, а по уставу кузнецовъ (1471) прямо запрещалось польскому мастеру держать и обучать русскихъ подмастерьевъ—*nullus magister Polonorum debet servare ac docere discipulum Ruthenorum*²⁾. Король Сигизмундъ I вообще нерѣдко занимался взаимными отношеніями католическихъ и православныхъ жѣщанъ во Львовѣ и въ другихъ городахъ коронной Руси. Въ Красномъ Ставѣ православные Русскіе не могли быть ни радцами, ни лавниками, ни членами цеховъ; король Сигизмундъ уничтожилъ этотъ несправедливый обычай, и допустилъ и православныхъ Русскихъ въ городское представительство, по два радцы и лавника, и въ цехи (1523, 1524). Но тотъ же король въ г. Бужскѣ исключилъ православныхъ Русскихъ изъ представительства города и довершилъ постановление 1411 г., по которому запрещалось Русскимъ готовить напитки и солодъ³⁾. Въ Каменцѣ сапожники, мѣховщики, портные и др. раздѣлялись на польскихъ и русскихъ. Въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, равнымъ образомъ какъ и въ селахъ, православные Русскіе должны были давать десятину или другія платы католическимъ священникамъ, прибывшимъ въ тѣ русскіе города и села только съ польскимъ завоеваніемъ. Въ Холмѣ — по распоряженію короля Сигизмунда (1519)—всѣ некаатолики и Жиды, которые владѣли землями и домами, принадлежавшими прежде Ляхамъ (*Lechitis sive hominibus catholicis, ritus roman)*, должны были платить десятины католическому священнику холмскому. Въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно новыхъ, православные Русскіе прямо исключались изъ пользованія мѣстскимъ правомъ, которое предоставлялось однимъ только католикамъ, такъ напр. въ Яелискахъ, въ Плазовѣ⁴⁾. Въ Замостьѣ основатель го-

¹⁾ См. выше, стр. 51.

²⁾ Akta grodzkie i ziemskie VI. № 99.

³⁾ См. грамоты изъ метрики коронной у Поцѣя, *Dziesięciny*, 10—13.

⁴⁾ Въ Яелискахъ, мѣстечкѣ среди карпатскихъ русскихъ Лемковъ, подчиненномъ перемышльскому католическому епископу, въ нача-

рода, Иоаннъ Замойскій (1580), тоже постановилъ, чтобъ мѣщане были одни только католики; но скоро онъ убѣдился, что такое постановление трудно исполнить, и поэтому распространилъ пожалованныя городу привилегіи и на православныхъ Грековъ и Русскихъ, которые—вмѣстѣ съ давно обрусѣвшими Греками—приняли унію только въ концѣ XVII вѣка ¹⁾. Въ другихъ городахъ, гдѣ нельзя было обойти многочисленное русское населеніе, оно занимало второстепенное положеніе въ думѣ, судѣ, цехахъ, чувствуя на каждомъ шагу господство католическаго польскаго населенія. Въ городское представительство русскіе мѣщане имѣли только ограниченный доступъ, имѣя обыкновенно только по одному члену между радцами и лавниками; въ нѣкоторыхъ городахъ Русскіе, хотя были и мѣщане, не допускались въ городское представительство. Въ городскихъ цехахъ Русскіе то исключались, то допускались въ мастера, изрѣдка и въ цехмистры (*jeden lacki, drugi guski*), и вообще русскіе члены цеха занимали въ немъ второстепенное мѣсто ²⁾.

При всей этой всеобщей фанатической вѣроисповѣдной враждѣ находились всетаки среди Поляковъ люди болѣе просвѣщенные, которые искренно желали установленія болѣе дружескихъ отношеній между обоими славянскими народами. Такъ, ок.

лѣ XVII в. не дозволялось быть мѣщанами „Руснакамъ“, людямъ грецкіей віары, а Ruthenus ставился наравнѣ съ *illegitime natus*. (*Przewodnik naukowy* 1890, p. 806).

¹⁾ О Замостьѣ см. Холмская Русь I. 187, 259.

²⁾ Вотъ напр. одно постановленіе устава ткачей въ Немировѣ (1624): „*Między tymi mistrzami tego rzemiosła aby nie był żaden Rusin, któryby sobie majstrował, oprócz tego, któryby towarzysz Rusin przywędrował, któremu wolno robić dwie niedzieli. A jeśliby nadwędrował Polak towarzysz, mistrz ten, u któregoby Rusin towarzysz robił, powinien go odprawić, a towarzysza Polaka przyjąć, odprawiwszy Rusina*“. (*Dodatek do Gazety lwowskiej* 1853, № 62). Отношеніе Ляховъ и Руси въ русскихъ городахъ и цехахъ напоминаетъ до известной степени отношеніе Нѣмцевъ и Славянъ въ полабско-балтійскихъ городахъ, о чемъ срв. наше соч. „Германизация балтійскихъ Славянъ“.

1576 г. Иеронимъ Сенявскій, воевода русскій, жалуя городу Олешичамъ нѣмецкое право, справедливо замѣтилъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Польша, гдѣ столько вѣроисповѣданій, никто не долженъ господствовать надъ вѣрою и совѣстью людей, и поэтому въ городѣ могутъ поселяться люди всѣхъ вѣроисповѣданій ¹⁾ Въ началѣ XVII в. гетманъ Станиславъ Жолкевскій, потомокъ православнаго русскаго рода, но уже давно окатоличеннаго и ополяченнаго, самъ ревностный католикъ и врагъ чешскихъ еретиковъ, относился всетаки съ уваженіемъ къ православной Руси, по примѣру просвѣщеннаго своего современника и родственника Іоанна Гербурта. Станиславъ Жолкевскій принялъ православныхъ Русскихъ въ основанномъ имъ городѣ Жолкви подъ свое особое покровительство; онъ, въ виду „размноженія хвалы божіей и украшенія религіи греческой“ (dla pomnożenia chwały bożej i ozdoby religiej greckiej), пожаловалъ (1612) православной церкви разныя льготы, и православнымъ жителямъ полную свободу въ отправленіи обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія и право заступать тоже въ городскомъ представительствѣ, по одному радцѣ и лавнику ²⁾.

¹⁾ A iż korona polska okwita jest w rozmaite stany ludzi, zwłaszcza z strony religiej, k temu że żadna zwierchność nie ma panować nad wiarą, czcią i sumnieniem, pozwalamy to najwięcej, aby mogli dla spokojnego życia osiadać ci ludzie, którzyby nie dla jakich występków a złości, ale z inszych przyczyn prześladowanie albo ucisk mieli, używając wszystkich wolności i prawa od nas nadanego. A jeśliby kto z potomków naszych, mierząc się nabożeństwem takich ludzi, chciał je wyganiać, tedy powinien będzie wszystkie nakłady w budowaniu domów, browarów, słodowien, naprawowania ogrodów, sadów, łąk, rol im odłożyć, pod zakładem winy do skarbu królewskiego złotych dwu tysięcy. (Изъ Метрики коронной у Балинскаго и Липинскаго Староżyтна Polska II. 1220). Приводимыя въ Сводной галицко-русской лѣтописи (стр. 313) гуманныя слова будто-бы Андрея Потоцкаго (1658) относительно православныхъ его города Станиславова — позднѣйшая выдумка, такъ какъ эта грамота подложна (Szarłowski: Stanisławów 1887, p. 99).

²⁾ Грамоту Жолкевскаго напечаталъ J. Ваґаґ: Pamiątka miasta Żółkwi (Lwów 1852, p. 113). Привилегіи Жолквы утвердилъ ко-

Селяне карпатской Руси, называемые еще въ концѣ XIII в. и навѣрное и въ XIV в. *смерды* ¹⁾, а со времени польскаго завоеванія по-польски *кметы* (въ русскихъ и латинскихъ актахъ), пользовались и потомъ своимъ стариннымъ русскимъ правомъ (*jus ruthenicum, ruthenicale*), отправляя разныя повинности и платы натурою государству и своимъ панамъ, которые, по образцу польскому, приобрѣтали право суда надъ своими подданными. Со второй половины XIV в. поселялись въ карпатской Руси колонисты изъ сосѣдней волошской Молдавіи и сѣверной подкарпатской Угрии, Волохи и Русскіе, на особомъ волошскомъ правѣ, которое основывалось преимущественно на денежной платѣ владѣльцу ²⁾, Кромѣ селъ на правѣ русскомъ и волошскомъ, основывались села на правѣ польскомъ (*jus polonicum, polonicale*) и на правѣ нѣмецкомъ (*jus theutonicum*), которыя распространялись на Русь изъ Польши; польское право, похожее на русское, служило польскимъ кметямъ-католикамъ, которыхъ польскіе земьяне охотно поселяли въ своихъ селахъ на Руси; нѣмецкое право, основываясь— подобно волошскому — на денежной платѣ (чиншѣ), служило не столько кметямъ нѣмецкимъ — которыхъ на Руси было вѣроятно мало,— сколько польскимъ и русскимъ. Польскіе земьяне на Руси и сами русскіе земьяне, подобно тому какъ они приняли польское право (1434), такъ стремились и потомъ уравнить положе-

рель Іоаннъ Собескій (1693), внушая католикамъ, *aby religii greskiéj okiem nie przeposili*.

¹⁾ Слово *смерды* — плебей, земледѣлец—знали Русскіе, Ляхи (*смарды*) и Словѣне (*смръды*); срв. „Славяне“ I. 128, III. 204. Впослѣдствіи это слово приняло значеніе браннаго слова, мужика, хлопа въ презрительномъ смыслѣ, такъ что оно вызывало даже жалобу въ судъ со стороны такъ обзываемого; срв. въ актахъ львовскихъ 1440 и 1443 г. (*Akta grad. i ziem. XIV*) дѣло о брани словомъ *smard*. Это слово знаютъ еще Поляки XVI в. (Мончинскій, Рей, Бѣльскій, Папроцкій) въ презрительномъ смыслѣ: простака мужика, хлопа, *неряхи*.

²⁾ Срв. въ грамотѣ князя Швитригайла (1424): „Село Косово имѣютъ намъ давати подлугъ права волоского тыто доходы, штожь съ полонинь..., а съ каждого кметя по 2 гроши польскихъ краковскаго разу у каждый годъ“.

ніе своихъ подданныхъ кметей съ положеніемъ кметей въ Польшѣ. Такъ напр. уже въ 1435 г. земне галичской земли приняли нѣкоторыя постановленія относительно кметей, которыя были обязательны въ земляхъ краковской, сандомирской и польской ¹⁾. Случалось, что въ одномъ селѣ жили кмети—Поляки католики и Русскіе православные, одни на правѣ польскомъ, другіе на правѣ русскомъ; когда тѣ и другіе переходили и переводились на право нѣмецкое, то обязывавшее ихъ право русское или польское уничтожалось, и только изрѣдка право польское (и русское?) считалось какъ бы дополненіемъ нѣмецкаго. Значительное количество польскихъ католическихъ кметей въ земляхъ карпатской Руси въ началѣ XV вѣка видно уже по все увеличивающемуся числу католическихъ церквей, основываемыхъ въ селахъ не только католическихъ, а также въ селахъ русскихъ. Эти церкви, не говоря о ихъ характерѣ католической пропаганды среди православнаго населенія русскаго, должны были служить всетаки прежде всего духовнымъ потребностямъ католическаго населенія на Руси, землямъ и кметей. Кромя того на польское населеніе въ имѣніяхъ карпатской Руси указываетъ тоже польская географическая номенклатура, которая встрѣчается постоянно въ разныхъ письменныхъ памятникахъ конца XIV и начала XV вѣка; если такія польскія названія надо отчасти объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что писцы латинскихъ грамотъ были Поляки, польскіе священники, то всетаки трудно предполагать, чтобъ эти писцы назвали всѣ урочища по-польски, тѣмъ болѣе, что они знали и употребляли тоже русскія названія. Такъ напр. около Рогатина въ галичской землѣ, имѣнія русскаго пана Волчка Переслужича изъ Рогатина (1415—1419), употреблялись польскія слова (съ прибавленіемъ *vulgarter*): *rowrozy*, *obzary*, *włok bobrownicy* (другія слова, *ostrow*, *potok*, могли быть польскія и русскія); въ Рогатинѣ была католическая церковь и плебанъ и двѣ русскія церкви (*ruthenicales ecclesiae*, а ужъ не *synagogae*) и священники (*presbyteri ruthenicales*, а не *porones*, *baytkones*). Около села Мальчичъ въ львовской землѣ, принадлежавшаго русскимъ землянамъ Федорку

¹⁾ Akta grodzkie i ziemskie XII. p. 425.

и Федьку Мошенничамъ-Мальчицкимъ (1447), почти всѣ слова и названія урочищъ—польскія: *głęboki potok, rzeka, obszary, stawek, wgon, stępy, spruścić, na wirzech, podatki, dzieckować, przasnny, obsy*; но встрѣчаются тоже названія русскихъ повинностей: *kunica, concordatio alias mirne, divortionabile alias rozrust*, и пр. Бывали тоже случаи, что въ одномъ и томъ же самомъ селѣ жили кметы на правѣ русскомъ, волошскомъ и нѣмецкомъ,— что кметы, пользовавшіеся правомъ нѣмецкимъ и особенно волошскимъ, переводились или добровольно переходили на право русское,—что надо было рѣшать вопросъ, пользуются-ли они правомъ волошскимъ или русскимъ; да иногда русскіе кметы не хотѣли переходить на право нѣмецкое, такъ какъ они привыкли къ праву русскому (*nos volumus sedere in jure theutonico, quia consuevimus sedere in jure ruthenico*). Сельскій староста кметей на русскомъ правѣ назывался уже въ XIV в. *ватаманъ (атаманъ)* ¹⁾; сельскій староста кметей на волошскомъ правѣ — *князь* (въ селѣ) и *краймилъ* (въ краинѣ, округѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ селъ); староста кметей на нѣмецкомъ правѣ—*войтъ* (*voigt, advocatus*), *шелтъисъ* (*schultheiss, scultetus*, у Поляковъ *szołtyś, sołtyś*); назывался-ли староста кметей на польскомъ правѣ *староста*—какъ въ Польшѣ въ XIII—XIV вв. — неизвѣстно. Во многихъ селахъ коронной Руси, напр. въ земляхъ белзской, холмской, галичской, въ Подольѣ, старосты назывались *ватаманами* еще въ XVI—XVII вв., хотя эти села давно уже не были на правѣ русскомъ, а на правѣ „чиншевомъ“ (нѣмецкомъ), и такой ватаманъ былъ собственно говоря уже войтомъ, шелтысомъ ²⁾. Старинное славянское дѣленіе населенія на тысячи, сотни (ста) и десятки сохранилось и въ карпатской Руси XV вѣка: люди сотные (*homo sotny* или, на польскій ладъ, *setny*); воеводы (тысячскіе)

¹⁾ Это слово по всей вѣроятности татарское. Такіе ватаманы были тоже въ сѣверной Руси (срв. „Славяне“ I. 114). У русскихъ козаковъ атаманъ—разные начальники.

²⁾ У карпатскихъ Гуцуловъ сельскій староста еще въ первой половинѣ XIX в. назывался *князь, атаманъ*. Срв. ст. Вагилевича въ *ж. Časopis Česk. Musea* 1838, 491.

и сотскіе встрѣчаются только въ городскихъ многолюдныхъ общинахъ, но десятники (dziesiątnik, dziesiątnik)—въ селахъ. Кметы на Руси назывались въ XV в. тоже селяне, мужи, людъ; община—уже по-польски gromada (communitas villae alias gromada), и даже, по польскому примѣру, gmin — изъ нѣмецкаго gemeine, gemeinde (communitas alias gmin), сходки кметей—вѣча, сборы (congregationes rusticorum quod sbory nuncupantur) ¹⁾. Русскіе кметы раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, вольныхъ и невольныхъ, служебныхъ сотныхъ, каленыхъ (каляныхъ, каленики, каляники, въ калянствѣ, срв. малорусское каляти, польское kalic, kalac, марать, загрязнить) и ординцевъ (въ „ордѣ“, какъ бы въ рабствѣ, неволѣ) ²⁾.

¹⁾ Въ одно село галичскаго староства „podstarości halicki zjeżdżał dwakroć do roku sądzić wieca“ (Lustracya starostwa halickiego г. 1566). Сельскія вѣса встрѣчаются въ XVI в. тоже въ ратенскомъ староствѣ холмской земли (см. ст. Любомирскаго о ратен. староствѣ въ ж. Biblioteka Warszawska 1855, II). Сельскія вѣча — сходки и суды знали Поляки и поднѣпровскіе Русскіе; срв. „Славяне“ I. 117. Въ одномъ селѣ саноцкаго староства (Rewizya star. saposk. г. 1565) въ числѣ разныхъ податей встрѣчается owies wiecowy, т. е. дань натурою со стороны вѣца; срв. sarna zbozowa—серна, даваемая зборомъ, owies rostowy czynszowy — овесъ, даваемый какъ поцта (какъ бы почетный подарокъ), чиншь (оброкъ).

²⁾ Въ жалованной грамотѣ короля Казимира 1456 г., данной русскимъ землямъ (Bandtkie: Jus polonicum 292, Turgenew: Supplementum ad histor. Russiae monum. 456) постановляется тоже, чтобъ „smetones terrigenarum per capitaneos ac officiales ipsorum aliosque violenter non recipiantur in servitutem vulgariter *mordinice* (*mordanice*), hoc expresso, nisi prius villicus alias tywon seu wataman cum omnibus smetonibus possessionatis super eo juraverint, quod sit de eorum genere et servitute“. Въмѣсто непонятнаго слова *mordinice* (Шафарикъ сравнивалъ его съ *смердѣ*) читаемъ „w ordynice“ — „w ordince“ (въ ординцевѣ). Князь Фад. Любомирскій (Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w., Biblioteka Warszawska 1858, I) приводитъ, изъ львовскихъ книгъ 1446—1452 г., одинъ разрядъ свободныхъ кметей—pochoży (извѣстные тожѣ въ Литвѣ): est tributarius verus, illiberus, non procedens, nie pochodzący. Этого мѣста мы въ изданныхъ актахъ львовскихъ (Akta grodz. i ziemskie XIV) отыскать не могли

Положеніе кметей въ коронной Руси уравнивалось все болѣе съ положеніемъ кметей въ Польшѣ уже послѣ 1435 г., когда они очутились въ большей зависимости отъ своей шляхты, особенно же въ силу статутовъ 1496 и 1505 гг. „Русское“ право пришло въ забвеніе, и отъ него остались только нѣкоторые слѣды; чиншевое право нѣмецкое сдѣлалось — рядомъ съ волошскимъ правомъ—господствующимъ, да оно стало называться и было собственно польскимъ ¹⁾. Дольше, чѣмъ право русское, именно до XVIII в., сохранилось право волошское, которое существовало въ русскихъ земляхъ отъ Покутья на молдавскихъ границахъ—на западъ до Сандча и на сѣверъ до Холма, Белза и Воляня. Такія „волошскія“ села были, особенно позднѣе, русскія, да и назывались тоже русскими (*villae ruthenicae seu Valachorum*), равнымъ образомъ какъ были русскими и села на „нѣмецкомъ“ правѣ. Отъ русскаго права сохранились немногіе остатки, именно нѣкоторыя

Въ галичскихъ актахъ 1446 г. упоминается *homo zapochodzący*; но его положеніе не ясно. Также не ясно названіе и положеніе людей „калевыхъ, калыныхъ“ (или каланыхъ?); въ другихъ русскихъ земляхъ встрѣчаются въ землѣ кievской (ок. 1471 г.): „въ селѣ Цветковѣ отаманъ и два человекъ, одинъ слуга, а другой коланъный“, въ барскомъ староствѣ въ Подольѣ (1565 г.): „*szukowie kolanni (kolanni?) aliaŝ zubożale ludzi, obracają na posługi potoczne*“; но и здѣсь значеніе этого слова темно. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2. стр. 2, 222). Въ львовскихъ книгахъ XV в. встрѣчается слово *ятвежинъ, ятвежининъ* (*homo regalis aliaŝ iathwyesin, homo yathwyeszanin*); положеніе этихъ подданныхъ не ясно, но ихъ названіе русское, а не польское,—по литовскому племени Ятвеговъ, Ятвяговъ, Ятьвяговъ (попольски *Jadźwing, Jaćwęg*), съ которыми воевали галичско-волянскіе князья XIII в., и о которыхъ много рассказываетъ галичско-волянская лѣтопись; срв. выше, стр. 5 и 6 пр. Народное названіе Ятвягъ сдѣлалось нарицательнымъ, какъ напр. влахъ — валахъ, склавъ; срв. „Славяне“ I. 72, 129, 132.

¹⁾ Такъ напр. около Сандча 1578 г. кмети одного села заявляютъ, что они *a jure eorum ruthenico ad ius polonicum quoad labores et servitia sunt translati a dominis ipsorum* (Любомирскій). Въ саноцкомъ староствѣ въ 1565 г. въ числѣ селъ встрѣчаются *Dąbówka Niemiecka dziś Polska* (кмети съ названіями польскими и нѣмецкими), и *Dąbówka Ruska* (кмети — Русскіе); оба села платятъ чиншъ.

названія должностныхъ лицъ и повинностей, встрѣчающіяся въ селахъ (siola и по-польски) на правѣ волошскомъ и нѣмецкомъ, напр. kniaz, wataman, tywon albo włodarz, kniaz alias wataman, kniaz alias tywon, przełożeństwo czyli tywoństwo, kuna—kunica—kuniczne, pojemszczyzna, prazniczne, wychodne, poholowszczyzna, poczerewizna, połudzie, ciągli—zaciągli — ро-ciągлі (тяглы люди), hultaj (голтѣй, безземельный голышъ, бродяга, бобыль), и пр. На рубежѣ польской и литовской Руси, земля подольской и кievской, сохранились еще въ XVI в. слѣды стариннаго сельскаго копнаго суда, на которомъ „о злодѣйства и о всякіе кривды яко зъ сель лядскихъ, такъ и зъ сель великаго князства повѣту кievскаго права себѣ даютъ“¹⁾.

¹⁾ Старинное русское полюдье (у Византийцевъ X в. *κολοδιον*, срв. „Славяне“ I. 157) встрѣчается въ XVI в. въ староствѣ ратенскомъ (сначала часть земли волынской, потомъ земли холмской русскаго воеводства); это была дань медовая и денежная, и называлась тоже *rosta*, *rokion*; срв. статью I. Ф. Любомирскаго: *Starostwo gateńskie* (Biblioteka Warszawska 1855, II), и *Instracya starostwa gateńskiego г. 1565* (Архивъ югозападной Россіи VII, 2). Въ томъ староствѣ встрѣчается тоже: „*poczerewizna (pobrzuchowszczyzna), jus primaе noctis pro d. capitaneo g. 2; daja ci ktorzy żonę z pod drugich rapów biorą*“ (куніцѣ od tych, со do cudzych dóbr dziewki oddawaja). Южно- и западно-русскае слово *голтѣй* (въ кievской землѣ ок. 1471 г.: голтѣяи, люди приголтѣяевѣлые; въ западно-русскаой, каменецкаой Четвѣ 1489 г.: голтѣй—бѣднякъ, голтѣйство—бѣдность) встрѣчается тоже въ коронной Руси, именно въ белзской землѣ въ началѣ XVI в.: *holtajі, oltaje — nihil tenent, nihil dant*; къ нимъ причислялись тоже бродяги музыканты, древніе скоморохи (срв. названіе двухъ сель въ белзской землѣ—Скоморохи). О копномъ судѣ въ коронной Руси (срв. „Славяне“ I. 120) см. Вил. Археогр. Сб. I. 122; Молчановскаго о подольской землѣ, 334; срв. Акты Вил. Арх. Ком., т. XVIII (1891).—О положеніи кметей въ коронной Руси см. *Atka gr. i ziem.*, разныя описи (*instracyi, rewizyi, inwentarze*) королевскихъ и частныхъ имѣній XVI—XVII вв., напр. староствѣ саноцкаго, галичскаго, львовскаго, любомльскаго, ратенскаго, скальскаго, каменецкаго, барскаго, хмѣльницкаго и др. Срв. статьи I. Ф. Любомирскаго: *Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w.* (см. *Akta grodzkie i ziemskie*, t. XII, p. XI et 425), А. Стадницкаго: *Ziemia lwowska za rządów polskich w XIV i XV w.* (Bi-

Польскіе колонисты-селяне исчезали среди русскаго населенія, сливаясь съ соплеменными Русскими, и только названія селеній на Руси Ляшки и Лядское (Ляцкое) указываютъ на ихъ лядское происхожденіе ¹⁾. Подобно тому и въ Подольѣ—послѣ его воссоединенія съ Польшею (1699) — поселялись не только Русскіе изъ Червоной Руси, а также повислянскіе Поляки, которые однако со временемъ дѣлались Русскими ²⁾.

Въ колонизаціи карпатской Руси вѣроисповѣднѣй моментъ не могъ не играть своей роли. Нѣмецкое право жаловалось обыкновенно всѣмъ кметямъ, Русскимъ и Полякамъ; но нерѣдко одни только католики, Поляки и Нѣмцы, считались достойными пользоваться нѣмецкимъ правомъ, между тѣмъ какъ „схизматики“ Русскіе изъ него исключались (*schismaticis et Ruthenis omnino ex-*

blioteka Ossolińskich 1863, III), Papée: Skole i Tucholszczyzna (львов. Przewodnik naukowy 1890), А. Яблоновскаго: Podole u schyłku w. XV (варшав. Ateueum 1880, II, III), и введеніи къ изданнымъ имъ люстраціямъ подольскихъ староствъ (*Źródła dziejowe t. V, XIX*), Владимирскаго-Буданова: Населеніе югозападной Россіи до люблинской уніи (введеніе къ изданнымъ имъ памятникамъ въ Архивѣ югозападной Россіи VII. 1. 2., и срв. еще А. Яблоновскаго въ *Ateueum* 1888, I). О волошскомъ правѣ см. А. Стадницкаго: *O wsiach tak zwanych wołoskich na północnym stoku Karpat (1848)*, *O kniaztwach we wsiach wołoskich z poglądem na wójtowstwa we wsiach na magdeburgskim prawie osadzonych (1853)*, I. Ф. Любомирскаго: *Północno-wschodnie wołoskie osady (Biblioteka Warszawska 1855, IV)*, замѣтки Е. Калужняцкаго (въ вѣнскихъ *Denkschriften der k. Akademie* 1880, Bd. XXX, p. 25—64), А. Прохаски (*Przewodnik naukowy* 1889, p. 467), и др. Замѣтимъ, что слово „волохъ, валахъ, влахъ“ сдѣлалось у Славянъ нарицательнымъ, о чемъ см. „Славяне“ I. 72—73, и оба сочиненія Пича (заглавія см. „Славяне“ III. 95).

¹⁾ См. выше стр. 100.

²⁾ Отвиновскій (*Pamiętniki do panowania Augusta II, Poznań* 1838, p. 14) пишетъ: *Poczęło się po pokoju uczynionym Podole osadzać, dokąd wiele tysięcy poszło chłopów od Wisły, a osobliwie od Przemyśla i Sanoka, że prawie całe wsi pozostawały pustkami w Podgórzu. Zeszło się też tam i Rusi potrosze, a ci nasi Mazurowie successu temporis w Ruś się poobracali, i może się tam teraz ten kraj nazywać polsko-ruski.*

clusis et excerptis). Такъ было напр. въ селахъ Годовичахъ и Жидатичахъ (1405), Зубрьѣ (1408), Малеховѣ и Клекотовѣ (1419), Вербяжѣ (1423), Титовичахъ (1433), и др. Католическое духовенство требовало десятины и другихъ платъ не только отъ своей католической паствы, а тоже отъ „схизматиковъ“, съ чѣмъ соглашались и польскіе короли и паны. Такъ это было именно въ львовской архіепископіи, гдѣ архіепископъ взымалъ извѣстныя платы тоже съ „схизматиковъ“, поселенныхъ на нѣмецкомъ правѣ; этотъ обычай утвердилъ король Владиславъ Ягайло (1426). Если въ селѣ жили католики Поляки (и Нѣицы) и православные Русскіе, то эти послѣдніе должны были часто содержать не только своего попа, батька, но также давать десятину или извѣстныя платы католическому ксѣндзу плебану, патеру ¹⁾. Такъ это было въ епархіяхъ коронной Руси, и часто тоже въ Руси литовской. Послѣ введенія уніи католическое духовенство требовало десятины тоже отъ уніатской Руси.

Положеніе православныхъ Русскихъ въ городахъ и селахъ ухудшилось послѣ уніи одной части русской церкви съ Римомъ, которая привилась и въ карпатской Руси, прежде всего въ епархіи холмской, потомъ и въ епархіяхъ перемышльской и львовской. Одни только русскіе „униты“ могли еще разсчитывать на снисходительность польскихъ католиковъ, а „дисуниты, схизматики“ считались уже прямо врагами католической Польши. Такъ напр. въ городахъ Томашовѣ и Угриновѣ допускались въ городскія представительства католики и уніаты, а въ Каменцѣ, послѣ многолѣтняго турецкаго господства, православнымъ вообще запрещалось жить: *ludzie religii greckiej disuniti mieszkać nie mają*—порѣшили даже на польскомъ сеймѣ 1699 г. ²⁾. Во Львовѣ

¹⁾ Срв. напр. въ селахъ львовской архіепископіи, въ Петляковцахъ (1421), Золотникахъ (1459), Грумнѣ (Румнѣ 1471), Литвиновѣ (1476), въ сб. *Akta grodzkie i ziemskie*; въ селахъ перемышльской епископіи въ XVI в. (Pawłowski: *Premislia sacra*, p. 205, 248, 309); о холмской епархіи см. выше, стр. 114. Срв. Россіей: *O dziejećcinach na Rusi*, 31. См. тоже выше, стр. 53—54., жалобы шляхты коронныхъ русскихъ земель на сеймѣ 1558—1559 гг.

²⁾ *Volumina legum* (изд. петербург.) VI. 35; срв. Сводная галлицко-русская лѣтопись 389, 683.

рускимъ мѣщанамъ не помогла даже унія, восторжествовавшая въ Червоной Руси на рубежѣ XVII — XVIII вѣковъ; львовскіе и другіе Русскіе, хотя уніаты, оставались въ прежнемъ своемъ униженномъ положеніи. Въ холмской епархіи католическое духовенство въ XVII—XVIII вв. собирало десятины и съ уніатской Руси, не смотря на всѣ запрещенія Рима и протесты уніатскихъ епископовъ холмскихъ. Трудно было защищаться, если господствующая польская католическая народность все смотрѣла на Русь, не только православную, но тоже уніатскую, съ какимъ-то презрѣніемъ, смотрѣла на унію какъ на „вѣру хлопскую“ (а католицизмъ „вѣра панская“), не считала даже уніатскаго духовенства равнымъ католическому духовенству польскому и дѣйствовала всегда въ смыслѣ словъ шляхты белзскаго воеводства, высказавшей еще въ половинѣ XVIII в. (1746) все свое презрѣніе даже къ уніатскому русскому духовенству въ инструкціи своимъ депутатамъ на сеймъ: „A że clerus ritus graeci usurpuje sobie officia, tytułując się dziekanami, officyałami etc., więc praxim antiquam obserwując, aby in stallo popowstwa simpliciter zostawali, et majores titulos nie usurpowali, ani żadnego praejudicium dziedzicom i possessorom juryzdykcyą takową, któraby intracie praepedire mogła, non inferant, ichność panowie posłowie curabunt. Tuzdież domówić się, aby presbyteri ritus graeci non praetendant decimas, gdzie per erectiones decimae applicatae do kościołów ritus romani“¹⁾.

¹⁾ Подробности у Поцѣя: O dzieśięcinach kościelnych na Rusi. Взглядъ польской шляхты на уніатскую Русь измѣнялся только медленно по мѣрѣ распространенія просвѣщенія и чужого вліянія. Въ карпатской Руси уже австрійское правительство (1782) запретило всякое важничанье римскаго католицизма въ ущербъ обрядамъ русскому и армянскому (Сводная галицко-русская лѣтопись, 299; Pelecz: Geschichte der Union der ruthen. Kirche mit Rom, II 644). Въ великомъ княжествѣ варшавскомъ, въ которое вошла и холмская Русь, могъ уже въ 1811 г. уніатскій холмскій епископъ Цѣхановскій (первый русскій епископъ въ польскомъ сеймѣ) въ варшавскомъ сенатѣ сказать, между прочимъ, и слѣдующее: „Znikło już upodlenie goxolańskiego narodu, który niegdyś jednym imieniem wszystkich za-

Коронная Русь въ своихъ высшихъ шляхетскихъ слояхъ, казалось, ополячилась; русская шляхта смѣшалась съ Ляхами и скоро сдѣлалась такими-же Ляхами *gente Rutheni, natione Poloni*. „Вслѣдствіе взаимныхъ симпатій, взаимнаго благоволенія Русь ополячивалась. Какъ два братскіе корня одного дерева, стремились другъ къ другу и переплетались между собою элементъ русскій съ элементомъ лядскимъ, чтобы общими силами выростить изъ себя одно исполинское дерево, одинъ могущественный народъ. Какъ затѣвъ дерево многими сучьями возносится ввысь, такъ и народъ разрастается и увѣчивается тысячею меньшихъ семей, а между родовитыми вѣтвями Польши въ золотые ея вѣка развѣ не первыми по доблести, заслугамъ и славѣ, были именно роды, которые изъ русскаго корня на русской почвѣ, именно изъ земли холмской выросли. То-то наши знаменитѣйшія фамиліи и дома польскіе въ XVI и XVII вв., тѣ Зомойскіе, Жолкевскіе, Собескіе,— это все дома русскіе, отрасли холмскіе, изъ стараго Замостья въ землѣ холмской, изъ старой Жолкви въ землѣ холмской, изъ холмской Воли Собеской. Видя, что прекраснѣйшіе цвѣты польщины развивались изъ русскихъ соковъ, видя послѣ, какъ двумя единственными мѣстными домами, на долю которыхъ выпало украсить себя въ лучшія времена польскою короною, были именно два русскіе дома, наши холмскіе Собескіе и сосѣдніе съ Холмомъ Вишневецкіе, мы могли бы теперь перейти къ изображенію вопроса въ противоположномъ свѣтѣ, представить другую сторону всегда прекрасной картины того испоконъ вѣковъ существующаго братскаго единства, и начать такъ, какъ мы здѣсь кончаемъ: Русь ополячивалась, а Польша обрусѣвала“¹⁾.

szczywał Polaków. Zniknął naganny przesąd upadający Rusinów. Teraz dopiero widzimy się zupełnie porównani z bracią naszą“ (Петрушевичъ: Холмская епархія, 204).

¹⁾ Szajnocha: Jak Ruś polszczała (Szkice historyczne IV. 189). Шайноха рисуетъ взаимныя отношенія Поляковъ и Русскихъ какъ-то въ розовомъ свѣтѣ (срв. тоже его *Jadwiga i Jagiełło*, главу *Ruś szeregowa*); если онъ подъ „Русью“ подразумѣваетъ шляхту на Руси, то онъ, пожалуй, правъ; но врядъ-ли кто-нибудь согласится нынѣ съ мнѣніемъ, что шляхта или бояре представляютъ „народъ“, и что,

Шляхетскій „народъ“ въ карпатской Руси весь былъ польскій, и не было уже разницы между Дѣдошицкими, Жолковскими, Замостскими, Одровонжами, Потоцкими, Яблоновскими. Русское мѣщанство, православное и потомъ униатское, тоже говорило, читало, писало, одѣвалось по-польски, а русское свое происхожденіе обнаруживало преимущественно въ жизни церковной, въ „русскихъ“ обрядахъ. Если бы была правда, что исторія сильныхъ и знатныхъ родовъ представляетъ вмѣстѣ исторію страны, то опоячаніе коронной Руси можно было на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ считать совершившимся фактомъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время въ той Руси окончательно восторжествовала пасербица польскаго католицизма, унія. Но такое мнѣніе — одна только иллюзія. Русь въ Карпатахъ, по Сану, Днѣстру, Бугу не исчезла; отъ нея остался, правда, одинъ талко „людь“, „попы и хлопы“ (какъ выражались въ Польшѣ), всѣ тѣ сѣрые Лемки, Гуцулы, Бойки, Подоляне, которые однако—вмѣстѣ съ своими братьями по Днѣпру и по Двинѣ — держали на своихъ плечахъ пышное зданіе польской шляхетской и католической Рѣчи Посполитой. Уже въ концѣ XVI в. раздается во Львовѣ голосъ, обращенный къ сильному царю „многоплеменитаго рода російскаго, отъ нихъ же и мы обрѣтаемъ во градѣ Львовѣ убози и умалени суще паче всѣхъ челоувѣкъ жителей града сего“. А когда около половины XVII в. зданіе Рѣчи Посполитой падало, не поддерживаемое плечами русскихъ хлоповъ, и Богданъ Хмѣльницкій стоялъ подъ Львовомъ, то и въ карпатской Руси повсюду замѣчалось опасное броженіе между хлопами: *confusio et occultae a graeca religione insidiae, inpla-*

какъ думаетъ другой польскій историкъ К. Стадницікій, *historya możnych i świetnych rodzin jest razem historyą kraju.* (Synowie Gedymina II. 261). Шайноха, историкъ-художникъ и лирикъ, вообще смотритъ на задачу историка довольно своеобразно; онъ, упрекая Костомарова въ индиферентизмъ, замѣчаетъ, что *taki indyferentyzm jest szkodliwy dziejom naszej ojczyzny, gdyż autor tych dziejów traktując ją z zupełnym indyferentyzmem, nie zapala się miłością do dziejów naszych, nie unosi się chwałą tych dziejów, nie stara się o podniesienie jej najszczytniejszych czynów i dążeń.* (Szkice histor. IV. 204). Но такое отношеніе къ фактамъ—не исторія, а эпопея.

cabile odium contra catholicos et Polonos, Ruś proti Chmielnickiego, aby im contra tyrannidem Polaków chciał subvenire— вотъ что записалъ тогда одинъ современникъ очевидецъ ¹⁾. Да броженіе распространялось и дальше на западъ, гдѣ Костка Неперскій, надѣясь на помощь Хмильницкаго, возбуждалъ польскихъ горцевъ противъ шляхты и Жидовъ.

Опасность миновала, а карпатскою Русью все управляли польскіе паны, настоящіе „Ляхи“, и „Русскіе, обросшіе лядскимъ мясомъ“, чуждые своимъ православнымъ и позднѣе униатскимъ русскимъ хлопамъ. Уже современникъ Іоанша Замойскаго и Станислава Жолковскаго, Іоаннъ изъ Вишни, касаясь разныхъ шляхетскихъ предрасудковъ и притязаній, съ ироніею замѣчаетъ: „Чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Албо ты не хлопъ такіи же, не таяжъ матерія, глина и переть, не тоежъ тѣло и кровь и тлѣніе? Съ нами богъ восточными, разумѣйте языци, и ты прегордая Латино, и покорайся, яко съ нами богъ!“ ²⁾. Эти-то русскіе хлопы не сдѣлались Ляхами, а сохранили своей карпатской родинѣ характеръ земли русской; и только на плечахъ этой хлопской Руси держались польскіе ея паны, какъ истые *gagi nantes in gurgite vasto*, но руководители ея судебъ. А эта Русь въ Карпатахъ по Сану, Днѣстру, Бугу смотрѣла не очень дружелюбно на своихъ пановъ Ляховъ, которые ей дали „панщизну“ (барщину); идеаломъ этой Руси былъ тотъ же „козакъ“, который дѣйствовалъ въ остальной югозападной Руси противъ Ляховъ пановъ и Жидовъ, противъ Татаръ и Турокъ.

5. *Русскій языкъ и русская письменность въ карпатской Руси въ XVI—XVII вв. Польскій языкъ въ карпатской Руси; вліяніе русскаго языка на польскій, польскаго на русскій. Польская литература въ карпатской Руси.*

Русскій языкъ исчезъ изъ канцелярій королевской, изъ воеводскихъ, земскихъ, старостскихъ и другихъ, изъ дворцовъ пан-

¹⁾ Кушевичъ у Лозинскаго, *Lwów starożytny* II. 257; срв. то же хроники Львова І. Зиморовича и Юзефовича, и ниже о „селянкъ“ І. Зиморовича.

²⁾ См. ниже.

скихъ и шляхетскихъ, и остался только среди русскаго духовенства и мѣщанства, хотя и здѣсь его право все больше оспаривалъ польскій языкъ, дѣлаясь и въ этихъ сословіяхъ языкомъ литературнымъ и обиходнымъ. На русскомъ языкѣ въ карпатской Руси писалось мало. Русскіе книжники изъ духовенства находились подъ вліяніемъ церковнаго языка словѣнскаго, который въ свою очередь подвергался вліянію русскаго языка и болгарско-волошскаго извода. Во Львовѣ, Угорцахъ и Уневѣ печатались церковныя словѣнско-русскія книги; во Львовѣ издана въ 1591 г. „Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка, совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанію многиименитому російскому роду“¹⁾. Главною опорой русскаго православія въ коронной Руси стало церковное ставропигійное братство во Львовѣ, поддерживаемое не только Русскими, а тоже Волохами изъ сосѣдней Молдавіи; оно старалось, насколько возможно, дѣйствовать во имя единства всей Руси, югозападной и сѣверовосточной, всего „многиименитаго или великоименитаго рода російскаго (російскаго)“. Братство въ концѣ XVI вѣка (1592), строя вновь свою сгорѣвшую церковь, обратилось за помощью тоже къ русскому царю Федору Ивановичу, „господарю сѣверскія страны великоименитаго рода російска“, котораго „Богъ во иногороднѣмъ племенѣ російскомъ царя неподвижна отъ прародителей постави“. „Твое Величество всѣмъ по вселеннѣй во благочестіи и православіи живущимъ прохладженіе еси и утѣшеніе и окормленіе, паче же вездѣ обрѣтающимся отъ многоплеменитаго рода російскаго; отъ нихъ же и мы обрѣтаеміи во градѣ Львовѣ духовніи, священници, дидаскаліе, родъ російскій и греческій, убози и умалени суще паче всѣхъ человекъ жителей града сего. Понеже въ польскихъ странахъ во великихъ печалѣхъ обрѣтаемъ, и вси славніи и благороднѣйшіи и могутствомъ силніи во иновѣрія различна посползновеніемъ падошася; мы же, яко не имущи прибѣжища, къ тебѣ благоутробному и тихому и милости требующимъ пристанищу благонадежному притекаемъ“; они извѣщаютъ царя о

¹⁾ О ней срв. статью Лепкаго въ Литературномъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1871, стр. 35.

несчастіи, постигшемъ ихъ церковь, и просятъ о помощи. „Да уподобишя, всесвѣтлый царю, памяти святѣй честнаго ти царства прародителю, великому Владимиру, просвѣтившему весь родъ ро-сійскій святымъ крещеніемъ и честными храмы святоленнѣ землю роскую даже доздръ освятившему“. Просьбу братства поддержалъ передъ царемъ, царицею и боярами терновскій митрополитъ Діонисій, эксархъ Малой и Великой Россіи, указывая на то, что во Львовѣ живутъ христіане „благочестія ради и истины и православія ради утѣсненіи и умалишась паче всѣхъ жителей града того, понеже нарочитіи ихъ во иновѣріе разыдошась и не имуще при-бѣжища“. Царь Федоръ Ивановичъ вынулъ этимъ просьбамъ и при-слалъ братству деньги и подарки ¹⁾.

Въ рядахъ православнаго духовенства карпатской Руси на-ходились всегда ревностные защитники стариннаго православія, боровшіеся словомъ и перомъ, все на русскомъ языкѣ, противъ на-ступательнаго католицизма и уніи ²⁾. Въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII в., послѣ провозглашенія церковной уніи въ Бе-рестѣ, уроженецъ карпатской Руси, Іоаннъ изъ Вишни, монахъ св. Горы аѳонской, написалъ нѣсколько статей и посланій о то-гдашнихъ церковныхъ отношеніяхъ на Руси—ко всѣмъ православ-

¹⁾ Акты западной Россіи IV. № 34; Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886, № 90 и др.). Въ забытой угорской Руси католическая іерархія и шляхта относились къ русскимъ „схизматикамъ“ и ихъ „батькамъ“ съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и въ Польшѣ. Попытки прививать русскимъ „схизматикамъ“ католицизмъ начались въ Угріи уже въ XIV в., но безъ успѣха; Стефанъ изъ Вербовца въ своемъ угорскомъ уложеніи (въ началѣ XVI в.) говоритъ, что Rusnjaki neki su se k najoj vere, a neki su se gerckoj blude pridružili (по словенско-хорват. переводу Пергошича). Въ угорской Руси въ теченіе по-чти всего XVII вѣка происходила борьба православія съ унією; срв. статью Фидлера въ вѣнскихъ Sitzungsberichte der k. Akademie d. Wissenschaften 1862, Bd. 39, p. 481. Замѣтимъ, что угорскіе Русскіе тоже назывались „Волохи“—Rutheni, quos et Valachos vocant (Bidermann: Die ungarischen Ruthenen II. 84).

²⁾ Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій то-гдашнихъ карпатскихъ Русскихъ, какъ образцы языка и слога.

нынѣ христіанамъ Малой Россіи (Малое Руссіи), народу русско-му, литовскому и лядьскому въ Польшѣ, униатскимъ епископамъ, и пр. Онъ между прочимъ указываетъ тоже на то, что „нынѣ жеми Ляхи князіе рускіе всё поеретичили и христіанства, истинныя вѣры отступили, и еще на слѣдъ божій хулять и рошцуть, иноческій чинъ ругаютъ, посмѣваютъ, злословятъ, лгутъ, клеветуютъ, судятъ, мерзятъ, безчестятъ и до конца ненавидятъ“, а „если бы тые клобучники каптуроносци жеми вами не были, уже бы есте давно погыбли. На пановъ же вашихъ руского рода, на сыныи челоувѣческія, не надѣйтесь, въ нихъ же нѣсть спасенія! Всѣ бо живаго бога и вѣры яже въ него отступили, прелести же еретической ся поклонили.“ Онъ представляетъ совершенно другую характеристику шляхетства, чѣмъ къ какой тогда привыкли: „Хтожь есть шляхтичъ? Тотъ, который зъ неволѣи мірской къ богу вырнетъ и съвышше ся отъ духа святаго породить, по Іоанну: елицыже, рече, пріяша его, дасть имъ власть чадохъ божимъ быти, вѣрующимъ въ имя его, иже не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ бога родишася. Видиши ли шляхетство вѣры нашея? Который отъ бога ся породить, тотъ есть шляхтичъ.“ А обращаясь къ униатскимъ іерархамъ „ксендзамъ бискупамъ“, шляхтѣ, Іоаннъ Вишенскій упрекаетъ ихъ, что они своихъ собратьевъ христіанъ считаютъ „подлѣйшими отъ себе“ и прозываютъ ихъ „хлопами (хлапами), кожемяками, сѣдельниками, шевцами на поруганіе“, и наконецъ спрашиваетъ: „Чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Альбо ты не хлопъ такой же, не такая же матерія, глина и персть, не тоежь тѣло и кровь и тѣніе? Гдѣжь Христосъ на своихъ учениковъ хлапавъ кожемякавъ?“ Въ городахъ „войтове, бурмистрове, лантвойтове, власть мірская градская, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судѣхъ по Руси не поборяйте, пачеже и кривдите, въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ Русинъ съ папезникомъ волности единой да не имать, въ цехахъ ремесницкихъ Русину быти не достоинъ, доколѣ ся не попапезитъ, на власти войтовства и бурмистрапства и прочихъ строителствъ отъ руского народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папежа не увѣруютъ“. Іоаннъ Вишенскій рѣзко нападалъ на дѣятельность іезуита Петра Скар-

ги, который взводилъ разныя клеветы на православіе и на рускій народъ, рекомендуя ему унію, какъ единственное средство для выхода изъ его жалкаго положенія. Между прочимъ онъ возмущался нападками Скарги на церковный языкъ словѣнскій: онъ-де не могъ и не можетъ русскому народу дать того, что даетъ языкъ латинскій католикамъ; Греки надули-де Русь, предоставивъ ей церковный словѣнскій языкъ, а не давъ ей своего греческаго въ церкви и наукѣ; а съ помощью словѣнскаго языка, непонятнаго для самихъ поповъ, никто ученыхъ быть не можетъ: „Мы Русь словенскаго языка не разумѣемъ!“ восклицаетъ Іоаннъ Вишенскій, и спрашиваетъ, чѣмъ же словенскій языкъ хуже латинскаго въ дѣлѣ спасенія; вѣдь греческіе учителя все растолковали, такъ что всякій „языка словенскаго Русиянъ либо Сербинъ или Болгаринъ вѣдаетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися можетъ, если только самъ восхощетъ“. Велико число святыхъ угодниковъ святаго языка словенскаго въ Великой Россіи, и въ Малой Россіи, во всемъ родѣ россійскомъ, и въ турецкой землѣ въ родѣ сербскомъ и болгарскомъ. „Ты Скарго на славянскій языкъ ¹⁾ посполу съ дѣволомъ борбу подвигнулъ еси, который для того языка словянскаго не любитъ, и отъ всѣхъ другихъ на онаго подвигомъ сильнѣйшимъ (стлумити и угасити его хотяи) подвигнулъ еси, ижъ въ языку словянскомъ лже и прелестъ его никакоже мѣста имѣти не можетъ, ибо ани діалектитъ и силогизмъ поганскихъ (ницующихъ правду божію во джу), ани хитрорѣчіемъ лицемернаго фарисейства упремуряетъ, толко истинною правдою божію основанъ, збудованъ и огороженъ еси; и ничтоже другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ, толко простоту и спасеніе рачителю славянскаго языка еднаетъ“! Іоаннъ изъ Вишни ревностно защищаетъ права словенскаго языка въ церкви, все утверждая, что „словенскій языкъ предъ богомъ честнѣйшій еси и отъ еллинскаго и латинскаго“ ²⁾.

Печальное положеніе православной Руси въ Польшѣ не смущало однако Іоанна Вишенскаго, и онъ гордо восклицаетъ:

¹⁾ Іоаннъ пишетъ „словенскій“, „словянскій“, „славянскій“.

²⁾ См. „Славяне“ II. 594, 600.

„Съ нами Богъ восточными, разумѣйте язици, и ты прегордая Латино и покорайся, яко съ нами Богъ! Если бо гордостію можете, отъ тресущаго божества побѣждени будете, яко съ нами Богъ; и иже аще съвѣтъ съвѣщаєте, разорить и Господь, яко съ нами Богъ; и слово еже аще възглаголете, не имать пребыти въ васъ, яко съ нами Богъ“ ¹⁾.

Современникъ Іоанна изъ Вишни, неизвѣстный православный священникъ львовскій, въ началѣ XVII в. тоже обширно описалъ событія времени берестьевской уніи; онъ между прочимъ рассказываетъ о введеніи христіанства у Поляковъ и Русскихъ, а гибель „паньства руского“ приписываетъ недостатку школъ и наукъ. „Поляци рускіе паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними, и царскіе цурки (дочери) своѣ за Русиновъ давши, черезъ нихъ своѣ обычаѣ оздобные и науку укоренили, такъ ижъ Русь посполитовавшися зъ ними, позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, у науки римскіе своѣ дѣти давати почали; которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ по малу-малу науками своѣми все паньство руское до вѣры римской привели, ижъ потомкове княжатъ рускихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились, и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, яко бы николи не знали быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“ ²⁾. Говоря о введеніи уніи, авторъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе того „не только Русь, але и Ляхове ажъ до войны внутренней межи собою пришли, сейшы ся

¹⁾ Посланія Іоанна изъ Вишни см. въ Актахъ южной и западной Россіи II. 205—270. Зачанка мудраго Латынника съ глупымъ Русиномъ въ диспутацію (С. Голубевъ: Петръ Могила, Кіевъ 1883, I. приложенія, стр. 67), и нѣсколько другихъ статей, изданныхъ С. Голубевымъ въ Архивѣ югозападной Россіи (1887). ч. I. т. 7, стр. 19. Срв. Кулиша: Исторія воссоединенія Руси I. 297. О Іоаннѣ Вишенскомъ см. статьи Сумцова и Житецкаго въ Кіевской Старинѣ 1885, XI. 649; 1890, XXIX—494, еще срв. 1889, XXV, 141 и приложеніе; 1890, XXIX, приложенія стр. 111.

²⁾ Авторъ говоритъ, что „по збуренью паньства руского“ въ числѣ добычи были тоже „словенскія книги“, которыя еще тогда, въ началѣ XVII в., хранились въ склепахъ въ Краковѣ и Львовѣ.

ломали, все злое оттолъ пошло и конца еще не маеть“, что унія распространяется насильственными средствами, что не даютъ „враду никому, кто не есть папезовъ, а Русинъ коли не есть унѣятоиъ, а напередъ у незнаемыхъ пытаются, если Полякъ, чи есть католикъ, а если Русинъ, чи есть унѣять; наконецъ и у права коли тягаются межъ собою, теда также пытаются, естли католикъ альбо унѣять, и на то баченье мають“¹⁾).

Лѣтописныя записки велись во Львовѣ еще около половины XVII в. по-русски. Львовскій лѣтописецъ особенно интересовался исторіею козаковъ и подробно рассказываетъ о возстаніяхъ Тараса и Павлюка; между прочимъ говоря о кровавой битвѣ между польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ и Тарасомъ (1630), онъ замѣчаетъ, что Конецпольскій „показывалъ, слезы стираючи, трупъ великій тые слова мовачи: Отожь унія, лежитъ Русь съ Поляками“²⁾).

Нѣкоторые книжники карпатской Руси попробовали писать— по латинскимъ и польскимъ образцамъ — стихи или вирши, которые свидѣтельствуютъ о всемъ другомъ, только не о поэтическомъ талантѣ стихотворцевъ, обращавшихся немилосердно съ языкомъ славено-россійскимъ и съ смѣсю русско-польскою. Такъ напр. Яковъ Седовскій прославляетъ своего земляка Григорія Криницкаго, „въ Россіѣ Львовскія земля обывателъ“, въ виршахъ русскихъ, изданныхъ въ Венеціи 1641 г., замѣчая въ славено-россійскомъ посвященіи венеціанскимъ гражданамъ, что эти его стихи будутъ „во общую ползу и утѣшеніе прочіѣмъ православнымъ, найпаче же людямъ діалекту славенскаго, егоже шерокость земли шерокости равна“. Самые русскіе стихи въ честь Криницкаго и греческаго народа—въ родѣ слѣдующихъ:

Такъ ся прудко фортуны кола обертаютъ,
сцептры въ шрмо, достатки въ пендзу отмѣняютъ,
але ты цный народе люб терпиш отмѣну
въ дочасныхъ рѣчахъ, вѣру держипи неотмѣну, и пр.

1) Акты западной Россіи IV. № 149.

2) Львовская лѣтопись издана въ Русскомъ истор. сборникѣ Погодина 1838, III, и въ Науковомъ сборникѣ галицко-русской Матицы 1867.

Современникъ и землякъ Седовскаго Григорій Бутовичъ, студентъ замостской академіи, прославлялъ въ русскихъ стихахъ (1642) новаго „православнаго епископа львовскаго, галицкаго и Каменца подольскаго, въ Россіи, въ Роксоланіи“, Арсенія Желиборскаго,—въ родѣ слѣдующихъ:

Презацкый доме, Желиборскихъ секты.
Кгда поглядаю на твои аспекты
Барзо высоко уступилесь кроку
Отъ мого зроку, и пр. ¹⁾.

Мысль переводить библію и другія церковныя книги на простую „мову рускую“ нашла себѣ сторонниковъ не только въ Руси литовской, но также въ Руси карпатской; здѣсь въ XVI в. въ такомъ смыслѣ дѣйствовали Михаилъ Васильевичъ изъ Санока, Лука изъ Тернополя, Василій Жугаевъ изъ Ярославля, Димитрій изъ Зинкова (оба послѣдніе списали части западно-русской библіи Скорины), и другіе ²⁾. Но къ такимъ мыслямъ русское духовенство карпатской Руси все-же относилось не очень доброжелательно, какъ это было и въ другихъ странахъ русскихъ ³⁾. Оно защищало неприкосновенность словѣско-русскаго текста церковныхъ книгъ въ смыслѣ словъ львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго, высказанныхъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 г. Требнику: „Што ся тычетъ нововыниклыхъ што день отмѣнныхъ такъ тексту яко и сенсу, иншимъ типографіямъ звычайныхъ корректуръ и поправокъ, тымъ далисмы покой, маючи за то, же въ рыхломъ (што дай Боже) часѣ, за общимъ архіереовъ православной церкви російской совѣтомъ, и не оспалымъ стараніемъ, станеть една якая статечная и неотмѣнная, такъ старопре-

¹⁾ Объ этихъ стихахъ см. Як. Головацкій: Библиографическія находки во Львовѣ (Записки Императорской Академіи Наукъ, XXII, приложенія).

²⁾ См. ниже. О русскихъ евангеліяхъ: чолганскомъ (1603), саноцкомъ (1635), библіи шаргородской (1660), см. Петрушевича Сводную галицко-русскую лѣтопись, стр. 21, 74 316; Рукописи Ундольскаго 380.

³⁾ См. „Славяне“ II. 600.

тлумачоныхъ книгъ корректура, яко и въ нашомъ словенскомъ языкѣ еще не былыхъ претлумаченіе“¹⁾.

Какъ видно, немногіе карпатско-русскіе книжники писали на языкѣ церковномъ славено-россійскомъ; обыкновеннымъ письменнымъ языкомъ былъ простой русскій языкъ съ значительною примѣсью польскою; только изрѣдка къ этому языку русскому примѣшивались нѣкоторыя слова церковнаго славено-россійскаго языка, какъ бы въ воспоминаніе церковныхъ школъ у пишущихъ священниковъ; такъ напр. въ русскихъ сочиненіяхъ Іоанна Вишенскаго встрѣчаются слова: съборъ и соборъ, въпрашати и вопрошати, гласъ, градъ, подвизѣ, святаго и святого, баше, съдѣся, хотѣхомъ, въврещи, виждь, одеръ (и ложко), врата адава (и брамы пекельные) и др. Въ русскомъ языкѣ Іоанна Вишенскаго и другихъ карпатско-русскихъ книжниковъ XVI—XVII вв. встрѣчается множество польскихъ словъ, передѣланныхъ и непередѣланныхъ на русскій ладъ, напр. звияжца, трутизна, тяжаръ (ciężar), князь (и ksiądz), брама, воипене (wąpienie), нендза (nędza), небожента, въ бленѣдзе, владза, цурка, трвати, скарбъ, барзо, укрижовати, фрасунокъ, ратунокъ, гвалтъ (kwałt), графити, шафовати, проходилемся, жѣлесь, и др. Львовскій священникъ въ началѣ XVII в. замѣтилъ, что „якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южь и простые люди зѣ налогу уживають, такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживають“²⁾.

¹⁾ О словѣнско-русскихъ и русскихъ памятникахъ карпатской Руси см. Калужняцкаго, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ львовскихъ (Кіевъ 1877), Петрушевича, Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг., ниже упоминаемая соч. Архангельскаго и Владимірова о памятникахъ югозападной Руси вообще, разные сборники Актовъ (особенно Акты южно-западной Руси въ Науковомъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1867—1870 гг.) и др.

²⁾ Акты западной Россіи IV. стр. 229. При такихъ соображеніяхъ авторъ узналъ подлогъ митрополита Потѣя относительно мнимой грамоты митрополита Мисаила 1476 года, о чемъ см. „Славяне“ П. 447. Письмо митрополита Исидора (см. выше стр. 48) считаемъ тоже подложнымъ.

Такой русско-польскій стиль употреблялся вообще во всѣхъ тѣхъ немногихъ запискахъ, которыя писали уже почти только одни карпатско-русскіе священники. Любопытно по существу и по языку воззваніе львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго къ русскому духовенству его епархіи въ изданной имъ книгѣ „Метрика albo реестръ для порядку церкви св.“ (Львовъ 1687): „Наслухалемся и того часто, же намъ панове духовенство рымское, а часомъ и ляда кто промавляютъ простотою, называютъ насъ неукраи, а то для того самого, же латинского письма albo польского многіе не разумѣютъ, языкомъ латинскимъ albo польскимъ мовити не умѣютъ, хочай другій священникъ въ славенскомъ языку и письмѣ будетъ добре учоный и умѣтный и болшь умѣти бы не повиненъ только каждый своего власного языка добре письмо, але же латинского языка albo польского не умѣтъ, то южь у пана простаць. Павелъ святой по священнику науки потребуеть гды мовить: подобаеть епископу albo священникови быти учительну, и сама слушность, albo потреба духовная того на насъ вытягаеть, иле тутъ въ краяхъ короны польской, абы духовенство наше россійское православное духовенству римскому языкомъ принаймнѣй корреспондовало, жебы священникъ съ паномъ полѣтиче могъ ся розмовити, и на заданье якой трудности умѣтне отповѣдити. Абысте сыновъ своихъ зъ молодыхъ дитинскихъ лѣтъ заправовали, первѣй своего словенского письма и языка добре научившу, потомъ до школъ польскихъ и латинскихъ не забороняли, и овшемъ отческо ихъ промововали. Суть зъ ласки божой школы, не только тутъ въ Львовѣ, въ Ярославію, въ Краковѣ, але и въ Кіевѣ, еще за державы найяснѣйшихъ монарховъ кроловъ польскихъ, и за особливимъ стараньемъ блаж. пам. преосвящ. метрополиты кіевского и вся Россіи, господина отца Могилы зафундованіе, а теперь за державы благочестивыхъ царей и великихъ князей россійскихъ повеленіемъ и скарбомъ ихъ ново реставрованіе albo отновленіе; суть и ближей насъ на Гойщи дорога тежь за упокоеніемъ монарховъ христіанскихъ, хвала богу, вольная, такъ зъ Кіева до насъ и отъ насъ до Кіева. Тамже честніи отцеве своихъ сыновъ для науки посылайте, кошту не жалуйте, а ежели кому здаеться до Кіева далеко, посылай теды

до Гойщи, можетъ и тутъ поучитися добре, такъ русскаго, словенскаго, яко и польскаго и латинскаго письма и языка“.

Трудно было развиваться русской литературѣ въ ея карпатской родинѣ при ополченіи высшихъ ея сословій и при богатомъ развитіи польской и латинско-польской литературы, которая служила потребностямъ не только Поляковъ, но также Русскихъ въ коронѣ польской и въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ самой карпатской Руси, во Львовѣ, Добромиль, Жамостьѣ, Яворовѣ и др. печатались книги польскія и латинскія, и многіе польскіе и польско-латинскіе писатели происходили изъ этой Руси, жили и писали здѣсь: Орѣховскій, Рей, Семпъ-Шаринскій, Верещинскій, Щербичъ, Бирковскій, Гербуртъ, Окольскій, Пясецкій, Шимоновичъ, Зиморовичи, Юзефовичъ; а другіе польскіе писатели пребывали временно въ карпатской и въ другой Руси, напр. Март, Бѣльскій, Клѣновичъ, Вячеславъ Потоцкій и др. Эти польскіе писатели, живя въ карпатской Руси или сносясь съ русскимъ народомъ, знали болѣе или менѣе его нарѣчіе; они принимали нѣкоторыя русскія слова въ свой польскій языкъ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительнаго недостатка соотвѣтствующихъ польскихъ словъ, отчасти только чтобъ блеснуть знаніемъ русскаго языка или придать своимъ литературнымъ произведеніямъ мѣстную окраску провинціализмовъ (z guska, jak Ruś towi), отчасти же ради того, что такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ, особенно изъ чешскаго и русскаго, считалось возможнымъ ¹⁾. Съ половины XVI в. переходили въ польскій языкъ нѣкоторыя русскія слова, именно посредствомъ Руси коронной, карпатской; они встрѣчаются уже у польскихъ писателей второй половины XVI вѣка, у Рея, Орѣховскаго, М. Бѣльскаго, Л. Горницкаго, І. Кохаповскаго, Клѣновича и др. Коронная, карпатская Русь стала первымъ проводникомъ такихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ; скоро къ ней прикнула тоже и литовская Русь. Появленіе нѣкоторыхъ такихъ словъ въ польскомъ языкѣ можно комментировать и ближе. Такъ напр. героя Поляки XV в. называли, какъ и Чехи, gardzino (чеш. hrdina), вѣроятно тоже wiciadz

¹⁾ См. выше, стр. 41.

(витазь); Мончинскій въ словарѣ латинско-польскомъ (1564) слово *heros* объясняетъ: *człowiek znamienity, pan zasny*; Орѣховскій замѣчаетъ, что героевъ—*Ruś pasza bohatermi zwała od Boga (!)*, и съ тѣхъ поръ восточное татарско-турецкое и Русью принятое слово *богатырь* употреблялось тоже Поляками: *bohatur, bohater* ¹⁾. Русское слово *голяй* (голый, голь, голышь, голякъ, голота, голытба), встрѣчающееся въ западно-русскомъ языкѣ XV—XVI вв., перешло въ польскій въ формѣ *hultaj* (т. е. *hóltaj, hóltaaj*) ²⁾. Мончинскій еще не знаетъ этого слова и переводитъ *vagus, vagabundus* — *tułacz, łazęka*, у другихъ *łazęga* (срв. *włóczęga, волоцюга, бродяга*); Орѣховскій знаетъ уже *łazęga* и *hultaj*. Слово *hultaj* вошло затѣмъ и въ юридическую терминологию польскую въ значеніи бездомныхъ людей ³⁾. Эта уже польская форма перешла опять въ западно-русскій языкъ: *гультай, гултай, гультай*. Берында и другой южнорусскій лексикографъ объясняютъ словенское слово *лтець, лестецъ* русскимъ „тулакъ, волоцюга, гультай (гултай)“ ⁴⁾. Поляки приняли тоже западно-русскія формы *hołota, hółaczek, hołysz*, но не забыли своихъ *gołota, golecgolek, gołysz*. Это *h* вмѣсто польскаго *g* указываетъ вообще на заимствованіе словъ изъ западно-русскаго или также изъ чешскаго ⁵⁾. Польское *smard* сохранилось до второй половины XVI в. въ значеніи простого хлопа въ презрительномъ смыслѣ (у Мончинскаго, Рея, Бѣльскаго, Папроцкаго); но со второй половины XVI в. и въ XVII в. польская форма этого слова уступила русской *смердъ* (смердь), каковую употребляютъ Стрыйковскій, Старовольскій ⁶⁾. Польское *por* означало вообще священника, и като-

1) О словѣ *wiciadz* см. „Славяне“ Ш. 210, о словѣ *gardzina* см. *Biblioteka Warszawska* 1891, I. 247. О словарѣ Мончинскаго см. „Славяне“ П. 147. Поляки знали тоже слова: русское *mołodec, mołodziec, mołojec* (Стрыйковскій, Папроцкій, Бирковскій, Окольскій), и югославянскія *junak* (Будный, Гвагвинь-Пашковскій, Коховскій, Опалинскій и *witez* (Гвагвинь-Пашковскій, Жебровскій, Коховскій).

2) См. выше, стр. 122.

3) Срв. примѣры изъ *Volumina legum* въ словарѣ Линде.

4) Срв. выше, стр. 31.

5) Срв. выше, стр. 38.

лическаго; въ XVI в. польскіе протестанты любятъ называть попами именно католическихъ священниковъ (Будный, Рей, Сеницкій); Орѣховскій такъ называетъ протестантскихъ священниковъ (pori kascezykowie, а католическіе—kapłani). Со второй половины XVI в. por стало означать православныхъ (и униатскихъ) русскихъ поповъ, какъ и слово serkiew (сначала вообще церковь также католическую)—церковь православную, униатскую¹⁾. Въ такомъ значеніи вошло слово por, равнымъ образомъ какъ и другія русскія названія władyka, humen-humenica, serkiew и др., въ польскую юридическую терминологию—для отличія отъ католическихъ польскихъ biskup, opat, ksiądz — kapłan, opat; kościół и пр.²⁾. Слово zaбр (словѣн. зѣбрь) Поляки употребляли до половины XVI вѣка: dominus Pytko dictus zambr (1372), zambrus, zambrо у Длугоша (о гербѣ Венява), zaбр въ польскомъ переводѣ литовскаго статута (1532); но уже Кромеръ (Polonia, напис. въ 1573 г.) замѣчаетъ: zubrum seu zambrum vocant nostrates, и со второй половины XVI в. русская форма zubr (такъ пишетъ напр. Рей), позднѣ неправильная żubr, во дворила въ польскомъ языкѣ, хотя въ географическихъ названіяхъ Zambrów, Zambrzусе сохранилась еще дрпольская форма. Польская форма *жубр* перешла потомъ и въ малорусское нарѣчіе³⁾. Подобно тому русская форма łuk (лукъ, безъ носового звука) перешла въ польскій языкъ въ началѣ XVI в. вѣроятно—чтобъ отличить łuk (оружіе) отъ łęк (часть сѣдла, срв. тоже obłак). Въ обѣихъ польскихъ псалтиряхъ XIV—XV вв. встрѣчается еще форма съ носовымъ звукомъ łeczyszczе, łeczysko; уже въ псалтиряхъ XVI в. (Врубля, напр. 1540, 1567 гг.) по большей части łuk, но рядомъ тоже łeczysko; у другихъ польскихъ писателей уже только łuk, напр. у М. Бѣльскаго (1550),

1) Срв. „Славяно“ III. 213—214.

2) Слово por употреблялось потомъ въ презрительномъ смыслѣ. У Кохановскаго por—конь въ шахматахъ (какъ и дрчеш.). См. Словарь Линде.

3) „Жубровая трубонька“ въ червонорусской коладѣ (сб. Як. Головацкаго III. 6. 61).

Мончинскаго, Рея, Кохановскаго, въ библии 1561 г. и др. Черезъ русскія земли въ XVI в. перешли въ польскій языкъ разныя восточныя (турецко-татарскія, кавказскія) названія оружія и одежды, употребляемыя Русскими и Поляками, напр. *kolczan* (*tuł*), *sahajdak* — *sajdak* (*łuk*), *dzida*, *karabela*, *kolczuga*, *buława*, *szağawagu*, *żupan* и др. Съ другой стороны многія слова польской военной терминологіи перешли въ русскій языкъ ¹⁾.

Повальное ополяченіе шляхты всей коронной Руси, распространеніе польскаго языка среди этой шляхты, насколько она была русскаго происхожденія, видно тоже по тому, что въ числѣ первыхъ польскихъ писателей нашлись уроженцы той Руси, именно Николай Рей изъ Нагловиць—изъ земли жидачевской и Станиславъ Орѣховскій изъ земли перемышльской, которые, вмѣстѣ съ уроженцами польскихъ земель Бѣльскимъ, Кохановскимъ, Горницкимъ, дѣльно поработали надъ литературнымъ польскимъ языкомъ. Протестантъ Рей владѣлъ польскимъ языкомъ въ совершенствѣ, благодаря отсутствію у него основательнаго знанія латинскаго языка, который портилъ польскій слогъ. Рей сознаетъ себя вполне Полякомъ, чѣмъ дѣйствительно и былъ (его отецъ переселился изъ краковской земли на Русь); онъ игнорируетъ Русь, гдѣ онъ родился, росъ и жилъ, и въ его сочиненіяхъ, которыя могли быть написаны и подѣ Краковомъ, Люблиномъ, Познанемъ и Варшавою, нѣтъ и слѣдовъ русскаго колорита, и только очень немногія русскія слова могутъ свидѣтельствовать о родинѣ Рея на берегахъ Днѣстра, напр. *kobza*, *drewno*, *rohromki*, *nadzieźny*, *dohadywać*, *zubr*, *puhacz*, *krupica*, *czurguna*, *rohutyuka*, *sulica* и др.; въ сочиненіи *Figliki* онъ приводитъ Поляка говорящимъ съ Литвиномъ по-русски. Подобно Рею и младшій его современникъ и землякъ, Николай Семпъ Шаринскій (*Sęp Szarzyński*), проживавшій въ львовской землѣ, ничѣмъ не заявляетъ о своей русской родинѣ, развѣ только словомъ *rohanyes*. Если у Рея и Шаринскаго почти ничто не напоминаетъ ихъ русскаго гнѣзда, то старшій ихъ землякъ, Станиславъ Орѣховскій, пользуется часто

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 258 — 262. Форма *łuk* можетъ быть впрочемъ тоже чешская.

случаемъ напомнить о своемъ любимомъ „родомъ Русскій, народомъ Полякъ“; онъ употребляетъ иногда лишнія русскія слова, которыя онъ могъ замѣнить польскими, напр. *korabl* (а не *korab'*), *zogom* (а не *zgom*, но *zgomota*), *hruby* (а не *gruby*), *bohater* — *bohatur* (слово „нашей Руси“), *hultaj* или *łazęga* и др.; онъ приводитъ тоже нѣсколько русскихъ словъ, сказанныхъ королемъ Владиславомъ Ягайломъ. Подобно Орѣховскому, и другой польскій писатель изъ карпатской Руси, Іоаннъ Гербуртъ, другъ и доброжелатель Руси, вставилъ въ свое сочиненіе русскія пословицы, пѣснь и слова короля Владислава Ягайла ¹⁾. И нѣкоторые другіе польскіе писатели, побывавшіе на Руси, внесли въ свои польскія сочиненія нѣсколько русскихъ словъ, чтобъ только показать свое знакомство съ Русью. Такъ напр. Март. Бѣльскій, прожившій много лѣтъ на Руси, въ землѣ перемышльской, въ Покутьѣ и Подольѣ, употребляетъ нѣсколько русскихъ словъ, напр. *rohanies*, *hruby*, *rohatusna*, *łuk*, *skorb*, *hosrodin* и др. ²⁾. Даже

¹⁾ О Ст. Орѣховскомъ и І. Гербуртъ см. выше, стр. 70—73, 75—79.

²⁾ М. Бѣльскій зналъ вообще Славянство довольно хорошо, о чемъ см. „Славяне“ П. 115, 425 — 427, 437, III. 245. По Вишневному (*Historya literatury polskiej VII. 306*) казалось бы, что въ сатиру Март. Бѣльскаго *Sjem niewieści* (Kraków 1586, 1595) одна изъ этихъ женщинъ говоритъ русскіе стихи; но въ изданіяхъ 1586 и 1595 г. ничего подобнаго нѣтъ, и всѣ женщины говорятъ по-польски. Эти русскіе стихи помѣстилъ только позже Ежовскій, издавшій *Sjem niewieści* Бѣльскаго подъ своимъ именемъ (1639); но эти „русскіе“ стихи — замѣна польскихъ словъ такими же русскими, удачными и неудачными, напр. *często—czasto*, *przymawiała—prymawiała*, *gorszego—choroszoho* (!), *łaskawie—troszeńka*, *co—szczo*, *między—meży* и пр.; слова *użyła*, *więcej*, *bardzo*, остались тоже въ русскомъ текстѣ. Срв. М. Бѣльскаго: *Satyrę* по изд. краковскому 1889 г. Въ экземплярѣ всемірной хроники М. Бѣльскаго (изд. 1564 г.), хранящемся въ варшавской университет. библіотекѣ, кто-то недавно къ слову *puę* (т. е. *n-je*, *nie jest*) приписалъ *t: puę*, и это *puę* дало поводъ къ страннымъ разсужденіямъ о „русскомъ“ словѣ *мѣть* Бѣльскаго. Срв. А. Павинскаго статью о Бѣльскомъ въ варшав. жуналѣ *Tygodnik illustrowany* 1880, p. 195.

Іоаннъ Кохановскій, первый поэтъ польскій второй половины XVI в., счелъ возможнымъ употребить нѣсколько словъ русскихъ, напр. nadziejny (но nadzieja), królewicz (и królewic), wiedma (и wiedźma), grosz, не говоря о другихъ словахъ русскихъ, которыя тогда въ польскомъ языкѣ приобрѣли уже право гражданства, напр. bohater, łuk, и др. ¹⁾. Вставка отдѣльныхъ русскихъ словъ и даже фразъ въ польскія сочиненія считалась дѣломъ возможнымъ, не говоря о принятыхъ уже въ литературномъ языкѣ польскомъ словахъ русскихъ. Такъ напр. Клѣновичъ употребляетъ не только слова bohater—bohater (bohaterz), hultaj, krynica, hałas, rohaniec, łuk, surma, а также лишнія русскія слова: czegewo (черево, brzuch, а trzewo—кишка), skrowiszcze (сокровище, skarb), hołowienka, mołojec, muž, borzobohaty, hołoble, gramota (а не hramota), izmiennik (у другихъ польскихъ писателей zmiennik), pobratym, zolote (źniwo, но złote kłosy, grona и пр.), chorosze, ezoboty, hubi, zahibi, carstwo (tureckie), brednia, Lach-lacki, и др. ²⁾. Современникъ Клѣновича, Іосифъ Верещинскій, потомокъ русскаго рода изъ холмской Руси ³⁾, зналъ русскій языкъ, употребляя иногда въ своихъ польскихъ сочиненіяхъ русскія слова (horodyszczе, bohodomca, braha—piwo, horodniczy, skomogoch, hramota), не говоря объ обыкновенной польской номенклатурѣ mitropolit, władyka, archimendryt, humen, czerniec, por;

¹⁾ Слова Uhry, guka, употребленныя Кохановскимъ только какъ исключеніе (обыкновенно Węgrу, gęka),—русскія или чешскія.

²⁾ Клѣновичъ, родомъ изъ Сулимѣриць въ Великой Польшѣ, жилъ потомъ въ Люблинѣ и познакомился съ Русью; онъ зналъ тоже чешскій языкъ, о чемъ сравни „Славяне“ П. 138, Ш. 246. Надъ сожалѣть о томъ, что Клѣновичъ описалъ Русь стихами не польскими, а латинскими (Roxolania, 1584). Въ его поэмѣ Worek Judaszów на одной страницѣ (изд. Туровскаго 77) встрѣчаются слова skarbnica (польск.), pokładnica (чеш.), skrowiszcza (русс.); въ другомъ мѣстѣ (стр. 114) приводится „czuryło młody“, волокита въ родѣ русскаго Чурилы Пленковича (но Czuryło тоже родъ червонорусскій XV—XVI вв.); стр. 124: jak Ruś mówi: jeden idzie k lesu, drugi czesze k biesu.

³⁾ См. выше, стр. 69.

онъ выводитъ Татаръ, говорящихъ по-русски, и польскій переводъ русскаго письма hospodara saга i w. kniazia Chwedoga Iwanowicza къ нему, Верещинскому. Русскій языкъ былъ извѣстенъ обоимъ доминиканцамъ, уроженцамъ карпатской Руси, Ф. Бирковскому и Ш. Окольскому, которые кромѣ того побывали тоже въ другихъ земляхъ русскихъ. Окольскій провожалъ полеваго гетмана Николая Потоцкаго въ его походъ противъ возставшихъ козаковъ (1637—1638) и описалъ этотъ походъ; онъ часто вставляетъ въ свой дневникъ русскія слова и фразы козаковъ, напр. *ataman, asawul, mołojcy, kozacy horodowi, ochoczy, wypisczykowie, czerń, jaruga, wertep, dobroho zdrowia od hospoda boga*, и др. ¹⁾).

Въ XVII в. нѣкоторые польскіе писатели идилій, проживавшіе на Руси, именно во Львовѣ, старались болѣе или менѣе придать своимъ польскимъ произведеніямъ нѣстный русскій колоритъ, примѣшивая въ разговоры своихъ героев русскія слова и фразы. Идилію назвали они, именно Шимоновичъ и Зиморовичи, по-русски: *sielanka* (село, селянинъ — селянка), а не по-польски (*wieś, wieśniak — wieśniaczka*) ²⁾. Впрочемъ всѣ эти пастухи и пастушки ихъ селянокъ могли свою сладкую дребедень декламировать повсюду и въ Греціи, Италіи и пр., гдѣ могли жить всѣ эти Коронеллы, Доримунды, Цырины, Амореллы, Амаранты, Геліодоры, Гиацинты и др. Селянки Шимона Шимоновича не окра-

¹⁾ Окольскій написалъ между прочимъ исторію доминиканскаго ордена на Руси (*Russia florida rosis et liliis, Leopoli 1646*); онъ предполагаетъ, что *Russia Rubea dicitur primo ex complexionе, quia gens a Lublino in Leopoli et Podoliam complexionе rubea est; secundo ex loco propter rubeta; tertio ex sanguinis copiosi per summum fervorem belli effusione.*

²⁾ Краковянинъ Андрей Збылитовскій, изобразившій въ своей повѣсти *Wieśniak* (Краковъ 1600) сельскую жизнь, не знаетъ словъ *sielo, sieło, sielanka*, а только *wieś*, etc.; „*Nimfo słowieńska... nie gardzi moją wsią ubogą*“. Поляки знали слова *siodłak* (срв. „Славяне“ III. 245), *siedlce, siedliszczе, siedlisko, przyiodłек*. Но въ половинѣ XVII вѣка Краковянинъ Іоаннъ Гавинскій назвалъ идилію (уже по-русски) *sielanka*.

шены еще на русскій ладъ, и развѣ только нѣкоторыя слова указываютъ на русскую обстановку автора, напр. sielanka, otrok (т. е. młodzienc, отрокъ), debrz (добръ), winograd, Wołha. Больше русскаго колорита встрѣчается въ селянкахъ обоихъ братьевъ Зиморовичей, Шимона и Юсифа Вареоломея, особенно послѣдняго, старшаго. Оба они назвали свои селянки прямо Roksolanki to jest ruskie panny, rosiejskie—rosyjskie kniehynie, córy rosyjskie, z Podola i Ukrainy, z ruskiej — roksolańskiej stolicy (Lwowa), z ruskich — roksolańskich—roszańskich włości, z ruskiego księstwa; эти Роксоланки утѣшаютъ не только rosyjskie ziemie, а тоже możnego Lecha mnogie plemię, умѣютъ плѣсу ruskie wyprawiać i polski taniec toczyć z rapienkami laskiemі, вмѣстѣ со своими парнями, поющими подѣ звуки бандуры, кобзы и сербскихъ гуслей (przy serbskich gęślach), и обращающимися къ Музамъ и къ „славянскимъ Каменамъ“ ¹⁾. Въ селянкахъ Зиморовичей встрѣчается нѣсколько русскихъ словъ, и именно съ цѣлью придать селянкамъ русскій колоритъ, какъ напр. kniehunia (и ksieni), bojary, czerń, derewnia, sióło — sielski, bandora, kobza, surma, дума, wataha, młodyca, wasilek, pigog (ruski), knysz, muzyk, hołubec, krynica, czołobitne ukłony, sołowij po naszymu (обыкновенно: słowik), zezula, puhacz, czerepacha, sobaka, wertep, horylica, trużenie, trużenik, bis—bies, druh, hospodyn, władyka, ihumen, świaszczennik, czerpiec, czernica, diak, cerkiew, monaster, proskurnica, guza (риза), obidnia, Lachowie — laski, и др. Вся эта rosyjska młódź, всѣ эти kobeźnicy (кобзари), trużenicу (труженики), ruskie płaczennice, młójcy, изъ которыхъ многие носятъ также русскія имена (Pałachna, Parasia, Bohymnia, Olena, Hafia, Fedora, Femka, Tymosz, Hruc, Miłosz, Samujło, Daniłko, Olechno, Dorosz, Ostafi, и пр.), справляютъ народные праздники и обряды (напр. огни наканунѣ св. Ивана Купалы—sobotki) ²⁾, похороны

¹⁾ Зиморовичи, слѣдуя русскому обычаю XVII в., употребляютъ и книжную греческую форму „Россія, російскій“, даже „роксоланскій“ и народную „Русь, русскій“; срв. выше, стр. 2.

²⁾ Owszem, kiedy sobótkę, jako zwyczaj niesie, zapalicie na błoniu równem lub przy lesie etc., (Sielanki J. B. Zimorowicza, wyd.

(гробъ, украшенный гiацинтоу—kwiat słowieńskiéj ziemi), и пр. Въ двухъ селянкахъ, Kozaczyzna, Burda ruska, I. В. Зиморичъ рисуеть, какъ очовидецъ, уже не какія-то „идиліи“, а страшную дѣйствительность 1648 года, осаду Львова козаками и Татарами и всѣ ужасы того смутнаго времени возстанія Руси противъ Ляховъ и противъ православныхъ Русскихъ, обросшихъ „лядскимъ мясомъ“; ихъ то рускіе (goksolajńscy) козаки и „чернь, мужики, хлопы, толпы окозаченнаго сброда“, эти ихъ „побратимы, братья“, били наравнѣ съ „Ляхами собаками“, съ сарматскими панами, которые вынуждены были бѣжать за Вислу; было то страшное время, когда возставшая Русь считала богоугоднымъ дѣломъ lackie plemię wybiwszy oswobodzić z niego ruską ziemię, била Ляховъ и Русь — bracia bracia, wupowie ojców, такъ что Rusi zginęła niemal połowica; więcej ich niż milion zabrali Tatarzy, więcej Rusi, niż bydła, w Turczach na bazarze, wszystkie hordy pogańskie, Tehinie, Stambuły, Azye obie śmierdzą już od ruskiej smoły! Тщетно православное русское духовенство и мѣщанство старалось ссылаться на общее свое съ козаками и чернью происхождение и вѣроисповѣданіе; тѣ только кричали вмѣстѣ съ Татарами: Bateńku chorozuj, nechoczem twojij wiry, łysze ditzych hroszuj; masz denhy lackie! считая ихъ котиковъ неразвитыми Русскими, обросшими лядскимъ мясомъ, которое надо отбить отъ ихъ русскихъ костей:

Żeś ty Rusin, kotiuho, niedoszły,
 Bo mięsem lackiem ruskie kości twe obrośły,
 Przeto jeżeli się dostać chcesz z nami do nieba,
 Obić ci mięso lackie z kości ruskich trzeba!

Такую-то „селянку“ Ляховъ и Руси въ половинѣ XVII вѣка нарисовалъ тогда польскій писатель изъ Львова, I. Зиморичъ.

Отдѣльныя слова и фразы рускія встрѣчаются и у другихъ польскихъ писателей XVII в., уроженцевъ не карпатской Руси,

Trugowskiego, 45, 48). Иоаннъ изъ Вишни возстаеть противъ такихъ обрядовъ: „Купала на Крестителя утопѣте, и огненное скаканя отсѣчете“. Акты южной и западной Россіи, II. 223).

а коренныхъ польскихъ земель, у Старовольскаго, Твардовскаго, Гавинскаго, Коховскаго, Вячеслава Потоцкаго и др., напр. *smerd*, *draka*, *rozhowor*, *czerewo*, *sudno*, *derewnia*, *sobaka*, *sioło*, *sielanka* („*sielanka—skotopaska w słowiańskim stroju*“ у Гавинскаго), *bandoga*, *kobza*, *duma* (т. е. историческая, эпическая пѣснь), *kozacy mołojcy*, и пр. ¹⁾).

Польская литература сдѣлалась повсюду въ русскихъ земляхъ, на Руси Червоной, Малой и Бѣлой, своею, которую читали не только поселившіеся тамъ Ляхи, но тоже Русь ²⁾. Уже во

¹⁾ Русскую форму *smerdь* вмѣсто польской *smard* употребилъ, послѣ Стрыйковскаго (срв. выше, стр. 139), краковянинъ Шимонъ Старовольскій (*Reformacya obyczajów polskich*, ок. 1625 — 1630 г.): „*Gdy się ubogi człowiek do prawa popolitego uciecze, zaraz mu mówią: Nie dla was to piszą statuty, smerdowie, ale dla panów. O czym zasłuchnąwszy dobrze Moskwa, gdy im mówiono na traktatach pod Smoleńskiem, aby się z naszym narodem złączyli i jarzmo tyrańskiej niewoli z szyje swojej złożywszy, z nami spólnie swobody i wolności miłej zażywali, odpowiedzieli św. p. ks. Zadzikowi kanclerzowi koronnemu na on czas: Nie chcem panie biskupie waszej wolności, derżyte ją sobie, bo u nas jeden tylko car co naszym horłem i majątnościami dysponuje, a u was co bojar to tyran*“. Старовольскій называетъ эпическія историческія пѣсни польскія — *думы* (*Nehring, Altpolnische Sprachdenkmäler*, 216) несомнѣнно по южно-русскимъ думамъ, которыя (*ruskie lamenty, podolskie dумы, kozackie dумы*) были извѣстны Полякамъ XVI—XVII вв.; срв. *Jagić: Gradja za historiju slovinske narodne poezije (Rad jugoslav. akademije, knj. 37)*. Въ стихотворномъ пр. *Żywot kozaków Lisowskich* (1620) приводится русскій разговоръ двухъ козаковъ: *Pomahaj boh Kiwajło! Spasi boh Iwane! Odkud idesz? Z Morawcow. Proszu te, moj pane, szczo tam czuwaty? Wsie licho Czechom. Szczo czyniti wam? Mołojcom terpity. Nemcom? Nemcow bity*. Но Лисовчики били не только Нѣмцевъ, а также Чеховъ и Русь; срв. „*Славяне*“ III. 149. О русскихъ словахъ и фразахъ въ польскихъ сочиненіяхъ срв. тоже въ ж. *Biblioteka Warszawska* 1891, III. 547.

²⁾ Ст. Орѣховскій въ своей книгѣ *Baptismus Ruthenorum* (1544, срв. *Orichoviana*, р. 47) помѣстилъ формулу присяги Русскаго, принимающаго католицизмъ, не на языкѣ русскомъ, а на польскомъ.

второй половинѣ XVI в. Севаст. Клѣновичъ, въ своихъ элегіяхъ на смерть І. Кохановскаго могъ сказать, что кончину великаго польскаго славянскаго поэта оплакиваютъ рѣки славянскія, города „широкаго народа славянскаго“, Краковъ, Познань, Любливъ, Вильна въ ополяченной Литвѣ и Львовъ въ русскихъ земляхъ:

Płaczę cię Litwa spolszczała, żałuje cię silno
Janie, dwugrodne Wilno,
Porządny Lwów w ruskich krajach, uczonych uciecha,
Płaczę godnego Lecha ¹⁾.

Но не вся Русь карпатская наслаждалась стихами Кохановскаго и Зиморовича, читала хроники Бѣльскаго и Кромера, сборники правъ Гербурта и Янушовскаго, Щербича, проповѣди Скарги и Бирковскаго и русско-польскія „вирши“ Седовскаго и Бутовича. Масса русскаго народонаселенія въ Карпатахъ, по Сану, Бугу, Днѣстру, слушала въ своихъ церквахъ старинныя пѣснопѣнія на церковномъ языкѣ словѣнскомъ, пѣла со своими попами „Господи помилуй ны“, а въ своихъ хатахъ—старинныя народныя пѣсни, и прославляла не пановъ Ляховъ, а гайдамаковъ и опришковъ (разбойниковъ), особенно же козацкихъ молодцовъ Хитльницкаго, Перебийноса, Нечая, Морозенка, Козубая, которые били и рѣзали вражikhъ Ляховъ, рубили ихъ мечомъ и топили водою, гнали ихъ за Случъ и за Вислу ²⁾.

Б) Русь литовская ³⁾.

6. *Литва и присоединеніе къ ней югозападной Руси по Двинь и по Днѣпру. Великое княжество литовско-русское. Русскій языкъ и русская въра въ Литвѣ. Гедиминовичи. Литва и м-*

¹⁾ Żale nagrobne na Jana Kochanowskiego (w Krakowie 1585, перепечаталъ Туровскій 1858).

²⁾ См. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Як. Головацкимъ (Москва 1878, 3 т.).

³⁾ См. Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи (СП. 1846—1853, 5 т.), Акты, относ. къ исторіи южной и западной Россіи

товская Русь и Польша, столкновение католицизма и православия, католическая Литва и православная Русь. Русский язык — официальный и литературный язык литовско-русского государства, католической Литвы и православной Руси. Русское устройство литовско-русского государства; князья и бояре, юрода, сельне.

На верхнемъ Неманѣ и средней Двинѣ издавна сосѣдили и сносились Русь, именно племя Кривичей, и Литва (съ Латышами—Лѣтьголою и Зимголою); по Кривичамъ же Латыши называютъ до сихъ поръ Русскихъ Кревами, а въ литовскомъ ихъ названіи Гуды, кажется, тоже скрывается переводъ названія Кривичей ¹⁾. Кривская земля раздѣлилась потомъ на двѣ половины, восточную—

(СП., выходятъ съ 1863 г.), Грамоты великихъ князей литовскихъ 1390—1569 (Кіевъ 1868, изд. Антоновичъ и Козловскій), Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края (СП. 1865), Skarbiec dyplomatów do dziejów Litwy a Rusi litewskiej (Wilno 1860 — 62, 2 t., wyd. Daniłowicz), Zbiór praw litewskich (Poznań 1841, wyd. Działyński), Памятники изд. комисією для разбора древнихъ актовъ (Кіевъ 1845 — 1859, 4 т.), Архивъ югозападной Россіи (Кіевъ, выходитъ съ 1859 г.), Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ (Вильна 1843), Археограф. Сборникъ документовъ сѣверозападной Руси (Вильна 1867—1889, 11 т.). Акты, издаваемые комисією для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ (Вильна, выходятъ съ 1865), Историко-юридическіе матеріалы изъ актовъ книгъ губерній витебской и моголевской (Витебскъ 1871—1881, 12 т.), Archiwum książąt Sanguszków (Lwów 1887—1890, 4 t.) и др. Объ исторіи Литвы и литовской Руси см. сочиненія Нарбута, Ярошевича, Балинскаго, Крашевскаго, Кошловича, Брянцева, В. Антоновича (Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до смерти в к. Ольгерда, Монографіи по исторіи западной и югозападной Россіи I., Кіевъ 1885; срв. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, Кіевъ 1885). Мѣсто исторіи литовскаго государства въ исторіи Руси хорошо понялъ уже Устряловъ; на нее обратили вниманіе особенно Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія II; Д. Иловайскій, Исторія Россіи, II. III.; Макарій (Булгаковъ), Исторія русской церкви.

¹⁾ См. Archiv für slav. Philologie VII. 594

Смоленскъ и западную — Полоцкскъ (Полоцкъ). Полоцкое княжество распалось на много мелкихъ княжествъ: полоцкое, мѣньское (минское), витебское, изяславское (ижеславское, жеславское), логожское, друческое (друцкое), случеское (случское), новгородецкое, городенское, клеческое (клецкое), свислочское, лукомское, оршанское и др. Нѣкоторые изъ этихъ полоцкихъ князей покорили себѣ тоже латышскія земли, и въ началѣ XIII в. русскіе князья встрѣчаются также въ латышскихъ городахъ Коконисъ и Герсикъ.

Западные Литовцы (Прусы) покорены и истреблены нѣмецкими рыцарями; сѣверные Литовцы (Латыши) покорены другимъ нѣмецкимъ рыцарскимъ орденомъ меченосцевъ; а южные Литовцы, Ятьвяги (пол. *Jatwęgi*), истреблены соединенными силами Руси и Ляховъ. Только средніе и восточные Литовцы по Нѣману (Литва и Жемойтъ — Жиудъ), долго преслѣдуемые русскими князьями, съ конца XII в. выступаютъ изъ своихъ лѣсовъ и болотъ и начинаютъ все чаще наѣзжать на русскія земли, на Полоцкъ и дальше на востокъ и на югъ. Русь, разрываема безконечными междоусобицами князей и скоро разгромленная наѣдомъ монгольскимъ, не могла сопротивляться воинственнымъ Литовцамъ; о нихъ уже въ концѣ XII в. сказалъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ: „Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подѣ кликомъ поганыхъ; единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ (полоцкій), позвони своими острыми мечи о шеломахъ литовскихъ, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи“.

Около половины XIII в. вся западная часть кривской земли находилась подѣ господствомъ литовскаго князя Миндовга; Новгородокъ, Волковыскъ, Слонимъ, Городно (Городенъ), Пинскъ, Полоцкъ, Витебскъ и др. входили непосредственно или посредственно въ составъ все усиливающагося литовскаго княжества, и границы его распространялись все дальше на югъ. При великомъ князѣ Гедиминѣ (1316—1341) литовское господство утвердилось въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Пинскѣ; завоеваны Туровъ, Берестье, Дорогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ; Воынь достался Литвѣ позднѣе вслѣдствіе брака Любарта Гедиминовича съ воынской княж-

ною. При Ольгирдѣ (Ольгердѣ) Гедиминовичѣ (1345—1377) присоединены къ Литвѣ земли сѣверская, подольская и вѣроятно кievская ¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ литовское господство утвердилось и въ землѣ волынской противъ притязаній Польши, владѣвшей карпатскою Русью. На крайнемъ востокѣ и Смоленскѣ призналъ верховную власть Литвы, и наконецъ присоединенъ къ ней непосредственно (1404). Такимъ образомъ въ XIII—XIV вв. по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру образовалось сильное государство литовское, бѣольшую часть котораго составляла югозападная Русь по Двинѣ и по Днѣпру. Это литовско-русское государство восприняло и страшную борьбу съ наступающею на литовскій и славянскій востокъ силою нѣмецкою, съ обоими ордепами нѣмецкихъ рыцарей, стремившихся къ покоренію и порабощенію этого восточка ²⁾.

Литовскіе князья, распространяя свое господство въ русскіхъ земляхъ, оставляли въ нихъ прежнихъ князей Рюриковичей или раздавали княжества членамъ своего рода; послѣдніе приобретали русскія княжества тоже вслѣдствіе браковъ съ русскими князьями. Но Рюриковичи въ югозападной Руси все вымирали; въ началѣ XIV в. прекратились они въ Туровѣ, Пинскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Волынѣ, Минскѣ; у другихъ князей отняты ихъ княжества, какъ напр. у князей сѣверскихъ, кievскаго, смоленскаго. Въ XV в. въ литовской Руси было уже мало Рюриковичей въ своихъ старинныхъ княжествахъ; больше сохранились они въ Сѣверщинѣ. Русскія княжества достались литовскимъ Гедиминовичамъ и Ольгирдовичамъ, которые княжили въ нихъ подѣ верховнымъ владычествомъ великаго князя литовскаго и русскаго, какъ прежде русскіе князья—подѣ верховнымъ владычествомъ великаго князя кievскаго. Литовскіе князья, сносясь и сталкиваясь постоянно съ Русью, рано привыкли къ русской культурѣ: принимали православіе — „русскую“ вѣру; сами, будучи въ сравненіи съ болѣе образованною

¹⁾ Такъ думаютъ Антоновичъ и М. Грушевскій (Очеркъ исторіи кievской земли до конца XIV в., Кіевъ 1891); Дашкевичъ и др. принимаютъ завоеваніе Кіева Гедиминомъ.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 400.

Русью „варварами“, мало-по-малу обращались въ Русскихъ вѣроу, образованіемъ и языкомъ. Уже сынъ Миндовга Войшелкъ былъ ревностнымъ православнымъ и сталъ защитникомъ русско-православной партіи противъ литовско-языческой. Сыновья Гедимины, за исключеніемъ Монвида и Кестутія (Кейстута), и большая часть Ольгирдовичей, рожденные отъ русскихъ князей, были православные Русскіе, хотя нѣкоторые — въ виду своего языческаго литовскаго народа—не примкнули открыто къ православію. Православными Русскими были Гедиминовичи Евнутій (Явнута) Иванъ, Ольгирдъ (Ольгердъ), Коріать Михаилъ, Наримунтъ Глѣбъ, Любартъ Димитрій, Ольгирдовичи—Ягайло (Ягелло) Яковъ, Андрей, Корибутъ (Корыбутъ) Димитрій, Володимиръ, Скиригайло (Скиргелло) Иванъ, Лугвеній (Лингвень) Семень, Швитригайло (Свидрыгелло) Александръ, и др. ¹⁾; Кестутій остался вѣренъ вѣрѣ отцовъ, но его сынъ Витовтъ принялъ у нѣмецкихъ крестоносцевъ христіанство католическое, а вернувшись въ Литву—православіе и имя Александръ ²⁾. Великій князь Ольгирдъ мечталъ о

¹⁾ Швитригайла называютъ нѣкоторые Львомъ (срв. Акты западной Россіи I. примѣчанія, стр. 12; Stadnicki, Bracia Władysława Jagiełły, 365); но самъ Швитригайло назывался еще въ концѣ своей жизни „Алексадро (Олексадро) инако Швитрикгайло Ольгирдовичъ“ въ двухъ грамотахъ 1446 и 1451 г. (Archiwum książąt Sanguszków III. № 8, 10); въ 1424 г. онъ называется „Болеславъ инако Швитрикгайло“.

²⁾ См. монографіи Каз. Стадницкаго: Synowie Gedymina (1849—1853, 2 t., I томъ въ новомъ изданіи 1881), Olgierd i Kiejstut (1870). Bracia Władysława Jagiełły (1867); дополненія написалъ J. Wolff: Ród Gedymina (1886). Имена литовскихъ князей пишемъ въ русскихъ ихъ формахъ, какъ онѣ встрѣчаются въ русскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ. Слѣдовало бы ихъ писать по-литовски, но литовскія ихъ формы до сихъ поръ не возстановлены и не объяснены; Микуцкій считаетъ правильными формы Ягайлас, Швитригайлас, Карибутас, Витаутас, и объясняетъ — *айлас* словомъ *айлетис* — жалѣть, *твитри*—свѣтлый, *кари*—дѣлать, *бутас*—домъ (Карибутас = славян. Домарадь), *таута* — народъ, и пр. В. Юргевичъ (Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ, въ москов. Читеніяхъ 1883, III) сближаетъ литовскія имена съ именами христіанскаго православно-русскаго ка-

собрании всѣхъ русскихъ земель противъ Москвы, важность которой относительно литовской Руси онъ уже предчувствовалъ; онъ, Ягайло и Витовтъ старались ослабить Москву въ отношеніи политическомъ и церковномъ, и стремились къ учрежденію особой митрополіи для литовской Руси и въ возвышенію Кіева противъ Москвы, что имъ и удавалось, хотя только на время; а Ягайло заключилъ даже союзъ съ татарскимъ ханомъ Мамаемъ противъ Москвы. Многие Ольгердовичи были ревностные православные Русскіе, пользовались общою любовью русскаго народа; такъ напр. Володимиръ Ольгердовичъ и его потомки Олельковичи (по Александру-Олельку Володимировичу) князья Слуцкіе, Бѣльскіе, Ольгердовичи Иванъ Скиригайло, Димитрій Корибутъ (Корыбутъ) и его сынъ Сигизмундъ Корибутовичъ, извѣстный защитникъ

лендаря, напр. Мингайло — Михайло, Ягайло — Яковъ (Яга, срв. въ Воскресенской лѣтописи, П. С. Р. Л. VII. 253: Яковъ нареченный Ягайло), Кестутій (Кейстутъ, Кинстутъ)—Константивъ (Костя), Лугвевій (Лиягвень) — Ловгинъ, и пр. О православіи Гедиминовичей и Ольгердовичей (и Ягайла) см. монографіи Стадницкаго (срв. „Славяне“ III, 45) противъ Шайнохи (Jadwiga i Jagiello III. 355), который защищаетъ язычество Ягайла и др., какъ и I. Вольфъ (Ród Gedumina, 86); срв. Smolka: Kiejstut i Jagiello (1888). Православіе Ягайла защищаетъ тоже М. Смирновъ: Ягелло—Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею (Одесса 1868); изъ приводимыхъ имъ источниковъ надо выпустить такъ называемый дневникъ Кибурга 1397 года, оказавшійся поддѣлкой начала XIX вѣка, и мнимыя слова Длугоша, который будто называетъ православіе idolatria (это относится къ Pruthenus, а не Ruthenus, см. выше стр. 10). Шайноха (стр. 358) приводитъ изъ книжки *Historia pulchra et stupenda miraculis referta imaginis Mariae, quomodo et unde in Clarum montem Czanstochowiae et Olsztyn advenerit* (Cracoviae 1523) слѣдующія слова: *Post mortem Ludovici regis grande deus donum et miraculum genti polonae contulit. Ladislaus enim dux egregius Lithuanorum, vocatus ad regnum ea lege, si misso schismate chistianus purus efficeretur etc.* Срв. тоже что пишутъ нѣмецкіе рыцари въ своей запискѣ, представленной констанцкому собору въ 1416 году: *Unum certe de humanitate dictorum Ruthenorum et aliorum infidelium recitacione dignum estimatur, quod dominum regem Polonie et alios, qui a fide eorum recesserunt et nostram susceperunt, ea beni-*

чешскихъ гуситовъ, и др. ¹⁾. Православными русскими родами остались и другіе Гедиминовичи и Ольгирдовичи: князья Жеславскіе — Заславскіе (Евнутьевичи), Мстиславскіе (Дугвеньевичи), Пинскіе и Корецкіе (Наримунтовичи), Сангушки (Сонгушки, Сенкушки, Сендюшки), Гурки и Кобринскіе (родъ Федора Ольгирдовича), и др. ²⁾.

Борьба Литвы и Москвы изъ-за первенства на Руси кончилась бы раньше или позже въ пользу Москвы, сплоченіе же русскихъ земель около Москвы состоялось бы вѣроятно гораздо раньше, если бы событія не повернули Литвы и ея Руси съ востока на западъ—къ Польшѣ. Этотъ важный въ исторіи всего Славянства фактъ 1386 г. — избраніе великаго князя литовскаго и русскаго Ягайла въ польскіе короли и принятіе имъ, нѣкоторыми его братьями, Витовтомъ и народомъ литовскимъ католицизма, чтó и придало дальнѣйшей исторіи Польши и Руси совсѣмъ иной характеръ. То, что случилось еще раньше, около половины XIV вѣка, въ карпатской Руси, т. е. водвореніе господства латинско-поль-

gnitate et paciencia tolerant, qua ipsos in eorum perfidia tolerabant, in eo christianorum humanitatem excedentes, qui a fide eorum relapsos ad idola non solum ad ipsorum conversacionem non admittant, sed diris cruciatibus persecuntur. (Codex epistolaris Vitoldi, p. 1030). О католическомъ и православномъ крещеніи Витовта см. особенно его письмо прусскимъ крестоносцамъ ок. 1390 г. (Scriptores rerum prussicarum II. 713); срв. А. Барбашевъ: Витовтъ и его политика до гринвальдской битвы (СП. 1885, стр. 135), тоже „Славяне“ III. 45.

¹⁾ О Сигизмундѣ Корибутовичѣ см. „Славяне“ III. 54; срв. еще Wolff: Ród Gedymina, 90, 152. Михаилъ Коріятъ, Дмитрій Корибутъ, Александръ Володимировичъ упоминаются въ запискахъ XIV—XV вв. въ евангеліи лаврашевскомъ, которое хранится въ библиотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, а не въ Императорской публ. библ. въ Петербургѣ, какъ думаютъ Востоковъ (Описаніе рукописей Румянцева, стр. 124) и издатели Актовъ южной и западной Россіи II. стр. 103. Срв. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границую 1882 г., стр. 23—24.

²⁾ См. J. Wolff: Ród Gedymina; A. Boniecki: Poczet rodów w w. ks. litewskiem w XV i XVI w. (Warszawa 1887, срв. Ateneum 1888, III. 525), часто противъ Стадницкаго и Бартошевича.

скихъ католицизма и культуры,—то же самое состоялось въ концѣ XIV в. и въ Литвѣ и въ соединенной съ нею югозападной Руси. Литва и Русь раскрылась латинской культурѣ, проводимой тамъ Польшею,—той культурѣ, которая давно уже напирала на Русь и Литву со стороны западныхъ ихъ сосѣдей, Шведовъ и прибалтійскихъ Нѣмцевъ въ Пруси и Ливоніи. Подобно тому какъ въ этихъ прибалтійскихъ странахъ литовскихъ и чудскихъ латинская культура сопровождалась паденіемъ независимости тѣхъ племенъ и ихъ религіи, водвореніемъ тамъ политическаго господства и устройства Нѣмцевъ и Вараговъ (Шведовъ),—такъ и въ Литвѣ и югозападной Руси латинская культура сопровождалась политическимъ и культурнымъ господствомъ польскаго элемента въ ущербъ не только литовскому язычеству, а тоже русскому православію или, какъ въ Польшѣ выражались, „схизмъ“. Этой цѣли посвящена съ XIV вѣка почти вся дѣятельность польскаго народа; она-то отвлекала его отъ славянскаго запада и влекла его на славянскій востокъ; „стремленіе на Русь“ составляетъ главное содержаніе исторіи польскаго народа,—то роковое стремленіе, которое не соответствовало силамъ польскаго племени и кончилось полною неудачею и паденіемъ этого славянскаго народа ¹⁾.

¹⁾ Доктрина о „задачѣ“ польскаго народа—переносить западно-европейскую, латинскую культуру (католицизмъ и колонизмъ) на Русь—повторяется въ польской исторіографіи часто, даже въ новѣйшія времена. Если князь І. Ѳ. Любомирскій думаетъ, что „*ciudne plemię lechickie przyjęło tylko najświetniejsze wyniki rzymsko-teutońskiego świata; téj uświetnionej i zamożniejszej narodowości lechickiej powołaniem było rozciągnąć na kraj nowo przyłączony swoje rozliczne, płodne żywioły*“ (Biblioteka Warszawska 1855, IV. p. 7), то онъ смѣшиваетъ исторію съ эпопеею. Въ такомъ смыслѣ высказываются тоже Шайноха (срв. статью Гильфердинга: Польскій вопросъ, въ Собраніи сочиненій II. 291) и Ст. Смолька; послѣдній еще недавно выразился, что посредствомъ западной латинско-польской цивилизаціи и католицизма Русь должна была освободиться „изъ клещей заплѣсневѣлаго востока и замораживающей схизмы“. (Rok 1386. W pięciowiekową gospodnieę. Kraków 1886). Польскій историкъ какъ-то уже слишкомъ увлекается доктриною и впадаетъ въ неумѣстный,

Владиславъ Ягайло — такъ назвался новыи польскій король и наивысшій князь литовскій и русскій послѣ принятія католицизма — всевозможно старался не только распространять католицизмъ въ Литвѣ и Жиуди, но и придавъ ему характеръ господствующаго вѣроисповѣданія; онъ находился всецѣло подѣ влиянiемъ католической iерархiи, а поэтому и возненавидѣлъ чешскихъ гуситовъ; не менѣе враждебно относился онъ и къ православию или „схизмѣ“, и все носился съ мыслью объ унии церквей восточной и западной. Въ такомъ смыслѣ воспитаны и его сыновья, и такъ вела себя и его четвертая жена Софiя изъ православныхъ литовско-русскихъ князей Ольгимунтовичей — Гольшанскихъ, сдѣлавшаяся ревностною католичкою. Великiй князь литовскiй и русскiй, Александръ Витовтъ Кестутьевичъ, не смотря на свое вторичное присоединенiе къ католицизму (1386), не относился враждебно къ православию; онъ, конечно, не могъ забыть, что огромное большинство его подданныхъ—православная Русь, что онъ „господарь литовскiй и многихъ русскихъ земель“. Онъ заботился также о православной русской церкви и хлопоталъ о назначенiи особаго кiевского митрополита (1415)—противъ московскаго,—чтобы православная „вѣра не меншала ни угыбала, и русская честь вся стояла на своей земли“, и чтобы „митрополить

національно-конфесiональный лиризмъ, и тѣмъ самымъ въ совсѣмъ неисторическiй тонъ: „Pod tehniem unii (1386) rozwiato się groźne widmo azyatyckiej potęgi, która miała zaciężyć nad Europą, jeśli nie na zgnębę zachodniej cywilizacji, to na nieszczęście ludów, przez unię ocalonych. W unii z Polską i pod wpływem Polski, Litwa stanęła na wschodzie Europy jako niezmordowana krzewicielka katolickiej wiary i zachodniej cywilizacji... A Ruś, którą unia odsunęła od panowania, wzamian za berło złowroziej potęgi, otrzymała w tem zjednoczeniu ludów pierwszy posiew duchowego zmartwychwstania. Rok 1386 wyrwał ją z kleszczy zapleśniałego wschodu i powołał do wspólnego z zachodem życia. Ze zjednoczeniem kościelnem, które od chrztu Jagielly stało się koniecznością dziejową, zstąpił duch w martwe a piękne ciało ruskiej cerkwi i rozbudził żywotność tych bujnych soków cywilizacyjnych, które schizma zmroziła w ruskim narodzie“. Можно думать, что это написал польскiй иезуитъ Скарга, а не польскiй историкъ конца XIX вѣка! Менѣе лирически и болѣе исторически

сдѣлъ на своемъ столѣ въ Кіевѣ“, подобно тому, какъ есть первосвятители у Болгаръ и у Сербовъ ¹⁾). Витовтъ интересовался дѣлами православной церкви въ своемъ государствѣ не только по соображеніямъ политическимъ, но также потому, что онъ, подобно Ягайлу, думалъ объ уніи восточной церкви русской съ Римомъ. Новый кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, Болгаринъ, долженъ былъ, по желанію Витовта и Ягайла, хлопотать о дѣлѣ уніи, но ничего не сдѣлалъ ²⁾). Витовтъ сначала не чуждался и чешскихъ гуситовъ; при немъ въ Литвѣ находился и другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій (1413), съ которымъ Витовтъ совѣщался о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ; да католическая іерархія позже

поставленъ имъ вопросъ: „Czy nie poszła na szarne cała zasługa dziejowa, która się w unii zawiera?“ Исторія рѣшила этотъ вопросъ не въ пользу польскаго народа, а „задача“ его была, по нашему мнѣнію, другая, срв. „Славяне“ II. 70—100, III. 157, 164.

¹⁾ Акты западной Россіи I. № 25. Объ избраніи особаго кіевскаго митрополита писалъ ливонскій магистръ прусскому вел. магистру (1 янв. 1416): „Herzog Vitovd hat einem russen babist odir anders patriarchen geheissen, in Lettowen irhaben und irwelt, da her die Moskowier, Nogatdere, Pleskower und alle Russenland umme en gelegen, zu twingen wil, das sie deme patriarchen gehorsam sollen sin und keime andern“. (Liv—esth— und kurländisches Urkundenbuch, ed. Bunge, V. 107).

²⁾ Въ литовско-русской лѣтописи (изд. Даниловича, 240) рассказывается, что митрополитъ Григорій спросилъ Витовта, зачѣмъ онъ не православный: „Что ради ты княже самъ въ вѣрѣ лядкой, а не въ православной вѣрѣ христіанской? И отвѣща ему Витовтъ: Аще хоцещи не токмо мене единого видѣти въ своей православной вѣрѣ, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моя земля литовскія, то иди въ Римъ, и имѣй прю съ папою и съ его мудрици; аще ихъ преприши, то вси мы будемъ христіане, и аще-ли не преприши, то имамъ вся люди своя земля въ свою нѣмецкую превратити вѣру. И посла его въ Римъ“ (т. е. въ Констанць). Этотъ рассказъ перешелъ тоже въ сѣверныя русскія лѣтописи; см. м. Макарія, Исторія русской церкви IV. 99; Stadnickiego Bracia Władysława Jagiełły 129. Срв. письмо Владислава Ягайла папѣ 1418 г. у Левицкаго Codex epistolaris saec. XV, t. II, p. 98. О Григоріи Цамблакѣ см. тоже „Славяне“ II. 222.

на констанцкомъ соборѣ обвиняла Иеронима, что онъ уговаривалъ Витовта и Литовцевъ отречься отъ католицизма и принять православіе, къ которому Иеронимъ относился съ глубокимъ уваженіемъ и симпатією ¹⁾).

Не всѣ Ольгирдовичи братья Ягайла приняли католицизмъ; большая часть остались ревностными православными Русскими. Но даже тѣ Ольгирдовичи, которые замѣнили православіе католицизмомъ, не могли забыть о вѣроисповѣданіи своей молодости, о „русской вѣрѣ“, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ—уже въ силу своего пребыванія среди православной Руси и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ нею—не могли относиться къ ней враждебно. Такъ именно младшій братъ Ягайла, Швитригайло Александръ, и послѣ принятія католицизма (1386 г. и имени Болеславъ), все держался православныхъ Русскихъ ²⁾; Русскіе же съ своей стороны были къ нему всегда расположены и охотно помогали ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, и въ несчастной для него битвѣ вилкомирской: въ ней — по словамъ литовско-русскаго летописца — Швитригайло вѣдѣтъ „съ князи рускии, бояры и со

¹⁾ Hieronymus... in Lituania et Russia intrans ecclesias schismaticorum fidem seu perfidiam praetulit fidei communi christianae... dixit, quod schismatici et Rutheni essent boni christiani... Hieronymus, interrogatus per ducem Witoldum et episcopum (виленскимъ), si baptizati secundum ritum Graecorum erant rebaptizandi, consuluit, quod non, sed simpliciter in fide romana instruendi... Hieronymus, quantum potuit, circa dominum ducem institit et laboravit et conabatur, d. ducem cum tota gente sua christiana a fide christiana avertere, et ad permanendum in dicta secta Ruthenorum et infidelium populorum inducere. (Hardt: Constant. concilium IV. 634 etc.). Срв. „Славяне“ III. 37, 40, 44.

²⁾ Sectae ruthenicae quam maxime favens — говоритъ о немъ Длугошъ. Епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій тоже съ негодованіемъ отзывается (1432) о взаимныхъ симпатіяхъ Русскихъ и Швитригайла и о сношеніяхъ чешскихъ гуситовъ съ Швитригайломъ и съ православною Русью, „qui inter se videntur de multis articulis, videlicet communiione utriusque speciei, paupertate cleri et aliis multis superstitionibus, concordare cum Bohemis, et sunt unius idiomatis“. (Codex epistolaris saec. XV, t. II. 289).

всею силою рускою“ сражался против великаго князя литовскаго Жидимонта (Сигизмунда) Кестутьевича съ его „силою литовскою и съ Ляхи“¹⁾. Швитригайло тоже дуналъ объ уніи церкви восточной съ западною, но неискренно и по соображеніямъ чисто политическимъ, да онъ даже, готовясь къ войнѣ съ великимъ княземъ Сигизмундомъ, велѣлъ съечь митрополита Герасима, душу этихъ плановъ объ уніи²⁾. Сношенія Ольгирдовичей и Витовта съ подвластными имъ православными Русскими, съ „схизматиками“, весьма не нравились нѣмецкимъ крестоносцамъ и ихъ верховному повелителю, римско-нѣмецкому императору; они упрекали даже Ягайла и Витовта въ влности при защитѣ интересовъ католицизма въ Литвѣ и Руси и въ дѣлѣ церковной уніи³⁾.

Подобно тому какъ Литовцы принимали отъ покоренной ими Руси вѣроисповѣданіе православное, такъ приняли они отъ нея тоже *языкъ*, который употребляла вся югозападная Русь въ публичной жизни и въ литературѣ. Этотъ русскій языкъ, употребляемый во всей югозападной Руси и потомъ тоже въ Литвѣ, — литературный языкъ со своими опредѣленными формами и стилемъ,

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 67—78.

²⁾ Срв. St. Smolka, Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, 18—19.

³⁾ Вотъ напр. нѣсколько отзыовъ нѣмецкихъ крестоносцевъ объ Ольгирдовичахъ; они-де „*scismaticorum perfidia baptizati... magis Ruteni quam christiani, magni et horribiles inimici christianitatis... Jagello fovet scismaticos immo hereticos videlicet Rutenos... Witawtus tenet se magis ad Litwanicos et Rutenicos et infideles quam ad christianos, quia ipse cum illis Rutenicis sicut cum illis de Moskaw et de Magna Naugarten et de Pleskaw se colligavit contra christianitatem*“ etc. (срв. Codex epist. Vitoldi 23, 996, 1025, 1030; Codex diplomat. Prussiae V. 183, etc.). Сношенія Ягайла, Витовта и Швитригайла съ чешскими гуситами „еретиками“ (см. обширно „Славяне“ III) еще усилили вопли тѣхъ борцовъ „христіанства“, такъ какъ нѣмецкіе крестоносцы въ своей скромности считали себя какъ бы главными его представителями; но тѣмъ не менѣе они не могли отнестись спокойно къ факту крещенія Литвы Ягайломъ: *pec grave eis (Литовцамъ) erat aquis mergi, quia ea gens a juventute sua balneis est assueta.*

развившійся на основаніи общаго древне-русскаго языка; это не языкъ простого народа югозападной Руси, такъ называемыя нарѣчія малорусское и бѣлорусское; характеристическія ихъ черты развивались и вліяли болѣе или менѣе на литературный языкъ югозападной Руси довольно поздно, виѣстѣ съ языкомъ польскимъ. Въ этомъ письменномъ языкѣ „русскомъ“ — такъ онъ назывался—нѣтъ тѣхъ характеристическихъ чертъ говоровъ простого народа, т. е. именно нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго, нѣтъ напр. бѣлорусскаго *дзъ-еканья* и *цъ-еканья*, *а-канья* и *я-канья* (дзядъ, цяперъ, быць-быци, адзинъ, вяликій), малорусскаго *и-канья* (вѣкно, дѣдъ), общезападнорусскихъ *бувъ*, *вовкъ*—*воукъ* и пр.; такія формы встрѣчаются очень рѣдко рядомъ съ обыкновенными: *дѣдъ*, *теперь*, *одинъ*, *быти*, *великій*, *окно*, *быль* *волкъ* и пр. Такъ писали въ Кіевѣ, Волынѣ, Львовѣ, въ Вильнѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ. Да „бѣлорусское“ *дзъ* и *цъ* исключаются даже изъ именъ и географическихъ названій западной Руси и изъ словъ, принятыхъ изъ польскаго языка, который тоже *дзъ-екаетъ* и *цъ-екаетъ*; такъ въ этомъ письменномъ языкѣ югозападной Руси пишется: Радивиль (а не: Радзивиль, поль. Radziwiłł), Будилевичъ (Будзиловичъ, Budziłowicz), Костюшко (Косцюшко, Kościuszko), Тыкотинъ (Тыкоцинъ, Tykocin), тивунъ (цивунъ, ciwun), дѣцкій (дзецкій, dziecki), кметъ (поль. kmieć), костель (поль. kościół) и пр. Формы: *паслѣ* (послѣ), *мядовое* (медовое), *помянали* (помѣняли), *Мицьково* (Митьково), *шляхцѣ* (шляхтѣ), *слаць* (слати), *Дзедунъ* (Дѣдунъ) и др. встрѣчаются рѣдко, да и то главнымъ образомъ уже позднѣе, въ XVI—XVII вѣкахъ ¹⁾. „Бѣлорусскимъ“ назывался этотъ письменный

¹⁾ См. И. Недешевъ: Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (въ варшав. „Филолог. Вѣстникѣ“ 1884, XII); срв. тоже Е. Карскій: Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Москва 1886), П. Житцкій: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. (Кіевъ 1889). О письменномъ языкѣ литовской Руси см. тоже замѣтки Як. Головацкаго въ соч. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшѣ по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, стр.

языкъ югозападной Руси только въ Москвѣ, названіе чисто географическое, такъ какъ ближайшая часть литовской Руси по верхнему Днѣпру и по Березинѣ со второй половины XVI вѣка носила названіе „Бѣлой Руси“ ¹⁾. Этотъ письменный русскій языкъ литовской Руси—чисто русскій языкъ безъ примѣси церковнаго языка словѣнскаго; такая примѣсь замѣтна только въ памятникахъ, составляемыхъ съ участіемъ православныхъ духовныхъ лицъ, которыя не могли писать по-русски безъ разныхъ словѣнскихъ: аще, градъ, глава, събрати, дрѣжати, добраго, поставихомъ, баше, и пр. ²⁾.

Русскій языкъ былъ официальнымъ языкомъ великаго княжества литовскаго; по-русски говорили и писали Гедининовичи, Ольгирдовичи, Ягайловичи, князья и бояре литовскіе, дома, на сеймахъ, судахъ; по-русски писались литовскіе уложенія, статутъ Казимира (1468), статуты литовскіе всѣхъ трехъ редакцій (1529, 1566, 1588) и множество привилегій, граиотъ уставныхъ, жалованныхъ и др. для цѣлаго великаго княжества и для отдѣльныхъ его земель; по-русски писались разные сеймовые и судебные акты, записываемые въ особыя книги государственнаго архива литовскаго, въ такъ называемую метрику литовскую, и въ особыя судебныя книги ³⁾. Изъ великокняжеской канцеляріи

31); Головацкій впалъ въ ту же самую ошибку, какъ до него Палацкій (*Dějiny národu českého*, III. 1. р. 145) и я (Славянская взаимность СП. 1874, стр. 251), т. е. онъ предполагаетъ вліяніе чешскаго языка на этотъ письменный языкъ западно-русскій, чего доказать нельзя. Сходство здѣсь только племенное славянское, тѣмъ болѣе, что западно-русскія нарѣчія во многомъ очень близки къ нарѣчіямъ чешско-словенскимъ. Помню, что я, слушая малорусскую проповѣдь въ соборѣ св. Юрія во Львовѣ, часто воображалъ себѣ, что слушаю проповѣдь чешскую или словенскую.

¹⁾ Бѣлорусскимъ называетъ его тоже Крижаничъ; срв. „Славяне“ II. 330.

²⁾ Срв. напр. въ литовско-русской лѣтописи напыщенную „похвалу о великомъ князи Витовтѣ“ или грамоты объ избраніи митрополита Григорія (1415).

³⁾ Метрика литовская хранится нынѣ въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи; срв. Пташицкій: Описаніе книгъ и актовъ

писали по-русски въ Москву и въ Молдавію, въ Польшу, Татарамъ, даже въ Ливонію и въ Угрію. Въ сношеніяхъ съ Нѣмцами и вообще съ западною Европою былъ въ употребленіи преимущественно языкъ латинскій, извѣстный въ Литвѣ уже въ XIII в., особенно же съ конца XIV вѣка. Исторію Литвы занимались русскіе лѣтописцы; они сначала не разъ отличаютъ Русь отъ завоевательной Литвы („возгласи Русь плачемъ великимъ, ижъ такъ вси суть побити отъ безбожной Литвы“), но со временемъ, по мѣрѣ сліянія Литвы съ Русью, приняли литовскую точку зрѣнія противъ разныхъ притязаній Поляковъ. Говоря о древнѣйшей исторіи Литвы, они послѣдовали выдумкамъ польской исторіографіи, Длугоша и др. о происхожденіи Литвы-Литавіи изъ Итали и пр.; такъ напр. въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ рассказываетъ удивительныя вещи о древней исторіи Литвы: изъ Итали вышелъ-де „княжа Палемонъ и пять сотъ шляхты римское... пошли на кораблехъ моремъ на полночь и дошли до устіа, где река Немонъ впадаетъ въ море“, и тамъ поселились. Важный въ тѣ времена вопросъ о гербахъ, переходившихъ отчасти изъ Чехіи въ Польшу, а оттуда въ Литву, лѣтописецъ трактуетъ по своему усмотрѣнію: онъ—не зная ничего о городенскомъ сѣздѣ и выражая гордость Литовцевъ противъ Ляховъ—рассказываетъ, что „Ляхове не были шляхта, але были люди простые, ани нелі горбовъ своихъ и великими дары того доходили въ Чеховъ, бе-

литовской метрики (СП. 1887). Списокъ древнѣйшихъ книгъ (1—66, съ XV в. до второй половины XVI в.), сдѣланный въ 1777 г. польскимъ письмомъ, хранится въ главномъ архивѣ варшавскомъ (книги означены № 191—219); этимъ спискомъ, удобнымъ для историковъ и юристовъ, но не для филологовъ, мы и пользовались. Судебныя книги хранятся въ центральныхъ архивахъ въ Кіевѣ, Вильнѣ, Витебскѣ; срв. Описи актовыхъ книгъ кіевского центрального архива (Кіевъ, выходятъ съ 1866 г.); Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній виленской, гродненской, минской, ковенской, также книгамъ нѣкоторыхъ судовъ губерній могилевской и смоленской, хранящимся нынѣ въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ, составленъ П. Горбачевскимъ (Вильна 1872). Акты изданы и издаются въ вышеупомянутыхъ сборникахъ.

ручи такъ великіи скарбы отъ нихъ и гербовъ своихъ изжичили и шляхтою ихъ починили, и въ гербы свои ихъ приняли; але мы шляхта старая римская съ гербы своими не потребуемъ жадныхъ иныхъ гербовъ, але ся держимъ старыхъ, што намъ предки наши zostавили“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ литовско-русскомъ лѣтописцѣ заговорила тоже шляхетско-польская спѣсь, если онъ о великомъ князѣ Зигизмундѣ Кестутьевичѣ рассказываетъ, что онъ „мыслилъ въ сердцу своемъ, какобы весь рожай шляхецкій погубити и кровь ихъ розлити, а поднести рожай хлопскій псью кровъ“¹⁾.

Сами Литовцы и Жомойты (Жмудь) на своемъ языкѣ говорили развѣ только у себя дома, если не употребляли русскаго языка; но на сеймахъ и судахъ они говорили и писали не по-литовски, а по-русски. Имъ издавались разныя русскія грамоты изъ великокняжеской канцеляріи, совершенно какъ Русскимъ; и въ литовско-русскихъ земляхъ встрѣчаются, какъ и въ земляхъ русскихъ, князья, бояре, старосты, намѣстники, дѣтскіе, тивуны, серебщины, выдавщины, куницы, пересуды и другіе русскіе порядки, а Русь приняла отъ Литвы развѣ только слово *дань* (дань натурою)²⁾. По-русски говорили и писали обрусѣвшіе князья Гедиминовичи и другіе литовскіе и жмудскіе князья и бояре, Остики-Радивилы, Гаштовты, Гедройты, Монвиды, Кезгайлы, Бутримы, Пацы—совершенно такъ, какъ природные русскіе князья

¹⁾ Литовско-русская лѣтопись XVI в., издалъ Нарбутъ (1846, стр. 6, 1, 43, 48 — 49). Литовско-русскую лѣтопись XV в. издали Даниловичъ (1827) и А. Поповъ (1854). О литовско-русскихъ лѣтописяхъ срв. статьи Даниловича (въ Ж. М. Н. П. 1840, по-польски въ варшав. изданіи Стрыйковскаго 1846), Шараневича (1882), Ст. Смольки (1889), А. Прохаски (1890). Лѣтописи писались тоже въ южной Руси, въ Кіевѣ, Львовѣ и др.; см. Сборникъ лѣтописей, относ. къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ 1888). Русскими лѣтописями пользовался и Стрыйковскій въ своей литовско-русской хроникѣ; срв. „Славяне“ II. 122.

²⁾ Это слово (*dziakło*) употребляется еще нынѣ около Райграда (въ польскомъ Подляшьѣ), означая т. н. даремщизну (*daremszczyzna*), т. е. работу подданныхъ даромъ (Biblioteka Warszawska 1860, II. 751).

и бояре. Вѣроисповѣданіе—католическое (а прежде и языческое) и также православное у Литовцевъ, и православное у Русскихъ, здѣсь ни чуть не мѣшало: всѣ писали по-русски. Такъ напр. шляхта жомойтская просила по-русски короля, чтобъ всѣ должности въ жомойтской землѣ давались не Литвѣ, не Руси, не Ляхамъ, а только Жомойти. Католическіе Литовцы, и во главѣ ихъ „князь бискупъ“ (по польскому *ksiądz biskup*) виленскій, заявляли свою преданность „его милости отцу святому папежу и костелу святому римскому“, бранили „Москвитина отщепенца и непріятеля костела святого римского“, возставали противъ „чужоземцовъ Ляховъ, пановъ Поляковъ“, защищали въ собраніяхъ полную самостоятельность Литвы, требуя, чтобы „великое князьство литовское мѣло коруну; тогда не може быти привлащено къ корунѣ польской: бо коруна въ коруну втѣлена быти не може“—все по-русски ¹⁾. Литовцы, конечно, говорили и писали тоже на латинскомъ языкѣ, но никогда по-литовски. Это господство официального русскаго языка въ Литвѣ возбудило въ литовскомъ патриотѣ Михаилѣ (1550) большое негодованіе; онъ, увлекаясь фантазіями польскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ о происхожденіи Литвы изъ Италиі, жалуется на употребленіе московскаго письма, не древняго и лишняго, такъ какъ русскій языкъ для Литовцевъ чужой; они—происхожденіемъ Итальянцы, изъ крови итальянской ²⁾.

Ягайловичи на польскомъ престолѣ говорили долго и послѣ

¹⁾ Срв. Акты запад. Россіи II. № 144, 221, III. № 24; Акты южн. и западной Россіи I. № 101, и др.

²⁾ *Literas moscoviticas, nihil antiquitatis complectentes, nullam ad virtutem efficaciam habentes, ediscimus, cum idioma ruthena alienum sit a nobis Lihuanis hoc est Italianis, italico sanguine oriundis.* (*De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moscorum, Basileae 1615*). Эти слова Михаила, вѣроятно, дали поводъ къ разсужденіямъ о литовскомъ языкѣ въ такъ наз. дневникѣ Кибурга (конца XIV вѣка, по поддѣлкѣ начала XIX в.); виленскій епископъ разсуждаетъ здѣсь о литовскомъ языкѣ почти такъ, какъ Шлейхеръ или Микуцкій (русскій переводъ дневника у Смирнова: Ягелло-Яковъ-Владиславъ, стр. 26).

соединенія Польши и Литвы (1386) по-русски, тѣмъ болѣе, что сами Поляки не придавали своему родному языку особеннаго значенія, писали почти исключительно по-латыни, и только съ начала XVI в. начали чаще писать и по-польски. Владиславъ Ягайло, не зная ни латинскаго, ни польскаго языка, говорилъ по-русски; это было извѣстно въ Польшѣ долго, до XVII в., и польскіе писатели Орѣховскій и Гербуртъ выводятъ въ своихъ книгахъ короля Владислава Ягайла говорящимъ по-русски ¹⁾. Младшій сынъ Ягайла, Казимиръ, пребывая съ молодости въ Литвѣ и окруженный литовско-русскими панями, привыкъ къ русскому языку и къ русскимъ обычаямъ, тѣмъ болѣе, что его мать Софія была изъ русско-литовскаго рода князей Гольшанскихъ ²⁾. Въ часовнѣ св. Креста въ краковскомъ соборѣ, въ которой похороненъ Казимиръ, до сихъ поръ гласитъ русская надпись, что (вѣроятно 1470 г.) „благоизволеніемъ, мудростью бога отца всемогущаго пописана бысть сія каплица повелѣніемъ великодержавнаго короля Казимира за божьей милости короля польскаго и великаго князя литовскаго и русьскаго (и пр.) и его королевое прѣнаяснѣйшей паней Елизаветы ис поколѣнья цесарьскаго, внука пренанезвитяжней-

¹⁾ Въ лѣтописи монастыря Лысогорскаго (ок. 1536—1540 гг.) Ягайло спрашиваетъ монаховъ лысогорскихъ по-русски: *azto to jest. St. Орѣховскій (Dyalog) рассказываетъ, что Ягайло „z ruska odpowiedział: Książę wid na koli pietuch den i nocz pojet, woszehda korol“*. Гербуртъ (Herkules) вспоминаетъ о русскихъ словахъ Ягайла, сказанныхъ великому магистру прусскому: „*Tu na mene gramoty, a ja na tebe szabloju*“. Срв. выше, стр. 142. Съ гуситами Чехами говорили Ягайло и Витовтъ вѣроятно тоже по-русски; срв. „Славяне“ III. 66.

²⁾ Длугоша *Historia Polon.* IV. 659. На Руси Казимиръ назывался тоже Андрей, напр. въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. VII. 256: „*Ондрѣй Казимиръ*“), въ западно-русской Четви 1489 г. („*король Андрей*“). К. Стадницкій (*Bracia Władysława Jagielly*, 144) замѣчаетъ: „*Umiano u nas dolożyć starania, aby prawda historyczna zmaçoną została, albo nigdy światła nie ujrzała. Ale zastanowić musi, że kroniki ruskie prawie zawsze Kazimierza Jagiellończyka nazywają Andrzejem, a czasami dodają, że był odszczepieńcem*“.

шаго цесаря Жикгимонта пана земли ракуськое а чеськое, вгорской¹⁾. Сынъ Казимира, король Сигизмундъ I, зналъ кромѣ польскаго языка тоже языки чешскій и русскій; въ его библиотекѣ (1510 г.) находились, кромѣ книгъ латинскихъ, тоже книги чешскія и русскія (словѣнско-русскія), и изъ нихъ именно трефологій „сербскаго языка“, часословець, молитвы, книга св. Іоанна Златоуста, и разныя книги библии²⁾. Только король Сигизмундъ Августъ, послѣдній Ягайловичъ, поднялъ пренебрегаемый до тѣхъ поръ языкъ польскій, вводилъ его болѣе въ публичную жизнь, и вообще больше держалъ сторону Поляковъ въ ущербъ Литвѣ и Руси. Поэтому и память объ обоихъ Сигизмундахъ на Литвѣ и Руси не была одинакова; въ началѣ XVII в. въ Литвѣ упрекали короля Сигизмунда Августа, что онъ „Подлясье и Волянъ вынищылъ, Ляхомъ мянующися“, но за то хвалили Сигизмунда I: „солодкая памѣть его, бо той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, а Ляховъ зъ ихъ хитростями велмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ“³⁾.

Название „Литва“, первоначально название этнографической единицы—области литовскаго племени, принимало все болѣе обширное значеніе, по мѣрѣ распространенія границъ великаго кня-

¹⁾ Срв. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, 107—108.

²⁾ Lelewel: Bibliograficzne księgi II. 97 (изъ Метрики литовской, срв. соч. Владимірова о Фр. Скоринѣ, 15). Срв. тоже „Славянъ“ III. 242.

³⁾ Эти слова встрѣчаются въ такъ называемой рѣчи пана Ивана Мелешка, кастеляна смоленскаго, произнесенной будто-бы на варшавскомъ сеймѣ 1589 года. Но такія странныя „рѣчи“ на сеймахъ не говорились, а панъ Иванъ Мелешко былъ смоленскимъ кастеляномъ въ 1615—1623 гг. (J. Wolff: Senatorowie i dygnitarze w. ks. litewskiego 1386—1795, Kraków 1885, p. 131). Эту „рѣчь“ сочинилъ по всей вѣроятности какой-нибудь литовско-русскій юмористъ XVII вѣка и приписалъ ее кастеляну Мелешку. Она напечатана, изъ рукописи архива Хребтовичей въ Щорсахъ (въ губ. минской), у Вишневскаго *Historya literatury polskiéj* VIII. 480, и вѣроятно оттуда въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 158.

жества литовскаго въ югозападной Руси. „Литва“ во второй половинѣ XIV в. — это всѣ земли по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру, большая половина владѣній Ягайла; меньшая половина — это „Польша“. Но въ самомъ великомъ княжествѣ литовскомъ различали „Литву“ (около Вильны и Трокъ) вмѣстѣ съ Жомойтью (Жмудью) отъ „Руси“, и великій князь господарь назывался литовскимъ, русскимъ и жомойтскимъ. Въ великомъ княжествѣ литовскомъ были русскія земли: полоцкая, витебская, смоленская, подляшская, волинская, кievская, сѣверская и др. ¹⁾ „Литвинъ“ отличался отъ Полочанина, Витблянина, Смольнянина, Кіяннина и вообще Русина. Такъ напр. великій князь Казимиръ (1440) раздѣляетъ „своихъ людей: Ляхъ, Литвинъ, Витблянинъ, Полочанинъ, Смольнянинъ, Русинъ или съ иныхъ нашихъ русскихъ земель“; король Сигизмундъ Августъ (1558) обращается къ своимъ подданнымъ „въ паньствѣ нашомъ великомъ князствѣ литовскомъ и на Волини, на Руси і Подляшью“; рѣка Двина раздѣляла „стороны литовскую и рускую“, какъ говорилось въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того, вслѣдствіе соединенія Литвы и Польши въ 1386 г., названія „Литва — Литвинъ“ и „Русь — Русинъ“ приняли тоже значеніе вѣроисповѣдное: католиковъ и православныхъ, „шляхта литовского и руского народу“, „панове и шляхта обоего закону и вѣры христіанское, римского закону Литва и греческого Русь“, совершенно такъ, какъ и въ Польшѣ названія „Ляхъ“ и „Русинъ“. Такой „Литвинъ“ вѣрою (католикъ) могъ быть конечно и „Русинъ“ по языку. Въ южной Руси, въ земляхъ кievской и волинской, подъ названіемъ „Литва — Литвинъ“ подразумѣвали часто вообще сѣверную Русь литовскую, земли бѣлорусскія, какъ и до сихъ поръ Малорусы называютъ Бѣлорусовъ Литвинами. Последнее названіе „Бѣлая Русь“ — форма книжная; оно сначала означало самостоятельную Русь московскую (не-литовскую, не-польскую); такъ и называлась она напр. у прусскихъ крестоносцевъ,

¹⁾ Пограничныя земли назывались вообще *украина*; это названіе осталось особенно въ южной Руси, и въ XVII в. Украина — козацкая поддѣпровская земля — кievская и сѣверская. Срв. ст. Ю. Бартошевича въ ж. Biblioteka Warszawska 1864, II.

у разных книжниковъ средней Европы, въ Польшѣ ¹⁾, да и въ самой Москвѣ; но позже со второй половины XVI в. „Бѣлая Русь“—это земли литовско-русскія по Двинѣ, Березинѣ, Сожи и верхнему Днѣпру, около Мстиславля, Могилева, Рши (Орши), Свислоча, Рѣчицы, Мозыря, Бобруйска, „волостей русскихъ“ въ отличіе отъ западныхъ, „волостей литовскихъ“ около Новгородка, Слонима, Городна, этой „Черной Руси“ ²⁾. Названіе „Бѣлая Русь“ принята потомъ и въ Москвѣ въ значеніи сѣверной литовской Руси, а „бѣлорусскій языкъ“ сталъ въ Москвѣ означать литературный языкъ литовско-польской Руси вообще. Кромѣ этихъ книжныхъ формъ „Русь Бѣлая и Черная“, въ русскихъ земляхъ приняты по примѣру канцелярскаго стила въ Византіи и царьградскаго патріархата—тоже книжныя формы „Русь (Россія) Великая“—въ значеніи самостоятельной Руси московской, а „Русь (Россія) Малая“ — въ значеніи польско-литовской южной Руси, часть которой составляла тоже „Русь Червоная“ ³⁾.

¹⁾ Такъ напр. у архіепископа Іоанна Ласкаго (1514), о чемъ см. выше, стр. 2; см. Archiv f. slav. Philologie VIII. 21.

²⁾ У польскаго лѣтописца XIV в., Іоанна Чарнковскаго (Monumenta Polon. histor. II. 719), однако Polock castrum Albae Russiae.

³⁾ О названіяхъ Русь (Россія) Великая, Малая, Бѣлая, см. Archiv für slav. Philologie VIII; срв. тоже выше стр. 2, 161 — Обь отдѣльныхъ земляхъ литовской Руси см.—кромѣ общихъ исторій Литвы и литовской Руси — П. Батюшковъ: Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы сѣверозападнаго края (СП. 1890), его-же: Волинь, истор. судьбы юго-западнаго края (СП. 1888), Stecki: Wołyń pod względem statyst., histor. i archeolog. (Lwów 1864 — 1871, 2 t.), А. Киркоръ: Польсье литовское (!) и бѣлорусское (СП. 1882; замѣтимъ, что все Польсье по Припети—русское, а не „литовское“, и что Городно, Берестье, Свислочь и др.—въ Руси, а не въ „Литвѣ“); Польсье, библиограф. матеріалъ по исторіи, статистикѣ, этнографіи и экомом. состоянію Польсья; сѣверозападный и югозападный край вообще, и губерніи минская, гродненская, волинская, кіевская и могилевская въ частности (СП. 1883); разныя монографіи въ сборникахъ: Акты виленскіе, Архивъ югозападной Россіи и др. Монографіи Андрияшева (Очеркъ исторіи волинской земли до конца XIV в., 1887), Грушевскаго (Очеркъ исторіи кіевской земли до конца XIV в., 1891), До-

Великое княжество литовско-русское состояло изъ нѣсколькихъ большихъ и меньшихъ княжествъ, въ которыхъ княжили члены рода Гедимина, а въ немногихъ еще Рюриковичи. Но съ начала XV в. эти князья все болѣе исчезаютъ, и вмѣсто князей являются въ городахъ и земляхъ великокняжескіе *намѣстники* (старые посадники) и ихъ помощники въ судахъ *тивуны* и *дѣтскіе*, все древнерусскія должностныя лица, преимущественно судебныя; помощникомъ намѣстника сталъ тоже *воевода* (древнерусскій тысячскій), какъ и въ коронной Руси воевода помощникъ старосты. Намѣстники въ южной Руси, именно въ землѣ волинской (и подольской), назывались уже въ XIV в. также *старосты*, по примѣру польскихъ старостъ—намѣстниковъ вообще, какіе были въ коронной Руси ¹⁾. Земли раздѣлялись на округа, называемые уже въ XV в. по-польски *повѣты*; но часто слово „повѣтъ“ означало то, что „земля“, и въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. говорится о „повѣтѣ“ кievскомъ, мстиславскомъ, смоленскомъ, новгородскомъ, берестьевскомъ, слуцкомъ, и пр., что означаетъ землю. Средоточіемъ земли былъ *городъ*, всеословная община; горожане—это бояре, посполство, чернь. Отъ древнерусскихъ должностныхъ лицъ находились по городамъ великокняжескіе намѣстники (старосты) со своими помощниками (воеводами, тивунами), и городскіе сотники или сотскіе, десятскіе

ввара-Запольскаго (Очеркъ исторіи земель кривичской и дреговичской до начала XIII в., 1891), Багалѣя (Исторія сѣверской земли до половины XIV в., 1882) касаются только древней исторіи этихъ земель. — Пишемъ „Волянъ, Воляня, Волянѣмъ“ (муж. рода), такъ какъ это *adjectivum possessivum*: „Волянъ scilicet городъ, какъ и Володимерь, Изяславль, Перемышль, Ярославль, Брячиславль (Бряцлавль), Всеволожь, Святополчь и пр.; всѣ эти названія въ древнерусскомъ языкѣ были муж. рода: къ Воляню, къ Володимерю, подъ Володимеремъ, до Ярослава, (Святополчь въ свободномъ нарече) Святополчь городъ, и пр. Поляки до сихъ поръ употребляютъ правильныя формы *Wołyń*, на *Wołyniu*, *Wołyniem*, w *Jarosławiu*, pod *Włodzimierzem*, и пр.

¹⁾ Срв. статью З. Радзиминскаго: *O namiestnikach rusko-litewskich* (краков. *Przegląd polski* 1885, ks. 77, p. 355).

или десятники. Горожане не-бояре, именно лучшіе (называвшіеся уже въ XV в. на польскій ладъ мѣщане) владѣли землями, селами. Жители города собирались по древнерусскому обычаю на вѣча: „мужи Полочане вѣчомъ ся справовали, какъ великій Новгородъ и Псковъ“ — замѣчаетъ еще въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ. Обыкновенная въ древнерусскихъ городахъ борьба партій, бояръ и черни, людей вятшихъ, добрыхъ и людей меньшихъ, малыхъ, продолжалась и подъ господствомъ литовскихъ великихъ князей. Такъ еще около половины XV в. (1440) Смольняне „чорные люди, кузнеци, кожомяки, шевники, мясники, котелники“, вооружившись зазвонили въ колоколъ и напали на замѣстителя наиѣстника великаго князя Сигизмунда, воеводу Андрея Саковича и на его дворянъ и на бояръ, и между обѣими партіями произошелъ кровавый бой ¹⁾. Во второй половинѣ XV вѣка въ городѣ Полоцкѣ происходили споры между боярами и остальными жителями города, мѣщанами (такъ назывались уже лучшіе горожане, хотя городъ не пользовался еще нѣмецкимъ правомъ), городскими дворянами (вѣроятно дворяна наиѣстника), черными людьми и всѣмъ посполствомъ; король Казимиръ, улаживая эти споры, приказалъ, „абы бояре и мѣщане и дворяне городскіи и все посполство въ згодѣ межи собою были, а дѣла бы наши городскіе вси згодою посполу справляли по давному, а сымались бы вси посполу на томъ нѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймывались здавна; а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни сойшовъ не надобѣ чинить“ ²⁾.

Князья и бояре были происхожденія русскаго, литовскаго и иного. Князья и бояре землевладѣльцы, по жалованію великаго князя господара, володѣли наслѣдственными дѣдинами-отчинами, какъ дѣдичи-отчичи, или держали временно помѣстья или выслуги—какъ державцы ³⁾. Русскіе князья Рюриковичи мало по

¹⁾ Литовско-русскія лѣтописи, изд. Попова 54, Нарбута 53.

²⁾ Акты западной Россіи I. № 60; въ варшав. списокѣ Метрики литовской эта грамота означена 1486 годомъ.

³⁾ Срв. Владимірскаго - Буданова: Помѣстья литовскаго государства (Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца III, Кіевъ 1889 г.).

малу вымирали, уступая своим княжества Гедиминовичамъ—Ольгирдовичамъ; послѣдніе, именно. Одельковичи, Слуцкіе, Жеславскіе, Мстиславскіе, Бѣльскіе, Сонгушки (Сангушки), Корецкіе, принимая православіе и русскую народность, сдѣлались такими же Русскими, какими были Рюриковичи: Друцкіе, Любецкіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Ярославичи, Четвертинскіе и др. Происхождение многихъ „княжескихъ“ родовъ въ литовско-русскомъ государствѣ неизвѣстно; нѣкоторые изъ нихъ, желая показать родовую связь съ Ягайловичами, стали позднѣе производить себя отъ Гедимина и Ольгирда, а некритическіе генеалоги повѣрили всему, что князья рассказывали. Такъ напр. князья Чорторыйскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Порыцкіе, Воронецкіе, Ружинскіе, Лукожскіе, Полубенскіе и др. производили себя изъ рода Гедимина-Ольгирда, другіе князья производили себя отъ Рюриковичей; нѣкоторые князья происходили изъ боярскихъ родовъ, какъ напр. князья Гольшанскіе (Ольгимунтовичи), князья Радивилы (Остиковичи, хотя ихъ княжескій титулъ происхожденія не литовскаго, а римско-нѣмецкаго), и др.; происхожденіе нѣкоторыхъ князей (Капуста, Пузына, Курцевичъ, Соломирецкій и др.) неизвѣстно ¹⁾. Князья

¹⁾ Польскіе генеалоги внесли въ родословіе этихъ князей много путаницы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ особенно извѣстный Негбарз Несецкаго. Эта путаница начинается распутываться только въ новѣйшее время, благодаря критическимъ пріемамъ К. Стадницкаго (въ монографіяхъ о Гедиминовичахъ и Ольгирдовичахъ), І. Вольфа (*Ród Gedymina*), А. Бонецкаго (*Poczet rodów w w. ks. litewskiém*); срв. тоже Ю. Бартошевича, разныя генеалог. статьи въ *Encyklopedyi powszechnéj*, и ст. *Kniaź i książę* (*Dzieła X. 368*). Но и между этими новѣйшими генеалогами есть разногласія; такъ напр. князей Чорторыйскихъ Вольфъ считаетъ Ольгирдовичами, а Стадницкій, Бонецкій, Бартошевичъ отрицаютъ это. Князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Порыцкіе, Воронецкіе считались Корибутовичами (см. „Славяне“ III. 78); но, по изслѣдованіямъ Стецкаго, Вольфа, Бонецкаго, они—потомки князя Ивана Несвицкаго (Несвичъ въ Волинѣ около Луцка) неизвѣстнаго происхожденія; вѣроятно сынъ этого князя Ивана, князь Федько, былъ сторонникомъ Швитригайла (срв. Стадницкаго *Synowie Gedymina*, 1881, I. 205—212); мы, слѣдуя Длугошу, назвали князя Федька ошибочно Острожскимъ („Славяне“ III.

назывались по своимъ городамъ (Жеславскіе, Мстиславскіе, Веротынскіе, Острожскіе), но сохраняли тоже болѣе простыя или родовыя, напр. Ярославичъ, Сангушко (Сонгушко, Сендюшо, Сенкушко вѣроятно отъ Санко, Сенко и Семко-Семень), Оленковичъ (Олелько-Александръ), или даже прозвища, напр. Кипуста, Пузына, Одинецъ-Одинцевичъ. Такъ было и среди русскихъ бояръ; они долго назывались простыми именами (съ отчествомъ): Олизаръ (Елеазаръ), Глѣбъ, Грицко (Григорій), Олехъ (Александръ), Мелешко (Мелетій), Тишко (Тимофей), Ходко, Федоръ, Федко, (Хвѣдко), Федюшко (Федоръ), Костюшко (Константинь), или прозвищами: Величко, Громыка, Гарабурда, Бобождъ, Шило, Мукосѣй, Горностаѣй, Туръ, Сопега (Сопига), Кирдей, Кисель, Немира, Салогубъ и др. Нѣкоторыя такія имена и прозвища остались и позднѣе какъ родовыя названія: Мелешко, Олизаръ, Кисель, Сопега, Гарабурда; къ другимъ прибавлено отчество: Тишковичъ, Ходковичъ, Глѣбовичъ, Волотовичъ, Мицковичъ, Гулевичъ, Хребтовичъ, Воловичъ, Волковичъ, Боговитиновичъ, Чапличъ, Немиричъ. Наконецъ многіе бояре, подобно князьямъ, принимали родовыя названія по своимъ имѣніямъ, городамъ и селамъ, напр. Кирдеи—Мыльскіе, Мукосѣи—Баковецкіе, Борзобогатые—Красенскіе, Гулевичи—Воютинскіе. Такія родовыя названія во имѣніямъ встрѣчаются въ югозападной Руси, именно въ Подляшѣ и Волинѣ, съ начала XV вѣка, и этотъ обычай сдѣлался потомъ почти господствующимъ. Нѣкоторые такіе бояре пожелали со временемъ быть тоже Гедиминовичами, напр. такъ утверждали, впрочемъ довольно поздно, Сопеги или Сапеги, какъ они стали называться; другіе хотѣли происходить отъ князей русскихъ.

Сельское народонаселеніе въ литовской Руси называлось до

63). Князей Острожскихъ считаетъ Максимовичъ Рюриковичами, другіе это отрицаютъ. Поляки называли и называютъ этихъ литовско-русскихъ князей и по-польски *kniaź* (а не *książe*), равнымъ образомъ какъ они употребляютъ русскія слова *episkop-władyka*, *pop*, *czarniec*, *cerkiew*, *monaster* etc., какъ бы все это русское было—*podlejszego gatunku*.

онца XIV в. *смерды*; но потомъ это слово считалось браннымъ ¹⁾,

бывшіе смерды назывались разнообразно: люди, мужики, селяне, юспольство, и пр. Отъ свободныхъ землевладѣльцевъ не-бояръ, *земцевъ*, остались немногіе до второй половины XV вѣка ²⁾. Селяне, кившіе на земляхъ господарскихъ—великокняжескихъ, даѣе князей, бояръ, городовъ, духовенства, раздѣлялись на много классовъ, смотря по большей или меньшей личной свободѣ, зависимости отъ ихъ господъ, прикрѣпленію къ землѣ, по ихъ повинностямъ, работамъ, данамъ, и пр.; нѣкоторые изъ нихъ владѣли однако тоже поземельною собственностью. Были люди вольные, слободичи — слободники, похожіе — прихожіе — захожіе, сохранившіе свободу вольнаго перехода послѣ исполненія своихъ повинностей; отчичи и дѣдичи, люди отчизные (земледѣльцы на отчинахъ и дѣдинахъ отчичей—дѣдичей землевладѣльцевъ), люди тяглые (на тяглѣ, дворищѣ, службѣ), находившіеся въ значительной зависимости отъ своихъ землевладѣльцевъ или прямо прикрѣпленные къ землѣ ³⁾; наконецъ—невольники, холопы, челядь, закупни, закладни, люди закупные. Въ южныхъ украинскихъ земляхъ русскихъ встрѣчаются въ XV в. люди безземельные, голтяи, полни-

¹⁾ См. выше, стр. 117. Великій князь Витовтъ назвалъ одного подданнаго смердомъ (Акты южной и запад. Россіи II. 103), а въ началѣ XVI в. одинъ бояринъ жаловался на данное ему бранное слово смердъ (Danilowicza, Skarbiec II. 287), и др.

²⁾ „Земецъ Холѣвичъ“ въ мстиславскомъ княжествѣ (вилен. Археограф. Сборникъ VII. 4). Слово „земецъ“ въ значеніи „землянинъ“ встрѣчается еще въ западно-русскомъ переводѣ хроники Бѣльскаго (1564 — 1572), какъ видно по древнесерб. ея переводу (см. „Славяно“ II. 425): случи-се прѣііе двѣма земьцемъ о дедине (сѣвернорусск.: дворяномъ объ отчинномъ дѣлѣ). „Земцы“ или „своеземцы на своихъ отчинахъ“ (не-бояре, но и не-крестьяне) встрѣчаются тоже въ сѣверовосточной Руси XV — XVI вв., именно въ земляхъ новгородской и псковской; см. Чечулина, Города московскаго государства въ XVI в. (Москва 1889), стр. 43, и срв. „Славяно“ I. 127, II. 135.

³⁾ Въ кievской землѣ встрѣчаются въ XV вѣкѣ „коланные люди“, срв. выше стр. 121, пр.

ки, слуги, обязанные къ военной службѣ, предшественники козаковъ. Эти послѣдніе—тѣже безземельные, бездомные люди, занимавшіеся въ южнорусскихъ степяхъ Украины охотою и рыболовствомъ, и прибывавшіе на время въ украинные города; но впоследствии козаки стали тоже землевладѣльцами въ тѣхъ городахъ и степяхъ ¹⁾. Древнерусское устройство общинъ сохранилось въ литовской Руси очень долго, хотя оно, по шѣрѣ распаденія сословія землевладѣльцевъ, горожанъ, земледѣльцевъ и все усиливавшейся зависимости подданнаго люда отъ его господъ, лишилось своего прежняго значенія. Округъ города съ селами составлялъ обширную общину волость (жители — волощане) подъ старцемъ села—подъ старостами (въ южной Руси по-татарски атаманы, ватаманы); въ общинахъ встрѣчаются древнерусскіе тивуны, сотники и десятники; сябры — сосѣди соучастники, нераздѣльные владѣльцы земли; старинный общинный судъ, собирающійся на сходку, копу (оттуда копное право), на вѣче — судить преступленія въ округѣ общины, и пр. ²⁾. Разнообразны были повинности населенія относительно князя — государства и его чиновниковъ, и со временемъ относительно зѣмлевладѣльцевъ, въ пользу которыхъ государство отказывалось отъ многихъ такихъ повинностей, легшихъ преимущественно на подданный людъ; были: военная служба, разные дани денежныя (грошовая — грошами, рублями, серебромъ, сере-

¹⁾ Татарское слово *козакъ*, *казакъ* — разбойникъ, встрѣчается въ карпатской Руси во второй половинѣ XV в. (см. выше стр. 65); по Днѣпру около Кіева и Черкасъ въ концѣ XV в.: въ 1493 г. доносятъ московскіе послы изъ Крыма, что около Днѣпра пришли на нихъ *Черкасцы*, и ограбили ихъ; въ 1494 г. татарскіе *казаки* отъ Бѣлгорода (см. Уляницкаго, Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши и Турціи, стр. 123, 124); въ 1499 г. въ Кіевѣ *козаки хрестіане*, которые „зъ верху Днѣпра ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй“ и привозятъ въ Кіевъ рыбу (Акты западной Россіи I. № 170). О словѣ *волтъяй* см. выше, стр. 122, 139.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 119. Слово *въче* — сходка, судъ волости-общины, встрѣчается въ двухъ волинскихъ актахъ 1538 и 1564 гт.

бренная—серебрица, серебряница)¹⁾, съ сохи (посощина), съ дворища — дыма (подымщина), дани натуральныя (дань медовая, бобровая, куничная, осыпная — дякольная и др.), полюдые (денежная и натуральная), разныя работы относительно городовъ (замковъ), мостовъ, дорогъ, работы полевыя, подводы и содержаніе князю и чиновникамъ (стаціи) и пр.²⁾.

7. Соединеніе Литвы съ Польшей и его послѣдствія для Литовской Руси. Распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ Литвѣ и отстаиванье Литвою своей отдѣльности. Статутъ Литовскій. Антагонизмъ Литвы и Польши, переходящій въ явную вражду. Литовское „Подляшьє“, особое его положеніе и быстрое ополяченье.

Избраніе Владислава Ягайла въ польскіе короли, переходъ Ягайловичей въ Польшу, въ сферу культуры и политики западно-европейской—все это произвело громадный переворотъ въ дальнейшей судьбѣ русскаго народа на западѣ. До этого важнаго со-

¹⁾ Дани *грошовыя* названы по новому названію денегъ — *гроши* (grovas), принятому въ Польшѣ изъ Чехіи; въ югозападной Руси кромѣ обыкновеннаго *рубля* (100 литов. грошей) встрѣчаются гроши не только литовскіе, но также польскіе (по закону съ 1508 г.), и чешскіе (копы широкихъ грошей чешскоѣ монеты). Что касается позднѣйшей русскоѣ золотой монеты *чехъ*, то это названіе происходитъ отъ итальянскаго *cesso*, *ceschino*; такъ напр. въ казнѣ запорожскаго войска въ 1687 г. было больше двухъ сотъ тысячъ „золотыхъ чеховъ“; а еще при Петрѣ Вел. въ Сѣвскѣ чеканились „чехи“.

²⁾ Древнерусское полюдые (см. „Славяне“ I. 157) встрѣчается до второй половины XVI в. (въ актахъ 1471—1566 гг.) въ земляхъ кievской и пинской, въ волостяхъ бичиской, могилевской, свислочской; срв. тоже выше, стр. 122.—Подробности и внутреннемя бытѣ югозападной (именно литовской) Руси см. особенно въ вышеупомянутыхъ сборникахъ кievскихъ и вилевскихъ, отчасти и варшавскихъ (*Źródła dziejowe*), и у Бестужева Рюмина, Русская исторія II, и у Иловайскаго, Исторія Россіи III, гдѣ указана тоже литература предмета.

бытія можно было ожидать, что со временем русское православіе вполнѣ восторжествуетъ и по берегамъ Нѣмана въ собственной Литвѣ и въ Жмуди, что весь литовскій народъ, по примѣру многихъ его князей и вельможъ прикнетъ къ православію и къ русской культурѣ, и что борьба между князьями литовско-русскими Гедиминовичами и московско-русскими Рюриковичами изъ-за первенства на всей Руси будетъ происходить только на политической почвѣ, подобно тому, какъ происходила такая борьба когда-то между Кіевомъ и Суздалемъ - Володимиремъ или между Москвою и Тверью или Рязанью. По внесеніе польско-латинской культуры въ ряды Ольгирдовичей и въ собственную Литву совсѣмъ перемѣнило положеніе дѣлъ въ югозападной Руси. Поляки, стремясь съ успѣхомъ на русский востокъ - гдѣ подчинялась ихъ вліянію карпатская Русь—съ 1386 года стали всею силою преслѣдовать одну завѣтную цѣль: полное сліяніе Литвы съ Польшею. Важнымъ орудіемъ считали они водвореніе своей культуры и въ остальной югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру; они и здѣсь справедливо рассчитывали на главное орудіе своихъ плановъ, на католицизмъ, который съ такимъ успѣхомъ способствовалъ ополченію карпатской Руси, и на распространеніе въ литовско-русскомъ государствѣ шляхетскихъ привилегій, которыя дѣйствовали бы заманчиво на князей и бояръ литовско-русскихъ, выдѣлили бы ихъ изъ остальныхъ классовъ и образовали бы и въ литовскомъ государствѣ такое-же привилегированное шляхетское сословіе, каковымъ была шляхта въ Польшѣ. Такимъ образомъ возникаетъ и въ Литвѣ, вмѣсто князей и бояръ, привилегированное сословіе по примѣру польской шляхты, такъ называется оно на польскій ладъ и по-русски *шляхта, земляне*, и пріобрѣтаетъ мало по малу все болѣе вліянія и власти рядомъ съ наивысшими сановниками литовскаго великаго княжества, Литовцами и Русскими, князьями и боярами, которые составляли по русскому обычаю боярскую думу великаго князя, но потомъ стали называться на польскій ладъ „*пань рада*“, *радные пань*. Первые шаги къ образованію такой „шляхты“ въ Литвѣ, привилегіи виленская (1387) и городельская (1413), вводящія и въ Литвѣ привилегированное сословіе шляхты, обнаруживаютъ

исключительный вѣроисповѣдный моментъ; только римскіе католики, а не „схизматики“ литовскіе допускались къ правамъ польской шляхты, т. е. дѣлались землянами собственниками со своими судами, урядами (должностями) и съ разными вольностями польской шляхты, съ освобожденіемъ отъ многихъ земскихъ повинностей, и съ важными для тѣхъ временъ виѣшними знаками шляхетства, гербами ¹⁾. Но Владиславъ Ягайло и его польскіе совѣтники скоро убѣдились, что составъ населенія литовскаго великаго княжества не дозволяетъ такого исключительнаго вѣроисповѣднаго момента въ жалованіи политическихъ привилегій шляхтѣ литовской католической, что въ титулѣ „великій князь литовскій и русскій“ послѣднее слово важнѣе перваго, и что огромное большинство населенія литовскаго государства—вовсе не католики Литва, а православная Русь. По смерти Александра Витовта (1430) Польша убѣдилась въ силѣ литовской православной Руси, которая поддерживала великаго князя Швитригайла Ольгирдовича противъ великаго князя Сигизмунда (Жигимонта, Жидимонта) Кестутевича, кандидата Польши и католической Литвы: „Литва посадиша великаго князя Жидимонта Кестутевича на великое княженъе на Вилни... и князи рустін и бояре посадиша князя Швитригайла на великое княженъе руское“, „Жидимонтъ собра силу многу литовскую и Лахи, а Швитригаило со всею силою рускою поиде на Литву“—вотъ какъ характеризуетъ литовско-русскій лѣтописецъ положеніе дѣлъ въ литовскомъ государствѣ по смерти Витовта. Тогда король Владиславъ Ягайло и паны польскіе — въ томъ числѣ самъ краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій — убѣдились въ неудобствѣ вѣроисповѣдной исключительности для Литвы и литовской Руси, и особою привилегією (1432) распространены были права, пожалованныя прежде католической шляхтѣ литовской, тоже на православныхъ князей, бояръ и шляхту русскую въ Литвѣ. Кромѣ этой общей привилегіи для православной шляхты всей Литвы, пожалованы эти права особо и для нѣкото-

¹⁾ Привилегіи виленская и городельскія (двѣ) написаны не на официалномъ языкѣ Литвы, русскомъ, а на языкѣ латинскомъ; изданы въ сборникѣ Дзялынскаго, *Zbiór praw litewskich*.

рыхъ земель литовской Руси, въ томъ числѣ и для шляхты во-
лынской земли луцкой (*duces, praelati, bojari, milites, nobiles*
caeterique indigenae terrae Lucensis tam in fide s. romanae
ecclesiae, quam etiam orientalis seu graecae constitutis). Въ
томъ же самомъ году уравниены также виленскіе мѣщане въры-
мской и русской ¹⁾. Впрочемъ, всѣ эти привилегіи, имѣющія въ
виду болѣе тѣсную унію Литвы съ Польшею, имѣли не практи-
ческое, а только теоретическое значеніе, именно вслѣдствіе со-
противленія литовскихъ и литовско-русскихъ князей и пановъ,
которые не желали такой уніи и по смерти Витовта всевозможно
мѣщали ея осуществленію. Самъ великій князь литовскій, Си-
гизмундъ Кестутьевичъ, ставленникъ и сторонникъ Польши про-
тивъ Швитригайла, одобрившій унію Литвы и Польши, отстанвалъ
потомъ полную самостоятельность великаго княжества литовска-
го противъ всякихъ притязаній Поляковъ, да онъ даже заключилъ
союзъ съ угорскимъ королемъ Альбрехтомъ противъ польскаго ко-
роля Владислава, добивавшагося чешской короны ²⁾. Этотъ антаго-
низмъ между Поляками и Литовцами сильно проявлялся и при
преемникѣ Сигизмунда, при великомъ князѣ и польскомъ королѣ
Казимирѣ: „стала брань великая и неприязнь межи паны литов-
скими и лацкими, а панове литовскіи зваснившись гербы ихъ имъ

¹⁾ Привилегію 15 окт. 1432 г., которой Длугошъ не помѣстилъ въ своей исторіи (вѣроятно умышленно), сообщилъ изъ древней рукописи по-польски Н. Малиновскій въ польскомъ переводѣ хроника Б. Ваповскаго II. 207. Луцкую привилегію см. въ *Codex epistolaris saec. XV, t. I. pag. 77*; Архивъ югозападной Россіи I. 5. № 1; *Inventarium privilegiorum in arce Стасов. (Paris 1862, p. 271)*. Собраніе грамотъ Вильны, № 4. Слова луцкой привилегіи: „*ecclesias ruthenicis seu ritus graeci nec demoliri, nec in ecclesias romanae ecclesiae converti faciemus sen permittemus, neque aliquem hominem ritus graeci praedicti cujuscunque sexus seu status ad fidem romanae ecclesiae violenter compellemus*“—звучать какъ самообвиненіе и всенародное покаяніе короля и его польскихъ пановъ рады за ихъ прежнія дѣйствія въ русскихъ земляхъ.

²⁾ См. письмо Сигизмунда Альбрехту 1439 г. (*Codex. epistol. saec. XV, t. II. p. 402*). Срв. „Славяне“ III. 84.

(паномъ ляцкимъ) отослали, а своими старыми печатовать стали, и много злого мыслили межи собою чинить, и король Казимиръ въ то ся пильно вложилъ, и много самъ господарь о томъ мыслилъ, поки ихъ звелъ у згуду“¹⁾.

Великій князь Казимиръ въ привилегіи 1457 г., изданной (по-русски и по-латыни) на имя „прелатовъ духовныхъ и свѣтскихъ князей (княжатъ, *ducum*), пановъ (рытеровъ, *bagonum*)²⁾, шляхтичовъ (шляхты, *nobilitatis*), бояръ (*bojagogum*), мѣщанъ (мѣстичовъ) земель великого княжства литовского и руского, жемойтского“, пожаловалъ имъ какъ ихъ отчичъ и дѣдичъ опять всѣ права и вольности прелатовъ, княжатъ, пановъ (рытеровъ), шляхты, мѣсть коруны польской, относительно свободнаго владѣнія ихъ отчинами, свободнаго выѣзда за границу, правильнаго суда, прикрѣпленія ихъ подданныхъ селянъ къ землѣ и освобожденія отъ многихъ государственныхъ повинностей и отъ непосредственнаго великокняжескаго суда. Кажется, что привилегія пожалована католикамъ и православнымъ³⁾. Эта привилегія подтверждена и размножена преемниками Казимира, великими князьями Александромъ (1492) и Сигизмундомъ (1506, 1522). Александръ между прочимъ предоставилъ „панамъ радѣ“ литовскимъ большое вліяніе на политическія дѣла относительно сохраненія цѣлости

¹⁾ Литовско-русская лѣтопись, изд. Нарбутомъ, 58; срв. его же *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII.

²⁾ Паны, рытеры, *bagones* назывались тогда въ Польшѣ высшіе сановники земскіе, члены королевскаго вѣча (прежніе кмети); срв. „Славяне“ I. 145.

³⁾ Слова русскаго текста „право христіанское“ „обычай христіанскій“ переданы въ латинскомъ текстѣ привилегіи (и въ ея подтвержденіи 1492 г.) „*jus catholicum, ritus catholicus*“, а слова „прелаты, костелы (тоже: церкви), кляшторы“ едва-ли могутъ означать тоже православные. Только въ литовскомъ статутѣ 1529 г. говорится прямо, что господарь король и великій князь хочетъ „обдаровати правы хрестіянскими всемъ прелатомъ, княжатомъ, паномъ хоруговнымъ, велможнымъ рыцеромъ повышоной шляхте и всему нопольству и ихъ подданымъ, а тубылцомъ земли великого княжства литовского, которого бы колвекъ стада и стану были, вси ихъ права и привіля костельные такъ литовского закону яко кгреческого“ и

границъ государства, сношеній съ иностранными державами, изданія законовъ, пожалованія и отнятія урядовъ, завѣдыванія финансами и пр. Такимъ образомъ и въ Литвѣ власть государя сдѣлалась ограниченной панами радою, какъ это было и въ Польшѣ, гдѣ королевская власть ограничивалась сенатомъ и депутатами шляхты.

Слова привилегій о судѣ въ извѣстныхъ дѣлахъ „въ подлугъ обычая и права коруны польскоѣ—*juxta consuetudinem et jura sicut in regno Poloniae*“ могли примѣняться въ жизни не всегда, такъ какъ въ Литвѣ и литовской Руси было свое обычное право литовское и русское. Паны рада, хотя они и добивались политическихъ правъ польскихъ пановъ, все-таки весьма оберегали Литву и ея право отъ разныхъ притязаній „чужоземцевъ“ Поляковъ. Иванъ Литаворъ Хребтовичъ, наивысшій маршалокъ литовскій, вручая новому великому князю Александру мечъ, потребовалъ отъ имени всѣхъ пановъ литовскихъ, чтобъ великій князь справедливо правилъ и судилъ „не по обычаю итальянскому, чешскому, нѣмецкому, а по истинному литовскому и по примѣру Витовта“¹⁾. Въ Литвѣ и въ литовской Руси обязательно было право русское, какъ оно является въ разныхъ юридическихъ актахъ и отчасти изложено въ судебникѣ великаго князя Казимира 1468 г., содержащемъ въ себѣ главный образъ судопроизводство относительно татбы²⁾. Кромѣ этихъ общихъ привилегій и судебни-

пр. Въ русскомъ языкѣ привилегіи (по списку начала XVI в., см. Акты западной Россіи I. № 61, Владимірскаго - Буданова, Христоматія по исторіи русскаго права II, 23) третье изд., Кіевъ, 1887 г., замѣтно довольно сильное вліяніе польщины: панство, прелаты, паны, княжата, рытере (рыцере), шляхта, мѣщане, врядники, костель, княшторъ, моць, парсуна, привилеи, стацыи, обѣцуюмъ и слобуюмъ, шлотъ или стадо (*pieć, stadło, sexus*) и пр.

¹⁾ Decius: De Jagellonum familia (Срасов. 1521, р. 49); отсюда взялъ Стрыйковскій Кроника, р. 667.

²⁾ Языкъ этого судебника (Акты запад. Россіи I. № 67; Владимірскаго - Буданова, Христоматія по исторіи русскаго права, II) гораздо чище, чѣмъ языкъ привилегій 1457 г.; польское вліяніе замѣтно развѣ въ словѣ „шибѣница“.

ка для всего государства литовско-русского, великіе князья узаконяли юридическія отношенія разныхъ лицъ, корпорацій, сословій, земель, волостей, городовъ особыми привилегіями, грамотами жалованными, уставными, льготными и др. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени Александра Витовта, но большая часть издана во второй половинѣ XV в. Казимиромъ Владиславовичемъ, и подтверждены потомъ его преемниками Александромъ и Сигизмундомъ. Въ этихъ привилегіяхъ, пожалованныхъ землямъ смоленской, полоцкой, витебской, кіевской, волинской и др. узаконяются разныя постановленія древняго русскаго права (смоленскаго, полоцкаго, витебскаго, кіевскаго, волинскаго и др.), но вмѣстѣ съ тѣмъ и новые порядки, возникавшіе подъ вліяніемъ польскаго права ¹⁾. Въ этихъ привилегіяхъ и вообще въ другихъ грамотахъ и юридическихъ памятникахъ XV в. и начала XVI в. является болѣе или менѣе всесословная земля или волость (болѣе въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, наименѣе въ Волинѣ), князья, бояре, горожане, старосты и старцы, намѣстники, воеводы, тивунны, дѣтскіе и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ и новые польскіе порядки и сословные интересы шляхты, княжата, паны, земяне-шляхта (добрѣ уроженный шляхтичъ), освобожденные отъ многихъ государственныхъ повинностей, мѣщане—мѣстичи, урядники, маршалокъ, староста и воевода (польскіе), воеводство, повѣтъ, замокъ, соймъ (старое вѣче, но потомъ только сходка шляхты, поль. *sjem*, *wejm*), статутъ, и пр.; разные древнерусскіе юридическіе обычаи и постановленія, напр. соки, ябедники, лицо-поличное, головщина, выдавка—выдача—выдащина, полюдьё, и пр. ²⁾. Въ этихъ при-

¹⁾ Привилегіи изданы особенно въ Актахъ западной Россіи, тоже въ сборникѣ Дзялынскаго; см. М. Ясинскаго, Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства (Кіевъ 1889), срв. тоже Бестужева-Рюмина Русская исторія II. 61 — 87, Владимірскаго - Буданова Христоматія II.

²⁾ Выдавка, выдачка и пр. встрѣчается часто во всей югозападной Руси, въ земляхъ смоленской, полоцкой, витебской, слонимской, подляпской, кіевской (и жмудской), не только въ этихъ привилегіяхъ, а также въ другихъ актахъ XVI вѣка. Выдача русская —

вилегіяхъ, пожалованныхъ русскимъ землямъ нѣтъ, конечно, мѣста для вѣроисповѣдныхъ притязаній католицизма—какъ господствующаго исповѣданія, и православные русскіе владыки приводятся вмѣстѣ съ князьями, боярами, землянами и шляхтою, и въ привилегіяхъ даже прямо исключаются всѣ такія вѣроисповѣдныя притязанія; такъ уже въ вышеупомянутой привилегіи луцкой (1432), потомъ въ смоленской привилегіи, гдѣ великіе князья Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ общаются, „штожь намъ хрестіянства греческаго закону не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити“; подобно тому тѣ же великіе князья общаются Витблянамъ: „Которыя будутъ, Литвинъ або Ляхъ, крещены были у Витебску въ рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестіянскаго ни въ чомъ не ломити“. Наибольше проникли польскіе порядки въ Воынь, землю на границѣ коронной Руси; здѣсь уже отдѣлены суды наиѣтниковъ отъ судовъ старостъ, по польскому праву судей по дѣламъ уголовнымъ, для „разбою, квалту, шляхетскоѣ раны, пожоги“; шляхта собиралась въ Луцкѣ „на соймъ на зборъ“, и судилась „водле права земли воыньское“ до тѣхъ поръ, „коли права статута увъ отчизнѣ нашей уставимъ, тогда вси земли наши одного ся права держати мають, и однимъ правомъ сужоны будутъ подлѣ статута“.

Уже по такимъ разнымъ грамотамъ XV и XVI вв. можно замѣтить постепенное распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ русскихъ земляхъ. Князья и бояре пріобрѣтали права польской шляхты, принимали гербы и хоругви (т. е. знамена) и названія: шляхта, шляхтичи, паны, рытере, земляне, шляхта хоругвовная (уже въ 1438 г.), которая должна доказывать официально свое шляхетство (уже въ 1507 г.). Названія *паны*,

тоже, что чешское вданіе, взданіе (срв. Н. Jireček *Slovanské právo* I. 178, II. 217, срв. „Славяне“ I. 177). Въ словѣ витебской привилегіи „выдадутъ ся *въ колцѣ* оба“ (Владимірскаго-Буданова, Хрестоматія II. 49) нельзя предполагать *кольцо*—коло, община (Иловайскій *Ист. Россіи* III, 615), а *въ колцѣ* (*колицѣ*), т. е. въ сколько (сколько) денегъ.

шляхта, *земле* постепенно вытѣсняли старинное русское названіе знати *бояре*—прежде всего въ западныхъ земляхъ русскихъ, въ волынской и подляшской, потомъ въ кievской, всего позже въ полоцкой, витебской, мстиславской (напр. въ 1551 г. еще: князи, панове, хоружіе, и вси бояре шляхта). Древнее русское слово бояринъ какъ-то не хотѣло долго уступить новымъ польскимъ словамъ—панъ, шляхтичъ, земянинъ; поэтому до половины XVI в. бояринъ все еще то же, что шляхтичъ, земянинъ, какъ это видно изъ упомянутыхъ земскихъ привилегій, не только подлинныхъ, а тоже ихъ подтвержденій; такъ напр. и въ подтвержденіи кievской привилегіи (1529 г.) въ кievской землѣ находимъ все еще „князи и панове и бояре и земяне, вся шляхта кievская“; въ подтвержденіи полоцкой грамоты (1547 г.)—бояре, въ другихъ грамотахъ—князи и бояре витебскіе, полоцкіе, мстиславскіе, городенскіе, пинскіе, слонимскіе и др., а въ другихъ—бояре шляхта; король Сигизмундъ (1534) рѣшаетъ о нѣкоторыхъ боярахъ полоцкихъ, что, подобно тому какъ ихъ отцы были „бояре люди добрыи шляхта, а не слуги городови, и мы мѣли ихъ за бояръ шляхту“, такъ и ихъ сыновей „маемъ за бояръ людей добрыхъ шляхтичовъ“¹⁾. Также и на югѣ около Винницы и Бряцлавля встрѣчаются еще въ половинѣ XVI в. бояре въ смыслѣ шляхты, земянъ, („подлѣйшіе земяне не будучи урожоними боярами шляхтою, боярами называются“, 1545 г.); но болѣе на западѣ, на Руси Черной, подляшской, волынской знать уже называется повсюду земяне, шляхта. Со второй половины XVI в., когда большая часть литовско-русскаго боярства сдѣлалась земянствомъ, шляхтою наравнѣ съ польскою шляхтою, слово *бояре* въ имѣніяхъ государственныхъ, духовныхъ и панскихъ стало означать людей свободныхъ, не-шляхтичей, не-тяглыхъ, обязанныхъ только къ извѣстнымъ повинностямъ, преимущественно къ военной службѣ (бояре панцерные), или къ службѣ замковой и посылочной — путной

¹⁾ Срв. напр. обширный списокъ литовско-русской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литовской, кн. 21 (по варшав. копии кн. 201, стр. 1—150). О земянахъ въ Литвѣ см. статью Малиновскаго въ ж. Тека Wileńska 1857, I.

(бояре замковые, путные, служки). Такие бояре встрѣчаются до XVIII в., особенно въ пограничныхъ королевскихъ староствахъ, по городамъ и селамъ, рядомъ съ другими служилыми людьми, напр. козаками, и съ людьми тяглыми, или въ особыхъ боярскихъ селахъ ¹⁾).

По образцу польскому учреждались въ Литвѣ и Руси новые уряды (должности), или древнерусскія должности получали новыя названія, или наконецъ древнерусскія названія получали новыя значенія. Такие урядники (поль. urzędnicy) или даже честники (поль. и назов. szestnicy, по-латин. honogati) по образцу польскому являются въ литовско-русскомъ государствѣ уже съ конца XIV в., преимущественно же въ теченіе XV и въ началѣ XVI вѣковъ, не одновременно во всѣхъ земляхъ, какъ-то воеводы (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ), кастеляны, старосты (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ и позднѣе судей), маршалки, канцлеры, гетманы, подскарбіе, писари и др. Воеводы и кастеляны являются прежде всего въ собственной Литвѣ, именно въ Вильнѣ и въ Трокахъ (1413), между тѣмъ какъ эти урядники въ остальныхъ земляхъ русскихъ встрѣчаются позднѣе, какъ воеводы въ Кіевѣ (1471), въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Новгородкѣ, Смоленскѣ, Подляшѣ (въ началѣ XVI в.), наипозже (1566) въ Минскѣ, Мстиславѣ, Берестѣ, Волинѣ и Бряцлавѣ; намѣстникъ Жмуди назывался староста, но былъ такимъ-же воеводою-намѣстникомъ. Воеводства раздѣлялись на повѣты. Пока не учреждены воеводства и не назначены были воеводы, управляли землями древнерусскіе намѣстники и ихъ помощники тивуны; въ другихъ городахъ (замкахъ) и земляхъ правили старосты-намѣстники по образцу польскому, какъ это было и на Руси польской (карпатской), и на Руси литовской, напр. подольской (еще подъ литовскимъ владычествомъ), воынской, кіевской; Александръ Витовтъ, занявъ въ концѣ XIV в. Подолье, „посажалъ на всѣхъ подольскихъ зе-

¹⁾ Срв. напр. описи (люстраціи) королевскихъ имѣній въ русскихъ земляхъ въ XVII в. (Źródła dziejowe V., Архивъ югозападной Россіи VI, и др.).

шляхъ и городахъ свои старосты^а, какъ рассказываетъ литовско-русскій летописецъ; такіе старосты-наместники были въ южной Руси еще раньше, въ Подольѣ при Коріятовичахъ, и позже въ Волинѣ при Швитригайлѣ, въ кievской Украинѣ въ началѣ XVI вѣка, въ Кременцѣ, Луцкѣ, Бряцлавлѣ, Винницѣ, Хмельникѣ, Черкасахъ, Каневѣ и др. Со временемъ такіе старосты-наместники вообще сдѣлались — опять по образцу польскому — королевскими и великокняжескими наместниками-судьями по уголовнымъ дѣламъ, старостами „городовыми“; власть такихъ старостъ опредѣляется уже въ уставныхъ грамотахъ воынской и бѣльско-подляшской (подтверждены въ 1501 г.), въ послѣдней—такими словами: „Нашъ староста ено чтеры артыкулы на замку ма судить: о розбитыѣ альбо о злупеньѣ на добровольной дорозѣ альбо о крадежѣ, коли хто кгвалтомъ на чый домъ найдетъ, о дѣвичьемъ альбо о невѣстьемъ кгвалтѣ, о пожогу“^а. Позднѣе, послѣ люблинской уніи, число такихъ городовыхъ старостъ по воеводствамъ опредѣлено ближе. Кромя этихъ старостъ пограничныхъ и городовыхъ встрѣчаются въ литовско-русскомъ государствѣ — по образцу польскому — тоже старосты негородовые, пожизненные пользователи (державцы, *tenutarii*) и правители королевскихъ имѣній—старосты. Древне-русскіе воеводы (тысячскіе) сохранились до половины XV в., какъ помощники наместниковъ и старостъ, напр. въ Луцкѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ¹⁾. Въстѣ съ воеводами по образцу польскому являются въ началѣ XV в. (1413) въ Вильнѣ и въ Трокахъ кастеляны—паны; въ другихъ воеводствахъ встрѣчаются такіе кастеляны гораздо позже, съ 1566 и 1569 годовъ. Изъ другихъ урядниковъ литовско-русскаго государства и двора, по образцу польскому, является *канцлеръ* уже около Витовта и Швитригайла, а постоянный канцлеръ литовскій съ 1446 г., подканцлеръ (подканцлерій) съ 1566 года; *маршалокъ* великій (министръ двора) съ 1411 года, а *маршалокъ* надворный или

¹⁾ Срв. выше, стр. 82, 85, и въстѣ съ тѣмъ слово воевода означало тоже военнаго предводителя вообще: *herzog Lingwen und andere unseere woiwoden* — пишеть Витовть маршалу тевтонскаго ордена (1407 г.).

дворскій съ 1494 года, маршалокъ земли волинской съ 1470 года (до образованія волинскаго воеводства наивысшій урядникъ волинской земли), *гетманъ* великій (военный предводитель) съ 1497 г., а гетманъ полевой (польный) съ начала XVI в., *подскарбій* великій съ 1454 г. (а раньше еще подскарбій у Швитригайла), а надворный съ 1486 г. (поль. *скарбъ*—казна), а также и другіе литовскіе урядники: хорунжій, писарь (тоже по-руски дьякъ), подчашій, подкоморій, крайчій, кухмистръ, ловчій, чашникъ, конюшій, мечникъ, отчасти урядники по образцу польскому и съ польскими названіями, отчасти старинные русскіе и съ русскими названіями ¹⁾.

Эти земскіе и придворные урядники великаго княжества литовскаго составляли совѣтъ великаго князя, древнерусскую думу боярскую, въ родѣ польскаго сената; они уже рано стали называться по-польски *рада*, *паны рада*. Съ этою радою, съ воеводами, кастелянами, старостами, намѣстниками, маршалками, канцлеромъ и подканцлеромъ, гетманомъ, подскарбіемъ, подчашіемъ и другими урядниками, и съ князьями и панами, которые въ то время находились около великаго князя, и съ католическими епископами Литвы, великій князь совѣщался о разныхъ государственныхъ дѣлахъ; власть и вліяніе этой *рады* дѣлались все сильнѣе на дѣлѣ и по праву, подобно власти польскаго сената, тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ долго не могло образоваться представительство шляхты, изба пословъ (палата депутатовъ), на подобіе такой избы въ Польшѣ. Образованію такого представительства мелкой шляхты и ея вліянію на государственный дѣла мѣшали тѣ же паны рада, аристократическая олигархія, не смотря на всѣ привилегіи великихъ князей о правахъ шляхты на соймы (поль. *sejmy*): если шляхта и собиралась на такіе соймы—общіе и земскіе (напр. волинская), то болѣе какъ свидѣтели рѣшенія великаго князя и пановъ рады ²⁾. Такая рада, паны рада, находились не только

¹⁾ См. J. Wolff: Senatorowie i dygnitarze w. ks. litewskiego 1386—1795 (Kraków 1886).

²⁾ Разницу соймовъ литовскихъ и польскихъ характеризовалъ въ 1 пол. XVI в. литовскій канцлеръ и виленскій воевода Войтъкъ

около великаго князя литовско-русскаго, но тоже около нѣкоторыхъ другихъ удѣльныхъ князей; такъ напр. около великаго князя Швитригайла († 1452), когда онъ княжилъ въ Волинѣ и временно также въ Кіевѣ, были паны рада: маршалокъ земскій волинскій и другіе маршалки, канцлеръ, подканцлерій, подскарбій, старосты, воеводы и другіе князья и паны волинскіе (и кіевскіе), все—православная Русь, а также православный владыка луцкій; у князя Александра Володимировича († 1454), „государя отчича кіевскаго“ были въ „радѣ“ князья, паны, бояре, маршалки, воеводы; у князя Ивана кобринскаго (1479) въ „радѣ“ были бояре, и пр.

Новые порядки, которые создавались въ Литвѣ именно въ сословіи шляхетскомъ, являются узаконенными въ ея уложеніи или, какъ оно названо на польскій ладъ, въ *статутъ литовскомъ*, въ трехъ его редакціяхъ 1529, 1566 и 1588 гг. ¹⁾ Въ первомъ статутѣ государь великій князь литовскій подтверждаетъ прелатамъ, княжатамъ, панамъ хоруговнымъ, шляхтѣ (называемой изрѣдка тоже бояре шляхта), „такъ латинскаго (римскаго) закону яко греческаго“, всѣ ихъ права и привилегіи; шляхта земляне отправляетъ военную службу, занимаетъ уряды, владѣетъ свободно своими имѣніями, отчизнами-дедизнами и выслугами, на которыхъ были поселены селяне мужики, кмети, люди вольные и похожіе и подданные, тяглые, отчизные, хлопы, челядь, закупы. Но шляхта все еще не пользуется вліяніемъ на законодательство, которое находится въ рукахъ государя великаго князя и пановъ рада. Государь и паны рада на соймѣ составляютъ наи-

Гаштовтъ такими мѣткими словами: *Nostrae longe aliter absolvuntur conventiones, et quidquid per majestatem regiam concluditur et dominos, nobilitas hoc nostra exequatur necesse est. Vocamus quidem ad nostros conventus etiam nobilitatem tanquam honoris gratia, re vera autem ut singulis palam sit, quidquid concluderimus* (Stadnicki: *Olgierd i Kiejstut*, p. 100).

¹⁾ См. Леонтовича (о русской правдѣ и литовскомъ статутѣ, 1865), Чарнецкаго (Исторія литов. статута, 1867); Владимірскаго-Буданова (о третьемъ литов. статутѣ и московскомъ уложеніи, 1877), и др.

высшій судъ; въ остальномъ судять воеводы, старосты, державцы (прежніе тивуны), маршалки, съ участіемъ землянъ. Въ статутъ являются рядомъ съ древнерусскими терминами: бояре, тивуиъ, дѣтскій, приставъ, люди тяглые, сябры, копы, соки, круговая порука, сводъ, лице, головщина, и пр., тоже новые польскіе термины, напр. названія сословій и урядниковъ, княжата (и князья), паны, шляхта-земляне, иѣщане, кмети, хлопы, воевода, староста, державца, маршалокъ, а также названія: сойшъ, повѣтъ, уфала (ухвала), рокъ завилый, посагъ, и пр., не говоря уже о польской терминологіи военной (хоруговъ, шихъ, гетманъ, хоружій и др.), ремесленной (гафтаръ, маляръ, мураль, машталеръ, и др.), о словахъ въ родѣ кгвалтъ, рѣчь посполитая (res publica), тестаментъ, персона, екзекуторъ, прокураторъ, комисаръ, артыкулъ, и пр.

Между тѣмъ, со временъ изданія этого перваго статута, шляхта въ Литвѣ добивалась, по примѣру польской шляхты, все болѣе правъ и приобрѣтала ихъ; на сеймахъ 1559 — 1565 гг. она приобрѣла право, которымъ пользовалась польская шляхта уже давно, т. е. выбирать себѣ судей повѣтовыхъ и на соймкахъ или сеймикахъ воеводства и повѣтовъ пословъ (депутатовъ) на вальный сойшъ, который съ тѣхъ поръ состоялъ не только изъ верхней палаты, сената (пановъ рады, въ томъ числѣ и епископовъ католическихъ, но не православныхъ), а также изъ выбираемыхъ пословъ земскихъ. Виѣсть съ тѣмъ король и великій князь Сигизмундъ Августъ особымъ закономъ (1563) уничтожилъ препятствіе въ приобрѣтеніи шляхетства, заключавшееся въ городельскомъ привилегіи, постановивши, что не только католики, но и всѣ другія лица христіанской вѣры, Литва и Русь, приобрѣтаютъ всѣ права шляхетскія. По поводу этихъ важныхъ переменъ въ государственномъ устройствѣ Литвы оказалась потребность исправить и дополнить статутъ; въ этотъ *второй* литовскій статутъ 1566 г. вошли эти новые порядки по образцу польскому: земскіе суды въ повѣтахъ съ судьей и подсудкомъ, писаремъ и вознымъ (стар. дѣтскій), съ земскими судебными книгами; градскіе или замковые суды съ старостою во главѣ и съ градскими книгами; граничные суды съ подкоморіемъ и коморниками; соймники по воеводствамъ и повѣтамъ, гдѣ осѣдая тамъ шляхта выбирала по-

словъ на вальный соймъ: „на которые соймники мають зъезджати ся и бывати тые воеводове и каштелянове, вриадники земскіе, потому жъ князове, панове, шляхта того же повѣту и воеводства, а намовляти о всѣхъ потребахъ земскихъ и долеглостяхъ оного повѣту и воеводства, и обирати пословъ своихъ, то есть отъ каждаго суду земского, колько ихъ у томъ воеводствѣ будетъ, по двѣ особы, послати на соймъ“¹⁾).

Со временъ воцаренія Ягайловичей въ Польшѣ переселялись многіе Поляки, шляхта изъ Мазовіи и изъ Польши, особенно Малой, то же изъ карпатской Руси, въ литовскую Русь. На сѣздѣ въ Городлѣ (1413) польская шляхта разныхъ гербовъ приняла католическую шляхту литовскую въ „братство и родство“; такимъ образомъ распространились въ Литвѣ польскіе гербы: Лелива, Рава, Топоръ, Грыѣ, Повала, Помянъ, Налэнчъ, и др. Много Поляковъ участвовало въ военныхъ походахъ Витовта противъ Татаръ и сѣверной Руси²⁾. Но по смерти Александра Витовта

¹⁾ Первый и второй статуты тогда не напечатаны, хотя Сигизмундъ Августъ въ 1568 г. говорить, что „друкованье того статуту рускимъ языкомъ безъ мѣшканья маеть быти учинено“. Первый статутъ, вмѣстѣ съ современными переводами латинскимъ и польскимъ, напечатанъ (латиницею) только Дзялынскимъ (*Zbiór praw litewskich*, 1841), и по другой рукоиси во Временникѣ москов. общества исторіи, кн. 18 (1854). Второй статутъ напечатанъ въ томъ же Временникѣ, кн. 23 (1855); современный польскій переводъ второго статута не напечатанъ и встрѣчается въ многочисленныхъ рукописяхъ въ разныхъ библиотекахъ. Герменегильдъ Иречекъ напечаталъ первый литовскій статутъ въ своемъ сборникѣ *Svod zákonův slovanských*; онъ думаетъ, что литовскій статутъ написанъ Чехомъ, жившимъ въ Литвѣ, или Литвиномъ (Русскимъ), знавшимъ чешскій языкъ и стиль; но это мнѣніе Иречка и то же Палацкаго совсѣмъ произвольно.

²⁾ Такъ напр. Витовтъ въ занятомъ имъ Смоленскѣ „посади свои намѣстники Ляхы, и тѣмъ Ляхомъ предаеть градъ держати“ (И. С. Р. Л. IV. 145); въ войскѣ Витовта на его походѣ противъ Москвы было „vil volnes us Polen, hauptman der Polen herzog Switergail“ (*Codex epist. Vitoldi*, 136); такъ и въ войскѣ Витовта противъ Новгорода 1428 г. (Другошъ IV. 364). Другошъ говорить, что Витовтъ non enim alterius nationis nisi Poloniae homines, per omne

антагонизмъ Польши и Литвы перешелъ въ открытую вражду и войну, и взаимныя отношенія польскихъ и литовскихъ пановъ значительно охладѣли; литовскіе паны не хотѣли признавать городельской уніи, возвращали — какъ уже сказано выше — принятые тогда гербы; а между Поляками и Русскими проявлялась въ этихъ войнахъ нерѣдко закоренѣлая вражда народная и вѣроисповѣдная ¹⁾. Эта нелюбовь всѣхъ обывателей великаго княжества литовско-русскаго, католическихъ литовцевъ и православныхъ Русскихъ, къ Полякамъ поддерживалась и раздувалась разными обстоятельствами, пограничными спорами и столкновениями, стремлениями Поляковъ къ болѣе тѣсному присоединенію Литвы къ Польшѣ, неохотою многихъ Поляковъ, женившихся на Литовкахъ и пріобрѣтшихъ въ Литвѣ поземельную собственность, подчиниться литовскому праву, и пр. На литовскихъ сеймахъ часто раздавались жалобы на безправіе, наѣзды, грабежи, причиняемые пограничнымъ литовскимъ земьянамъ со стороны Поляковъ и Мазовчанъ. Литовцы считали Польшу чужою землею и Поляковъ „чужеземцами“, которымъ не дозволяется въ Литвѣ владѣть имѣніями и занимать уряды; если нѣкоторые Поляки вслѣдствіе браковъ съ литовскими и русскими княжнами и шляхтянками пріобрѣтали имѣнія въ Литвѣ, то это считалось незаконнымъ и вызывало всегда большое неудовольствіе среди Литовцевъ ²⁾. Только въ 1564 г. на сеймѣ варшавскомъ разрѣшено пріобрѣтать имѣнія Полякамъ въ Литвѣ и Литовцамъ въ Польшѣ. Исключеніе составляетъ литовская пограничная область Подляшье; эту землю уже во второй половинѣ XV в. наполняла польская шляхта, и она скоро

tempus aetatis suae visus est in honore amplissimo et reverentia habuisse. О Ляхахъ въ южной Руси см. Архивъ югозападной Россіи VII. 2, стр. 95.

¹⁾ Срв. обширный рассказъ Длугоша о событіяхъ по смерти Витовта (XI книгу).

²⁾ См. такіе акты въ сборникѣ *Zbiór praw litewskich*, въ Актахъ запад. Россіи (напр. II, № 144), въ Актахъ южной и зап. Россіи (напр. I. № 101), введеніе къ I т. 2 части Архива югозапад. Россіи; *Mozbach: Początki unii lubelskiej* (Poznań 1872).

потребовала и польское право. Но остальная Литва съ какою-то гордостью постоянно указывала на то, что она „подъ право польское, которое собѣ земляне (подляшского) повѣту бѣльскаго упростили, не подданы суть панове рада и вся земля литовская, але овшемъ зъ него вызволены“. Подляшье освободилось уже въ концѣ XV в. отъ литовскаго права, и хотя оно все еще составляло часть Литвы, заняло здѣсь рано нѣсколько исключительное положеніе, какъ раньше и въ большей степени ополяченная земля.

Подляшье, земля „подъ Ляхами“ — узкая полоса земли на восточной границѣ Мазовша между среднимъ Бугомъ и Нѣманомъ, гдѣ города: Мухободы, Соколовъ, Венгровъ, Лосичи (Łosice), Межирѣчье (Międzyrzecze), Мельникъ, Дорогичинъ (Drohiczyń), Брянскъ, Бѣльскъ, Суражъ (Саражъ), Бѣлостокъ, Гонязъ (Ганязъ, Ганезъ, поль. Goniądz), Тыкотинъ (Тукосин), Кышинъ, Райгородъ (Rajgród), и др. Въ этой землѣ съ древнѣйшихъ временъ сосѣдствовали Ляхи (Мазовшане), Русь и Литва. На сѣверозападѣ Райгородъ, Гоньондзъ; Тыкоцинъ, Цехановець, Высокій Мазовецкій, Августовъ — города польскіе, отчасти старые города мазовскіе; на юговостокѣ но Бугу, Нарви и Бобрѣ жили отрасли русскихъ Дреговичей; въ XII — XIII вв. и вѣроятно еще раньше были здѣсь русскіе города Бѣльскъ, Каменець, Кобринъ, Дорогичинъ, Мельникъ, Берестье (Берестій) и др. Въ сѣверномъ Подляшьѣ жили литовскіе Ятьвяги (поль. Jątwegi), которые въ XIII в. соединенными силами Руси и Ляховъ были почти совсѣмъ истреблены ¹⁾. Подляшье лишилось во второй половинѣ XVI в. берестьевской земли, изъ которой образовано (1566) особое воеводство.

Изъ-за Подляшья спорили потомъ Польша, Мазовія и Литва; послѣдняя наконецъ одержала верхъ. Мѣста истребленныхъ Ятьвяговъ въ сѣверномъ Подляшьѣ заняли Ляхи-Мазуры (Мазовшане) и Русь ²⁾. Въ этой колонизаціи Подляшья важное мѣсто

¹⁾ См. выше, стр. 5, 150.

²⁾ До сихъ поръ черезъ бывшее Подляшье идетъ этнографическая граница народовъ польскаго и русскаго, начиная съ Лосичей къ Дорогичину, Брянску, Бѣльску, Суражу, Бѣлостоку, Кышину, Гонязу, Райгороду, Августову. См. выше, стр. 5.

занимала мелкая шляхта мазовская, которая вообще распространялась далеко на востокъ въ русскія земли по Бугу и Днѣстру, въ Русь холмскую, белзскую, карпатскую, подольскую. Эта мазовская шляхта поселялась также въ русскомъ Подляшьѣ, среди русскаго народа и боярства, и оставаясь вѣрною своему католицизму и своей народности, распространяла польскую народность на востокъ среди Руси; поэтому и въ Подляшьѣ встрѣчается много мѣстностей съ такими же названіями, какъ въ сѣднихъ земляхъ Мазовша, въ визской, ломженской, нурской и др., также и селенія Мазуры ¹⁾.

Вслѣдствіе такой сильной мазурской колонизаціи случилось въ Подляшьѣ то же самое, что и въ польской Руси карпатской, т. е. польскій элементъ рано одержалъ здѣсь верхъ—именно среди землянства. Но такъ какъ Подляшье продолжало составлять часть литовско-русскаго государства, то польскій элементъ долго не могъ здѣсь пріобрѣсти такого положенія и значенія, какъ напр. на Руси Червоной и подольской, и принужденъ былъ долго пользоваться правомъ литовско-русскимъ, употреблять въ публичной жизни русскій языкъ, и пр. Также и нѣкоторые древнерусскіе учрежденія и порядки сохранились на Подляшьѣ до XVI вѣка, напр. сябры, выдачка, дани грошовыя, медовыя, бобровыя, куничныя (рядомъ съ новымъ чиншею), и пр. ²⁾. Такъ какъ польской

¹⁾ Объ этой мазурской колонизаціи см. статьи Гюгера въ журн. Biblioteka Warszawska 1873, III, Niwa 1878.

²⁾ Приводимъ здѣсь изъ Метрики литовской (по варшав. списку кн. 195, стр. 96) примѣръ древнерусской выдачики (см. выше, стр. 181) на Подляшьѣ въ началѣ XVI вѣка: „Жаловалъ передъ нами земининъ бѣльскій Михалъ Гальшовскій на судью бѣльского на пана Юрія Рачка тымъ обычаемъ: Люди бѣльского повѣта забяли ми сына моего безвинне, и я о томъ жаловалъ господару его милости, и е. м. писалъ до него, абы ми съ тыми людьми о головщину сына моего справедливость вчинилъ; и онъ съ тыми людьми и до сихъ часовъ справедливости ми невчинилъ. И панъ Рачко мовилъ передъ нами: Съ тыми людьми господарскими было ему въ той головщине право, и тыи люди того ся справили; на тыи люди онъ головщину недовелъ, а я ихъ нашолъ въ томъ правыхъ, и въ книги земскіи то

шляхты на Подляшь все прибывало, то она требовала своего польскаго права, которымъ она и руководилась. Короли и великіе князья Казимиръ и Александръ признали только существовавшіе порядки, пожаловавъ подляшской шляхтѣ въ земляхъ дорогичской, мельницкой и бѣльскаго польское право—привилегіями, изданными на языкахъ русскомъ и латинскомъ. Такимъ образомъ съ конца XV в. и съ начала XVI в. на Подляшь вошло въ употребленіе право польское корошное; нѣкоторые остатки прежняго права уничтожены поздиѣе, въ 1547 г., и Подляшь уравниено въ правѣ съ короною (Польшею). Но еще на люблинскомъ сеймѣ 1569 г. Подляшане жаловались, что, не смотря на всѣ привилегіи, все еще требуютъ отъ нихъ старыхъ повинностей, и просили снять съ нихъ „литовское рабство“ ¹⁾.

Вслѣдствіе распространенія польскаго права на Подляшь тамошнее землянство сдѣлалось и по праву шляхтою, со всѣми привилегіями польской шляхты; къ ней прикнули тоже нѣкоторые русскіе бояре; а слово „бояринъ“ стало означать человека свободнаго, но не-шляхтича; подляшскіе бояре исчезаютъ впро-

записано. И тотъ Михаль мовиль передъ нами: Тому права невчинилъ еси мнѣ съ тыми людьми, перевелъ ми тое право. И панъ Рачко мовиль передъ нами: Естли дей буду тебе съ тыми людми несудяль, и ихъ въ томъ правыхъ ненашолъ, шлю ся до книгъ съ десяти копъ грошей. И на то шапку свою передъ нами ставиль, и тотъ Михаль до книгъ на томъ непослалъ ся, и мы въ томъ пана Рачка нашли правого“. Около этого времени (1507) королева вдова Елена получила Бѣльскъ, Саражъ и Брянскъ „съ бояры и слугами путвыми и людьми тяглыми и данники, съ даньми грошовыми и медовыми и бобровыми и куничными, и съ капщинами и съ мытными пѣнязьми и съ чиншы“ (Акты зап. Россіи I. № 8).

¹⁾ Привилегія бѣльская 1501 г. (русская и латинская); въ ней упоминается тоже дорогичская привилегія Казимира и Александра, но извѣстная только въ подтвержденіи Сигизмунда 1516 г.; мельницкой привилегіи не знаемъ, но несомнѣнно была и такая. См. *Zbiór praw litewskich* 82, 118, Акты западной Россіи I. № 189, *Volamina legum* I. p. 174 (петербург. изд.), литовскую Метрику по варшав. списку, кн. 213, p. 758, кн. 217, p. 577, Дневникъ люблин. сейма, изд. Кояловича, 274, 290.

чемъ рано въ подданномъ людѣ. Съ начала XVI в. подляшская шляхта—почти вся польская, и послѣдній разъ, кажется, упоминаются русскіе земляне около 1500 г., когда въ дорогичской землѣ въ какомъ-то спорѣ изъ-за границъ присягаютъ „земляне Ляхи и Русь, Ляхове на своей святости, а Русь на своей святости“¹⁾. Имена подляшской шляхты и ихъ сель пишутся въ актахъ латинскихъ и русскихъ по большей части по-польски: Gabriel, Gałazka, Rabiszewski, Zadambie, Czarny las, Moczydła, Ирыкъ (т. е. Юрикъ), Бартошъ, Якубъ, Миколай, Альжбета, князь (т. е. попъ, поль. ksiądz) Якубъ и др.; многія польскія названія мѣстностей на русскомъ Подляшьѣ остались до сихъ поръ польскія, напр. Drohiczyn (Drohiczyn) — Дорогичинъ, Łosice — Лосичи и др. Въ огромномъ количествѣ польскихъ именъ подляшской шляхты встрѣчаются русскія имена очень рѣдко, напр. Iwan filius Daszko, Chwietko filius Michaelis, Костюшко (т. е. Константинъ) Костомолотскій, Петръ Монюшко, Григорей Тимофеевичъ, Васко Глуковский, Федоръ Витблянинъ (т. е. изъ Витебска), Федко (Хведко) Дашковичъ, Олехъ Скрипокъ, Григоръ Почута, и др. Были ли эти мелкіе земляне около 1528 г. еще „Русь“, не говорится; но если они и были католики и Ляхи, то они, подобно червонорусскому землянству, вѣроятно дома говорили еще на русскомъ нарѣчій или скорѣе на какой-то польско-русской смѣси, равнымъ образомъ какъ они еще употребляли и въ публичной жизни, на судахъ и сеймикахъ, языкъ русскій. Только „бояре“ приводятся иногда какъ люди „греческого и римского закону“; они носятъ русскія имена: Грынъ Саковичъ, Тарасъ Кобятичъ, Федко Ивашковичъ, Иванко Милошевичъ, и др.²⁾

¹⁾ Метрика литовская (по варшав. списку) кн. 192, стр. 54.

²⁾ Срв. подробный списокъ подляшской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литов. (варшав. списокъ кн. 201, стр. 69 — 188), именно шляхты мельницей (37), дорогичской (246), бѣльской (688) и бояръ бѣльскихъ (78). Въ литовской Метрикѣ записано множество подляшскихъ актовъ; акты одного столѣтія (1469 — 1569) наполнили бы большой томъ. Нѣсколько актовъ, напечатанныхъ въ статьѣ Як. Головацкаго: Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ

Польское право ввело въ Подляшье всѣ польскіе порядки; вмѣсто намѣстниковъ въ отдѣльныхъ земляхъ съ начала XVI в. (1513 — 1514) является воевода—онъ управлялъ подляшскимъ воеводствомъ, раздѣленнымъ на три земли,—старосты, судьи и подсудки, писари, возные (вмѣсто бывшихъ дѣтскихъ, которые извѣстны еще въ 1526 г.), подкоморіе, коморники, войскіе и кастелянъ (этотъ только съ 1566 г.). Всѣ эти урядники должны были быть — по крайней мѣрѣ по подтвержденію дорогичской привилегіи 1516 г.—католиками. Суды и судебныя книги были городскіе и земскіе, и нерѣдко говорится, что надо судить „водле статуту права писаного польского“, и что къ шляхтѣ не относится литовское право; судебныя позвы должны были писаться только на латинскомъ языкѣ, что однако не всегда соблюдалось. Мужики на Подляшьѣ стали называться по-польски кмети (кмѣти, kmetones) ¹⁾, а иногда, какъ православные, тоже „Русины“ (въ русскихъ актахъ), „Rutheni“ (въ латинскихъ актахъ)—въ противоположность „Поляку, землянину (terrigena)“. Повинности сельскаго люда съ теченіемъ времени значительно усилились; между тѣмъ какъ при Витовтѣ „вшелькій кмѣтъ робилъ зъ волоки 14 дни презъ еденъ рокъ“, въ концѣ XV в. „зъ волоки на тый день миль робить еденъ день“. „Пѣнязе“, „копы грошей“, употребляемыя на Подляшьѣ, были „литовское монеты“, но тоже „личбы лядьской“. Важнымъ средоточіемъ русской народности и православія на Подляшьѣ былъ монастырь супрасльскій, основанный въ 1500 г. на рѣкѣ Супрасль православнымъ русскимъ паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходковичемъ, воеводою новгородецкимъ и великимъ маршалкомъ литовскимъ—„для богомолья нашего и памети душъ зошлыхъ родителей моихъ и всего роду нашего богу милому ку чти и хвалѣ и миѣ грѣшному на вѣчную

по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, вновь напечатаны въ Актахъ виленскихъ, 1890, т. 17), относятся собственно не къ Подляшью, а къ городенскому повѣту, который не входилъ въ Подляшье; въ статьѣ напечатанъ только одинъ подляшскій актъ (изъ книгъ дорогичскаго земскаго суда) 1558 г., о которомъ см. ниже.

¹⁾ Такъ и въ жмудской привилегіи 1492 г.: кмети, kmetones.

паметь.“ Сынъ его Григорій, кастелянъ виленскій и великій гетманъ литовскій, пріютилъ у себя московскихъ типографовъ Ивана Москвитина и Петра Мстиславца, и основалъ въ Забудовѣ недалеко отъ Супрасля типографію, или, какъ онъ ее называлъ на польскій ладъ, „варстатъ друкарскій“, гдѣ въ 1568—1569 гг. напечатано Евангеліе на словѣнско-русскомъ языкѣ „на почестъ и похвалу Господу Богу и къ наученію людемъ христіанскимъ закону нашего греческаго“¹⁾).

Не смотря на то, что на Подляшѣ рано распространилось польское право вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, въ публичной жизни подляскаго воеводства, которое все еще входило въ составъ Литвы, а не Польши. Въ первой трети XVI в. въ подлясскихъ судахъ употреблялся преимущественно языкъ русскій, потомъ латинскій; такъ многочисленныя распри подлясской шляхты въ судахъ земскихъ и градскихъ, апелляціи къ королю—великому князю, королевскіе декреты 1538 — 1546 гг., числомъ нѣсколько тысячъ,—всѣ латинскіе²⁾. Но и прежній офіціальный русскій языкъ литовско-русскаго государства сохранялъ за собою значеніе и среди польской шляхты Подляшья. Король - великій князь по-

¹⁾ О супрасльскомъ монастырѣ см. вилевскій Археограф. Сборникъ IX, гдѣ помѣщено много русскихъ грамотъ Ходковичей. Въ этомъ монастырѣ хранилась между прочимъ драгоценная словѣнская рукопись XI в., которая въ началѣ нашего столѣтія взята отсюда М. Бобровскимъ (см. Ж. М. Н. П., 1887, окт. и нояб.: П. О. Бобровскій, Судьба Супрасльскаго рукописи; срв. еще тамъ же, 1888, апр. Замѣтка его-же) и нынѣ находится отчасти въ варшавской бібліотекѣ графовъ Замоискихъ (см. Варшав. университет. Извѣстія 1872, № 4), отчасти въ бібліотекѣ люблянскаго лица, куда попала съ бібліотекою В. Копитара. Эта супрасльская рукопись издана Миклошичемъ (1851). О забудовскомъ евангеліи см. „Славяне“ II. стр. 600. Григорія Ходковича называетъ королева Барбара Радзивилловна въ письмѣ матери 1549 г.: „Wilk chowany a Rusin chrzestopu djabłu się godzi“. (A. Przewdziecki: Jagiellonki polskie I. 325).

²⁾ Записаны въ Метрикѣ литовской, кн. 35, 42, 47, 55, 58 (по варшав. списку, кн. 207—216).

сылалъ изъ своей канцеляріи русскіе акты подляшскимъ урядникамъ и землянамъ, издавалъ русскія земскія привилегіи, мѣстскія— на нѣмецкое право и др. грамоты; такъ напр. грамоты, касающіяся городовъ Дорогичина, Клещелязей (Клещелей), Нарви, Августова и др.—русскія или латинскія; русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, даже въ актахъ, относящихся къ католическимъ „князьямъ“ (т. е. попамъ, поль. ksiądz) въ нѣкоторыхъ городахъ. Русскій языкъ подляшскихъ актовъ, писанныхъ въ королевско-великокняжеской канцеляріи или въ шляхетскихъ судахъ, носитъ на себѣ часто отпечатокъ мѣстнаго нарѣчія и вліянія польскаго языка—мазурскаго нарѣчія, больше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ русскомъ официальномъ языкѣ литовской канцеляріи. Такъ напр. русскій текстъ бѣльской привилегіи 1501 г. обнаруживаетъ значительное вліяніе польскаго языка; этотъ текстъ писалъ или польскій землянинъ, не знавшій хорошо русскаго языка, или русскій землянинъ, поддавшійся вліянію польскаго языка, и въ этомъ актѣ слово „Русинъ“ означаетъ, какъ уже замѣчено, прямо „кмѣта“ (мужика), а „Полякъ“ синонимъ „землянина“: кды бы нѣкоторый съ землянъ былъ обвиненъ презъ Русина; естли бы нѣкоторый Русинъ позвалъ Поляка; Русиноу на ся жалуючимъ; естли бы кмѣтъ отъ землянина хотѣлъ ити, и пр. Въ бѣльской привилегіи встрѣчается много польскихъ словъ, писанныхъ русскимъ письмомъ, но невозможныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, напр. ниць, праца, обротить (поль. obrócić), быдлетя (род. пад., поль. bydłecia), банде (поль. będzie, мазур. bandze, bandzie), хцуицы (chcący), вѣнцей (więcej), допушайчъ (dopuszczając), и пр. ¹⁾. Земляне гонязскіе (Гонязъ—Goniądz), чистые Мазуры, предъавляя жалобу на Радзивила по-русски, описывали границы своей земли на томъ же языкѣ, но по неволѣ примѣшивали и

¹⁾ Приводимъ изъ 3 „Члонка“: „Если бы жена не хтjala звротить вѣно, теды право близкости и тежъ часть отцовску тратить, а не матчинску, въ которыхже ту часть мяла была; тыле едно, бы не мяла родицовъ, братью ани сестры, гдѣжь теды ко взроценью того вѣна не банде повинна“.

польскія слова: весь (wieś, рядомъ съ обыкновеннымъ село), прилучить (поль. przyłączyć), на служиць кмети, и пр. Въ приказѣ короля Сигизмунда Августа пану Николаю Кишкѣ, старостѣ дорогичскому (1558), писанномъ въ великопольскомъ Петровѣ, замѣтно вліяніе русскаго нарѣчія (всихъ, дилати, дыеть) и вліяніе польское (земяние, себие, небеспіечни) даже съ извѣстнымъ „мазуреньемъ“, т. е. употребленіемъ *ц* вмѣсто *ч*, *с* вм. *ш*, *з* вм. *ж* (стось = штожь, казесь = кажешъ, кѣдись = кдыжь, гросей = грошей).

Подляшская шляхта, употребляя свой польскій языкъ или, на сколько знала, латинскій, отвыкала мало-по-малу отъ официальнаго русскаго языка и добивалась его замѣны роднымъ языкомъ польскимъ ¹⁾. Такое требованіе было вполнѣ основательно, такъ какъ въ половинѣ XVI в. на Подляшѣ русской шляхты не было; самъ король Сигизмундъ Августъ уже въ 1547 г. въ отвѣтъ подляшской шляхтѣ употребилъ, какъ исключеніе, не языкъ русскій или латинскій, а польскій. На сеймѣ въ Вильнѣ 1565 г. подляшская шляхта обратилась къ королю съ просьбою по-польски, чтобъ акты изъ королевской канцеляріи посылались въ Подляшье на языкахъ латинскомъ или польскомъ, такъ какъ тамъ не знаютъ уже русскаго письма; король отвѣтилъ по-польски, что изъ его канцеляріи пишутъ по-русски по древнему обычаю, какъ это водится во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ, чтобъ въ Подляшье писалось изъ его канцеляріи иногда тоже по-польски. Скоро послѣ того, въ 1568 г., дорогичинская шляхта на сеймѣ въ Городнѣ вновь просила короля, чтобъ изъ королевской канцеляріи посылались имъ акты латинскіе или польскіе, а не русскіе; но король на этотъ разъ отвѣтилъ по-русски, что по древнему обычаю изъ королевской канцеляріи должны быть „листы писанные и выдаваны рускимъ писмомъ и языкомъ по всему панству его королевской милости великому князству литовскому“. Въ 1569 г. на сеймѣ въ Люблинѣ Под-

¹⁾ Такъ напр. описи староствъ брянскаго и саражскаго (1558), кнышинскаго (1561), города Нарви (1560)—составлены по-польски.

лишь присоединено прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и въ этой королевской привилегіи, изданной по-польски, не говорится уже о русскомъ языкѣ и письмѣ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ польскій элементъ и языкъ вполне одержалъ верхъ на Подляшѣ; о прежнемъ официальномъ языкѣ русскомъ нѣтъ ни слуху, ни духу; только если оказывалась надобность, переводились старые русскіе акты на польскій языкъ ²⁾.

Больше и дольше, чѣмъ среди подляшской шляхты, сохранилась Русь на Подляшѣ въ городахъ — *мѣстахъ*, которыя съ XV в. устраивались здѣсь на правѣ нѣмецкомъ (магдебургскомъ, желменскомъ, сродскомъ); это право замѣнило господствовавшее до тѣхъ поръ въ городахъ право литовское и русское. Такъ устроены мѣста Высокій Мазовецкій, Лосичи, Мукободы, Соколовъ, Дорогичинъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Мельникъ и др. Въ городахъ-мѣстахъ жили Ляхи и Русь, — термины, означавшіе не только народность, а также вѣроисповѣданіе: католиковъ и православныхъ (*Graeci seu Rutheni*). Сначала находили иногда препятствія къ принятію Русскихъ во вновь устроенное по нѣмецкому праву „мѣсто“, какъ это бывало и на польской Руси; но вскорѣ фактическое положеніе народностей на Подляшѣ-помѣшало прижненію такихъ препятствій. Такъ напр. въ Бѣльскѣ, по привилегіи Витовта (1430), мѣщане могли быть только католики, Нѣмцы и Поляки; но тѣмъ не менѣе въ концѣ XV в. жили въ томъ городѣ и Русскіе, и въ 1501 г. магдебургское право распространено на всѣхъ мѣщанъ обоихъ обрядовъ, латинскаго и греческаго; въ Лосичахъ въ началѣ XVI в. жили „люди лядскіи и рускіи“, и были „волоки лядскія и рускія“; въ Дорогичинѣ магдебургскимъ правомъ поль-

¹⁾ См. Метрику литовскую (по варшав. списку) кн. 214, pp. 1311 (напечаталъ тоже Hubert: *Pamiętniki historyczne, Warszawa 1861, I. 60*), 1413, кн. 217, p. 577; *Volumina legum* (изд. петербург.) II. 77.

²⁾ Вѣроятно послѣднія русскія строки, вышедшія изъ шляхетской среды Подляшья — это русскія и польскія замѣтки пана I. Трызны (1567 г.) въ его экземплярѣ Рея *Wizerunek*; срв. варшав. *Ateneum 1888, III. 535*.

зовались (1494 г.) Ляхи и Русь, и въ городъ различались „сторона лядская“ (лѣвый берегъ Буга) и „сторона русская“ (правый берегъ), хотя и на лядской сторонѣ были православныя церкви; на происхождение дорогичскихъ и др. мѣщанъ указываютъ иногда ихъ прозвища: Русинъ, Словакъ, Чехъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ должны были и православныя Русскіе платить десятину католическому священнику, какъ напр. въ Дорогичинѣ, Суражѣ, Бранскѣ ¹⁾. Въ городахъ сохранился православный и потомъ униатскій русскій элементъ болѣе, чѣмъ среди шляхты, но и въ городахъ одержала верхъ, какъ вообще на Руси литовской, польщизна, особенно когда сила русскаго православія на Подляшѣ рухнула подъ тяжестью церковной униі, и единственнымъ убѣжищемъ православія на Подляшѣ остался монастырь яблочинскій на Бугѣ. Униаты часто дѣлались прямо католиками, а тѣмъ самымъ и Поляками; такъ напр. въ Высокомъ Мазовецкомъ была когда-то церковь православная, потомъ униатская, но только для нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній: въ самомъ городѣ не было униатовъ, но что тамъ прежде жили и Русскіе, видно по названіямъ: русскій рынокъ (ring, площадь), русская улица. Также и въ Тыкоцинѣ была еще въ XVII в. православная церковь и нѣкоторое количество русскихъ жителей, съ половины этого столѣтія уже униатовъ. Менѣе всего поддался вліянію простой русскій народъ Подляшья, въ южной части по Бугу малорусскій, въ сѣверной части за рѣкою Наровью бѣлорусскій, сначала православный, потомъ униатскій; со временемъ нѣкоторыя униатскія селенія сдѣлались католическими и польскими.

8. *Люблинская униа и ея вліяніе на отношенія литовско-русскаго вел. княжества къ Польшѣ. Укорененіе польскихъ порядковъ въ Литву и югозападной Руси. Распространеніе польскаго элемента и вліяніе польскаго языка въ ущербъ рус-*

¹⁾ См. акты (изъ Метрики литовской) у Поцѣя: *Dziesięcina na Rusi*.

скому элементу и языку. Культурное значеніе польскаго вліянія въ литературѣ и просвѣщеніи; въроисповѣдное движеніе (распространеніе протестантизма). Польскій языкъ въ западной Руси.

Люблинская унія 1569 г. произвела важныя перемены въ отношеніяхъ литовско-русскаго великаго княжества къ Польшѣ, къ коронѣ. Послѣ долгихъ и бурныхъ препирательствъ между Поляками и литовско-русскою аристократіею, которая не желала тѣсной уніи Литвы съ Польшею, эта унія все-таки осуществилась, главнымъ образомъ при помощи литовско-русской шляхты, добывавшейся и добившейся тѣхъ же самыхъ правъ, какъ и шляхта въ коронѣ. Полякамъ удалось наконецъ осуществленіе давнишнихъ завѣтныхъ желаній, желѣнныхъ ими съ 1386 г., но встрѣчавшихъ до 1569 г. непреодолимыя препятствія. Южнорусскія воеводства волынское, брянцлавское, кіевское, равнымъ образомъ какъ и воеводство подляшское, присоединены были прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и именно къ Малой, а ихъ сановники (католическіе епископы, воеводы, кастеляны) вошли въ составъ сенаторовъ польскихъ.

Остальная Литва съ такъ наз. Бѣлою Русью, т. е. воеводства жмудское, троцкое, виленское, полоцкое, витебское, мстиславское, минское, новгородское и берестьевское, слились съ короною-Польшею такъ, что лишились прежней самостоятельности. Литовскіе сенаторы (католическіе епископы, воеводы, кастеляны, маршалокъ, канцлеръ, подканцлеръ, подскарбій, маршалокъ дворный) вошли тоже прямо въ ряды коронныхъ сенаторовъ, составивъ съ ними одинъ сенатъ; послы (депутаты) литовскіе зашли въ избѣ (палатѣ) вмѣстѣ съ коронными послами Польши Великой и Малой и Прусіи. Польша и Литва сдѣлались однимъ государствомъ (рѣчь посполитая — *rzecz pospolita—res publica*), однимъ „народомъ“ (политическимъ), съ однимъ сенатомъ и съ одною избою посольскою ¹⁾.

¹⁾ См. дневникъ люблинскаго сейма, изд. Дзяльнянскимъ (1857) и Козловичемъ (1869), и разные акты 1569 г. въ *Volumina legum*.

Литва и ея русскія земли, присоединенныя къ коронѣ, за исключеніемъ Подляшья, сохранили однако свое старинное право, свой литовскій статутъ, который вскорѣ распространенъ и наконецъ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1588 г. ¹⁾ Король Сигизмундъ III подтвердилъ этотъ статутъ, какъ просили „панове рада и врядники наши, послы великого князства литовского на сойме вальномъ щастливое коронацши наше будучи, именемъ всихъ становъ обывателовъ вел. кн. литовского“ и приказалъ „тотъ статутъ новоправленный и привильями земскими, письмомъ польскимъ и рускимъ друковати, и въ поветы розеслати“. Изданіе русскаго статута (на польскомъ статутъ тогда изданъ не былъ) взялъ на себя литовскій подканцлеръ Левъ Сапега, который гордится, что у Литовцевъ есть „права списаные не обчимъ (т. е. чужимъ, поль. *obcym*) акымъ языкомъ, але своимъ власнымъ“; но такъ какъ „не каждый статутъ могъ мети, для трудного и долгого переписыванья, тогда и въ томъ той потребе каждого обывателя фольгуючи и пожитку речы посполитое служечи, важыломъ се того, тую працу на себе поднати, я кошту и накладу своего не жалуючи, и быхъ то въ друкъ подалъ, а дорогу лацнейшую и спаднейшую каждому ку ведомости права показалъ“. Вскорѣ послѣ того, когда въ Польшѣ учреждены трибуналы, т. е. наивысшіе суды (1578), учрежденъ былъ такой трибуналъ и для Литвы (1581); онъ раздѣлялся на двѣ части или репартиціи: виленскую (для воеводствъ виленскаго, троцкаго, жиудскаго, полоцкаго) и русскую (для другихъ воеводствъ). Для трехъ южнорусскихъ воеводствъ, присоединенныхъ къ коронѣ, учрежденъ сначала особый трибуналъ въ Луцкѣ, но скоро они были подчинены малопольскому трибуналу въ Люблинѣ (1589—1590) ²⁾.

¹⁾ Вновь перепечатанъ въ московскомъ Временникѣ, кн. 19 (1854). Эта третья редакція литовскаго статута принята безъ сомнѣнія тоже тремя южнорусскими воеводствами короны.

²⁾ Книги литовскаго трибунала хранятся въ центральномъ архивѣ виленскомъ; кое-что издается въ Актахъ виленскихъ, начиная съ XI т. Книги люблинскаго трибунала для южнорусскихъ воеводствъ волынскаго, брацлавскаго и кievскаго (и черниговскаго) хра-

Съ люблинской уніи 1569 г. Литва и югозападная Русь мало-по-малу сливались съ Польшею. Польскіе порядки, которые распространялись на Литву и на югозападную Русь (польскую и литовскую) уже въ XIV — XV вв., вкоренялись въ ней потому еще больше, и шляхта изъ Литвы и Руси, вполне уравненная въ правахъ съ шляхтою Польши, совѣщалась съ нею сообща на однихъ сеймахъ о дѣлахъ всей „рѣчи посполитой“ польской, по большей части въ Варшавѣ, но также въ Городнѣ въ Литвѣ. Повсюду въ Литвѣ и въ югозападной Руси уже давно существовали разные урядники по образцу польскому и съ названіями польскими, но съ уніи люблинской число ихъ определено точнѣе, а отъ старыхъ русскихъ урядниковъ осталось очень мало, напр. тивунъ или цивунъ, городничій, стольникъ, конюшій. Остальные великіе (государственные) урядники, сенаторы Литвы, были, какъ уже выше сказано, такіе же, какъ и въ Польшѣ, и назывались по-польски—воеводы, кастеляны, маршалки великій и надворный, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбіе великій и надворный, гетманы великій и полевой; дагѣ были надворные урядники, секретари, референдари, подкоморіе, писари, хоружіе (поль. *chorąży*), мечники, конюшіе и подконюшіе, кухмистры, стольники, подчашіе, крайчіе, подстоліе, чашники, ловчіе и др. Земскіе урядники по землямъ (воеводствамъ) были: тивуны (цивуны), маршалокъ, подкоморій, хоружій, судья и подсудокъ, и проч.

Съ половины XVI в. исчезаютъ въ Литвѣ и югозападной Руси многіе древніе порядки и замѣняются новыми польскими, какъ и вообще государственный строй всей „рѣчи посполитой“ принимаетъ на себя одинаковый характеръ вслѣдствіе общей политической и законодательной дѣятельности сената и посольской избы на общихъ сеймахъ польско-литовскихъ. Вмѣсто старинной серебрящины или серебрящины (посощины и подымщины) съ сохи и стариннаго полюдьа съ дыма встрѣчается поземельная

нятся въ главномъ архивѣ варшавскомъ; издано очень мало, напр. въ Архивѣ югозападной Россіи I. 6.

дань (поборъ) съ новыхъ изъ Польши принятыхъ полевыхъ иѣръ, съ лановъ, волокъ (поль. włoka), морговъ; но однакожъ на крайнемъ востокѣ и юговостокѣ эта дань взималась долго еще съ сохъ, такъ какъ земля не была еще измѣрена на волокы ¹⁾. На Литвѣ входятъ вообще въ употребленіе разныя польскія или въ Польшѣ принятая дани: чиншъ — цыншъ (поль. czynsz, изъ census, нѣ. zins), чоповое (поль. szopowe) вм. старой капщины (плата съ напитковъ) и пр. Вообще на Литвѣ и Руси долго встрѣчаются старыя порядки возлѣ новыхъ. Сельскіе грунты раздѣляются на волокы, морги и сохи; есть села (и по-польски wieś) и фольварки (дворы); съ волокъ или „гдѣ помѣры нѣтъ“ — съ дымовъ, дворницъ платится серебщизна и чиншъ, рублями и грошами, дани медовыя (меды), овсы дякольные (дякло), осыпъ, капщизна, дѣцкованье, пересудъ, куница, десятина; люди тяглые (и по-поль. ciabli, ciągli), хлопы отправляютъ роботы, панщину (панщизну), толоки и гвалты; по селамъ были войты (прежніе старцы, начальники войтовствъ, прежнихъ волостей) и лавники, но также древнерусскіе атаманы (ватаманы), тивуны (тивоны), десятники, копныя суды и пр. Платы и повинности сельскаго люда возбуждаютъ часто удивленіе къ финансовымъ талантамъ пановъ, которые, вмѣстѣ со своими арендаторами—жидами, нерѣдко вторгались со своею жадностью къ деньгамъ даже въ церковную область своихъ православныхъ подданныхъ и взимали разныя платы даже за церковныя требы ²⁾. Этотъ сѣрый сельскій людъ югозападной Руси поддался

¹⁾ „Серебщизна зъ сохи по 30 грошей“ одобрена на виленскомъ сеймѣ 1563 г.; „серебщизна (серебщина) господарская отъ сохи по полкопы“ въ Волынѣ 1566 г., но уже тогда постановлено, „абы вже серебщины не давано, только поголовщину“; „податокъ зъ волокъ и дымовъ гроши польскими“ 1576 г., и пр. О полюдіи см. выше, стр. 122, 175. Со второй половины XVI в. исчезаетъ въ Литвѣ русскій рубль.

²⁾ Срв. такія „идиллическія“ картинки изъ быта русскаго люда, нарисованныя современниками, у Шайнохи: *Dwa lata dziejów naszymych* 1646, 1648 (Lwów 1865 I. 110), и у Костомарова: *Богданъ Хмельницкій* (изд. 1870 г., стр. XL и дальше).

господствующему польскому вліянію очень мало и сохранилъ своей родинѣ—не смотря на отчужденіе высшихъ сословій—характеръ земли русской.

Старые города на Литвѣ и Руси обращались, какъ уже сказано, въ *мѣста*, новыя привилегированныя общины, изъятія изъ земскаго права и пожалованныя особымъ правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ ¹⁾). Такими „мѣстами“ сдѣлались города Вильна, Луцкъ, Володимерь волынской, Кремянецъ, Житомеръ, Кіевъ, Брацлавль, Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ, Берестье, Новгородокъ, Пинскъ, Могилевъ и др. Жители городовъ-мѣстъ были не только православная Русь, но также католики Литовцы и Ляхи, а далѣе, особенно въ южной Руси,—Волохи, Нѣмцы, Армяне, Татары, Жидаы. Названія „Русь“ и „Ляхи, Литва“ означали и въ городахъ не только народность, а также вѣроисповѣданіе, т. е. православныхъ и католиковъ; въ послѣднихъ исчезли, какъ это было и въ польской Руси, также Нѣмцы. „Ляхи и Русь“, „*fidei catholicae cultores et Rutheni*“—такъ опредѣляются часто уже въ XV в. мѣстичи въ Вильнѣ, Луцкѣ, Володимерѣ, Кремянцѣ, Острогѣ и др. ²⁾). Приверженцы обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій жили сначала въ хорошихъ отношеніяхъ, и даже случалось не рѣдко, что „Литвинъ або Ляхъ крещены были въ рускую вѣру“, какъ это было напр. въ Витебскѣ въ началѣ XVI в., и конечно такіе исчезали потомъ въ русскомъ большинствѣ. Мѣстское представительство было обыкновенно на половину—католики „закону римского, сторона лядская“ и на половину православные „закону греческого, сто-

¹⁾ О городахъ (мѣстахъ) югозападной Руси вообще см. Антоновича (Архивъ югозападной Россіи V. I и тоже его Монографіи), Владимірскаго-Буданова: Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ (1868), тоже Röpell: Über die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reiches ostwärts der Weichsel (1857), монографіи Вильны — Васильевскаго, Полоцка—Бѣльева, Витебска—Сапунова, Кіева—Антоновича, и др.

²⁾ Въ Кремянцѣ, по привилегіи Швитригайла (1438), войтъ долженъ судить Русина, Ляха, Нѣмца, Волошина, Арменина, Жида и Татарина; въ 1545 г. жители Кремянца были Чехи, Нѣмцы, Ляхи, Литва, Русь.

рона руская“. Мѣста въ литовской Руси получили нѣмецкое право не непосредственно изъ нѣмецкихъ странъ, а уже посредственно изъ Польши и польской Руси; нѣмецкое право было изъ доступно по польскимъ переводамъ, преимущественно по печатному польскому изданію Саксонскаго Зеркала Щербича; но дѣла рѣшались часто не по этому формальному праву нѣмецкому, а просто по обычному праву русскому. Вся терминологія мѣстскаго права и учреждений въ мѣстахъ югозападной Руси—нѣмецкая, но въ польской передѣлкѣ: мѣсто, мѣстичи-мѣщане, бурмистры, радцы (райцы), войтъ, лавники, ратушь, рынокъ, ортель, арморокъ, цехъ, цехмистры и др. и нѣкоторыя названія ремесленныхъ цеховъ: кушнеры, рымары, слѣсары, муралы, гарбари и др., но есть тоже кравцы, шевцы, ковали, мечники, котельники, теслы, гончары, сѣдлари, кожеяки, столяры, золотари, солодовники, маслобойники, купцы, рѣзники, крашанинники, шапочники и др. Впослѣдствіи, послѣ церковной уніи на Руси въ концѣ XVI в., начались и въ мѣстахъ Литвы и Руси споры и драки между уніатами и православными. Положенія членовъ православныхъ „закону греческаго“ въ мѣстскомъ представительствѣ и въ цехахъ (цехмистровъ) добивались уніаты, которые, съ помощью католиковъ, привилегій и конституцій, достигали обыкновенно желаемого положенія, и право относилось только „*oboju narodom, katolickiemu i greckiemu w jedności świętej z kościołem gzumskim będącemu*“, какъ говорится въ одномъ виленскомъ цеховомъ уставѣ 1666 года ¹⁾. Православные устраивали церковныя братства со школами и типографіями, въ которыхъ печатались книги „по грецку, по словацку (т. е. по церковно-словѣнски), по руску и по польску“, какъ говорится въ привилегіи короля Сигизмунда III виленскому братству. Польская народность,

¹⁾ Еще въ началѣ XVII в. (1615 г.) виленскіе католики и уніаты, мѣщане и священники, ссылаясь на королевскія привилегіи, протестовали противъ допущенія православныхъ старшинъ въ цехъ портныхъ и требовали однихъ только уніатскихъ старшинъ. (Акты виленскіе IX. 313).

польскій языкъ приобрѣли скоро господство и въ мѣстахъ югозападной Руси. До конца XVI в. въ мѣстахъ употребляется русскій языкъ, привилегіи на нѣмецкое право, разные королевскія грамоты, мѣстскія книги, уставы цеховъ и др. писаны на русскомъ языкѣ. Но съ начала XVII в. польскій языкъ въ мѣстахъ все болѣе распространялся и въ мѣстскихъ книгахъ, въ уставахъ и другихъ актахъ цеховъ; русскій языкъ встрѣчается, возлѣ польскаго, еще до тридцатыхъ годовъ XVII в., но гораздо рѣже польскаго; нерѣдко случалось, что и въ польскихъ актахъ русскіе мѣщане подписывались еще по-русски. Подобно тому, какъ русскій языкъ мѣстскихъ актовъ изобилуетъ польскими словами и оборотами, такъ и въ польскихъ актахъ встрѣчаются русскія слова, напр. *miechownicy*, *kraszalninnicy*, *porciszcze*, *porohy*, *liturgia*, *moleben* и др.

Послѣ люблинской уніи многіе шляхетскіе роды польскіе поселялись въ Литвѣ и Руси и дѣлались здѣсь урядниками. Такъ напр. Жолкевскіе, Замойскіе, Потоцкіе, Калиновскіе, Конецпольскіе, Любомирскіе, Яблоновскіе, Браницкіе и др. ¹⁾ Старинные роды литовскіе и русскіе мало-по-малу принимали тоже польскую народность и польскій языкъ, но все-таки сохраняли долго сознание своей политической народности, „литовской“ и „русской“, воспоминание о прежней своей господствующей роли на всемъ востокѣ „рѣчи посполитой“ отъ моря балтійскаго до чернаго. Эти паны „литовскіе“ и „русскіе“, католики, протестанты и православные, послѣ прекращенія династіи Ягайла смотрѣли съ недовѣріемъ и изъ-подлобья на искателей польской короны изъ „Нѣмцевъ“ въ родѣ Сигизмунда шведскаго или Максимилиана австрійскаго, и напротивъ благопріятствовали кандидатурѣ русскаго царя. „У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому языку никакъ добра не смыслить: и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государи?“—эти слова Радивиля и Глѣбовича, сказанныя московскимъ посламъ въ 1587 г. ²⁾, характеризуютъ политическія

¹⁾ Срв. Szajnocha: *Dwa lata z dziejów naszych*, I 10; Кулишъ: *Исторія воссоединенія Руси, I и Записки о южной Руси I. 84.*

²⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, VII, 296.

убѣжденія литовскихъ и русскихъ пановъ какъ нельзя лучше. Этотъ антагонизмъ Литвы и Руси къ Польшѣ, нелюбовь къ Ляхамъ и къ „Нѣмцамъ“, т. е. вообще къ западнымъ Европейцамъ, проглядываетъ также въ такъ называемой рѣчи Ивана Мелешка, которую сочинилъ какой-нибудь русскій юмористъ въ началѣ XVII в. во время царствованія „Нѣмца“ Сигизмунда ¹⁾. „Скорожь короли больше Нѣмцевъ якъ насъ улюбили, заразъ што наши старшіе собрали, то все Нѣмцомъ роздали нашиє господари. Пручь Зигмунта короля — того ничего въ люди личить, бо той Подляшье и Волянъ вынищилъ, Ляхомъ мануючися — але Зигмунта первого, солодая памѣть его, бо той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ ихъ хитростьи вельми не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ... Да уже у насъ зѣшались и по польску такъ умѣють говорити и все лихое королѣмъ паномъ рѣчи посполитой какъ могутъ было баламутать... Кажучи правду, не такъ виноватъ король, якъ гетые радные баламуты, што при нимъ сидятъ да крутятъ. Много тута гетакихъ есть, што хоть наша костка, однако собачимъ мясомъ обросла и воняеть; тые-то насъ деруть и за ихъ баламутнями не поживяться, рѣчу носполитую губять, и Волянъ съ Подляшьемъ пропалъ! Знаю, намъ приступило, што ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ болю. А коли бъ гетакого бѣса кулакомъ въ морду, забывъ другий птити. И то, милостивые панове, не мала шкода, слуги ховаемъ Лихи: давай же ему сукню хвалендышовую, кормижь его тлусто, а зъ нихъ службы не пытай, и только убравшися на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле и ходить, а зъ великого кубка трубить; ты пане за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты борщикъ, а слуга за пукатую штуку мяса; ты за фляшку, а онъ за другую, а коли слабо держишь, то онъ и ту зъ рукъ вырветъ. Только пильнуеть, скоро з дому ты, то онъ молчкомъ приласкается до жонки... И такого чертополоха зъ Нѣмцами выгнати, што до насъ влѣзли противъ праву нашему“ ²⁾.

¹⁾ О ней см. выше, стр. 165, пр.

²⁾ См. Акты южной и зап. Россіи, II, стр. 188.

Распространение польскаго элемента, его господства и вліянія, и языка на всей югозападной Руси происходило, конечно, въ ущербъ русскому элементу и языку. Польско-литовскіе радные паны могли уже въ первой половинѣ XVII в. (1637 г.) отвѣтить московскимъ посламъ, что „народъ польскій и литовскій, а владыца украинныхъ городовъ воеводы и старосты къ руському письму не звычайны: бо украинные города даваны людямъ рыцерскимъ, которые хоть у воинскихъ дѣлѣхъ знали ся и умѣли, а письма руського неучились“ ¹⁾. Вслѣдствіе такого недостаточнаго знанія русскаго языка у польскихъ должностныхъ лицъ въ Литвѣ происходили часто недоразумѣнія и затрудненія съ московскими послами и чиновниками, которые были большіе формалисты. Такъ напр. въ 1646 г., въ переговорахъ между польскими панамы и московскими послами, эти послѣдніе жаловались на разныя ошибки въ грамотахъ изъ Польши къ царю; польскіе паны извинялись, что такъ случилось не умышленно, и что писари пишутъ не зная русской рѣчи; московскіе послы удивлялись дательному падежу „самодержцы“ въ русской грамотѣ короля къ царю, что-де не правильно, даже не прилично, такъ какъ эта форма скорѣе множественное число; а правильный дательный падежь „самодержцу“, какъ пишется и въ грамотахъ изъ Польши; польскіе паны увѣряли, что въ ихъ польскомъ языкѣ формы „самодержцы“ (имен. пад. самодержца) и „самодержцу“ (имен. пад. самодержецъ) одно и то же; но если по-русски не такъ, то они впредь будутъ осторожны; вообще было бы лучше, еслибъ король писалъ царю по-польски, и еслибъ также изъ пограничныхъ городовъ писалось въ Москву по-польски; такимъ образомъ не было бы впредь никакихъ ошибокъ. Но московскіе послы отвѣтили: „Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ, и теперь, мимо прежнихъ обычаевъ, по-польски писать не годится; да у порубежныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ“ ²⁾. Такъ это и осталось, и дипломатическимъ языкомъ меж-

¹⁾ Акты западной Россіи V. 28.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи X. 136.

ду польскимъ королевствомъ и русскимъ царствомъ до конца XVII в. былъ русскій языкъ.

Распространеніе польскаго элемента на востокъ въ русскія земли имѣло важное значеніе *культурное*. Русь, подавленная страшнымъ татарскимъ разгромомъ и всѣми его злополучными послѣдствіями, задержана на долго въ духовномъ своемъ развитіи. Литературная дѣятельность на всей Руси была незначительна и ограничивалась преимущественно письменностью церковною, богословскою; свѣтская литература не особенно процвѣтала, и главную ея часть составляла лѣтопись. Эта небогатая письменность скрывалась еще долго послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ рукописяхъ и поэтому не могла быть доступною болѣе широкимъ кругамъ народа. Книги церковныя, библейскія, богословскія и литургическія для Руси стали печататься съ конца XV вѣка въ Краковѣ, Прагѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ, Кіевѣ и др. Разныя эти церковныя книги на языкѣ словѣнско-русскомъ составляли главную духовную пищу читающей Руси, прежде всего шляхты и духовенства. Но рано почувствовали на Руси потребность ввести и въ эту церковную письменность народный языкъ русскій, который употреблялся въ государственной и юридической жизни и въ незначительной свѣтской литературѣ: въ лѣтописяхъ, и въ другихъ сочиненіяхъ историческаго содержанія, въ романахъ и пр. Притомъ переводчики церковныхъ книгъ на народный русскій языкъ сначала не рѣшались вводить этотъ языкъ вполнѣ, а съ разною примѣсью, церковно-словѣнскою (русскаго и болгарско-волошкаго изводовъ), чешскою и наконецъ польскою; послѣдняя по мѣрѣ сильнѣйшаго ополяченія западно-русскаго языка пріобрѣла полное право гражданства тоже въ церковныхъ книгахъ русскихъ, замѣняя и пополняя „зацный, пенкный, звязный, суптельный“ языкъ церковно-словѣнскій ¹⁾.

Распространенію польскаго языка среди литовско-русской шляхты способствовало распространеніе въ Литвѣ и югозападной Руси протестантизма разныхъ сектъ, кальвинскаго, лютеранскаго,

¹⁾ Подробно см. „Славяне“ II. 595.

братскаго, социніанскаго. Къ этимъ новымъ вѣроисповѣданіямъ прикнули не только роды литовскіе католическіе, какъ напр. Радивилы, Пацы, но также православные роды русскіе или давно обрусѣвшіе, какъ напр. Ходковичи, Сопеги, Огинскіе, Воловичи, Зеновичи, Дорогостайскіе, Глѣбовичи, Пузыны, Гольшанскіе, Друцкіе, Соколинскіе, Головчинскіе, Чаплицы, Потѣи, и др. ¹⁾. Русскихъ протестантскихъ священниковъ не было, и попытка Буднаго, Крышковскаго, Негалевскаго — употребить русскій языкъ какъ орудіе протестантизма — скоро оказалась лишнею. Протестантскіе паны и шляхта въ Литвѣ и Руси приглашали къ себѣ священниковъ изъ Польши: Буднаго, Крышковскаго, Чеховича, Жачича, Хрѣнстовскаго и др., пользовались польскими книгами и сами издавали протестантскія книги на польскомъ языкѣ, печатавшіяся въ Берестѣ, Несвижѣ, Лоскѣ, Вильнѣ. Издатели прекрасной кальвинской библии на польскомъ языкѣ, напечатанной въ 1563 г. въ Берестѣ, иждивеніемъ Николая Радзивила (Radziwiłła), рассчитывали не только на читателей польскихъ, но также на другихъ Славянъ, преимущественно на Русскихъ; а польскія книги С. Буднаго, печатавшіяся въ Несвижѣ, служили не только Полякамъ, а тоже Русскимъ ²⁾. Изъ Польши переходили на Литву и Русь польскія библии и другія книги, и социніанскій священникъ Мартынъ Чеховичъ въ польскомъ Новомъ Завѣтѣ (въ Раковѣ 1577) прямо говоритъ, что онъ въ этой своей книгѣ ввелъ отдѣленія по русскому способу называемыя *зачала*, такъ какъ объ этомъ просили братья изъ русскихъ земель: въ ихъ рукописныхъ книгахъ нѣтъ обыкновенныхъ у протестантовъ и у католиковъ главъ.

Это новое вѣроисповѣдное движеніе въ Литвѣ и Руси составляло часть того культурнаго движенія вообще, которое тогда проникало съ запада на востокъ Европы при посредствѣ Польши. Русь по разнымъ причинамъ не могла участвовать въ духовномъ движеніи остальной, латинской Европы, — движеніи, которое прио-

¹⁾ См. Łukasiewicz: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie (Poznań 1842—1843, 2 t.).

²⁾ См. „Славяне“ II. 146—147, 152.

брѣтало именно съ XV в., со времянъ гуситства, все болѣе широкое содержаніе и объемъ. Науки и литература, отчасти освобожденныя отъ церковной опеки, стали съ успѣхомъ развиваться, и Полаки заняли въ этомъ отношеніи особенно въ XVI в., не послѣднее мѣсто среди народовъ Европы. Науки и литература разрабатывались въ Польшѣ, равнымъ образомъ какъ и въ остальной западной Европѣ, сначала на языкѣ латинскомъ, потомъ (именно литература) также на польскомъ, причеиъ научная дѣятельность находила въ высшихъ школахъ (университетахъ, академіяхъ) краковской, виленской и замостской свою опору. Въ Польшѣ издавалось множество книгъ латинскихъ и польскихъ разнаго содержанія, научныхъ и по изящной словесности, прозы и поэзіи. Католики и не-католики разныхъ сектъ основывали школы и типографіи, и всѣ они старались въ этомъ превзойти другъ друга ¹⁾.

Положеніе Руси было гораздо хуже. Русская литература XVI в. не могла похвалиться такими сочиненіями, какъ родственная ей литература польская, уже не говоря о латинской. Кроиъ церковныхъ книгъ на языкѣ словѣско-русскомъ и русскомъ было мало русскихъ сочиненій свѣтскаго содержанія: лѣтописей, романовъ, повѣстей и др.; да и эта часть русской литературы скоро очутилась въ зависимости отъ польской, и польская хроника М. Бѣльскаго стала и въ русскомъ переводѣ общиимъ достояніемъ русской литературы на западѣ и на востокѣ ²⁾. Кроиъ этой лѣтописной литературы на языкѣ западно-русскій переводились романы, повѣсти, легенды и другія произведенія книжниковъ, начинающія появляться въ югозападной Руси съ конца XV и начала XVI вѣковъ — то вслѣдствіе давнишнихъ сношеній Руси съ славянскимъ югомъ то опять вслѣдствіе сношеній Руси съ Польшею. Такимъ образомъ въ западно-русской пись-

¹⁾ О школахъ см. Łukasiewicz: *Historya szkół w Koronie i Litwie* (Poznań 1849—1851, 4 t.).

²⁾ См. „Славяне“ II. 425. Исправляемъ ошибку на стр. 116 (въ послѣдней строкѣ), гдѣ послѣ слова „уже“ пропущены слова: „въ западной Руси во время польскаго короля Сигизмунда Августа (въ 1565—1572 гг.) и списана потомъ въ Москвѣ“.

менности появились переводы съ сербскаго, напр. романы Тристанъ и Бово, съ польскаго, напр. легенда о св. Алексѣѣ, такъ назыв. евангеліе Никодима, повѣсть о трехъ короляхъ-чернокнижникахъ, повѣсть объ Атилѣ, и др. ¹⁾). Но всѣ эти сочиненія оставались въ рукописи; русскія типографіи служили преимущественно цѣлямъ церковнымъ, издавая книги церковныя, богословскія, полемическія и др. Этотъ недостатокъ, эту односторонность духовной пищи чувствовали и сознавали нѣкоторые просвѣщенные Русскіе. Въ началѣ XVII в. одинъ львовскій православный священникъ справедливо жалуется на недостатокъ школь и наукъ на Руси; вслѣдствіе такихъ печальныхъ обстоятельствъ Русь огрубѣла и попала подъ вліяніе болѣе просвѣщенныхъ Поляковъ въ ущербъ своей народности ²⁾). Въ такомъ смыслѣ высказывается тоже современникъ львовскаго священника, кіевскій монахъ Леонтій (1608); въ своей статьѣ о ересьяхъ на Руси онъ извиняется передъ читателями, что о другихъ авторахъ „я яко простакъ не вѣдаю, понеже разныхъ языковъ, одно такъ якъ имъ тутъ написалъ рускимъ языкомъ“ ³⁾). Нашлись и на Руси аскеты-ревнителі, которые защищали старинную простоту и осуждали всякія новости, приходящія на Русь отъ латинскихъ Ляховъ. Въ такомъ смыслѣ говоритъ современникъ и землякъ львовскаго священника, монахъ Іоаннъ изъ Вишни, который не переставалъ возставать противъ разныхъ поганскихъ латинскихъ хитростей ⁴⁾).

¹⁾ Срв. А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888), П. Владиміровъ въ Ж. М. Н. П. 1887, окт., стр. 250, А. Брюкнеръ въ Archiv für Slavische Philologie IX. 345. Въ западно-русской письменности были тоже повѣсти о Троѣ и объ Александрѣ Вел. („о богатырскихъ делехъ во Александрия и во Трои“ вспоминаетъ въ началѣ XVI в. Фр. Скорина). Въ библиотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ находилась западно-русская Александреида, какъ видно по каталогу; но теперь ея тамъ нѣтъ (срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 23); о другой западно-русской Александреидѣ 1697 г. вспоминаетъ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. (Кіевъ 1889). Польская Александреидъ, переведенная съ латинскаго, напечатана въ 1550 г.

²⁾ См. выше, стр. 133.

³⁾ Акты южной и западной Россіи II. 273.

⁴⁾ См. выше, стр. 131.

Простой монахъ изъ Вишни не нашель сторонниковъ для своего ученія. Югозападная Русь хорошо поняла, что съ опасною польско-латинскою пропагандою надо бороться равнымъ оружіемъ, просвѣщеніемъ и наукою, и что слабость Руси составляетъ недостатокъ науки и школъ. Это хорошо сознавали тогда, въ концѣ XVI в., оба вождя Руси, митрополитъ кievскій Михайль Рагоза и князь Константинъ Острожскій. Митрополитъ Михайль жалуется (1592), что „ученіе святыхъ писаній оскудѣ, паче же словенскаго російскаго языка, и вси человекы приложишася нестерпенному людскому писанію и сего ради въ различныя ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка“. Князь Константинъ Острожскій замѣтилъ, что Русь вообще и русская церковь въ особенности нуждается въ наукѣ и въ школахъ; такъ какъ „наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилось“ ¹⁾. Съ конца XVI вѣка Русь дѣйствительно старалась устранить этотъ недостатокъ, и стала заводить у себя, по образцу польскому, школы преимущественно при церковныхъ братствахъ; въ этихъ школахъ учили не только богословію и грамматикамъ языковъ греческаго, латинскаго, словѣнскаго, также русскаго и польскаго, но и разнымъ „наукамъ“ очень проблематическаго значенія, риторикѣ, діалектикѣ, философій, мусикѣ, ариметикѣ и др. ²⁾. Такія „русскія“ или „словенскія“ школы „науки еллинскаго и словенскаго письма, наукъ елино-словенскаго и латино-польскаго письма“ основаны въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Гошчѣ, Берестѣ, Минскѣ, Бѣльскѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и др. съ цѣлью—какъ выражаются кievскіе братчики—чтобъ „отрочата православныя не отъ чуждаго источника пиюще смертоноснаго яда западныхъ схисми

¹⁾ Акты западной Россіи IV, 42, 46. О культурномъ состояніи югозападной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. см. С. Голубева: Петръ Могила (Кіевъ 1883, I. 413), и Исторія кievской духовной академіи (Кіевъ 1886, I. 176), А. Архангельскій: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888).

²⁾ См. Голубева, Исторія кiev. духовной академіи I. 176, срв. „Славяне“ II. 594.

упившеса ко мрачно-темнымъ Римляномъ уклонятса“. Въ дѣлѣ основанія и даренія школъ русская шляхта, духовенство, мѣщане и козаки соревновали другъ другу. Князь К. Острожскій основалъ въ Острогѣ не только школу, а тоже типографію, изъ которой вышла первая полная печатная библия словѣнско-русская (1581); но скоро князь долженъ былъ жаловаться на „скудость учителей и научный голодъ“ въ своей школѣ. Князь Полубенскій щедро дарилъ виленское братство (1593 — 94) „на школу для науки руского письменья и греческого и латинского, для твиченья (пол. *świczenia*) и ученія въ оной школѣ дѣтей у наукахъ вшелякихъ, такъ языка греческого и словенского, яко и иныхъ“; козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный завѣщалъ (1622) братской школѣ львовской капиталъ „на науку, на выхованье учоного майстра въ греческомъ языкѣ бѣглого, церкви божой и дѣткамъ христіанскимъ народу россійскому потребного“. О кievской школѣ все заботились сами митрополиты, считая ее справедливо важнѣйшимъ училищемъ „всему православному народу россійскому“; позже (1632) эта школа соединена съ коллегію, основанною П. Могилою, и возведена потомъ (1701) въ академію. Латинскій языкъ занялъ въ этихъ школахъ выдающееся мѣсто, а въ кievской коллегіи-академіи преподавались почти всѣ предметы на латинскомъ языкѣ, какъ на языкѣ тогдашней европейской образованности вообще и кромѣ того—языкъ очень важнымъ и въ практической жизни Польши. Необходимость латинскихъ школъ, латинскаго языка для Руси усердно защищали сами Русскіе. Латинскій языкъ необходимъ, чтобъ нашей бѣдной Руси не называли глупою Русью, простаками, и чтобъ бѣдняжка Русскій на сеймахъ, сеймикахъ, судахъ понималъ, въ чемъ дѣло, и не подвергался пенямъ (*bez łaciny płaci winy*); языки греческій или словѣнскій никакъ не могутъ замѣнить латинскаго, тѣмъ паче, что латинскихъ книгъ въ разныхъ отрасляхъ науки много ¹⁾.

¹⁾ Sylwester Kossow: Exegesis to jest danie sprawy o szkołach kijowskich i winnickich, w których uczył zakonnicy religiej graeckiej (Kijów 1635), Euzeb Pimin (т. е. П. Могила): Lithos abo kamień z procy prawdy cerkwie św. prawosławnej ruskiej etc. (Kijów. 1644).

Такииъ образомъ пересажена и на Русь латинско-польская премудрость съ разными Минервами, Аполонами, Парнасами, Геликонами, средневѣковая схоластика со всѣми своими діалектическими и риторическими пустословіемъ, которое учило „малую часть амплѣфковати, розширати, придавати до ней приклады, подобенства, сентенціи, фѣгуры, учинити зъ малое части великую“: къ этому присоединялись безсодержательные диспуты, безвкусные вирши (стихи) и весь тотъ никому ненужный хламъ, который только затемнял, а не развивалъ мозги учащихся „спудеевъ“ (студентовъ), не обогащалъ ихъ никакими, полезными положительными знаніями. Напрасно книжники польско-католическіе и ихъ птенцы изъ русскихъ униатовъ насмѣхались надъ русскими школами, что въ нихъ только дымится, а не горитъ, и дѣти изъ телятъ становятся волами ¹⁾; и въ латинско-польскихъ школахъ іезуитскихъ и другихъ было не лучше, и изъ нихъ выходили тоже *asini asinorum in saecula saeculorum* ²⁾.

Коссовъ полагаетъ, что только школы дадутъ болѣе ученыхъ людей, и что тогда не будутъ правдой насмѣшки враговъ Руси: *Popi guscy głupi, nie umieją nic jedno az buki; kaznodziejów mało mają, mówić z nami nie umieją, dysputować, dyszkurować, poropn ruskim jak skały gryść.*

¹⁾ Эти слова принадлежатъ М. Смотрицкому (уже униату) въ его соч. 1629 г. *Exaetesis, Paгаeensis*; ихъ съ удовольствіемъ повторилъ униатъ Скумиковичъ (*Przyczynę rozgucenia disuniej.* 1643).

²⁾ Срв. мѣткій отзывъ о латинско-польскихъ школахъ у Костомарова: *Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой* I. 51 (3-е изд.). Недостатки школъ въ Польшѣ хорошо понималъ уже В. Татищевъ; срв. „Славяне“ II. 498. — Какую дребедень приходилось читать и выслушивать отъ кievскихъ профессоровъ и спудеевъ, можно видѣть напр. на „виршахъ“ 1622 и 1632 гг. (перепечатанныхъ въ „Приложеніяхъ“ къ Исторіи кiev. духовной академіи I). Вотъ напр. „вирши“, которые при открытіи кievской коллегии 1632 г. говорила напр. „Уравія“:

Ты южъ Атлгасъ, о Музо, перестань зъстарѣлымъ
Препшлымъ байкомъ вѣрити, внимай сердцемъ смѣлымъ:
Южъ не кроль мавританскій сѣеры модеруетъ,
Лечъ найвышшій монарха самъ небомъ керуетъ, и пр. и пр.
Срв. тоже „гексаметры“ Смотрицаго („Славяне“ II. 363).

Но не смотря на всѣ недостатки школъ того времени, Русь нуждалась въ такихъ школахъ—русскихъ православныхъ, чтобъ не отставать отъ своихъ согражданъ польско-католическихъ и чтобъ не быть вынуждаемою отдавать своихъ дѣтей въ латинскія, іезуитскія школы. Многие русскіе православные паны думали такъ, какъ бряцлавскій кастелянъ Василій Загоровскій, который въ своемъ завѣщаніи (1577) увѣщевалъ своихъ дѣтей, „абы письма своего руского и мовенья рускими словы и обычаевъ цютливыхъ и покорныхъ рускихъ не забачали, а набольшей вѣры своее греческого закона не опускали“; пусть они учатся прежде всего „русской наукѣ“, а потомъ латинскому языку, послѣ чего пусть отправляются въ Вильну къ іезуитамъ ¹⁾. Но это послѣднее обстоятельство сопровождалось вредными и роковыми для русской народности послѣдствіями, о которыхъ Загоровскій и другіе русскіе паны не подумали.

Польскій языкъ проникъ—послѣ присоединенія всей южной Руси къ Польшѣ (1569)—далеко на югъ, на нижній Днѣпръ, на Низъ, на Украину, т. е. въ земли у края польскихъ владѣній и Татаръ, къ тамошнимъ русскимъ поселенцамъ, которые изъ бродягъ мало-по-малу устраивались какъ военные колонисты, въ пограничныхъ староствахъ черкасскомъ и каневскомъ, также въ другихъ городахъ Украины: Бряцлавѣ, Винницѣ, Барѣ, Хмельникѣ, наконецъ далеко за порогами Днѣпра. Это—*козаки* (казаки) украинскіе и запорожскіе ²⁾. Украина и Запорожье считались на Руси и въ Польшѣ вообще военною школою, куда отправлялись не только паны русскіе, а тоже польскіе (напр. Самуилъ Эборовскій); за то В. Папроцкій справедливо восхваляетъ этихъ мужествен-

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи I. 1. стр. 67.

²⁾ „Козакъ“—слово татарское, разбойникъ; срв. выше, стр. 65 и 174. Въ 1493 г. „Черкасцы“ напали на московскихъ пословъ; въ 1499 г. „козаки“ въ Кіевѣ—люди, занимавшіеся торговлею рыбами; въ 1503 г. „козаки“ кіевскіе и черкасскіе. По Черкасамъ называли въ Москвѣ южнорусскихъ козаковъ, а потомъ Малорусовъ вообще—Черкасами. Слово „козакъ“ приняли тоже Поляки въ значеніи вольнонаемнаго воина, солдата вообще, см. *kozak* въ словарѣ Ливде.

ныхъ львовъ русскихъ, которые защищаютъ Польшу отъ Турокъ и Татаръ ¹⁾. Съ козаками, съ ихъ вождями, старостами черкасскими и каневскими, старшими и вообще съ ихъ „гетманами“, какъ эти вожди назывались на польскій ладъ ²⁾, съ Дашковичемъ, Тышковичемъ, Вишневецкимъ, Бадовскимъ и др. польскіе короли до второй половины XVI в. переписывались по-русски; но уже Стефанъ Баторій писалъ по-польски не только украиннымъ старостамъ въ Хмельникъ, Баръ, Брицлавль, Винницъ, Бѣлой Церкви, Черкасахъ, Каневъ, но также зарогозпум товојсом ³⁾. Также и козацкіе старшины въ концѣ XVI в. и еще болѣе въ XVII в. пишутъ королю и польскимъ и литовскимъ панамъ по-польски, именно: Палей, Полоусъ, Наливайко, Лобода, Дорощенко, Сулима, Петрыжицкій, Скиданъ, Хмѣльницкій, Выговскій, Ханенко, Сирко и др. Польскій языкъ употреблялся въ переговорахъ и договорахъ между Поляками и козаками, хотя послѣдніе говорили съ Поляками тоже по-русски. Козаки, сносясь и сталкиваясь постоянно съ Поляками, принимали отъ послѣднихъ многія учрежденія и ихъ названія, напр. гетманъ, обозный, хорунжій (choгажу), подскарбій, товариство и пр. Козацкіе старшины, не смотря на всю борьбу козаковъ и южно-русскаго народа съ Ляхами, вообще тяготѣли къ шляхетской Польшѣ, стремясь въ Украинѣ

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 170. Папроцкій (Herbu guscerstwa polskiego, wyd. 1584, p. 103) подробно описываетъ походы козаковъ подъ Зборовскимъ; срв. Кулишъ: Исторія возсоединенія Руси, I. 146.

²⁾ Это слово „гетманъ“ дало поводъ некритическимъ малорусскимъ лѣтописцамъ XVIII в. возводить разныхъ вождей козаковъ XVI—XVII вв. въ „гетманы“ въ смыслѣ второй половины XVII в., когда „гетманы“ были наивысшими начальниками Малой Россіи. Слово „атаманъ, ватаманъ“ происхожденія татарскаго (см. выше, стр. 119), какъ вообще много другихъ русско-козацкихъ словъ, напр. кошь, таборъ, асауль-есауль, бунчукъ, булава, паланка, и др.

³⁾ Срв. разные акты о козакахъ въ Актахъ западной Россіи, въ Актахъ южной и западной Россіи, въ Архивѣ югозападной Россіи III. 1, 2, VII. 2, у Кулиша, Исторія возсоединенія Руси (материалы), у Явицкаго: Akta histor. do panowania Stefana Bator. 1578—1579 (Warszawa 1881, Biblioteka ordynacyi Krasieńskich).

играть роль прогнанной оттуда въ 1648 году шляхты, подражая разнымъ шляхетскимъ обычаямъ, костюму, гербамъ и пр. ¹⁾). Это тяготѣніе козацкой старшины къ шляхетской Польшѣ продолжало свое существованіе и впоследствии, когда Малая Россія сдѣлалась частью русскаго царства, и когда оставшеюся за этимъ царствомъ Малою Россіей на лѣвомъ берегу Днѣпра управлялъ козацкій гетманъ войска запорожскаго Его царскаго Величества. Не смотря на всю національно-религіозную вражду Русскихъ и Ляховъ, не смотря на всю ненависть Русскихъ къ Ляхамъ, которая обнаруживается въ южнорусскихъ пѣсняхъ, лѣтописяхъ и въ другихъ произведеніяхъ литературы, въ разныхъ актахъ козацкихъ ²⁾),—козацкіе старшины лѣвобережной Малой Россіи все обращали свои взоры къ общественному и культурному строю Польши; они учились по-латыни и по-польски, одѣвались въ жупаны и контуши, жаждали гербовъ и подданства „посполитыхъ“ людей, руководились Статутомъ литовскимъ, и вообще страстно

¹⁾ На такіе гербы кievскіе стихотворцы часто сочиняли, въ духъ того времени, ужасные „вирши“. Такъ напр. К. Саковичъ сострепалъ въ 1622 г. слѣдующіе „вирши на гербъ сильнаго войска Его Кор. Мил. Запорожскаго“ (представляющей вооруженнаго козака):

Кгда мензства Запорозцовъ кролеве дознали,
Теды за гербъ такого имъ рыцера дали.
Который ото готовъ Ойчизнѣ служити,
За вольность ей и свой животь положить.
И якъ треба землею албо тыжь водою:
Вшеляко онъ способный и прудкій до бою.

Вирши на гербъ Богдана Хмѣльницкаго (1650 г.):

Абданкъ знакъ есть щодрой повольности,
Крестъ за фараментъ виры Хмельницькихъ мужности,
Незвытяжоный кролю въ христіанскомъ панствѣ,
Кеды повольность Хмельницькихъ маешь у подданствѣ.

²⁾ Срв. напр. подложные универсалы гетмановъ Острианица (1638) и Хмѣльницкаго (1748), составленные только въ въ XVIII в., подлинный универсалъ гетмана Брюховецкаго (1663), фантастическую „Исторію Русовъ“, приписываемую бѣлорусскому епископу Георгію Конисскому, и др. „Исторія Русовъ“ вліяла до недавна на малорусскую историографію, поэзію, повѣсть.

желали и у себя водворенія общественныхъ порядковъ шляхетско-польскихъ. Это стремленіе къ польщизнѣ прекратилось только въ XVIII в., когда козацкіе старшины сдѣлались наконецъ дворянами русской имперіи и владѣльцами крѣпостного народа ¹⁾.

Козаки южнорусскіе, говоря на своемъ русскомъ нарѣчій, писали на обыкновенномъ тогда книжномъ языкѣ западно-русскомъ съ большею или меньшею прииѣсю польщизны. Они, главные борцы православной русской религіи, протестовали часто словомъ и мечомъ противъ „квалта въ реліи старожитной православной“, общали (общали) „за церковь восточную и за вѣру греческую головы свои вси положить и боронити словомъ нашимъ рыцерскимъ“; гетманъ Петръ Конашевичъ въ предсмертномъ письмѣ королю Сигизмунду III (1622) благословляетъ „ксіонженца принца Владислава персону“, возстаєтъ противъ іезуитовъ и противъ уніи, и завѣщаетъ деньги православному братству львовскому, „тую вѣчную войска Е. К. М. Запорозского фундацію укгрунтовавши подѣ вышѣ описаную облигацыею и кондыцями“, какъ выражаются душеприкащики Конашевича, кievскій митрополитъ Іовъ Борецкій и козацкій гетманъ Голубъ ²⁾. Такой языкъ встрѣчается вообще въ козацкихъ актахъ, письмахъ, лѣтописяхъ до начала XVIII в.; даже русскіе демократы-козаки запорожскіе низовые не могли уберечься отъ такого вычурнаго языка; кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, поздравляя гетмана Мазепу (1686) „вельможнаго мосцѣ пана на новомъ гетманскомъ гонорѣ“, общаетъ ему во имя войска низового вѣрную службу: „мы дознавши ласки твоей рейментарской субиѣтуешъ ся зѣ оною щиростью нашою оказоватися, и по ординансу вашомъ на всякую военную потребу пресвѣтлѣйшимъ государямъ царямъ нашимъ готовыми zostавати“ ³⁾. Только съ начала XVIII

¹⁾ См. А. Ефименко: Малорусское дворянство и его судьба (Вѣстникъ Европы 1891, августъ, 515).

²⁾ Срв. въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 36, 41, 47, въ Архивѣ югозападной Россіи I. З. № 74, и другіе акты XVII в.

³⁾ Величко (ок. 1720 г.): Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII в., II. 518 (Кіевъ 1851).

вѣка, по мѣрѣ культурнаго усиленія Великой Россіи, и въ Малой Россіи входитъ въ употребленіе литературный языкъ велико-русскій; на немъ писали тоже малорусскія лѣтописи, въ томъ числѣ тоже „Исторія Русовъ“, приписываемая Георгію Кописскому *).

Въ литовско-русской лѣтописи XV в. польскихъ словъ очень мало, напр. панъ, коморинкъ, хлопъ, скарбъ, кмотръ, моць (и мочь, помочь), бискупъ и костель (въ значеніи католическихъ), мистръ (магистръ ордена тевтонскаго), гишьтъ (пѣмецк. hengst), умуровати, кглентовныи листы, рада (и советъ, светъ) и др. Также и въ другой литовско-русской лѣтописи XVI в. польская примѣсь сказалась немногими словами, напр. обѣцати, звитяжство, офѣра, сеймъ, рада ¹⁾, господа (въ значеніи постоялаго двора), обфитость, кгвалтъ, моць, зрада—зрада, малжонка, малженскій станъ, кроль (обыкновенно: король), вензеніе, гетманъ, жолнеръ, рыцеръ, штурмъ, шихъ, гуфъ, ратунокъ, панъ (но тоже господинъ, господичичъ), бискупъ, прелать, пробошь, крижъ, костель, кляшторъ, законъ, т. е. орденъ (въ значеніи католическихъ, а православные: епископъ, архимандритъ, игумень, крестъ, церковь, монастырь), звестованіе матки божой, Барбара, Алжбета, и пр. ²⁾.

¹⁾ Лѣтописецъ знаетъ тоже слова *вѣче* и *дума*: мужи Полочане, которые вѣчомъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ; думу вчинили межи собою безъ ведомости пановъ рады.

²⁾ Лѣтопись XV в. издали Даниловичъ (1827) и А. Поповъ (Ученныя записки второго отдѣл. Имп. акад. наукъ, I); лѣтопись XVI в. — Нарбуттъ (Pomniki do dziejów litewskich, 1846), но по списку XVI в., сдѣланному еъ русскаго подлинника латинско-польскимъ письмомъ („z ruskiego języka na polski przetłumaczona“, что однако не вѣрно); нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи по русской рукописи познанской сообщилъ Бодянский въ московскихъ Читаніяхъ 1846, I. Нѣкоторые мѣста лѣтописи XV в. вошли и въ лѣ-

*) Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи нѣкоторый пропускъ: по всему можно заключить, что здѣсь должна была быть рѣчь о русскомъ языкѣ въ литовско-русскихъ актахъ. *Ред*

Приводимъ здѣсь два примѣра изъ обѣихъ лѣтописей.

(Лѣтопись XVI в. по изд.
Бодянского):

Кияне змовывшиися одное мыслечи податся великому князю Кгидимину, и пошодши з города со кресты, игумены, попы и дѣяконы, и ворота городовы отворыли, и стрѣтили великого князя честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчизны (!) ихъ не отнималъ, и князь Кгидиминъ притомъ ихъ оставилъ, и самъ честно у городъ Киевъ уѣхалъ.

(Лѣтопись XVI в. въ польской транскрипцији, по изд. Нарбутта):

Kijane zmoviwszysia odno-
myślnie podalisia wielikomu
kniaziu Gidyminu, y szedszy
z horoda so kresty, ihumeny,
popu y diakony, y worota ho-
rodowya otworyli, y stretyli
welikoho kniazia czestno y
wdaryli iemu czołom, y pod-
dalisia służyty iemu, i prysia-
hu swoju na tom dali, y bili
czołom, szto by ot nich ot-
czyn (!) ich neotnimał, y kniaz
Gidymin przytom ich zostawił
i sam czestno w horod Kijew
wiechał.

(Лѣтопись XV в. по изд.
Попова).

И владыка смоленскии Се-
мионъ, и князи и бояре и ме-
стиче, и черныи люди целовали
пану Андрею держати у себе
честно воеводою на Смолень-
ску. И по велице дни на свя-
той недели в среду думали

(Лѣтопись XVI в. по изд.
Нарбутта):

Y władyka smoleński Se-
mien, y kniazi y bojary y me-
styczy y czornyi ludyie pry-
siahali Andreiu derżaty ieho
w sobe czestno woiewodoiu na
Smolensku. Y po welice dni
na swiatoy nedeli w seređu

топись XVI вѣка. Въ этихъ лѣтописяхъ встрѣчаются тоже слабыя слѣды церковнаго языка словѣнскаго, напр. глава, гладъ, возгласи, злато, серебро, градъ, младъ, младенецъ, пленити, ношь, дщерь, властели (панове литовскіи) и пр., которыя попадаются очень рѣдко рядомъ съ словами: голова, голось, золото, городъ, молодой, полонъ, ночь, дочка, волось и пр. Вліяніе церковнаго языка замѣтно особенно въ „Похвалѣ“ Витовту въ лѣтописи XV вѣка.—Западно-рускій переводъ всемірной хроники М. Бѣльскаго, сдѣланный въ 1564—1572 гг., срв. „Славяне“ II. 425.

Смолняне черныя люди, кузнеци, кожомаки, (пере)шевники, мясники, котельники пана Андрея согнати силою з города; а цолеваніе преступали и нарядилися во изброи и с сулицами и со стрелами и с косами и с сокирами и зазвонили в колоколь.

zдумали Smolnianie czorny ludyie, kuznecy, kożomiaki, pereszewniki, miasniki, kotelniki Andreja siłoiu soslatty z horoda, a prysiahu prestupity, y naradylisia wo zbroi so sulicami y so strełami, y z kosami y so siekierami i zazwonili wo zwon.

Въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ переводахъ конца XV в., сдѣланныхъ съ латинскаго и польскаго (напр. въ легендѣ о св. Алексѣѣ, въ повѣсти о трехъ короляхъ, въ апокрифическомъ евангеліи Никодима), польское вліяніе сказалося тоже не особенно сильно, напр. въ словахъ: рада, превелебный, капланъ, цесарь, панъ (и панъ богъ), шляхетный, декую-дякую, огарненный, мары, помощь, немоцный, узрокъ (wzrok), оплавитость (opłwitość), манзельство, злото (и золото), здрава и др., тоже въ формахъ: новево (вм.—ого), которежу, котореи и др.; новыя польскія слова еще боролись со старыми русскими: собраніе — зборъ албо рада, келихъ албо чаша, валка албо война, лотръ—тать, з его моци албо волости, крижъ албо крестъ, укрижуи албо распъни, скаредость албо смородъ, и пр. ¹⁾), Что касается „русскаго языка“ Фр. Скорины въ его библейскихъ книгахъ, то въ немъ польскихъ словъ

¹⁾ Объ этой рукописи см. П. Владимірова въ Ж. М. Н. Ц. 1887, октябрь, 250; въ языкѣ этой рукописи есть тоже нѣкоторые слѣды чешскаго вліянія. Легенда о св. Алексѣѣ находится въ извѣстномъ средневѣковомъ сборникѣ Geeta Romalogum, который переведенъ и на польскій языкъ; неизвѣстно, существовалъ-ли тоже „бѣлорусскій“ переводъ сборника. Языкъ рукописи Римскихъ Дѣяній, изданной Обществомъ любителей древнерусской письменности въ СП. въ 1877 — 78 гг., вовсе не „бѣлорусскій или словено-польскій или польскій простой“ (!), а сѣверно-русскій или славено-россійскій съ многими польскими словами; эти Римскія Дѣянія переведены въ XVII в. прямо съ польскаго или „славено-польскаго“; а изъ этого польскаго текста остались и въ житіи св. Алексѣя напр. слова: облюбеница, панъ, панья, цесарь, княжа, папежь, костель, пелgrimъ, година, мары, взрокъ (wzrok), опутанный (opętany), коштовный и др.

встрѣчается очень немного, напр. обжарство, члонокъ, плотно, взрокъ, звытяжство, скарбъ, покармъ, панъ (и господинъ), писарь (и диакъ), желънеръ (и воинъ), и др.; гораздо больше мѣста Скорина отвелъ въ своемъ русскомъ языкѣ чешскимъ словамъ; онъ употреблялъ ихъ совсѣмъ неорганически противъ духа словѣнско-русскаго и русскаго языка, и придерживался вообще самаго текста чешской библии ¹⁾.

Со второй половины XVI в. разговорный и письменный западно-русскій языкъ представлялъ часто какую-то смѣсь русско-польскую; она въ русскихъ письменныхъ памятникахъ обуславливалась не польскимъ подлинникомъ, переводимымъ на русскій языкъ, а просто характеромъ самаго западно-русскаго языка. Такъ напр. западно-европейскіе романы о Тристанѣ и Бовѣ переведены на западно-русскій языкъ не съ польскаго, а съ сербскаго (повесть о витезяхъ с книгъ сэрбскихъ); а между тѣмъ русскій языкъ этого перевода изобилуетъ множествомъ полонизмовъ, которые употребляются уже какъ элементъ, присущій тогдашнему западно-русскому языку. Въ переводѣ встрѣчается множество польскихъ словъ, которыя пользовались тогда въ западно-русскомъ языкѣ уже правомъ гражданства даже въ чистой своей польской формѣ, не передѣланной даже на русскій ладъ; напр. кроль, злото, млоденець (рядомъ съ обыкновеннымъ русскимъ полногласіемъ), паницъ, пани, кгвалтъ, пелкгримъ, працовати, здраца, эстэмъ (jestem), эстэсь, ижемъ ся доведала, ѡ послѣ ж, ш, ч (межы, вземшы, говоречы) и пр. Если же русскій переводъ сдѣланъ съ польскаго подлинника, какъ напр. романъ объ Атилѣ, то русскій текстъ кажется почти простою транскрипціею польскаго со множествомъ неорганическихъ словъ и формъ въ родѣ—кроль, вонтпливий, втаргнене, неогарнены, зацнэ трыумпы, опатрный, кривое, срокгое, естесмы, поведаломъ (powiedziałem) и пр.; нѣкоторыя слова и формы переведены неправильно или даже совсѣмъ не переведены, такъ какъ переводчикъ ихъ не понималъ;

¹⁾ Обширно въ монографіи П. Владимірова о Фр. Скоринѣ (СП. 1888, см. замѣтки М. Мурка въ Archiv für slavische Philologie XII. 243); срв. „Славяне“ II. 595.

такъ напр. онъ смѣшивалъ польскія ktore — которые, которое, krowawej — кровавое (о битвѣ, вмѣсто кровавой), перевелъ sigowu — криобранный (т. е. тоже польское krowobrny), ropra — почестность, пыха, и пр. ¹⁾.

Вліяніе польскаго языка проникало все болѣе и въ „русскіе“ переводы библіи, которые дѣлались для простаго народа западно-русскаго ²⁾). Взглядъ на такой „русскій“ языкъ былъ довольно своеобразенъ; переводчики допускали въ этотъ русскій языкъ не только церковный языкъ словѣнскій въ русско- и болгарско-волошскомъ изводахъ, а также языки чешскій и польскій. Фр. Скорины изъ Полоцка обращалъ свое вниманіе не только на церковный языкъ словѣнско-русскій, а тоже на языкъ чешскій и, печатавъ свои библейскія книги въ чешской Прагѣ, руководился текстомъ чешской библіи; на польскій языкъ онъ обращалъ мало вниманія, да и тѣ немногія слова польскія, встрѣчающіяся у Скорины, можно скорѣе считать уже принятымъ достояніемъ западно-русскаго языка начала XVI вѣка ³⁾). Незначительное польское

¹⁾ Эти романы издавъ (изъ познанской рукописи) А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888); рукопись и языкъ разсмотрѣлъ А. Брюкнеръ въ Archiv für slavische Philologie IX. 345. Въ романахъ о Тристанѣ и Бовѣ встрѣчается тоже нѣсколько сербскихъ словъ: витезь, юнакъ, войникъ, отокъ, племенита панна (=временно панна), градъ, кралица, белегъ и др. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ западно-русскаго и польскаго „Аттылы“ (польск. изд. 1574 года въ Краковѣ):

A tak wedle przereczonego rachunku ktore się do prawdy więcej stosuje, gdy Atyle krolem obrano, w ten czas mu było siedm-dziesiąt let i dwie. Stąd się tedy znaczy, iż on w ten czas, gdy Węgrowie s tatarskiej ziemie wyszli, pięćdziesiąt lat miał i dwie. Co wszystko jeśli w jedną liczbę złożysz, pokaże się, że Atyla był żyw lat sto dwadzieścia i czterzy.

А такъ водле пререченого рахунку которое ся до прайды болжен стосуе коли Аттылю королемъ обрано, втотъ часъ ему было семдесятъ лѣтъ и двѣ. Оттуда ся тѣды значыть ижъ онъ втотъ часъ коли Угрове с татарское земли вышли, пятьдесятъ мѣлъ лѣтъ и двѣ, што все если въ одну личбу зложишь, покажется же Аттыла былъ живъ лѣтъ стодвадцать и четыры.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 595.

³⁾ См. выше, стр.

влияніе на языкъ книгъ Скорины тѣмъ болѣе понятно, что тогда не было еще польскаго перевода библіи, а рукописныхъ переводовъ нѣсколькихъ библейскихъ книгъ Скорина знать не могъ. Иначе было во второй половинѣ XVI в., когда среди разцвѣтающей польской письменности библіи заняла одно изъ первостепенныхъ мѣстъ и могла похвалиться нѣсколькими переводами со стороны католиковъ и протестантовъ. Прииѣръ Скорины подѣйствовалъ на двухъ южныхъ Русскихъ, Григорія архимандрита волынскаго монастыря Пересопницы и Михаила Васильевича, сына протопопа изъ Санока; они въ 1556 — 1561 гг. перевели евангеліе „изъ языка бѣлгарскаго на мову рускую для лепшого вырозумленя люду христіанскаго посполитаго“, но совершили свой трудъ довольно оригинально. Переводили они дѣйствительно съ „бѣлгарскаго“ т. е. съ книги извода бѣлгарско-волошскаго (съ смѣшанными ерами и юсами), который былъ въ употребленіи тоже на Руси карпатской (краковскія книги Швайполта извода бѣлгарско-волошскаго)¹⁾, но и оставили въ своемъ переводѣ правописаніе бѣлгарско-волошское, которое, конечно, не годилось для южно-русскаго языка; отъ „бѣлгарскаго“ осталось тоже немного словъ церковно-словѣнскихъ (учрѣждение, рождество, глава, дѣщеря, наплънити, прѣвѣе, съврѣшена и пр.); къ русскому тексту прииѣшаны тоже слова и фразы изъ чешскаго и польскаго евангелій, часто въ скобкахъ какъ-бы синонимы русскаго словъ; въ самомъ же русскомъ текстѣ встрѣчается много словъ польскихъ, вошедшихъ уже въ русскій языкъ; такъ напр. донь радецкій або ратушь, влодарь (но тоже по-чешскіи владарь), моць, немоцна, страна, млоденецъ, покаръмь, працовати, смакъ, шафовати, зражени, маетность и др., или какъ синонимы: учрѣженіе великое (учта або калацѣмъ — калацымъ, пирь, честь), подобенство то есть притьча, господа або подвора, два пѣнезѣ або два галерѣ, два бѣлыи, десять мнась (!) або копь або гривень або злотыхъ або грошіи, ииѣи мене отреченыи або вымовь мене, приставникъ або шафарь, гнои (вроды або болячки), съвѣтникъ або пань радный, и пр. Кромѣ такихъ польскихъ

¹⁾ См. „Славяне“ II. 572.

словъ или объясненій переводчики прибавляли тоже—изъ чешской библии — чешскія слова, которыя имъ часто больше нравились, чѣмъ польскія, слѣдовали иногда тексту чешскому, иногда тексту польскому (по Новому Завѣту 1556 г.); напр. помаваше имъ (навѣщки давалъ)—*navěštie jim dával*—*mógł mówić do nich*; раслаблень (дною зламаны)—*dnú zlámaný*—*paraliżem zarażony*; абы его оскаржили (обжаловали)—*aby jej obżałovali* — *aby go oskarżyli*; розмечу житницу мою (кляню або стодолю).— *zbořím stodoły své* — *pokažę stodoły moje*; з браку (веселя або свадьбы)—*v svatby* — *z wesela*; и глѣдали его межн прироженными и межн знаемыми (чеш. : *hledali ho mezi přibuznými a známými*, пол. *i szukali go między przyrodzonymi i znajomymi*); вышла о немъ повѣсть по всей украинѣ (чеш. *vyšla jest o něm pověst'* по *všie krajíně*, поль. *a sława wyszła po wszytkiej krainie o niem*); мѣру добру и польну и натопытану и потрясеную и зверхомъ опловитымъ—*mieru dobrú a pĕnú a natiačenú a vrchovatú* — *miarę dobrą i natłoczoną i potrząsioną i opływającą*; абы теребилъ васъ яко пшеницу—*aby třiebił vás jako pšenici*—*aby was przesiał jako pszenicę* и пр. ¹⁾).

Нѣсколько лѣтъ спустя землякъ и современникъ переводчиковъ пересопническаго евангелія, Лука изъ Тернополя, попытался сдѣлать Ветхій Завѣтъ болѣе понятнымъ „посполитому люду рускаго языка“ и перевелъ Ветхій Заѣтъ въ 1569 г. „по-руски“ ²⁾. Но русскій языкъ тернопольскаго ветхаго завѣта—менѣе народный, чѣмъ языкъ пересопническаго евангелія. Лука, употребивъ тоже правописаніе болгарско-волошское, оставилъ церковно-словѣнскій текстъ болѣе нетронутымъ въ формахъ и въ словахъ; онъ пользовался библейскими книгами Скорины, но не списывалъ ихъ, зналъ чешскую библію или ея части (по чески *zealtarъ*, по чески *присловѣ*, по чешскому языку *учительныа*), но самъ чешскій языкъ не повліялъ на языкъ Луки, какъ это было въ языкѣ Скорины; о польской библии — которая въ то время су-

¹⁾ П. Житоцкій: Описаніе пересопнической рукописи (Кіевъ 1876); вполнѣ издано здѣсь только евангеліе отъ Луки.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 573.

ществовала въ переводѣ католическомъ (краковская 1561) и протестантскомъ (берестьевская 1563) — Лука не упоминаетъ; онъ могъ пользоваться библіею 1561 г., но вполне самостоятельно; о польскомъ вліяніи въ языкѣ Луки трудно говорить, а нѣкоторыя польскія слова, встрѣчающіяся въ языкѣ Луки, вошли тогда уже въ составъ западно-русскаго языка, напр. офѣровати, рѣчь—гез, малженка, змордовати, и др. ¹⁾.

Стремленіе переводить библію или ея части на простой языкъ югозападной Руси продолжалось въ XVI и XVII вв., не безъ сопротивленія со стороны приверженцевъ и защитниковъ словѣнскихъ книгъ церковныхъ. Книжный русскій языкъ югозападной Руси—безъ болгарскихъ, церковно-словѣнскихъ, чешскихъ примѣсей, но съ свойственной ему примѣсью польскою—водворился тоже въ церковной письменности, и на простой русскій языкъ переводились псалтири, евангелія, постылы и др.; нѣкоторые Русскіе считали такія книги даже „польскими“, переведенными съ русскаго на польскій ²⁾. Такіе переводы на простой „подлый“ русскій языкъ стали необходимы, такъ какъ церковный языкъ словѣнскій, „зацнѣйшій, пенкнѣйшій, звязнѣйшій, суптелнѣйшій, достаточнѣйшій“ дѣлался для югозападной Руси все менѣе удобопонятнымъ ³⁾.

Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ „русскаго“ языка изъ западно-русскихъ библейскихъ книгъ XVI — XVII вѣковъ, вмѣстѣ съ текстами чешскимъ, польскимъ и церковно-словѣнскимъ:

Библія Скоринны:

(изъ книги Судей, 6).

Тогда иде Геденъ и увари козля, и напече хлебовъ пресныхъ съ муки, и вложи мясо въ кошъ и юху влилъ в гор-

Библія Луки:

Тогда Геденъ вшедши и уварилъ козелца, и опрѣсниковъ напекъ отъ мала мѣжи, и мяса наклавъ в котеледь, и по-

¹⁾ Библія Скоринны списывалась въ XVI в. и въ южной, карпатской Руси—правописаніемъ русскимъ и болгарскимъ, о чемъ см. Владимірова о Фр. Скоринѣ, 218.

²⁾ Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцова, № 335.

³⁾ Срв. „Славяне“ II. 600.

нецъ, и принесе все то подъ дубъ и пода ему. И рече къ нему ангелъ божи: Возми мяса и хлеба и наклади на оную скалу, и юху на верхъ выли.. И ангелъ божи зъмизалъ отъ очию его.

ливку зъ мяса вливалъ в горнецъ, и принеслъ то въсе подъ дуба и офѣровалъ ему. И реклъ ему аггелъ божи: Възми мяса и хлѣбы, и положи на тои скалѣ, и поливку на врѣхъ выли.. Тогда аггелъ божи зникалъ отъ очии его ¹⁾.

Чешская библія 1506 г. ²⁾: Tehdy šed Gedeon uvařil kozelce, a chlebuov přesných napekl z věrtele, a masa nakladl v koš, a polévku z masa vliv do hrnce přinesl všecko pod dub, i obětoval mu. Jemužto die anjeť boží: Vezi maso a chleby a naklad' na onuho skálu, a polévku svrchu vlij... Tehdy anjeť boží zmizel od očí jeho.

Польская библія 1561 г.: Szedszy Gedeon uwarzył kozlatko, i z korca maķi chleba przasnego napiekł, i włożywazy mięso w kosz, polewkę mięsną wylał w garniec, i przyniósł to wszystko pod dąb, i ofiarował mu. I rzekł do niego angioł pański: Weźm to mięso i te przasne chleby, i połoź na onej skale, a zwierzchu polej polewką... A angioł pański zniknął z osu (!) jego.

Словѣнская библія острожская 1581 г.: Гедеонъ же вниде и сътвори козлище отъ козь, и четверть еѣи муки опрѣсноковъ, и вложи смясомъ въ крошницу, и юху влія въ горнецъ, и изнесе кнему подъ дубъ, о постави. И рече кнему аггелъ господень: Възми мяса и хлѣбы прѣсныя, и положи у камене оно-

¹⁾ Съ началомъ I псалма у Луки (см. „Славяне“ II. 573) срв. тоже по западно-русскому переводу псалтири (у Востокова Опис. рукописей Румянцева № 335): Благословенны мужъ, онже не отпощъ въ порадѣ неучтивыхъ, а ни сталь на дарозе грешныхъ, а ни (!) столцу губителскомъ неседелъ, але взаконе Господни воля его есть, втомъ же законе будетъ ся вѣчилъ день и ночь и будетъ яко древо саженое ведѣле водъ текущихъ.

²⁾ Тексты чешскій и польскій приводимъ новымъ правописаніемъ.

го, и юху близъ проліи... Ангель же господень отиде отъ очію его.

Пересопницкое евангеліе: Евангеліе учительное 1616 г. 1):
(отъ Луки, гл. 5).

А онъ стояль подлеи езера Гемисаретского, и узрѣль двѣ лодѣ, которыи тамъ близько езера стоали а рыболове отишодши отъ нихъ выполоковали шрѣжу. И уступилъ на едину зьнихъ, котораа то была Симонова. И просилъ его, абы мало отступилъ отъ землѣ и сѣдючи научалъ съ корабля народы. А коли пересталъ научати ихъ, рекль къ Симонови: Поступи на глубину и заврѣсте шрѣжу нашу на уловленя рыбъ. А Симонъ отповѣдаючи рекль ему: Учителю, презъ вѣсю ночь трудилися есмо ся а ничего не поимали, але на слово твое запушу сѣть. А коли тое учинили, множество великое рыбъ загорѣнули, ажъ и шрѣжа ся ихъ порывала.

Стояль Ісусъ при озерѣ Гемисаретскомъ, и обачилъ двѣ лоди, стоячи при озерѣ, бо рыболове вышедши зъ нихъ полоскали сѣти. А вступивши до одной лоди, которая была Симонова, просилъ его, абы отвезлъ мало отъ землѣ, и сѣдши, училъ зъ лоди людій. А кгда пересталъ мовити, рекль до Симона: Поступи на глубину а закинте сѣти вашѣ до ловенъя. И отповѣдаючи Симонъ рекль ему: Учителю, цалую ночь, працювавши нѣчогосмо не уловили, але на слово твое запушу сѣть. А кгда то учинили, заняли множество рыбъ великое, ажъ сѣть ихъ падалася.

Чешская библія 1506 г.: A on stál podlé jezera Genezaretského. I uzřel dvě lodie, any stojie podle jezera, a rybáři byli sstúpili a vypierali sieti. Tehda vstúpiv na jednu lodí, kteráž byla Simonova. Prosił ho, aby od země odvezl maličko. A sedě učil jest z lodie zástupy. A když přestal mluvití, řekl k Šimonovi: Vez na hlubinu, a rozestřete sieti své k lovení ryb. A odpověděv Šimon řekl jemu: Příkazateli, přes celú noc pracující nic jsme nepopadli, ale k slovu tvému rozestru sieti. A když to učinili, zahrnuli množství ryb veliké, tak že trhála se siet jich.

1) Срв. „Славине“ II. 599.

Польская библия 1561 г.: А он стаъ przy jezierze Genezaret. I ujrzał dwie łodce, które stały przy brzegu, a rybitwi byli z nich wysiedli, i płokali sieci swoje. А wstąpiwszy w jedną łódkę, która była Symonowa, prosił go, aby go maluczko odwiózł od ziemi. I siedząc w łóдке, nauczał tłuszcze. А gdy przestał mówić rzekł do Symona: Wiedz na głębią, а rozrzućcie sieci wasze, на obłów. I odpowiadając Symon rzekł mu: Nauczycielu, całuchną noc pracując, niceśmy nie ułowili, а на twe słowo jeszcze zarzucimy sieć. А gdy to uczynili, zawarli ryb wielką wielkość, так iż się sieć rwała.

Острожская библия 1581 г.: И тои бѣ стоя при езерѣ Генесаретстѣ, и видѣ два корабля стоаща при езерѣ, рыбаге же отшедьше отъ нею плакаху мръжа. Влѣже въ единѣ отъ кораблю, иже бѣ Симоновѣ, моли его отъ земля отступити мало, и съдѣ учаше искорабля народы. Икоже преста глагола, рече к Симону: Поступи въ глубину, и въврѣзѣте мрежа ваша вловитву. И отвѣщавъ Симонъ рече ему: Наставниче, обнощъ всю труждышеса ничесоже мхомъ, по глаголу же твоему въвергу мрежу. И се сътворше яша множество рыбъ много, протрѣзашеся мрежа ихъ.

О характерѣ западно-русскаго языка, книжнаго и народнаго, можно себѣ составить хорошее понятіе по словарямъ церковнаго словѣнскаго языка (русскаго извода) XVI — XVII вв. Лаврентія Зизанія (Лексисъ сирѣчь реченія, въкратцѣ събранны и изъ словенскаго языка на простый рускій діалектъ истолкованы, въ Вильнѣ 1596) и Памвы Берынды (Лексиконъ славено-росскій, въ Кіевѣ 1627, второе изд. въ Кутенинскомъ монастырѣ 1655), и по рукописному словарю русскаго языка, составленному во второй половинѣ XVII в. въ Кіевѣ по словарю Берынды ¹⁾. Въ числѣ словъ простаго русскаго языка встрѣчается множество польскихъ словъ, принятыхъ въ русскій языкъ вопреки законамъ русскаго фонетики;

¹⁾ Словари Зизанія и Берынды издалъ вновь (съ ошибками) Сахаровъ: Сказанія русскаго народа (СП. 1849, II); рукописный словарь русскаго языка издалъ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889, приложение).

такъ напр. рядомъ съ обыкновенными русскими полногласными словами: волоцюга, молодой, оборона, порошне, король—употреблялись слова польскія: влочня, млоденець, хлопъ — хлопецъ, кроль, прожно, бронь; рядомъ съ обыкновенными: взгордитель, полный, толстый—барзо, взгарда, зупелне, глустый; слова: кровь, бровь и—кръвавый, крви, брви, трвога, крумбръный (krupaŕny); слова: помочь, честь и—моць, цнота, зацный, учта; къ русскимъ словамъ съ г (h) приняты тоже нѣкоторыя польскія съ ж (g): варкги, вилокготность, згелкъ, кгродъ; такъ и польскія слова съ носовымъ звукомъ: нендзный, охендожный, вонтплю, до щенту, дзвенкъ, менжный, ксионже (но: князь, мужъ, звукъ); слова: малженство, звитязство (польское zwiącięstwo передѣлано на русскій ладъ), квѣтъ, праца, довцѣпъ, родзай, рядца (gzaдca, рядъ—gzaд), ольбрымъ-ольбрымъ¹⁾, быдло, опатрный, ростеркъ, albo, кгды, поневажъ, ведлугъ, презъ, завше и пр., много словъ польскихъ, заимствованныхъ изъ латинскаго, нѣмецкаго и др., напр. вѣршь, вѣншую, гамую, гоноръ, гуфъ, кгвалтъ, дахъ, деспектъ, друкарня, дяковати, жакгель, жартъ, келихъ, клейноть, коляція, контентъ, ланцухъ, мордерца, офѣра, пелкгримъ, примушенье, рада, сакраментъ, смарую, фрасунокъ, пошанованье и пр.²⁾.

Кромѣ этого усвоенія множества словъ польскихъ, книжники западно-русскіе поддались тоже польскому вліянію въ формахъ,

¹⁾ Берында знаетъ тоже русское слово *волеть* (исполнѣнь=ги-гантъ, велеть, ольбрымъ); Скорина пишетъ *волотъ*.

²⁾ Берында иногда помѣщаетъ въ словарь и другія славянскія слова, напр.: *тѣтель*, чesки когутъ, волински пѣвень, литовски пѣтухъ. Берында въ посвященіи „зацне урожонымъ и православнымъ паномъ Балабаномъ“ говоритъ между прочимъ: „Широкій и велико-славный языкъ славенскій, маючи оквитое залеченье не только отъ писемъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ, съ еллинскаго нимъ претлумачонныхъ, але и съ божественныя литургіи и иныхъ таемницъ, которыя ся тымъ языкомъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправуютъ, ижъ трудности тѣхъ словъ до выразумѣня темныхъ многія въ собѣ маеть, за чимъ и самая церковь россійская многимъ власнымъ сыномъ своимъ въ огиду приходять“.

напр. на мѣстцу (вмѣсто:—цѣ, —ці), естемъ, далешъ, далесь и пр.; наконецъ синтаксисъ книжнаго западно-русскаго языка тѣсно при-
мыкаетъ къ польскому, такъ что русскій текстъ кажется часто про-
стымъ передоженіемъ польскаго. Такъ это было въ книжномъ
языкѣ всей югозападной Руси, не смотря на нѣкоторыя особен-
ности этого языка въ Руси западной (Бѣлой) и въ Руси южной
(Малой), напр. формы бѣлорус. хочечи и малорус. хотячи ¹⁾.
Это громадное вліяніе польщины на западно-русскій языкъ измѣ-
нило его до такой степени, что его считали просто нарѣчіемъ
польскимъ ²⁾. Польское вліяніе въ книжномъ малорусскомъ языкѣ
исчезаетъ въ немъ съ конца XVII и начала XVIII в., по мѣрѣ
возвышенія великорусскаго племени. Москва и Петербургъ под-
нялись выше Кіева не только въ отношеніи политическомъ, а так-
же въ отношеніи литературномъ и культурномъ. Это великорус-
ское литературное и культурное движеніе становилось общерус-
скимъ, и въ немъ стали участвовать тоже многіе западные и
южные Русскіе ³⁾.

Распространеніе польской культуры на всю югозападную
Русь отъ карпатскихъ горъ далеко на сѣверъ и на востокъ за
Двину и Днѣпръ, ополяченіе всѣхъ высшихъ сословій, всей интел-
лигенціи той Руси,—фактъ важный въ исторіи народа польскаго.
Поляки, отраженные на западѣ Нѣмцами отъ Одры и балтійскаго
моря, бросились на востокъ—на Русь, и скоро успѣли здѣсь во-
дворить свое политическое и культурное господство. „Ляхами“
сдѣлалась русская шляхта, принявшая католицизмъ, который
сталъ синонимомъ полонизма; къ такимъ Ляхамъ присоединилась
тоже униатская шляхта, такъ какъ униа была только преддверіемъ
католицизма; но такими же „Ляхами“ въ отношеніи политиче-
скомъ и отчасти національномъ (*gente Rutheni natione Poloni*)

¹⁾ О книжномъ языкѣ малорусскомъ срв. часто упоминавшееся
сочиненіе П. Житецкаго.

²⁾ Срв. выше, стр. 228, и мысли Крижанича („Славяне“ П.
330).

³⁾ Срв. А. Пыпина, Исторія славянскихъ литературъ I. 349.
срв. „Славяне“ II. 472 и слѣд.

дѣлалась тоже православная шляхта русская, прикнувшая къ политическому и соціальному строю польскому; она, благодаря воспитанію въ латинско-польскихъ школахъ, постояннымъ сношеніямъ съ польскою шляхтою, пребыванью при дворѣ и на сеймахъ, рѣшительному вліянію литературы латинской и польской — которыя просто подавляли незначительную русскую литературу — проникалась все болѣе польскимъ шляхетскимъ духомъ, стала все болѣе дорожить привилегированнымъ положеніемъ шляхетскаго сословія относительно презрѣнныхъ мѣщанъ и хлоповъ, принимать польскіе обычаи, одежду и пр. Вся эта шляхта русскаго происхожденія заговорила на польскомъ языкѣ, оставляя свой родной русскій языкъ только для хлоповъ; да и этотъ русскій языкъ, вслѣдствіе господства и многосторонняго вліянія польщины, скоро слѣдлся какимъ-то безформеннымъ организмомъ, къ которому все болѣе прививались неорганически польскія слова, польскій слогъ, польско-латинскіе макаронизмы, такъ что такой русскій языкъ представлялъ скорѣе какую-то помѣсь русско-польскую, мало отличавшуюся отъ польскаго языка. Такія же перемѣны происходили и въ русскомъ униатскомъ духовенствѣ, именно въ высшемъ, и въ мѣщанствѣ; всѣ эти русскіе униаты: епископы, протоіереи, архимандриты, мѣщане, старались подражать польскому духовенству и мѣщанству, стали принимать польскіе нравы, говорить и писать по-польски, забывая свой родной языкъ, или владѣя имъ недостаточно, испещряя его полонизмами и макаронизмами. Даже православное духовенство и мѣщанство, крѣпко держась своей „русской вѣры“, поддавалось, подобно православной шляхтѣ, польскому духу, образованію, языку. Если бы удалось Польшѣ вполнѣ уничтожить въ принадлежавшей ей Руси православіе, повсюду ввести унию, какъ временное учрежденіе, имѣющее въ виду полное торжество латинскаго польскаго католицизма, если бы польская и ополяченная шляхта и польское духовенство признавали бѣольшую общность интересовъ своихъ и интересовъ русскихъ хлоповъ, православныхъ и униатскихъ, если бы не сохранился въ Польшѣ соціальный дуализмъ даже въ области религіи — „вѣры панской, польской“ и „вѣры хлопской, русской“: то несомнѣнно вся югозападная Русь, а не только шляхта, ополячилась бы, всѣ

русскія земли по Днѣпру, Днѣпру и Двинѣ заселились бы новыи Ляхами, и Русь Червоная, Малая и Бѣлая сдѣлались бы такою же Польшею и въ отношеніи національномъ, кокою были Польша Малая и Великая, Поморье и Мазовія.

Но вышло иначе: проектъ объ уничтоженіи Руси въ Польшѣ 1717 г. не осуществился, русскіе униатскіе хлопы остались Русью, а православные русскіе хлопы съ своими „схизматическими попами“ тоже не вывелись въ Польшѣ. Русскій вопросъ въ Польшѣ остался не рѣшеннымъ. А между тѣмъ въ сосѣдствѣ Руси Малой и Бѣлой усиливалась Русь Великая, взялась за собираніе русскихъ земель, стала вытѣснять Польшу изъ Руси Малой и Бѣлой, и такимъ образомъ возстановлять русскій характеръ той югозападной Руси по Днѣпру и Двинѣ, ломать всѣ искусственныя преграды, воздвигнутыя Поляками съ цѣлью разлучить, разъединить, сдѣлать другъ другу чуждыми и посорить Русь югозападную и сѣверовосточную.

Ополяченье высшихъ сословій и интеллигенціи югозападной Руси состоялось вслѣдствіе силы польской государственности и западно-европейской культуры въ латинско-польскомъ ея видѣ¹⁾.

¹⁾ Говоря о торжествѣ культуры западно-европейской надъ восточно-европейской, мы разумѣется, не намѣрены восхищаться первою и осуждать вторую. Значеніе „культуры“ вообще условно; такъ и западно-европейскую культуру и христіанство съ его высокогуманнымъ характеромъ безграничной любви къ ближнимъ „украшали“ до недавна фанатическіе походы противъ всякой свободы научныхъ изслѣдованій при полнѣйшемъ ничтожествѣ псевдо-ученаго пустословія (срв. Коперникъ и Галилей, гг. профессора Саламанки и Колумбъ), постыдное рабство, мученія и пытки во имя „права“ глубококомысленно толкуемаго властью свѣтского и церковноу (инквизиціею), дикіе крики и драки, войны и рѣзни „правовѣрныхъ“, „кривовѣрныхъ“, „невѣрныхъ“ (срв. варшавскую ночь, повсемѣстное избіеніе Жидовъ), пылающіе на кострахъ „чародѣи“, „вѣдьмы“ „еретики“, „невѣрные“ и другіе „сыны и дочери дьявола“ въ западной и средней Европѣ (напр. Гусъ и Іеронимъ Пражскій, Іоанна Д'Аркъ, Савонарола и Джордано Бруно, Серветъ) и въ Польшѣ (напр. гуситскіе священники, Екатерина Мальхеръ, Лыщинскій)

Руководящіе кружки югозападной Руси, не обладая достаточными средствами для борьбы съ тою и другою силою Польши, долго не имѣя надежной опоры въ Великой Руси, поддались наконецъ польскому вліянію до такой степени, что сами обезличивались и дѣлались Ляхами. Это было несомнѣнно въ пользу народности польской; а съ другой стороны отъ такого распространенія латинско-польской культуры народность русская не выиграла, а проиграла. Эта культура отзывалась зловредно на русской народности, ослабляя и разлагая ее, лишая ее коренныхъ началъ, отнимая у нея высшія сословія, интеллигенцію, отчуждая ихъ отъ народныхъ массъ.

Итакъ, западно-европейская культура, прививаемая покоренной Ляхами Руси посредствомъ господствующей въ ней польской государственности и образованности, приносила польской народности пользу, а русской—вредъ. Польская государственность, латинско-польская культура, католицизмъ, унія—все это были только средства для главной цѣли, т. е. асимилациі, колонизациі югозападной Руси, цѣли вполне понятной у польскаго народа, который за всѣ своя потери на о́нѣмечивающемся западѣ, искалъ и нашелъ вознагражденіе на востокѣ, въ русскихъ земляхъ. Западно-европейская культура сама по себѣ, конечно, и Руси не опасна и не вредна, а напротивъ полезна, но только въ такомъ случаѣ, когда она прививалась самостоятельной Руси и подчинялась господствующей русской народности и государственности, когда чужіе, не русскіе проводники той культуры вынуждены были служить всецѣло не интересамъ своей народности, а интересамъ народности русской, ея усимилироваться, способствовать ея развитію и укрѣпленію. Такъ это было въ Великой Руси при Петрѣ Великомъ, такъ это было и въ присоединенныхъ къ русской имперіи частяхъ Руси Бѣлой и Малой.

и пр. И всѣ эти мерзости и звѣрства прославлялись еще какъ богоугодные подвиги вѣры—*auto da fé, actus fidei!* Всѣ эти „украшенія“ западно-европейской цивилизациі—чѣмъ же отличаются отъ по-

*Отрывокъ изъ главы о церковной уніи *).*

Унія сдѣлалась настоящею хлопскою вѣрою русскою; почти вся шляхта давно ее замѣнила латинскимъ католицизмомъ, подобно тому какъ она давно замѣнила свою русскую народность польскою, обратилась въ Ляховъ. Но эта хлопская „русская“ унія—униженная, преклоняющаяся передъ пышнымъ зданіемъ шляхетскаго польскаго католицизма, все-таки безпокоила нѣкоторыхъ Поляковъ; унія, не смотря на свое униженное положеніе, была вѣрою „рускою“, а интересы Польши требовали, чтобъ эта уніатская Русь исчезла, подчинившись вполнѣ Ляхамъ и латинско-польскому обряду. Въ началѣ XVIII в. одинъ неизвѣстный Полякъ думалъ объ уничтоженіи даже этой уніи и о замѣнѣ ея чистымъ латинскимъ обрядомъ, и этотъ свой проектъ „на zniszczenie Rusi zjednoczonej“ представилъ даже сейму 1717 г., хотя безъ успѣха. Чтобъ уничтожить унію—разсуждаетъ авторъ этого проекта — оставшаяся русская шляхта, уніатская и тѣмъ болѣе схизматическая, не должна быть допускаема до „урядовъ“; Поляки должны сторониться Русскихъ и всевозможно унижать и поносить русскую унію и уніатовъ, матеріально и умственно ихъ разорять, довести русское иѣщанство и духовенство до крайней нищеты и униженія, не допускать въ городахъ употребленія оціанальнаго русскаго языка и требовать употребленія польскаго, запрещать хлопамъ учиться и пр.; если же простой народъ въ Украинѣ, Волынѣ и Подольѣ возстанетъ, то, въ случаѣ если польскія войска не были бы въ состояніи подавить такое возстаніе,

добныхъ явленій на востокѣ, костры Гуса и Сивонаролы отъ костровъ митрополита Герлсеима, М. Башкина и пр.? Мѣткія слова поэта: Das schrecklichste der Schrecken ist der Mensch in seinem Wahn—относятся одинаково къ людямъ и народамъ „культурнымъ“ и „некультурнымъ“.

*) Это—все что авторъ успѣлъ написать (вѣроятно конецъ?) изъ заключительной главы о церковной уніи. Сюда же вошло бы—надо думать — и обзорѣніе польско-русскихъ политическихъ сношеній въ XVII и XVIII вв. Ред.

этихъ Русскихъ выдать Татарамъ, а русскія земли заселить народомъ польскимъ и мазовскимъ. Россія (Москва) не будетъ де шѣшать, такъ какъ и она ненавидитъ уніатовъ, да и кромѣ того можно ее надуть. Такимъ образомъ уничтожится унія и всѣ русскіе уніаты сдѣлаются римскими католиками, и Польша окажется заселенною однороднымъ населеніемъ, приобрѣтетъ силу и могущество, а Москва будетъ ослаблена и не будетъ угрожать Польшѣ: „Тymi i tym podobnymi stopniami z Ruśnakami postępując, ten niewątpliwy w czasie odbierzemy pożytek, że lud królestwa polskiego w zobopólnej miłości, zgodzie i jedności zostawać będzie, że Polska szacowuięjsza, mocniejsza i postronnym straszniejsza stanie się, że religia rzymska katolicka, więcej jak mil 160 wszere i wzdłuż zakwitnie, słowem, że wszyscy mocni i ocaleni zostaniemy. Jako Ruś w swoim zostawiona obrządku, lub za oderwaniem się od moskiewskiej schyzmy lub za powróceniem do tejeże, zdała by się grozić upadkiem Polsce, tak gdy ją przemienimy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieję Moskalom jęj odzyskania, potem, ściśle z nami złączoną, uczynimy Moskwie nieprzyjazną“... Москву можно надуть, показывая ей пріязнь... „Moskwa, będąc nam przyjazną, przyjacielskich naszych kroków, do jakiego zamierzają celu, uważać nie będzie, i rzeczy bez przeszkody swoim pójdą porządkiem, im z większym naszym zmocnieniem, tym znaczniejszym Móskwy i całej Rusi osłabieniem“.

„Проектъ уничтоженія уніатской Руси“ всплылъ на поверхность публичной жизни еще одинъ разъ, именно уже во время распадения польской Рѣчи посполитой. Въ 1786 г. шляхта южнорусскихъ земель, сама происхожденія русскаго, но давно уже католическая и польская, рекомендовала сейму опять уничтоженіе уніатскаго обряда своихъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ прямо въ римскихъ католиковъ; всѣ эти русскіе хлопы, подданные и служащіе своимъ католическимъ польскимъ панамъ, должны съ ними же соединиться и въ обрядахъ, календарѣ и пр. и освободиться отъ своихъ неучоныхъ и простыхъ поповъ, и такимъ образомъ должно водвориться согласіе въ единствѣ. Но этотъ курьезный „Głos obywatelów województw i ро-

wiatów ruskich do zgromadzonych obywatelów na sejmiki przedsejmowe i do stanów na sejm zebranych w r. 1786“ вызвалъ протестъ въ средѣ униженнаго русскаго униатскаго духовенства. Самъ униатскій митрополитъ Смогоревскій, разбирая этотъ „голосъ“ ополяченной южнорусской шляхты, замѣчаетъ между прочимъ, что простой людъ русскій, хотя и подданный пановъ, участвовалъ въ рѣзни украинской и еле подавленъ могущественною силою Россіи; а что касается мнѣнія авторовъ этого „голоса“, будто можно принудить народъ къ перемѣнѣ обряда или что онъ не примкнетъ къ не-унитъ, то на это очень мало надежды. Изъ среды униатской Руси раздавались, по поводу этого „голоса“, разные возгласы, въ которыхъ выражался старинный антагонизмъ Руси и Ляховъ съ большею и меньшею силою. Пусть униатскіе іерархи — говоритъ одинъ униатъ — обратятъ вниманіе на такіе планы шляхты, жаждущей ихъ имуществъ и мести надъ Русью; уже не-униты обратились въ своихъ нуждахъ къ Россіи,—что-же мѣшаетъ и униатамъ искать покровительства у Императрицы Русской, которую Польша признала Императрицею всей Россіи и тѣмъ самымъ и покровительницею всей Руси? — jeśli się udacie do wysokiej protekcyi Najjaśniejszej Monarchini, niezwyciężonej Cesarzowej Rossyjskiej, pełnej łaskowości na wszystkich, którą wszakże Najjaśniejsza Rzecz Pospolita uznała całej Rossyi Imperatorową a tym samymъ wszystkiej Rusi protektorką“. Другой русскій униатъ въ отвѣтъ на тотъ „голосъ“ разбираетъ его довольно подробно и ѣдко, называя его подкидышемъ темнаго суевѣрія, не знающаго истинной основы ни религіи, ни политики благоустроеннаго государства. Въ древней Польшѣ — разсуждаетъ авторъ отвѣта — греческо-русская религія не терпѣла никакихъ преслѣдованій, униженія и насильствъ, и ради нея не было въ отечествѣ никакихъ ссоръ и смуть. Унія въ концѣ XVI в. не принята всею Русью, а началась травля и вражда между Русью униатскою и неунитскою; римское духовенство и его приверженцы охотно участвовали въ этой ссорѣ и травлѣ, радуясь тому, что удалось обратиться Русскаго противъ Русскаго и что такимъ образомъ они сами другъ друга загубятъ—puść Rusina na Rusina, a tak sami się

вовсе не была такою, какъ они себѣ ее воображали, да и невозможно было „надуть“ сильное государственное, которое — благодаря цѣлому ряду мудрыхъ совѣтниковъ—въ теченіе многихъ вѣковъ стремилось къ одной завѣтной цѣли, къ осуществленію своего царя „всѣя Руси, Великой, Малой и

и ихъ Русскихъ, Θεодосій Бродовичъ ¹⁾), возмущеніе Поляковъ въ отношеніи къ Руси и Польши, задаетъ себѣ вопросъ, почему ожесточенная ненависть въ средѣ одной, именно между Поляками и униатско-русской переходитъ къ римскому папѣ на своего брата Русскаго и преслѣдовать. Шляхта и бродовичъ, болѣе благопріятно относятся къ Русскимъ, соединеннымъ съ Польшею и происхожденіемъ. Если во время царьградскому патриархату распространялась между поляками взаимная вражда, то къ этому по крайней мѣрѣ существовалъ предлогъ, т. е. разница главы церкви; но послѣ отдѣленія Руси въ Польшу отъ главенства царьградскаго патриарха и соединенія ея съ Римомъ, такая вражда и ненависть просто непонятны; одна разница обряда или войны Поляковъ съ Русью ея не объясняютъ. Поляки не пожелали, рядомъ съ тремя областями—Великою Польшею, Малою Польшею и Литвою, учредить четвертую, Русь, и на всѣ требованія съ презрѣніемъ отказали—чтобъ Русскій зналъ, что онъ не достоинъ занять мѣсто въ гражданскомъ обществѣ равноправно съ другими—*żeby znał Rusin, iż w cywilnym społeczeństwie równie z innemi mieścić się nie godzien*. Вѣковая вражда и ненависть католической шляхты и духовенства (и иезуитовъ) къ Руси, даже униатской, не происходитъ отъ одного незнанія. Униатская Русь, ли-

¹⁾ См. выше, предыд. стр., прим.

wygubią. Русская шляхта приняла изъ-за политическихъ выгодъ римскій обрядъ, названіе „Русскій“ сдѣлалось чуть не синонимомъ „хлопа“, а унія презрѣнною „хлопскою вѣрою“ — *po dziś dzień w szkołach nawet, ugagają się z Rusinów, ruska wiara — chłopska wiara, Ruthenus et Rusticus idem sonat* ¹⁾. Уничтоженіе униатской Руси и обращеніе ея въ римскихъ католиковъ предлагалъ уже въ началѣ XVIII в. неизвѣстный авторъ „проекта“ 1717 года. Но это униженіе русской унии не принесло Польшѣ никакой пользы, а преслѣдованіе русской религіи, которая вопреки конституціямъ называется схизмою, дало поводъ къ кровавымъ козацкимъ возстаніямъ. Напрасно авторы „голоса“ ожидаютъ отъ уничтоженія унии и побѣды римскаго католицизма на Руси „согласія въ единствѣ“, и жаль, что они не прибавили, чтобъ хлопы украинскіе учились-де говорить по-мазовски; ибо такимъ образомъ было бы согласіе въ предлагаемомъ ими единствѣ большее. Поселяне русскаго униатскаго обряда едва-ли могутъ быть приневолены къ принятію римскаго обряда безъ возстанія, а тотъ „голосъ“ не шумъ вѣтра тихаго, а вѣтеръ большой и сильный, разваливающій горы и раздробляющій скалы. А что-же послѣ уничтоженія униатовъ дѣлать съ не-униатами и диссидентами, которые пользуются сильнымъ покровительствомъ сосѣднихъ державъ; и какъ же миліонамъ сельской Руси запретить, если не захотятъ принять латинскій обрядъ, вернуться къ не-унии? ²⁾.

Авторы разныхъ этихъ проектовъ объ уничтоженіи униатской Руси и объ ея обращеніи въ римско-католическихъ Ляховъ ошиблись въ одномъ только: Россія или, какъ они ее называютъ,

¹⁾ Срв. выше стр. 197 въ Подляшѣ (1501) „Rusin“=chłop!

²⁾ Разные эти акты помѣщены въ историческихъ запискахъ о событіяхъ на Волынѣ и Подольѣ 1798 г. Феодосія Бродовича, униат. священника луцкаго: *Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartéj* (изд. во Львовѣ 1861—62, и въ московскихъ Читеніяхъ 1868—1869, съ русскимъ переводомъ). См. тоже *Supplementum ad histor. Russiae monumenta*, 221; Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края; срв. *Jekel Polens Staatsveränderungen* III. 132, S. Załęski: *Ojcowie jezuitci we Lwowie*, p. 80.

„Москва“ вовсе не была такою, какъ они себѣ ее воображали, и очень трудно, да и невозможно было „надуть“ сильное государство русское, которое — благодаря цѣлому ряду мудрыхъ государей и ихъ совѣтниковъ—въ теченіе многихъ вѣковъ стремилось неуклонно къ одной завѣтной цѣли, къ осуществленію законнаго титула своего царя „всея Руси, Великой, Малой и Бѣлой“.

Одинъ изъ униатскихъ Русскихъ, Θεодосій Бродовичъ ¹⁾, наблюдая тогдашнее настроеніе Поляковъ въ отношеніи къ Руси вообще, уже наканунѣ паденія Польши, задаетъ себѣ вопросъ, откуда взялась такъ сказать врожденная ненависть въ средѣ одного славянскаго народа въ Польшѣ, именно между Поляками и униатскою Русью; да даже какъ только Русскій переходитъ къ римскому обряду, онъ сейчасъ начинаетъ смотрѣть на своего брата Русскаго-униата изъ-подлобья, его ненавидѣть и преслѣдовать. Шляхта русскихъ земель, покинувши русскій обрядъ, болѣе благопріятствуетъ протестантамъ и жидамъ, чѣмъ Русскимъ, соединеннымъ съ нею религіею, родиною и происхожденіемъ. Если во время подчиненія Руси царьградскому патріархату распространялась между Славянами взаимная вражда, то къ этому по крайней мѣрѣ существовалъ предлогъ, т. е. разница главы церкви; но послѣ отдѣленія Руси въ Польшѣ отъ главенства царьградскаго патріарха и соединенія ея съ Римомъ, такая вражда и ненависть просто непонятны; одна разница обряда или войны Поляковъ съ Русью ея не объясняютъ. Поляки не пожелали, рядомъ съ тремя областями—Великою Польшею, Малою Польшею и Литвою, учредить четвертую, Русь, и на всѣ требованія съ презрѣніемъ отказали—чтобъ Русскій зналъ, что онъ не достоинъ занять мѣсто въ гражданскомъ обществѣ равноправно съ другими—*żeby znał Rusin, iż w cywilnym społeczeństwie równie z innymi mieszkańcami się nie godzien*. Вѣковая вражда и ненависть католической шляхты и духовенства (и иезуитовъ) къ Руси, даже униатской, не происходитъ отъ одного незнанія. Униатская Русь, ли-

¹⁾ См. выше, предыд. стр., прим.

шенная на всегда въ своей землѣ правъ и привилегій, напрасно ссылается на свою вѣрность, послушаніе, подданство, постоянство въ униі; никогда ей не повѣрятъ. Ея судьба всегда печальна: Полякъ будетъ преслѣдовать Русь въ томъ убѣжденіи, что она благопріятствуютъ Москвѣ, а Москвитянинъ сдѣлаетъ то же самое потому, что она — униатская. Причина такой ненависти стѣдующая: Русь, хотя и униатская, все-таки вѣтвь того дерева, въ которомъ усмотрѣли ядъ; она принадлежитъ восточной церкви, которая дерзнула когда-то состязаться и сравниваться съ церковью западною. Вотъ непростительный грѣхъ Руси!

IV.

ЧЕХИ И ПРАВОСЛАВНЫЕ СЛАВЯНЕ *).

Великую мысль возымѣли моравскіе Моймировичи, когда они, стремясь къ полному освобожденію своего государства изъ-подъ нѣмецкаго вліянія, обратились въ Царьградъ и призывали оттуда апостоловъ вѣры Христовой вмѣсто жадныхъ нѣмецкихъ епископовъ и священниковъ. Прекрасно стало развиваться словѣнское богослуженіе въ Моравѣ, откуда оно распространялось и въ со-сѣднія славянскія земли, въ Чехію, въ полабскую Сербію и къ южнымъ Ляхамъ; оно процвѣтало и въ Паноніи, проникало къ Славянамъ адриатическимъ, къ Хорватамъ, къ Сербамъ, и къ Словѣнамъ въ Болгаріи и въ подунайскихъ странахъ. Римскій патриархъ или папа, къ епархіи котораго принадлежали западнославянскія страны, относился сначала благосклонно къ словѣнскому богослуженію. Можно было надѣяться, что всѣхъ Славянъ соединитъ одно вѣроисповѣданіе, а также одинъ языкъ — надежда тщетная! Моравское государство погибло, Угры раздѣлили Славянъ, и западные Славяне вынуждены были примкнуть къ Нѣмцамъ и къ латинскому Риму; отъ словѣнскаго богослуженія уцѣлѣли тамъ только остатки, да и тѣ скоро исчезли вслѣд-

*) Эта глава, очевидно не конченная и не отдѣланная, написана авторомъ по всѣмъ признакамъ значительно ранѣе предыдущей (въ 1886 г.). Онъ соби-рался ее обработать, принявъ во вниманіе новыя изслѣдованія по разбрас-кымъ ею вопросамъ (напр. Пальмова—о сношеніяхъ Гуситовъ съ восточною цер-ковью, Д. Цѣтасва—о Рокитѣ etc.). Рю.

ствіе латинско-нѣмецкой вражды. Когда основана епископія въ Прагѣ (973 г.), то папа прямо потребовалъ, чтобъ епископія была латинская, а не по обрядамъ или сектѣ болгарскаго или русскаго народа или словѣнскаго языка. Латинское духовенство въ Чехіи, въ Моравѣ и Словенщинѣ стремилось къ истребленію словѣнскаго богослуженія, какъ оно это дѣлало и въ другихъ странахъ. Главное участіе въ разрушеніи труда апостоловъ Константина и Меѳодія среди западныхъ Славянъ приписывали на Руси еще въ XV в., несомнѣнно по болѣе древнимъ извѣстіямъ, второму пражскому епископу Войтѣху: этотъ латинскій епископъ разрушилъ-де правую вѣру въ Моравѣ, у Чеховъ и у Ляховъ, отвергъ русскую (т. е. словѣнскую) грамоту, и поставилъ латинскую вѣру и грамоту, а правой вѣры епископовъ и поповъ перебилъ или разогналъ ¹⁾.

Но словѣнскій языкъ въ богослуженіи не исчезъ въ Чехіи тотчасъ послѣ побѣды латинскаго; еще сто лѣтъ спустя послѣ учрежденія пражской епископіи чешскій князь Вратиславъ и народъ любили словенское богослуженіе къ большому негодованію папы. Только съ исчезновеніемъ словѣнскаго монастыря Сазавскаго исчезло и словѣнское богослуженіе въ Чехіи, и Чехи привыкли потомъ смотрѣть на православныхъ христіанъ, Грековъ ли, или Славянъ, съ римско-латинской точки зрѣнія. Греки, Болгаре и Рашане (Сербы) были для Чеховъ „схизматики — роздвоенцы“ (какъ выражается король Премысль Отакаръ II), Русскіе „неутвержденные“ (какъ они называются въ чешской Александрейдѣ), и сравнивались чуть ли не съ Татарами, Бесерманами, Литовцами, босенскими Патаренами и пр.

¹⁾ См. приписку къ пановскому житію св. Константина по рукописи XV в. въ москов. Читеніяхъ 1860-хъ гг., *Fontes rerum bohemicarum* I. 38). Войтѣху приписывалось на Руси то, что вообще случилось въ Моравіи послѣ смерти св. Меѳодія (*Fontes rer. bohem.* I. 90, срв. *Časopis Česk. Muv.* 1881, 286) и въ Чехіи въ XI в. въ Сазавскомъ монастырѣ, какъ это описываютъ Сазавскій монахъ и біографъ св. Прокопія (*Fontes rer. bohem.* II. 250, I. 349). Срв. *Будиловича*: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ Славянъ. Епископъ Войтѣхъ (Варшава 1880).

Ошибочно мнѣніе, будто въ Чехіи сохранились тайкомъ остатки словѣнскаго богослуженія до гуситскаго движенія, которое будто-бы выросло на основаніи тѣхъ словѣнскихъ преданій. Это мнѣніе не основывается ни на какихъ достовѣрныхъ современныхъ извѣстіяхъ, и пущено въ обращеніе только нѣкоторыми некритическими лѣтописцами чешскими XVI и XVII вв., со стороны уtrakвистовъ и чешскихъ братьевъ¹⁾. Гуситство имѣло совер-

¹⁾ По ихъ примѣру утверждаютъ это тоже нѣкоторые новѣйшіе русскіе историки: *Еламинъ* (Объ исторіи Чехіи Палацкаго 1848), *Новиковъ* (Православіе у Чеховъ 1848, Гусъ и Лютеръ 1859), *Клевановъ* (Очеркъ исторіи чеш. вѣроиспов. движенія, въ Читеніяхъ М. О. И. Д. 1869 — 1875), *Надлеръ* (Причины оппозиціи католицизму въ Чехіи 1864), *Вильбасовъ* (Чехъ Янъ Гусъ 1869), *Гильбердинъ* (Гусъ и его отношеніе къ православной церкви 1871), *Невоструевъ* (въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije 21), *Ламанскій* (Славян. Сборникъ 1875, I. 549). Но всѣ эти мнѣнія опровергаетъ *Васильевъ*: Причины и характеръ чешскаго религіознаго движенія (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1876, іюль, августъ); съ нимъ согласенъ *Пальмовъ*: Вопросъ о чашѣ въ гусит. движеніи (1881)*. Срв. *Kalouisek*: O historii kalicha v dobách předhusitských (1881), и въ *Časopis Česk. Musea* 1882, стр. 90; *Goll* (contra Denis) въ *Časopis Č. M.* 1878, стр. 590. — О „православіи“ у Чеховъ (Моравянъ и Словаковъ) можно говорить только съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Ученіе, обряды, книги, припесенныя Константиномъ и Меѳодіемъ къ западнымъ Славянамъ, были, конечно, православныя, церкви восточной, греческой; но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что тогда расколъ обѣихъ церквей, восточной и западной, не былъ еще упроченъ, и что Константинъ и Меѳодій дѣйствовали „въ области св. Петра“, въ области римской патріархіи, и что они признавали римскаго патріарха своимъ духовнымъ начальникомъ.

* В рукописи здѣсь есть отмѣтка автора на поляхъ — со ссылкой на статью г. Пальмова въ „Христ. Читен.“ за 1889 г.: „Къ вопросу о сношеніяхъ Чеховъ-Гуситовъ съ восточною церковью въ пол. XV в.“, въ которой г. П. разъясняетъ, что выступая съ возраженіями противъ названныхъ ученыхъ, онъ „не отрицалъ приводимыхъ ими въ защиту своего положенія фактовъ и даже нѣкоторыхъ объясненій ихъ, но высказывался только противъ крайностей выводовъ, по которымъ гуситское движеніе представляется незаконнымъ и *отчасти сознательнымъ* стремленіемъ Чеховъ къ православному востоку“, что онъ однакожъ при-

именно другія причины; оно началось оппозиціей нѣкоторымъ злоупотребленіямъ въ католической церкви, а кончилось отдѣленіемъ чешской гуситской церкви отъ римской, и возникновеніемъ разныхъ религіозныхъ обществъ, начиная уиѣренными чашниками и кончая радикальными Таборани и пантенстами—Адамитами.

Чехи, начиная свою оппозицію Риму и ведя потомъ упорную борьбу съ нимъ, обратили свое вниманіе и на другую половину христіанства, на церковь восточную или греческую, на тѣхъ „схизматиковъ“ (какъ ихъ называла римская церковь), по большей части Славянъ. Гуситскіе Чехи, освобождаясь все болѣе изъ-подъ власти Рима и наконецъ вполне порвавъ съ нимъ сношенія, стали смотрѣть на православную церковь иначе, чѣмъ ихъ предки. Также и причащеніе подъ обоими видами—обычай, соблюдавшійся и въ западной церкви довольно долго, но потомъ запрещенный—постоянно напоминало гуситамъ восточную церковь, въ которой оно всегда оставалось въ употребленіи. Гусъ, занимаясь разными богословскими вопросами, обращалъ вниманіе и на греческую церковь, хотя онъ не имѣлъ о ней всегда вѣрныхъ свѣдѣній; онъ не думалъ, что Греки, хотя и не признаютъ главенства папы, прокляты, и предполагалъ, что Греки и Латиняне могли бы согласиться и относительно исхожденія св. Духа ¹⁾. Было бы любопытно узнать, почему тогда, и именно когда Гусъ писалъ свое сочиненіе „о церкви“, его довѣренный другъ магистръ *Иеронимъ* изъ Праги путешествовалъ въ Польшу и дальше на Руся, гдѣ онъ отнесся очень дружелюбно къ православной

¹⁾ Срв. Гильбердинга: Гусъ, его отношеніе къ православной церкви (Спб., 1871). О „греческой вѣрѣ“ могли тогда Чехи узнать кое-что и въ описаніи путешествій Мандевила, переведенномъ по-чешски Лаврентіемъ изъ Брезовой (Výbor z literatury české II. 598).

знаеть важнымъ факторомъ въ чешской реформаци—„первоначальное кривошеюе православіе Чеховъ, которое, не смотря на торжество надъ нимъ латинства, тамълось адѣсь въ исторической обстановкѣ какъ преданіе“ и проч. Для ссылки на эту статью Пальмова, авторъ вѣроятно собирался видоизмѣнить это мѣсто своего примѣчанія, а быть можетъ кое-что и въ самомъ текстѣ своемъ. Дд.

вѣрѣ. О цѣли этого путешествія Іеронима не извѣстно ничего достовѣрнаго; можетъ быть, что онъ его предпринялъ по внушенію Гуса,—можетъ быть, что онъ, познакомившись почти со всей западной Европой, пожелалъ узнать также славянскій востокъ.

Весной 1413 г. Іеронимъ былъ въ Краковѣ, и здѣсь онъ своими рѣчами, несомнѣнно богословскаго содержанія, произвелъ среди духовенства и народа такое возбужденіе умовъ, какого не помнили въ краковской епархіи; но простой народъ польскій — утѣшался епископъ краковскій — не былъ въ состояніи понять ученіе такого философа, а еще меньше Литва и Русь ¹⁾. Черезъ нѣсколько дней Іеронимъ отправился дальше на Литву къ великому князю Витовту, и сопровождалъ его по Литвѣ и Руси. Описание этого путешествія представляемъ здѣсь по обвиненію Іеронима инквизиторомъ на Констанцскомъ соборѣ.

„Въ русскомъ краѣ существуетъ многолюдный городъ *Витебскъ*. Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіанской (т. е. католической) вѣры и заблуждающіеся. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона, и существуетъ также монастырь францисканцевъ, живущихъ по закону истинныхъ христіанъ (т. е. католиковъ). Въ 1413 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, князь Витовтъ, двоюродный братъ короля польскаго, прибылъ въ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитой, въ числѣ которой находился *Іеронимъ Пражскій*. Монахи и благочестивые христіане вышли на встрѣчу къ князю съ процессіей и хоругвами и священными мощами. А Русскіе или схизматики—съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессіей вышли также на встрѣчу князю и приняли его при вѣздѣ. Іеронимъ же во время вѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію монашествующихъ братій и христіанъ (т. е. католиковъ), пошелъ къ процессіи Рус-

¹⁾ Documenta M. J. Hus, 506. По этому письму епископа Іеронимъ говорилъ въ Краковѣ, что онъ приглашенъ королемъ Владиславомъ и Витовтомъ; но епископъ отрицаетъ это, по крайней мѣрѣ относительно короля.

кихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И тамъ, въ присутствіи четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ обоего пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ иощамъ и образамъ невѣрныхъ, схизматиковъ и Русскихъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвергаясь отъ исповѣданья вѣрныхъ христіанъ. Въ слѣдующее затѣмъ время онъ поклонялся явно и публично превратнымъ иощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, говоря и утверждая положительно, на сколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что секта Русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная. Онъ, на сколько могъ, тщился, работалъ и старался, чтобы великаго князя Витовта, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отвратить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ сказанной сектѣ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ. И такъ было и есть дѣйствительно, публично и гласно. Затѣмъ Іеронимъ, въ присутствіи преподобнаго отца, епископа Виленскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждая скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры сказалъ положительно, что схизматики Русскіе суть хорошіе христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя тѣхъ Русскихъ и ихъ превратную вѣру. На Руси есть городъ Плесковъ, въ разстояніи около 100 нѣмецкихъ миль отъ границъ христіанъ. Іеронимъ въ 1413 г. прибылъ въ городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь или синагогу тѣхъ Русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоненія превратнымъ ихъ таинствамъ; и въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіи ключей Петровыхъ, и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданья тѣхъ невѣрныхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ иными ихъ дарами, явно, публично и гласно. Поведеніе Іеронима дало поводъ къ соблазну между христіанами и Русскими, тѣмъ болѣе, что Іеронимъ публично одобрялъ невѣру, схизму и ересь Русскихъ и подтверждалъ ихъ въ ихъ заблужденіяхъ. Дабы болѣе понравиться невѣрнымъ народамъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ вѣрѣ, онъ по обряду невѣрныхъ отпустилъ

себѣ и носилъ длинную бороду и волосы, совершенно отринувъ и оставивъ одѣяніе и тонсуру клирика. Объ этомъ вездѣ публично говорили, особенно въ епархіяхъ Гнѣзенской и Пражской, въ Польшѣ, въ Чехіи и въ другихъ странахъ“. Со всѣмъ этимъ, Іеронимъ соглашался и на Констанцкомъ соборѣ, и собирался защищать все это вновь ¹⁾).

Іеронимъ показалъ себя и на Руси гѣмъ, „благороднымъ, знаменитымъ геніемъ и истиннымъ философомъ“, какимъ его нашелъ три года спустя въ Констанцѣ Итальянецъ Поджо Брачоллини, выдающійся изъ числа остальныхъ его темныхъ судей. И въ самомъ дѣлѣ, относится тогда, въ фанатическомъ XV-омъ вѣкѣ, къ православному вѣроисповѣданію такъ, какъ это дѣлалъ Іеронимъ Пражскій, для этого надо было быть человѣкомъ необыкновенно сильнымъ, благороднымъ и просвѣщеннымъ; визкая брань инквизитора по адресу православныхъ Русскихъ и просвѣщеннаго Чеха выказываетъ этого послѣдняго въ свѣтѣ еще болѣе блестящемъ. Также и Гусъ защищалъ своего друга противъ клеветъ вѣнскаго профессора Зибарта, который публично обвинялъ Іеронима въ ереси и въ томъ, что онъ отправился къ польскому королю Владиславу и къ литовскому князю Витовту ради совращенія ихъ съ пути истинной вѣры. „Мало того“, пишетъ Гусъ Зибарту († іюля 1413 г.), „что ты дерзнулъ коснуться зубами почтеннаго магистра Іеронима, ты коснулся и великихъ общинъ; не довольно тебѣ было Чехіи, но ты осмѣлился въ своеѣ преподаваніи, съ дьявольскою наглостью, заклеить обвиненіемъ въ еретичествѣ царство

¹⁾ Hardt: Concilium Constantiense (Francofurti et Lipsiae 1699) IV. 634, 752. Гильердингъ, Гусъ 16; Пальмовъ, 182. Къ сожалѣнію не сохранилось съ чешской стороны никакого извѣстія объ этомъ любопытномъ путешествіи Іеронима.—Отъ этого магистра Іеронима Пражскаго надо отличать другого *Іеронима Пражскаго*, монаха камальдуенскаго, который послѣ возникновенія гуситскаго движенія бѣжалъ изъ Праги въ Польшу, и оттуда отправился въ Литву, гдѣ онъ, пользуясь благосклонностью Витовта, обращалъ Литовцевъ въ христіанство. Позже онъ былъ на соборѣ Базельскомъ, и здѣсь съ нимъ познакомился Эней Сильвій, и узналъ отъ него многое о Литвѣ. Срв. Aeneae Sylvii Historia de Europa, cap. 26.

Славинъ, но я надѣюсь, живо, по невѣжеству“ ¹⁾). Подъ этимъ славянскимъ царствомъ Гусъ подразумѣваетъ безъ сомнѣнія и Польшу, которую не нужно было называть еретической, — а скорѣе Литву и соединенную съ нею православную Русь, гдѣ Иеронимъ только-что путешествовалъ. Это путешествіе надѣлало тогда много шуму въ Польшѣ, Чехіи и въ другихъ странахъ, и католики въ Литвѣ и Руси навѣрное не преминули оглашать міру предосудительный по ихъ мнѣнію образъ дѣйствій чешскаго магистра, вмѣстѣ съ необходимымъ тогда осужденіемъ „невѣры, схизмы и ереси“ Русскихъ, какъ выразился потоиъ инквизиторъ ²⁾). Можетъ быть, еслибъ Гусъ и Иеронимъ остались дольше въ живыхъ и убѣдились въ невозможности примиренія съ Римомъ, они бы искали сношенія съ восточной церковью, какъ объ этомъ думали позже ихъ ученики. О Гусѣ былъ въ первой половинѣ XV вѣка распространенъ между Сербани слухъ, что онъ былъ въ Иерусалимѣ и на Синаѣ, и здѣсь познакомился съ православіемъ и съ греческимъ письмомъ; потоиъ онъ „началъ въ Прагѣ ересь глаголемая Хусъ, ихъже нѣдци близъ православія глаголють быти“ ³⁾).

Гуситскіе Чехи, умѣренные и усердные, въ послѣдствіи часто указывали симпатично на церковь восточную, греческую, ко-

¹⁾ Documenta M. J. Hus, 63.

²⁾ Подобно тому какъ эти слова и дѣйствія чешскаго магистра казались инквизитору предосудительными, такъ соблазняется впоследствии польскій каноникъ Длугошъ по поводу словъ императора Сигизмунда, который тотъ сказалъ на съѣздѣ въ Луцкѣ (1429 года): *Nec reductioni Graecorum intendere expedit, cum ipsam fidem nobiscum profiteantur, barbibus duntaxat et uxoribus a nobis secreti sunt; id tamen illis vitio non est, una enim uxore Graecorum presbyteri contenti sunt, Latini decem et amplius tenent.* (Historia polon. IV. 368).

³⁾ Такъ пишетъ тогда Сербъ Константинъ Философъ въ житіи сербскаго князя Стефана (Бѣлградскій Гласникъ 1875, кн. 42, стр. 313). Сербы (Расы, Рацы) бывали тогда въ Чехіи, какъ враги, въ войскѣ императора Сигизмунда. Во всякомъ случаѣ Сербы знали гуситовъ лучше, чѣмъ Греки, которые считали ихъ приверженцами Иисуса, Моисея и Магомеда. (Scriptores rerum hussit. III. 170).

торая-де тоже составляет часть общей церкви, и въ которой сохранился важный символъ гуситства, причащеніе подъ обоими видами; гуситы часто требовали, чтобъ на соборѣ всего христіанства были тоже Греки, Армяне, патріархъ изъ Константинополя, которые причащаются подъ обоими видами. Одинъ чешскій утраквистъ, въ концѣ XV вѣка совершившій путешествіе на востокъ до Іерусалима, думаетъ, что — какъ восточные христіане причащающіеся подъ обоими видами не еретики, такъ и Чехи утраквисты не еретики, а истинные сыны св. церкви. На греческую церковь ссылались не только утраквисты, но тоже Таборы, о соглашеніи которыхъ съ православной церковью нельзя было и подумать; ихъ епископъ Николай изъ Пельгримова называлъ греческую церковь непосредственной дочерью и ученицей апостоловъ и учительницей римской церкви ¹⁾.

Когда чешскіе утраквисты, не смотря на всѣ торжественныя обѣщанія базельскаго собора, были Римомъ безпрестанно отталкиваемы, то они, желая выйти изъ этой своей изолированности, а также приобрести законную іерархію и духовенство, стали серьезно думать о соединеніи своей церкви съ греческой: „мысль смѣлая“ — говоритъ Палацкій — „и въ своихъ послѣдствіяхъ, еслибъ она осуществилась, неизмѣрима“. Первые слѣды этой мысли являются около 1447 г., когда чешскіе послы въ Римѣ угрожали, что Чехи обратятся въ другую сторону; годъ спустя сказалъ въ Прагѣ Петръ изъ Младеновицъ, ученикъ Гуса, папскому легату, что въ случаѣ неподатливости Рима—онъ услышитъ стран-

¹⁾ Срв. между прочимъ Archiv český VI. 421; Urkundl. Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges II. 211, 221, 515; Пальмовъ 147; Sazoris Česk. Musea 1861, 273; Scriptores rer. hussit. II. 506. Одинъ древній чешскій лѣтописецъ восхваляетъ турецкаго султана за то, что онъ предпочиталъ христіанъ утраквистовъ христіанамъ, причащающихся подъ однимъ видомъ—того бога, который даетъ ѣсть и пить, тому, который даетъ только ѣсть, а не пить. Эти слова султана подѣйствовали на пана Яна Стражскаго такъ, что онъ, возвратившись съ востока въ Прагу, сталъ изъ jednušku podobojim. (Starší letopisové českí, 216).

ныя вещи. Скоро уtrakвистская консисторія стала сношаться съ Царьградомъ, откуда получила благопріятное письмо, подписанное нѣсколькими архіереями, въ томъ числѣ и позднѣйшимъ патриархомъ Геннадіемъ (1452 г.); греческіе епископы радовались напѣренію чешскихъ уtrakвистовъ, увѣщевали ихъ соединиться съ восточной церковью, и надѣялись, что это соединеніе возможно, соглашаясь въ томъ съ уtrakвистами. Одинъ чешскій посолъ принятъ былъ въ Царьградѣ очень дружески, и Греки съ радостью прислушивались къ его выходкамъ противъ папы и къ его восхваленію греческой церкви. И въ самомъ дѣлѣ, если взять ученіе чешскихъ уtrakвистовъ, главная разница котораго отъ римско-католическаго состояла въ причащеніи подѣ обоими видами и въ непризнаніи папы, то можно было ожидать, что чешская уtrakвистская церковь сойдется съ церковью греческой—православной. Но эти переговоры между Прагой и Царьградомъ, столь важные для будущности славянскаго міра, прекратились въ самомъ зародышѣ, именно вслѣдствіе паденія Царьграда и греческаго царства (1453) ¹⁾. Но расположеніе къ восточной церкви осталось у чешскихъ уtrakвистовъ и впослѣдствіи. Послѣ паденія Царьграда прибыли въ Прагу два греческихъ священника; уtrakвистскій архіепископъ Янъ Рокицана принялъ ихъ любезно, разговаривалъ съ ними о религіи и позволилъ имъ справить литургію ²⁾. Также

¹⁾ Palacký: Dějiny národu česk. IV. č. I. str. 227, 259; Гильфердинга, Гусъ 43, 57; Пальмовъ 186. Письмо администраторовъ консисторіи въ Царьградѣ отъ 29 сентября см. у Палацкаго: Urkundl. Beiträge zur Geschichte Böhmens in der Zeit Georgs von Poděbrad, 51. Такое же письмо отъ 14 ноября (Höfler: Scriptores rer. hussit. III. 176) только передѣланное первое.

²⁾ Срв. рукопис. исторію чешскихъ братьевъ, приписываемую Благовлаву (рукоп. праж. университет. библ., I. 19), и Historia fratrum bohém. (Halaе 1702, р. 15, приписыв. Коменскому). Оба эти братскіе писателя замѣчаютъ, что здѣсь оказалось, что и греческая вѣра „изобилуетъ суевѣрїями, и что нечего искать истину и начало у Грековъ“. Но мы сомнѣваемся, чтобъ обряды греческой церкви показались чешскимъ уtrakвистамъ столь „суевѣрными“; вѣдь и въ уtrakвистской церкви было много обрядовъ. Уtrakвисты не были братья.

и преемникъ Рокицаны, администраторъ Вячеславъ *Коранда*, все желалъ соединенія съ восточной церковью всей чешской церкви, католической и уtrakвистской. „Желательно, чтобъ Чехи узнали, что папа со своими — церковь западная, и чтобъ ее оставили и обратились бы къ восточной, и руководясь ею, поставили бы себѣ епископовъ своего языка, не Нѣмцевъ, не Итальянцевъ! Пользовались бы лучше свободой христіанской вѣры, и подобно тому какъ въ причащеніи подѣ обоими видами, вода бы потекла и здѣсь истинной серединой“. Уtrakвистовъ тогда упрекали въ томъ, что, когда между ними появлялся какой-нибудь Грекъ, Русскій или Раць (Сербъ), они принимали его съ особенной любезностью, будто онъ лучше другихъ христіанъ ¹⁾. Это, такъ сказать, духовное родство съ православной церковью чувствовали чешскіе уtrakвисты долго. Когда въ 1554 г. несчастная русская княжна, Елизавета (Гальшка) Острожская и ея женихъ русскій князь Димитрій Сангушко прибыли въ Чехію, то ихъ въ городѣ Яромѣрѣ вѣнчали два священника — рассказываетъ неизвѣстный Яромѣрянинъ — одинъ подѣ однимъ видомъ (католикъ), а другой подѣ обоими видами (уtrakвистъ)—но той причинѣ, что князь Димитрій держался обряда подѣ обоими видами, какъ его соблюдаютъ Греки ²⁾.

Причащеніе подѣ обоими видами, общее церквамъ уtrakвистской и восточной, возбудило въ уtrakвистахъ мнѣніе, что этотъ обычай существовалъ въ Чехіи съ самаго начала христіанства, введеннаго тамъ изъ Греціи апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ, и что онъ сохранился здѣсь не смотря на всѣ преслѣдованія до временъ Карла IV. Такимъ образомъ уtrakвисты старались установить какъ-бы непрерывность причащенія подѣ обоими видами съ начала христіанства въ Чехіи почти до Гуса, связывая себя съ церковью греческой. „Историческихъ доказательствъ“ тогда, при полномъ недостаткѣ исторической критики, нашлось вдоволь; если чешскіе лѣтописцы могли рассказывать разныя разности о праотцѣ Чехѣ, то они точно также умѣли по-

¹⁾ Palacký: Dějiny národu českého, V. I. str. 350.

²⁾ Časopis Česk. Musea 1852, str. 19.

томъ разсказывать разныя вещи о зачаткахъ христіанства въ Чехіи. Уже Іеронимъ сказалъ на соборѣ Констанцскомъ, что Чехи происходятъ отъ Грековъ и что потомъ въ Чехіи враждовали между собой „Греки“ и „Нѣмцы“, что продолжалось-де до временъ императора Карла IV ¹⁾. Впослѣдствіи уtrakвистская консисторія, зная кое-что о дѣятельности обоихъ славянскихъ апостоловъ, утверждала, что св. апостолы „Цръга“ (чешская форма имени „Цырилль“), епископъ моравскій и чешскій, и Донатъ (!) испросили у папы, чтобъ онъ дозволилъ Чехамъ причащеніе подъ обими видами; это разсказывали пражскіе послы уtrakвисты папскому легату въ Будинѣ (1525 г.), ссылаясь на какія-то „исторіи въ пражской коллегіи въ консисторіи“ ²⁾. Также уtrakвистскій священникъ Богуславъ *Билевскій* въ церковной хроникѣ чешской (1537) разсказываетъ разныя разности о причащеніи подъ обими видами въ Чехіи съ самыхъ зачатковъ христіанства до временъ Карла IV. По приѣзду уtrakвистовъ утверждали это также братскіе писатели—Іафетъ, Странскій, Коменскій и др. ³⁾.

Мысль о соединеніи уtrakвистовъ съ греческой церковью исчезла послѣ возникновенія нѣмецкой реформаціи, къ которой прикнула большая часть уtrakвистовъ. Ихъ остатки, получивъ отъ папы разрѣшеніе чаши (1564 г.), жили потомъ въ согласіи съ римской церковью.

Кромѣ уtrakвистовъ, о соединеніи которыхъ съ православными можно было думать, не переставали интересоваться восточною церковью также усердные гуситы, Таборы и впослѣдствіи ихъ духовные преемники, *чешскіе братья*. Эти послѣдніе, скоро послѣ возникновенія своей церкви (1457 г.), стали искать первоначальную чистую христіанскую церковь на востокъ, гдѣ

¹⁾ Hardt: Concil. Constant. IV. 758.

²⁾ Современникъ Bartov: Kronika pražská, 182.

³⁾ Гильфердингъ (Гусъ, 22) совершенно напрасно довѣряетъ разсказамъ Странскаго, которые имѣютъ такую-же цѣну, какъ подобныя сказки Гайка, Велеславина, Папроцкаго, Бѣльскаго и др. О причащеніи подъ обими видами въ западной христіанской церкви, см. вышеупомянутыя сочиненія Васильева и Пальмова.

они хотѣли получать посвященіе для своихъ священниковъ; они думали, что такая црковь существуетъ въ Индіи, но узнали потомъ, что тамъ нечего искать такой церкви; впоследствии они говорили въ Прагѣ съ Греками, и нѣкоторые Чехи были и сами въ Греціи, Сербіи, Россіи, Арменіи, Молдавіи, но и тутъ обманулись: волошскіе и русскіе священники посвящаютъ-де кого-бы то ни было, только бы онъ имъ заплатилъ, какъ они дѣйствительно недавно посвятили трехъ лицъ изъ Чехіи, не зная какъ они себя ведутъ ¹⁾. Но это желаніе—узнать чистую первобытную црковь христіанскую не оставляло братьевъ и позже; уже тридцать лѣтъ спустя стали они искать ее вновь, и послали (1491 к.) на востокъ особыхъ развѣдчиковъ для отысканія болѣе чистыхъ црквей. „Черезъ Польшу и Русь“, разсказывается въ лѣтописяхъ чешскихъ братьевъ, „они отправились въ Константинополь, откуда нѣсколько лѣтъ тому назадъ предлагалось Чехамъ, когда тѣ отказались отъ папы, соединеніе съ греческой црковью. Братья, желая этого соединенія, хотѣли прежде всего посмотрѣть на религію и бытъ Грековъ. Пробывши въ Константинополѣ, они развѣхались: Лука Пражскій—въ земли греческія, рыцарь *Марешъ Коковецъ* въ Москву и въ другія области славянскаго языка, Мартынъ *Кабатникъ*, мѣщанинъ Лютомышльскій, въ Азію, Палестину и Египеть, а *Каспаръ* изъ Мархіи (марки, вѣроятно Вальденецъ) хвораая ждалъ ихъ въ Константинополѣ, но однакожъ осмотрѣлъ между тѣмъ Фракію. Эти развѣдчики благочестія, возвратившись дошой, сообщили своимъ, что они не нашли ничего, чего искали. Такимъ образомъ обманулись въ своихъ надеждахъ всѣ тѣ, кто, желая воспользоваться добрыми приѣрами чужихъ

¹⁾ Братскій трактатъ 1471—73 гг., который Палацкій (Dějiny p. č. IV. I. 431) приписываетъ брату Григорію, что Голль (Quellen u. Untersuchungen zur Geschichte d. böhm. Brüder I. 103) отрицаетъ. Срв. Анненкова: Гуситы въ Россіи въ XV и XVI стол. (Странникъ 1878, мартъ).—Около этого времени многіе угорскіе гуситы бѣжали въ Молдавію, гдѣ они основали городъ *Гусъ* (*Гушъ*), *Хусъ* (Hus) на Прутѣ. См. Hunfalvy: Ethnographie von Ungarn, 266, I. Иречекъ въ *Časopis Česk. Musea* 1885, стр. 387.

церквей, не пожалѣвъ труда и денегъ: до такой степени тѣ когда-то процвѣтавшія церкви поблскли. Ибо они увидали повсюду людей—христіанъ, которые, точно сговорившись, предави были разврату, основывали религію на суевѣріяхъ и на поклоненіи образамъ, пренебрегали болѣе важными дѣлами въ завѣтъ; они увидали священниковъ, которые превосходили народъ распутствомъ, но не позволяли никому ихъ наказывать. И убѣдились они, что правы были тѣ, которые говорили имъ объ испорченности всего христіанскаго міра и отсовѣтывали имъ такое путешествіе¹⁾. Иного результата это путешествіе имѣть не могло; строгіе взгляды чешскихъ братьевъ на разные вопросы вѣры и нравственности нельзя было примирить съ ученіемъ ни церкви латинской, ни греческой, ни утраквистской, и братья Лука или Коковецъ не могли смотрѣть на греческую церковь такъ, какъ нѣкогда Іеронимъ Пражскій.

Чешскіе братья, не находя первобытной чистой христіанской церкви и видя повсюду въ мірѣ испорченность, грѣховность и развратъ, стали скоро считать *себя* такою чистою церковью, и думать о ея распространеніи, преимущественно на славянскомъ востокѣ, въ земляхъ польскихъ и русскихъ. Къ этому ихъ побуждали сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами народа чешскаго и славянскаго, а со своими будемъ апостолами нѣмецкини“, сказалъ Лютеръ братьямъ Августъ и Израилю (1542), а Буцеръ уже раньше сказалъ брату Червенкѣ, что братья посредствомъ своего славянскаго языка могутъ служить болѣе распространеннымъ народамъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ языкомъ²⁾.

Первымъ поприщемъ такой апостольской дѣятельности бра-

¹⁾ По чешскому переводу книги Полика *Ласицкаго*: *Historie bratří českých* (изд. 1649, 1765, 1869). Объ этомъ рассказываютъ и другіе историки общины чешскихъ братьевъ: Благославъ (срв. *Goll: Quellen* 123), Камерарій, Коменскій, тоже Венгерскій (*Regenvolcsina: Systema histor.-chron. eccles. slavon.*) и др. Изъ тѣхъ развѣдчиковъ одинъ Кабатникъ, насколько знаемъ, описалъ свое путешествіе (срв. *Výbor z literatury české II.* 1015). Жаль, что именно Коковецъ не описалъ своего путешествія.

²⁾ Ласицкій 233, 237, Венгерскій 58.

тьевъ была Польша, куда они, прогнанные изъ родины, обратились—какъ къ своимъ соплеменникамъ (1548). Братское вѣроисповѣданіе приобрѣло тутъ много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, и заняло важное мѣсто рядомъ съ другими двумя не католическими вѣроисповѣданіями, кальвинскимъ и лютеранскимъ. Въ Польшѣ, именно на Литвѣ и Руси, братья опять встрѣтились съ церковью греческой, православной. Во время упадка протестантизма и усиленія католицизма въ Польшѣ въ ущербъ „диссидентамъ“ (протестантамъ) и „дисунитамъ“ (православнымъ не принявшимъ уніи съ Римомъ), возникла среди всѣхъ не-католиковъ въ Польскомъ государствѣ мысль войти другъ съ другомъ въ болѣе тѣсныя сношенія противъ общаго противника; да нѣкоторые диссиденты думали о соглашеніи всѣхъ не-католиковъ и о соединеніи протестантовъ и православныхъ въ нѣкое церковное общество,—мысль довольно странная. Для этой цѣли собрались въ Вильнѣ въ 1599 г. старшины всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій, соединившихся такъ называемымъ соглашеніемъ (консенсомъ) Сандомирскимъ, т. е. чешскаго, гельветскаго и аугсбургскаго, и нѣсколько православныхъ русскихъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Были здѣсь Симеонъ Турновскій (чешскаго происхожденія), Миколаевскій, Гличнеръ и др. Но скоро оказалось, что о какомъ-либо болѣе тѣсномъ соединеніи протестантизма и православія нельзя даже и думать; уже въ собраніи у князя Острожскаго какой-то православный монахъ, протягивая тѣмъ старшинамъ руку, сказалъ не очень вѣжливо: „хотя священное писаніе запрещаетъ говорить еретикамъ даже здравствуй, мы все-таки считаемъ васъ достойными такой вѣжливости“. Но не смотря на эти препятствія, старшины изъ Польши и изъ Литвы, Гличнеръ, Турновскій, Миколаевскій, Яницкій и Пётровскій, послали Царьградскому патріарху Мелетію письмо (6 іюня), въ которомъ они заявляютъ свое желаніе соединиться съ церковью болѣе чистою и независимою отъ Рима. „Такою церковью мы считали всегда восточную церковь въ Греціи и между людьми одного съ нами языка въ Москвѣ, Руси и Литвѣ“. Между прочимъ они указываютъ на какое-то письмо патріарха Никоида (?) чешскимъ братьямъ (*ad fratres Bohemos*), вѣроятно—то письмо изъ Царь-

града утраквистамъ 1452 г.; Турновскій писалъ потомъ патриарху еще особо объ этомъ письмѣ „моимъ предшественникамъ и предкамъ въ Чехиѣ“. Само собой разумѣется, что все это ни къ чему не повело ¹⁾. Чешскій братъ Турновскій, хотя онъ тогда говорилъ уже по-польски, чувствуетъ себя садѣсь Чехомъ и думаетъ опять о соединеніи съ „болѣе чистой“ церковью греческою. Любопытно, что еще въ началѣ XVIII в. подобная тому мысль соединенія польско-литовскихъ „диссидентовъ“ съ „дисунитами“, мысль „возобновленія конфедераціи съ старой Русью“, конечно только съ цѣлью политической, вышла также отъ чешскихъ братьевъ, именно отъ ихъ старшины въ Великой Польшѣ, Яблонскаго ²⁾.

Чешскіе братья думали, что они и въ восточной Руси, въ Москвѣ, найдутъ почву для своей апостольской дѣятельности, тамъ, гдѣ въ концѣ XV в. искалъ чистую вѣру ихъ предшественникъ, рыцарь Коковецъ. Чтобъ лучше понять эту мысль чешскихъ братьевъ, надо знать, что тогда, въ половинѣ XVI в., въ Москвѣ появился рационалистскій толкъ Матвѣя Башкина и Θεодосія Косого, что въ 1552-омъ г. прибыли въ Витебскъ три православныхъ монаха изъ глуби московской Руси и ратовали противъ обрядовъ и образовъ. На съѣздѣ въ Вильнѣ 1599 г. Николай Зеновичъ, русскій кальвинистъ изъ Литвы, сказалъ, что и московскіе Русскіе склонны къ евангелію; сотни ихъ прибываютъ въ Витебскъ и въ другія пограничныя мѣста на богослуженіе, и жадно читаютъ и покупаютъ польскую біблію, изданную кальвинистами въ Берестѣ, и новый завѣтъ, изданный въ Вильнѣ иждивеніемъ Зеновича; и въ Москвѣ-де открывається обильная жатва, только чтобъ не было недостатка въ работникахъ. Обо всемъ этомъ братья несомнѣнно имѣли хорошія свѣдѣнія, и думали о приобрѣтеніи новыхъ приверженцевъ также въ обширномъ восточно-славянскомъ государствѣ; а старшина великопольскихъ братьевъ, Янъ *Рожита*, Чехъ происхожденіемъ, думалъ даже объ обращеніи са-

¹⁾ Regenvolscius, 487.

²⁾ Łukaszewicz: *Historya helweck. wyznania w Litwie*, I. 315.

шого царя Ивана. Рокита находился въ польскомъ посольствѣ въ Москву (1570 г.), членами котораго были два великопольскихъ пана братскаго вѣроисповѣданія, Янъ изъ Кротошина и Рафаялъ изъ Лешна (Лешна, Лещинскій), и рѣшился на это путешествіе главнымъ образомъ съ цѣлью миссіонерской. „Одно меня утѣшаетъ“, пишетъ Рокита передъ отъѣздомъ брату Червенкѣ (1569 г.), „что народъ московскій употребляетъ славянскій языкъ, и что, можетъ быть, при этомъ случаѣ богъ можетъ явиться въ томъ густомъ мракѣ“¹⁾. Въ разговорѣ съ царемъ, вѣроятно на польскомъ языкѣ, Рокита излагалъ свое исповѣданіе въ отвѣтахъ на вопросы царя, касающіеся разныхъ статей вѣры. Царь спрашивалъ у Рокиты, что онъ учитъ, какого онъ мнѣнія о постахъ, зачѣмъ не кланяется св. образамъ, исповѣдуетъ ли ученіе Лютера и пр. Рокита представилъ царю свои отвѣты также письменно и получилъ отъ него обширное изложеніе православнаго вѣроученія на языкѣ словѣнско-русскомъ, которое лучше всего доказываетъ полную невозможность какого-бы то ни было соглашенія обоихъ вѣроисповѣданій, братскаго и православнаго. Царь Иванъ отнесся къ Рокитѣ и къ ученію его и Лютера („Люторъ“ — лють) съ большимъ презрѣніемъ; онъ сначала не хотѣлъ даже отвѣчать, такъ какъ не слѣдуетъ давать святыя вещи псамъ и метать бисеръ передъ свиньями, и упрекалъ Рокиту, что ученіе его и Лютера противится ученію Христа, и что Рокита не только еретикъ, но и слуга Антитриста дьявольскаго совѣта. „И впредь“, кончаетъ царь, „чтобъ ты этого своего ученія не проповѣдывалъ въ нашей землѣ. Мы же усердно молимся Господу нашему Иисусу Христу всѣхъ спасителю, чтобъ онъ спасъ насъ русскій родъ отъ мрака вашей невѣры“²⁾. Такимъ образомъ,

¹⁾ Gindely: Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, 124. Срв. Časopis Česk. Mus. 1876, 749, и статью Анненкова.

²⁾ Рокита описалъ свой разговоръ съ царемъ по-польски, и Лацинскій перевелъ его и ту словѣнско-русскую рукопись (ex inculto ac horrido moscovitico) на языкъ латинскій: De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione (Spirae 1582). Та рукопись въ богатомъ переплетѣ хранилась у братьевъ еще въ половинѣ XVII в. (Regen-

разъ—обѣ стороны упрекали другъ друга въ иракѣ, должно было кончиться ничѣмъ всякое апостольство братьевъ въ Москвѣ, и исчезла надежда на возможность какого-либо соглашенія церквей братской и православной. Братья, сѣтуя на печальное положеніе своей церкви послѣ паденія чешскаго государства (1620 г.), утѣшаются по крайней мѣрѣ тѣмъ, что „и церкви другихъ славянскихъ народовъ не въ лучшемъ положеніи, будучи отягчены игомъ папскимъ и турецкимъ, или же полны многочисленныхъ суевѣрій церкви греческой. Пошилуй Иисусъ Христосъ свой христіанскій народъ столькими способами изсѣченный и разрубленный!“¹⁾

volsciis, 91). Недавно нашелся отвѣтъ царя Рокитѣ въ двухъ рукописяхъ, въ Холмѣ (напечат. въ Холмско-Варшав. енарх. Вѣстникѣ 1878) и въ Москвѣ (напеч. въ москов. Читеніяхъ 1878, II).

¹⁾ Historia fratrum bohemi. (Halle 1702, 46), приписываемая Коменскому.

ЮГОСЛАВЯНЕ ВЪ СНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ СОБОЙ И СЪ ПРОЧИМИ СЛАВЯНАМИ.

*Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы *)*.

Раздѣленіе христіанской церкви на восточную и западную, со всѣми своими религіозно-культурными послѣдствіями, коснулось особенно южныхъ Славянъ; кромѣ того между ними сильно распространилась секта Богомиловъ или Патаренъ (Павликіянъ). Такимъ образомъ въ одноѣмъ и томъ же народѣ явились приверженцы церкви восточной—греческой православной, церкви западной—римско-католической и церкви богомильской или патаренской; всѣ эти церкви относились враждебно другъ къ другу, православные къ „латинянамъ“, католики къ „схизматикамъ“, и тѣ и другіе къ „еретикамъ“ патаренскимъ. Но всѣ они считали себя истинными христіанами; патарены называли себя не иначе, какъ „кръстіяне, кръстьяне“ (christiani), а у православныхъ и католиковъ установился такой обычай, что первые стали называть себя хришћане (ришћане)“, а другіе „кршћане“ (krštjani,

*) Только этотъ отрывокъ или главу и успѣлъ написать авторъ изъ отдѣла, который очевидно долженъ былъ быть посвященъ сношеніямъ (историч. и культурнымъ) Южныхъ Славянъ между собою и съ прочими Славянами. Оставшіяся еще кое-какія выписки и замѣтки не представляютъ ничего связнаго. Рѣд.

krstjani, или какъ босенскіе фратры писали кирилицею: карстиани). Эти два названія сдѣлались на славянскомъ югѣ, у Сербовъ и Хорватовъ, особыми конфесіональными терминами, не говоря о другихъ первоначально бранныхъ, но потомъ безобидныхъ названіяхъ. Такъ католики Хорватіи (Славоніи), Далмаціи и Босніи, не долюбивая православныхъ Влаховъ (Волоховъ, Румынъ, пастуховъ, мужиковъ), стали ихъ именемъ называть въ презрительномъ смыслѣ всѣхъ православныхъ вообще „влахами“, а въ сѣверной Далмаціи тоже „хркаһами, ркаһами“ (серб. хркати—спорить, ркати — храпѣть); православные же называли католиковъ шокцами (вѣроятно по итал. sciocco—дуракъ). Сербы католики въ южной Угріи (въ Бачкѣ) называются Буневцы (Буњевац, переселенцы отъ рѣки Буны въ Герцеговинѣ? или буњак — дрянь), и пишутъ латиницею свой „буњевачки“ языкъ; ихъ соплеменники, католики Болгаре въ южной Угріи (въ Банатѣ) и въ самой Болгаріи сохранили свое старинное конфесіональное названіе Павликіанъ (Паулићане, Палућене), хотя они съ XVII в. католики. У католическихъ Хорватовъ, Далматинцевъ и Босняковъ слово „Сербъ“ означало тоже православнаго (сръблинь и латиниць, поць сръбски, въ дубровницкихъ памятникахъ XIV в.); „сербскимъ“ они называли только кириловское письмо, но не языкъ „словинскій“ (илирскій, хорватскій, далматинскій, босенскій, дубровницкій), который однако былъ тоже сербскій. Разница вѣроисповѣданій, вмѣстѣ съ политическимъ и національнымъ раздробленіемъ, породили тотъ печальный партикуляризмъ, который издавна раздѣляетъ и разрываетъ именно Хорватовъ и Сербовъ.

Римская курія, сплотивши всѣхъ католическихъ Югославянъ подъ своею рукою, видѣла въ нихъ, въ ихъ духовенствѣ, важное орудіе для распространенія своей власти и своего вліянія *)....

Въ виду католической пропаганды среди православныхъ Славянъ папы Григорій XIII (1580) и Урбанъ VIII основали въ го-

*) Тутъ видимо пропускъ. Ред.

родѣ Лоретѣ особую іезуитскую колегію для „илирской“ молодежи. Папа Урбанъ, возобновляя эту илирскую колегію (1627 г.), указываетъ на огромное распространеніе „илирскаго“, т. е. Славянскаго народа (*illyricae gentis*) въ Европѣ и въ Азіи, который нынѣ по большей части находится подъ турецкимъ игомъ и принадлежитъ къ „схизматикамъ“. Воспитанниками лоретской колегіи должны поступать юноши илирскіе, знающіе языкъ и, если возможно, тоже литературу илирскую, изъ всѣхъ югославянскихъ странъ, изъ Далмаціи и Хорватіи, Босніи, Сербіи (Смедерева, Ниша, Призрена), Македоніи (Скопья) и Болгаріи; послѣдніе должны быть здѣсь тоже воспитываемы среди своихъ илирскихъ соплеменниковъ (*inter connationales illyricos*) ¹⁾.

Со временъ уніи одной части русской церкви съ Римомъ, папа могъ рассчитывать, въ своихъ планахъ относительно православныхъ Славянъ, также на содѣйствіе русскихъ уніатовъ, которые съ тѣхъ поръ часто бывали въ Римѣ и увеличили ряды разныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, Словенцевъ и Хорватовъ, католическихъ Сербовъ и Болгаръ. Такимъ образомъ сгруппировались около Ватикана представители разныхъ Славянъ, католиковъ и уніатовъ, готовые исполнять всѣ приказанія папы. Изъ рядовъ славянскаго духовенства папа часто выбиралъ подходящія орудія для своихъ плановъ среди Славянъ не-католиковъ.

Съ конца XIII вѣка францисканцы изъ провинціи „Славонія“ (т. е. Хорватіи и Далмаціи) стали дѣйствовать противъ патаренъ въ Боснѣ. Самъ папа выбралъ ихъ именно потому, что они знали языкъ этой страны (*regionis illius idiomatis non ignari*) и такихъ знатоковъ „словенскаго языка“ (*linguae slavicae*) требовали и владѣльцы Босны. Съ тѣхъ поръ францисканцы дѣйствовали среди патаренъ и православныхъ въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Сербіи

¹⁾ Theiner: *Vetera Monumenta Slavorum meridionalium* II, 124, *Архивъ за povjestnicu jugoslav.* II. 90. Въ лоретской колегіи воспитывался знаменитый Болгаринъ Парчевичъ. Въ Лоретѣ издалъ іезуитъ Микала свой „словинскій“ словарь (1649), особенно для священниковъ „илирскаго народа“; словарь напечатанъ на счетъ конгрегациі *de propaganda fide*.

и Болгаріи, въ пользу католицизма, насколько это въ тѣхъ странахъ было возможно. Они познакомились съ письмомъ кирилловскимъ „сербскимъ“ и стали его употреблять въ своихъ „словинскихъ“ или „босенскихъ“ книгахъ ¹⁾). Легче было дѣйствовать въ странахъ подвластныхъ католическимъ государямъ, какъ въ Далмаціи и Хорватіи. Въ приморскихъ владѣніяхъ Дубровника, которыя онъ въ XIV в. приобрѣлъ отъ Босны, проживавшіе тамъ православные и патарены, благодаря рвенію францисканцевъ, обращены въ католицизмъ, и „сербскіе попы“ скоро сдѣлались излишними и ушли на Св. Гору аеонскую; съ тѣхъ поръ однако Дубровчане платили извѣстныя денежныя вспомошествованія „сербскимъ“ монастырямъ на Аѳонѣ, хиландарскому и св. Павла; если же, въ концѣ XIV в., кое-гдѣ встрѣчаются „словинскіе“ священники (*presbyter slavichus*), то они не были уже сербскіе, т. е. православные, а далматинскіе католики-глаголяши. Еще до позднѣйшихъ временъ (XVIII в.) употреблялся отчасти и въ латинской литургіи народный языкъ словинскій по переводамъ В. Кашича (*lingua slavonica V. Cassich ad ragusinam dialectum et usum ab ipso adornata*); такъ было особенно по деревнямъ, гдѣ евангелія и епистолы читались по-латыни и по-словински ²⁾). Въ Хорватіи и Угріи католическая пропаганда имѣла въ виду прежде всего православныхъ Сербовъ (Влаховъ, Ускоковъ), поселенныхъ въ хорватской Военной Границѣ. Въ 1629-омъ г. люблянскій епископъ Кренъ совѣтовалъ туда послать фратровъ босенскихъ, и около этого времени дѣйствовалъ между этими Сербами русскій уніатъ Меѳодій Терлецкій. Здѣсь же дѣйствовалъ въ 1641 г. тоже францисканецъ Рафаилъ Леваковичъ, хорвать провинціи босенско-хорватской (Хервацанин державе Босне

¹⁾ Срв. Rački: *Bogomili i Patarani* (1870), *Batinić: Djelovanje franjevasa u Bosni i Hercegovini* (1881), *Jukić: Bosanski prijatelj* (1850—1853).

²⁾ *Miklošič, Monumenta Serbica* 108, *Vučetić* въ *Starine XVII*, 1. и въ дубровницкомъ журналѣ *Slovinac* 1882, стр. 30; *Dubrovčanin* J. Mattei у Макушева, *Ислѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника*, стр. 6.

Херватске), который пылалъ усердіемъ распространять католицизмъ среди „схизматиковъ, преимущественно нашего языка“, зналъ въ совершенствѣ сербскій языкъ и письмо (*linguam valachicam et scripturam cyrillicam, qua Valachi utuntur*), и около этого времени, вмѣстѣ съ русскими униатскими священниками, „исправлялъ“ словѣнскій языкъ въ хорватско-глаголическихъ церковныхъ книгахъ ¹⁾. Послѣ Леваковича дѣйствовалъ между этими „Влахами“ его землякъ и современникъ, Юрій Крижаничъ, который вообще приготовлялся къ мисіонерской дѣятельности среди „схизматиковъ“ Славянъ ²⁾. Къ православному вѣроисповѣданію Сербовъ въ Хорватіи, Славоніи и Угріи придирались хорватскіе и угорскіе католики въ теченіе XVII и XVIII вв. безпрестанно; да опасность угрожала и древнему кириловскому письму Сербовъ, которое правительство хотѣло замѣнить латинскимъ.

Босенскіе и другіе францисканцы повліяли вѣроятно и на временное униатское движеніе, которое явилось въ самомъ концѣ XVI вѣка среди Сербовъ Турціи, именно въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Тогда сербскій патріархъ въ Печи Іоаннъ и митрополитъ герцеговинскій Висаріонъ признали главенство папы. Это униатское движеніе находилось въ связи съ политическимъ движеніемъ турецкихъ Сербовъ, которые (1594 и 1606) предлагали папѣ и императору свое содѣйствіе въ войнахъ съ Турками. Посредникомъ между папою и императоромъ съ одной стороны и Сербами и ихъ духовными и свѣтскими начальниками—съ другой былъ между прочимъ тоже францисканецъ Доминикъ Андриашевичъ ³⁾.

¹⁾ Arkiv za povjestnicu jugoslav. II. 127, IX. 297; Starine XVIII, 211. Унія среди Сербовъ въ хорватской Военной Границѣ привилась, съ помощью военной силы, только въ XVIII вѣкѣ, о чемъ см. статью Швикера въ Archiv für österreich. Geschichtsquellen, Bd. 52, и тоже Фидлера въ томъ же Archiv 37, и въ Sitzungsberichte 1861.

²⁾ См. о Крижаничѣ „Славяне“ т. II, стр. 309 и сл.

³⁾ См. письма папы Климента VIII 1598 — 1500 г. Joanni archiepiscopo Razianorum. et Bessarioni metropolitae Serviae, и барскому архіепископу (Theiner: Monumenta Slavorum merid. II. 90—94); P. Balan: Delle relazioni fra la chiesa cattolica e gli Slavi della Bul-

Босенскіе францисканцы распространяли и укрѣпляли католицизмъ также въ Болгаріи, гдѣ центромъ католицизма былъ городъ Чипровецъ (Чипоровцы) въ западной Болгаріи. Въ XVII в. остатки Богомиловъ — Павликіянъ въ Болгаріи приняли католицизмъ, но сохранили это свое старинное названіе (Паулихане) и какъ католики—въ Болгаріи, въ Семиградіи и Угріи, куда многіе переселились; въ томъ числѣ были тоже болгаре Печевичи, возведенные впоследствии (1772) въ графское достоинство. Болгарскіе католическіе священники, францисканцы и іезуиты, воспитывались въ Римѣ и Лоретѣ, позже и въ Угріи ¹⁾.

Болгарскіе католики, воспитываясь въ Римѣ, Лоретѣ, а позже и въ Хорватіи и Угріи среди своихъ „словинскихъ соплеменниковъ“ (inter connationales illyricos), привыкали къ этому близкому имъ языку словинскому или иллирскому. Такое вліяніе словинскаго языка замѣтно въ первой печатной книгѣ на народномъ

garia, Bosnia, Serbia, Herzegovina (Roma, 1880), p. 207. Этотъ архіепископъ патриархъ сербскій и болгарскій Іоаннъ заявилъ позже (1608) готовность вѣнчать фантастическаго герцога савойскаго Карла Эмануила, мечтавшаго объ освобожденіи христіанскихъ народовъ на балкан. полуостровѣ, въ корони Болгаріи, Сербіи, Герцеговины, Босніи и Македоніи. См. Историческій Вѣстникъ 1889, I. 180. Письма сербскихъ начальниковъ и императора Рудольфа и эрцгерцога Фердинанда (1594 и 1606 гг.) сообщилъ Фидлеръ въ Slavische Bibliothek II. 288. Сербскій языкъ этихъ писемъ чисто народный, какъ его употребляли босенскіе францисканцы; поэтому встрѣчаются здѣсь слова Висарионъ бискупъ, свети отаць папа, карьсьтианьство, Иезусъ Исускарьсьть (!) и пр. Сербское письмо императора Рудольфа „Мовану патриарки од Пећи“ писано какою-то странною орфографіею (у Празд, т. е. Празд; зарбскому, т. е. сарбскому; шивнети, т. е. живнети).

¹⁾ О францисканцахъ (босенскихъ и дубровницкихъ) въ сербскихъ и болгарскихъ странахъ см. записку Матвѣя Гундулича, дубровницкаго посла при Портѣ, 1674 г. (Banduri: Imperium orientale II, animadversiones, p. 99); Vatinić II 79; К. Иречекъ, Исторія Болгарь 594 — 613 и поправку Е. Ферменджина въ Starine XVIII. 210, а также и монографію Печевича о П. Парчевичѣ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся болгарскихъ католич. священниковъ былъ вышеупомянутый Петръ Парчевичъ.

болгарскомъ языкѣ,—въ молитвенникѣ, напечатанномъ кириллицею въ Римѣ 1651 г. Эту книгу издалъ католическій епископъ болгарскій, Филипъ *Станиславовъ*, „своему народу болгарскому“. Вліяніе словинскаго языка видно въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ правописаніи; авторъ пишетъ напр. кашта (къшта) и кука (кућа), сердце и сарце, даже огаги (т. е. огань, по словинско-итал. правописанію *ogagn*), з очень рѣдко. Станиславовъ употребляетъ еще слова христіанской терминологіи православно-греческаго происхожденія: цар и царство, архинереи, попи, калу-гери и пр. (хотя онъ самъ называется „бискуп“); въ молитвѣ Господней: хлебъ нашъ васдашни, грехи — далги, далшникомъ, на-паст, сбави ни од лукавога. Впослѣдствіи однако кирилица въ книгахъ для Павликіянъ вышла изъ употребленія и замѣнена латиницею по правописанію илирскому; также устранена церковная терминологія греческо-славянская, а введена терминологія латинско-славянская ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій митрополитъ Исидоръ во Флоренціи принялъ унию (1439), папская курія не упускала изъ виду великій славянскій народъ на востокѣ, Русь, лелѣя надежду, что онъ послѣдуетъ примѣру своего митрополита. Въ Римѣ и на славянскомъ югѣ хорошо знали и понимали значеніе словъ спутника Исидора, суздальскаго инока Симеона, что у Хорватовъ—черезъ земли которыхъ Русскіе путешествовали — „языкъ съ Руси а вѣра латинская“ ²⁾. Объ этихъ Хорватахъ или Словинахъ вѣры латинской, говорившихъ языкомъ съ Руси, папская курія не разъ вспомнила, строя планы относительно распространенія католицизма на славянскомъ востокѣ. Этихъ „Словѣнъ, Словенъ“ знали тоже на Руси, не только въ польско-литовской,

¹⁾ О книгѣ Станиславова см. статьи М. Петровскаго въ Славянскомъ Сборникѣ II. (1877) и Лескина въ *Archiv für slavische Philologie* III. 518. Примѣры болгарскаго языка писаннаго латиницею (и греческимъ письмомъ) см. въ статьѣ Миклошича о болгар. правописаніи въ вѣнскихъ *Denkschriften* XXXIV.

²⁾ Сахаровъ: Сказанія русскаго народа II. (Путешествія русскіхъ людей, стр. 88).

а тоже въ московской. Не даромъ требовалъ великій князь Иванъ III отъ императора Максимилиана (1490) „писати грамоту свою рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словѣнинъ, а не будетъ такого писца, кому по руски писати, ино по латински или по нѣмецки“. А около этого времени въ Новгородѣ проживалъ югославянскій доминиканецъ Веніаминъ „родомъ Словенинъ а вѣроу латинянинъ“, и переводилъ, по повелѣнію архіепископа Генадія, нѣкоторыя библейскія книги „съ латинска языка на рускы“ ¹⁾. Въ Римѣ не могло-же остаться тайною, что знаніе какого-нибудь славянскаго языка приноситъ иностраннымъ посламъ въ Москвѣ большую пользу, какъ напр. посламъ римскаго императора Герберштейну и Кобенцелю, знавшимъ краинско-словенскій языкъ. Югославянское католическое духовенство, бѣлое и черное, дѣйствовало въ интересахъ католицизма среди славянскихъ „схизматиковъ“ Сербовъ и Болгаръ, и „еретиковъ“—патаренъ и гуситовъ: оно могло Риму сослужить службу и среди „схизматической“ Руси, поддержать мысль митрополита Исидора. Здѣсь, на славянскомъ востокѣ давно дѣйствовали уже другіе славянскіе слуги Рима, польскіе епископы, разные монахи, потомъ іезуиты, надѣясь со временемъ заполнить для Рима всю Русь, польско-литовскую и московскую. Эти надежды не были лишены извѣстной доли вѣроятности, такъ какъ вліянію польскаго духовенства и іезуитовъ удалось въ концѣ XVI вѣка (1590 — 1596) привить среди одной части православнаго духовенства въ польско-литовской Руси давно забытую унию восточной церкви съ Римомъ. Такимъ образомъ униятская Русь сдѣлалась, на равнѣ съ католическимъ польскимъ и югославянскимъ духовенствомъ, важнымъ орудіемъ римской *ecclesia militans* среди православныхъ Славянъ. Русскіе униаты бывали часто въ Римѣ и сносились съ югославянскимъ католическимъ духовенствомъ; одинъ изъ нихъ, Меѳодій Терлецкій, впоследствии

¹⁾ Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранными I. 41; Описаніе славянскихъ рукописей москов. синодальной библіотеки I. 128; Описаніе рукописей Румянцев. Музея, 164.

епископъ холмскій, въ 1628 — 1629 гг., по внушенію папы и римскаго императора, дѣйствовалъ въ хорватской Военной Границѣ среди тамошнихъ православныхъ Сербовъ въ пользу уніи, что доставляло люблянскому епископу, Томѣ Крену, большое удовольствіе ¹⁾. Распространеніе уніи среди православныхъ Югославянъ возбуждало, конечно, большое удовольствіе и въ Польшѣ, въ рядахъ правительства и духовенства, которые не преминули указывать и Русскимъ на такіе успѣхи католицизма въ югославянскихъ странахъ. Польскій король Сигизмундъ III въ письмѣ князю Острожскому (1595) указывалъ на готовность „волоскихъ, сербскихъ и болгарскихъ бискуповъ“ подчиниться папѣ, и скоро послѣ того утверждали въ Польшѣ, что въ 1601 г. „Іона“ (т. е. вышеупомянутый Іоаннъ), патріархъ сербскій и болгарскій, со всѣми митрополитами, епископами, воеводами, князьями и главарями королевства сербскаго отступилъ отъ царградскаго патріарха и поддался папѣ ²⁾.

На новаго папу Климента VIII возлагали католическіе Югославяне большія надежды. Хварскій епископъ Петръ Чедолини, поздравляя новаго папу (1592), выражаетъ радость свою и народа словинскаго (*gentis meae et linguae illyricae*) по поводу избранія такого папы, который познакомился еще во время своего посольства въ Польшѣ съ положеніемъ дѣлъ у народовъ славянскихъ (*linguae illyricae*). Славянскія страны (*Illyricum*) отчасти подвластны Туркамъ, отчасти пребываютъ отдѣленными отъ римской церкви; въ тридцати огромныхъ странахъ раздается славянскій языкъ—во Фракіи, Мизіи, Македоніи, Босніи, Дакіи, во всѣхъ странахъ между Дунаемъ и Днѣпромъ, въ Паноніи, Далмаціи,

¹⁾ Arkiv za povjestnica jugoslav. II. 128. Тотъ же самый Терлецкій принималъ позже въ Римѣ дѣятельное участіе въ исправленіи церковныхъ книгъ у Хорватовъ глаголяшей, о чемъ срв. послѣднюю главу II-го тома: Словѣнскій языкъ и его судьбы.

²⁾ Акты западной Россіи IV. 107; *Święte pobudki do jedności św. w cerkwi ruskiej wielce potrzebnej (Prawa i przywileje od królów polskich nadane obywatelom religiej greckiej w jedności z kościołem rzymskim będącym, Wilno 1632, стр. 60—62).*

Хорватія, Истрія, Краньской земль, Чехія, Польшь, Руси и въ огромномъ царствѣ Русскихъ (Ruthenorum imperio), Норикъ, называемомъ нынѣ Австріей и повсюду между Альпами и Дунаемъ до его источниковъ и до моря адриатическаго; папа, заботясь о славянскихъ народахъ, навѣрное назначить въ славянскихъ церквяхъ не иноплеменниковъ, а людей того же рода и языка. Тотъ же епископъ Чедолина представилъ папѣ и записку (1594) о пользѣ союза римскаго императора съ русскимъ царемъ, который можетъ выставить многочисленное войско и пользуется преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ владѣніяхъ султана ¹⁾.

Папа Климентъ поручилъ Далматинцу-Слѣбѣянину, члену братства св. Іеронима въ Римѣ, іезуиту Александру *Комуловичу* дѣйствовать въ Польшѣ и въ Москвѣ въ пользу войны съ Турками (1594—1597). Комуловичъ уже раньше, десять лѣтъ назадъ, путешествуя, по порученію папы Григорія XIII на балканскомъ полуостровѣ виѣстѣ съ іезуитомъ Фомою Радичемъ, изучалъ тамошнее положеніе дѣлъ—на случай войны съ Турціею; онъ считывалъ на то, что тамъ живутъ по большей части воинственные Славяне греческаго и латинскаго вѣроисповѣданія. Онъ, по порученію папы, долженъ былъ возбуждать къ войнѣ съ Турками польскаго короля и польскихъ пановъ, волошскихъ господарей, русскихъ козаковъ и русскаго царя. Въ Москвѣ Комуловичъ былъ два раза (1594—95 и 1597) и уговаривалъ царя освободить христіанскіе народы „одного языка съ Русскими или мало отъ него отличающагося“, которые стонутъ, подъ турецкимъ игомъ и съ радостью примутъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ государи. Виѣстѣ съ тѣмъ Комуловичъ долженъ былъ имѣть въ виду также унію русской церкви съ Римомъ; папа обѣщалъ царю разныя почести, по примѣру своихъ предшественниковъ, которые отличали королей угорскихъ, польскихъ и чешскихъ, и самыхъ царей западнаго и восточнаго Рима; онъ надѣялся, что русскій царь будетъ дѣйствовать въ такомъ духѣ и ра-

¹⁾ Theiner: Vetera Monum. Slavorum merid. II. 83; Zinkeisen: Geschichte des osman. Reiches III. 592.

ди самого посла: ибо уже болѣе семисотъ лѣтъ со времени введенія христіанства на Руси не случалось, чтобъ папы туда посылали кого-либо знающаго ихъ языкъ. На это послѣднее обстоятельство папа Климентъ не переставалъ напирать, повторяя царю Федору и Борису Годунову, что къ нимъ послалъ умышленно Славянина, который знаетъ и ихъ языкъ (*Slavicum, qui etiam vestram linguam callet*) ¹⁾. Планы папы на Руси не удались; Комуловичъ съ 1599 г. пребывая въ Дубровникъ, продолжалъ, по порученію папы, дѣйствовать здѣсь на южныхъ Славянъ и Албанцевъ въ пользу войны съ Турками.

Планы римской куріи относительно насажденія католицизма въ самостоятельной Руси не удавались ни тогда, ни позже, когда въ началѣ XVII вѣка польскіе іезуиты надѣялись, подѣ покровительствомъ польскихъ войскъ, крѣпко засѣсть и въ Москвѣ и продолжать здѣсь свою дѣятельность и относительно восточно-русской церкви.

Но на польскихъ епископовъ, монаховъ и іезуитовъ Русскіе смотрѣли не только какъ на враждебныхъ православной вѣрѣ латинянъ, но также какъ на національныхъ и политическихъ своихъ враговъ Поляковъ, которые всевозможно старались вредить интересамъ Руси; польскіе епископы всегда были болѣе сенаторы Поляки, чѣмъ сановники католической церкви, и относились даже къ униатской Руси не особенно дружелюбно. Православная же Русь—въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ имѣла много причинъ смотрѣть враждебно на наступающую противъ нея польско-католическую часть римской церкви, которая была опасна не только православію, а также національной и политической самобытности русскаго народа. Между тѣмъ южные „Словене, вѣрою латиняне“

¹⁾ Starine, izd. jugoslav. akad. XIV. 86, XVI. 209; Turgenev: Monumenta Russ. histor. II. 46, 48; Theiner: Vetera Monum. Slav. merid. II. 86, 90; Monum. hist. Polon. III. 210; D. Tolstoy: Le catholicisme romain en Russie I. 313 (инструкція папы Комуловичу, порусски уже у Новикова, Древняя россійск. вивлиоѳ. XII. 456); Памятники дипломат. сношеній древней Россіи X. 393. Комуловичъ, пребывая въ Литвѣ (1595), обратилъ польскаго историка Іоакима Бѣльскаго въ католицизмъ.

не представлялись для Руси столь антипатичными и опасными, да они могли, как свидетельствует особенно прииѣръ Крижанича, посмотреть на Русь съ неменьшими симпатіями, чѣмъ православные Югославяне.

Когда же въ началѣ XVIII вѣка (1719) іезуиты прогнаны изъ Россіи, то предполагалось поручить духовныя дѣла католиковъ югославянскимъ францисканцамъ, особенно тѣмъ, которые отправляютъ богослуженіе на словинскомъ языкѣ (in slavo); этихъ югославянскихъ францисканцевъ имѣли въ виду преимущественно по поводу многихъ Поляковъ, ибо, хотя языки словинскій и польскій отличаются, но всетаки можно ихъ легко понимать ¹⁾. Еще нѣсколько лѣтъ спустя далматинскій священникъ, Матвѣй Караманъ, посѣтившій нѣсколько разъ Россію (1737, 1739, 1742 — 1743), предполагалъ, что далматинское духовенство можетъ сослужить важную службу въ распространеніи католицизма въ Россіи, такъ какъ у Далматинцевъ и Русскихъ почти одинаковый языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣется тоже на уніатское русское духовенство, которое имѣетъ общій обрядъ и языкъ съ Русскими ²⁾. Преемниками іезуитовъ въ Россіи сдѣлались на время францисканцы и капуцины — но не югославянскіе, а позже доминиканцы.

Всѣ мечтанія югославянскихъ патеровъ и фратеровъ въ родѣ Комуловича, Градича ³⁾, Сладича, Милишича, Карамана и др., чтобъ всѣ Русскіе приняли унію съ Римомъ, такъ и остались мечтами.

¹⁾ Письмо русскаго контръ-адмирала Змаевича (Далматинца) его брату задержскому архіепископу, изъ Петербурга 1719 г. (Theiner: Monuments historiques de Russie, p. 518).

²⁾ Донесенія Карамана въ Римъ см. въ Starine XV. 95.

³⁾ Дубровчанинъ абать Стефанъ *Градичъ* написалъ, послѣ оставленія русскимъ посольствомъ Рима (1670 г.), для кардинала Рапони особую статью (1674 г.) „о народахъ славянскаго языка“, т. е. о южныхъ и русскихъ Славянахъ. Съ полуночныхъ странъ — разсуждаетъ Градичъ — выступили храбрые Славяне на югъ, завоевали подунайскія страны между Альпами и Чернымъ моремъ, Хорватію, Сербію и Болгарію; они и Русь приняли потомъ, главнымъ образомъ

Русскіе уніаты расчитывали тоже на распространение своихъ церковныхъ словѣнско-русскихъ книгъ среди Югославянъ, тѣмъ болѣе, что словѣнско-русскій церковный языкъ принятъ и въ церкви болгарской и сербской, да и хорватскими католиками глаголящими. Такъ напр. въ концѣ XVII в. русскіе уніатскіе епископы просили одобренія со стороны римской конгрегации *de propaganda fide* для издавнаго ими словѣнскаго служебника, который долженъ служить не только для всей Руси, а тоже для всѣхъ славянскихъ народовъ во владѣніяхъ римскаго цесаря и венеціанской республики. Еще въ XVIII в. уніатскій епископъ холмскій, позже перемышльскій Максимиліанъ Рыло, переведши (1773 г.) *Martyrologium romanum a Benedicto XIV editum* съ латинскаго на тогдашній русскій, расчитывалъ на распространение этого *Martyrologium slavonicum* среди многочисленныхъ славянскихъ народовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ ¹⁾.

Въ интересахъ католицизма югославянскіе священники и монахи дѣйствовали и въ другихъ странахъ славянскихъ. Дубровчанинъ, доминиканецъ Иванъ *Стойковичъ*, усердный ревнитель соединенія церквей, врагъ и обличитель „еретиковъ“ (патаренъ и гуситовъ), сторонникъ идеи о примиреніи всѣхъ христіанъ и соединеніи ихъ противъ Турокъ, дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ въ Базелѣ на соборѣ и въ Царьградѣ. На базельскомъ соборѣ Стойковичъ ревностно спорилъ съ чешскими гуситами (1433), возставая именно противъ причащенія подѣ обоими видами. Онъ въ жару спора называлъ ихъ еретиками и возбудилъ этимъ большое негодованіе Чеховъ, тѣмъ болѣе, что они считали его, какъ Славянина, своимъ соплеменникомъ, землякомъ (*conterraneus*), называя его просто Яномъ Славяниномъ, славянскимъ докторомъ (*Johannes Sclavus*); когда же Прокопій Великій жаловался на

посредствомъ Грековъ, христіанство съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ, одобренномъ и нѣкоторыми папами. Желательно, чтобъ всѣ эти „схизматическіе“ Славяне, преимущественно же московскіе Русскіе, приняли унію съ Римомъ. См. *Turgenev: Historica Russiae Monumenta*, II. 236—249.

¹⁾ Theiner: *Monumenta Poloniae et Lituaniae* III. 741; Петрушевичъ: Холмская епархія, стр. 2.

такія оскорбленія со стороны „земляка“, то Стойковичъ возражалъ, что оцъ, какъ землякъ Чеховъ по языку и народу (*conterraneus vester lingua et natione*), желаетъ столь сильно ихъ возвращенія къ матери церкви. Въ Царьградѣ (1436) Стойковичъ, знатокъ греческаго языка и литературы, трактуетъ, отъ имени собора базельскаго, объ унии съ патриархомъ—Болгариномъ, говорилъ съ нимъ тоже на родномъ своемъ языкѣ (*Bulgarus est natione et de lingua mea multum peritus et mihi affectus*)¹⁾.

Подобно Стойковичу и другой Далматинецъ имѣлъ извѣстное участіе въ дѣлахъ гуситскихъ Чеховъ, именно докторъ *Фантинъ de Valle* изъ Трогира, рода Циприаничей. Онъ проживая въ Римѣ какъ аудиторъ суда такъ назыв. *S. Rota*, былъ въ то же самое время и прокураторомъ чешскаго короля Юрія Подѣбрадскаго при папской куріи, и отправился съ чешскими послами изъ Рима въ Прагу какъ папскій легатъ (1462); чешскіе послы сами выбрали именно Фантина, такъ какъ онъ зналъ-де „чешскій языкъ“ (т. е. посредствомъ своего родного словинскаго) и могъ съ королею говорить безъ переводчика. Но его посольство, имѣвшее цѣлю—примирить гуситскихъ Чеховъ съ папскою куріею, не имѣло никакого успѣха, тѣмъ болѣе, что онъ велъ себя въ Прагѣ, на сеймѣ въ присутствіи короля, надменно и рѣзко, обзывая гуситскихъ Чеховъ еретиками и требуя безусловнаго подчиненія папской куріи²⁾.

¹⁾ Echard: *Scriptores ordinis praedicatorum* I. 797 — 798. См. краткую біографію Стойковича у Appendini: *Notizie critiche sulle antichità, storia e letteratura de' Ragusei* II. 74 — 80, и въ сборникъ *Dubrovnik (u Spljetu)* 1866, р. 280—298). Два сочиненія Стойковича: *Initium et prosecutio Basil. concilii, Tractatus quomodo Bohemi reducti sunt ad unitatem ecclesiae*, издалъ Ф. Палацкій въ *Monumenta conciliorum generalium saec. XV* (1857, .I.); въ изданномъ здѣсь дневникѣ Чеха Петра Жатецкаго часто говорится о *Johannes Sclavus*.

²⁾ О Фантинѣ см. Палацкаго: *Dějiny národu českého* IV. 2. р. 188, 206, 217—226. Фантинъ принималъ участіе въ основаніи вышеупомянутаго словинскаго подворья св. Іеронима въ Римѣ, † 1475. — Замѣтимъ, что въ началѣ XVI в. одинъ изъ администраторовъ утравкистской консисторіи пражской, магистръ Матвѣй Корамбуеъ происходилъ изъ Хорватіи; Чехи его называли *mistr Matěj z Charvat*.

Не всѣ югославянскіе католическіе священники и монахи были однако столь исключительными римскими католиками, чтобы изъ-за интересовъ римской церкви забывать о національныхъ узахъ, связывающихъ ихъ съ православными соплеменниками. И дѣйствительно въ рядахъ югославянскаго католическаго духовенства можно встрѣтить такихъ лицъ, которыя относились къ православнымъ своимъ братьямъ съ одинаковою симпатіею, какъ и къ своимъ единоплеменцамъ, видѣли въ нихъ не столько „схизматиковъ“, сколько своихъ единоплеменниковъ. Дубровчанинъ - бенедиктинецъ Л. Црѣвичъ отзывался не очень лестно о нѣкоторыхъ папахъ и смотрѣлъ на споръ обѣихъ церквей, латинской и греческой, довольно равнодушно, считая ихъ препирательства пустяками. Дубровчанинъ-бенедиктинецъ Мавро Орбини и Далматинецъ-францисканецъ Андрей Качичъ-Міошичъ прославляли одинаково подвиги „словинскихъ“ богатырей католиковъ и православныхъ. Исторія Словинъ Орбини читалась съ удовольствіемъ, въ русскомъ переводѣ, и православными Славянами, Русскими, Сербами и Болгарами, а пѣснями Качича наслаждались католики и православные „словинскаго народа“. Да книги Црѣвича и Орбини попали даже въ число запрещенныхъ Римомъ,—первая по поводу дружелюбнаго отношенія Црѣвича къ православной церкви, вторая—потому, что Орбини пользовался тоже не католическими авторами ¹⁾. Дубровчане — иезуитъ Иг. Градичъ и священникъ Ст. Ружичъ прославляютъ русскаго царя Петра, какъ освободителя восточныхъ христіанъ, каноникъ Ю. Феричъ — императрицу Екатерину, не заикаясь о ихъ „схизмѣ“. Знаменитый Хорватъ, католическій священникъ Ю. Крижаничъ, смотрѣлъ на русскаго царя и русскій народъ, какъ на единственное спасеніе Славянъ ²⁾.

Что касается югославянскихъ мірянъ католиковъ, то многіе изъ нихъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ разными иновѣр-

¹⁾ Макушевъ: Изслѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника, стр. 98, 219.

²⁾ См. „Славяне“ т. II, стр. 309 и сл. Приводимъ здѣсь любопытные стихи извѣстнаго представителя гуманизма въ Угріи и Хорватіи Ивана Людича (Janus Pannonius), уроженца Славоніи, епископа пе-

цами или вслѣдствіе бѣльшей образованности и просвѣщенія, смотрѣли и на православныхъ Славянъ не съ исключительной точки зрѣнія римской куріи. Въ далматинско-дубровницкой поэзіи часто звучитъ славянская, а не римская струна, да Ю. Пальмичъ выставляеть мудрую Сѣверницу-Русь примирительницею Славянъ, не смотря на ея „схизму“. Дубровчанинъ-католикъ Троянъ Гундуличъ, пребывая, вѣроятно по торговымъ дѣламъ, въ Бѣлградѣ въ Сербіи, устроилъ здѣсь въ своемъ домѣ типографію, и велѣлъ сербскому православному монаху Мардарію изъ монастыря Меркшиной Церкви напечатать, на словѣнско-сербскомъ языкѣ, православное Евангеліе (1552); въ послѣсловіи Гундуличъ говорить: „Азь Троянъ Гундуликъ отъ великаго града Дубровника, почехъ и съвршихъ сію светую душеспасную книгу, и отъ богоданнаго ми имени не пошедохъ, ни тѣлу моему покомдахъ, дондеже придохъ до съвршенія дѣлу“.

Между православнымъ сербскимъ духовенствомъ были тоже просвѣщенные лица, которыя сознавали печальное положеніе южныхъ Славянъ, особенно Сербовъ, весь вредъ ихъ раздробленія, политическаго, племенного и конфессіональнаго, и видѣли спасеніе въ поднятїи общаго уровня просвѣщенія и образованія. Представителемъ такого направленія былъ сербскій писатель и дѣятель, Досіеой Обрадовичъ, православный монахъ. Онъ зналъ, что есть одна „нація славено-сербска одъ Баната до Албаніе, у Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Далмаціи и Ерцеговини“; если же ненавидять другъ друга, то по бѣльшей части это „происходитъ изъ того, що су неки греческаго и неки римскаго закона, и наричу едни друге съ кое-какви ружни (скверными) и презрител-

чуйскаго, † 1472 въ Загребѣ, куда онъ бѣжалъ передъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ, послѣ неудачнаго заговора, затѣяннаго имъ и его дядею Иваномъ Витезомъ изъ Средны, въ пользу польскаго короля Казимира.

Deridet euntes Romam ad Jubilaeum.
 Hispani, Galli, Sclavini, Teutones, Hunni,
 Clavigeri petitis limina sancta Petri.
 Quo ruitis stulti, Latios ditare Telonas?
 Salvari in patria siccine nemo potest?

ними именами; први вторе зову или шокци или буніевци или римци или латини, а ови оне власи, ркаи и шизматици. А честно, свето и братско име хрїстїани то свакъ (всякій) само за се држи; или ако кадъ една страна другу назове кршћани или ришћани, то се за особиту милость и учтивость твори и држи; и по несрећи (несчастью) врло редко бива.... Сербїя, Босна и Ерцеговина избавиесе съ временомъ отъ Турака и ослободити: али (но) ако народъ у овимъ земляма не почне отресати одъ себе суевѣріе и неизкорени ону древною и богомрску вражду и мрзость за законъ (ненависть изъ-за вѣроисповѣданїя), они ћеду бити (будуть) сами себе Турци и мучители“¹⁾.

Иванъ Мажураничъ, замѣняя утраченную XV пѣснь „Османа“ Ив. Гундулича своимъ произведенїемъ, сѣтуеть, въ духѣ поэта, на это жалкое положенїе южныхъ Славянъ:

O slovenska zemljo liepa,
Što sagrieši nebu gori,
Da te taki pdes ciepa¹⁾
I jadom te viečniem mori?

¹⁾ См. Пыпина, Исторїя славянскихъ литературъ I. 208—210, Этнографическою и конфессїальною идилїею, какъ ее начерталъ Обрядовичъ сто лѣтъ тому назадъ, можно любоваться на славянскомъ югѣ до сихъ поръ,—и встрѣчаться съ хришћанами, кршћанами, влахами, хркаи, шокцами, буневцами, паулићанами, помаками (магомет. Болгарами) и пр. Хорваты требуютъ, чтобъ православные Сербы („Влахи“, какъ ихъ называетъ даже хорватскїй историкъ Смичикласъ), живущїе въ Хорватїи и Славонїи, считали себя „православными Хорватами“. Въ Боснїи, послѣ ея фактическаго присоединенїя къ Австрїи, тамошнїе чиневники выдумали какую-то „bosnische Landesprache“, подражая вѣроятно „босанскому“ языку францисканцевъ, которые однако называли его тоже „словинскимъ“. Извѣстны прїпирательства Хорватовъ и Сербовъ изъ-за имени (срв. нашу статью въ книгѣ Jihoslavané, стр. 7—15), литературы, разныхъ областей, политической гегемонїи и пр. „Срби и Хрвати су један народ, само имају два имена“, сказала уже Юрїй Даничичъ, и подъ его редакцїею югославянская академїя въ Загребѣ стала издавать словарь „хорватскаго или сербскаго языка“. Это, разумѣется, идеаль всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ Хорватовъ и Сербовъ; но иначе — *reccatur intra et extra muros*.

¹⁾ судьба терзаетъ.

Potišteni tvi sinovi,
Gospodičnoj niegda vlasti,
Izrodi su, il' robovi,
Željni s ovcam' travu pasti.

Ab da je proklet, tko cieć ²⁾ vire
Na svojega reži ³⁾ brata:
Jer nesrieća ⁴⁾ tvoja izvire ⁵⁾
Samo iz toga kalna ⁶⁾ blata.

Tiem istinu rieč' čuj paka,
Ku me neco riet nadise:
Ti si majka od junaka,
Nu robova vele više.

Robovi su tvi junaci,
Tvoji sebri, ⁷⁾ tvá gospoda;
Robovi su tvi vieštaci ⁸⁾
I svi, tvoga ki su roda.

I robstvo će tvoje iz tmina
Na gospodski dan iziti,
Kad paklenieh dno dubina ⁹⁾
Bratinska se mārzos ¹⁰⁾ hiti.

²⁾ ради, ³⁾ скалить зубы, ⁴⁾ несчастье, ⁵⁾ истекаетъ, ⁶⁾ грязнаго, ⁷⁾ мужики, ⁸⁾ интеллигенція, ⁹⁾ адскихъ пучинъ, ¹⁰⁾ ненависть (mrzost).

СОДЕРЖАНІЕ

ПРЕДЫДУЩИХЪ ТОМОВЪ.

ТОМЪ I-Й.

ПРЕДИСЛОВІЕ	<i>Стр.</i> I
I. Древнѣйшая исторія Славянъ	1

Племя арійское или индоевропейское и его распространеніе въ Европу. Славяне-Венеты въ странахъ адриатическихъ, альпійскихъ и подунайскихъ (въ Венетіи, Норикѣ, Паноніи, Дакии), полабскихъ, повиславскихъ, поднѣпровскихъ и черноморскихъ (въ Германіи—Свевіи, Скиѳіи и Сарматіи). Славянскія племена — народы — государства. Полабско-балтійскіе Славяне, Моравяне, Чехи, Поляки, Словенцы, Хорваты, Сербы, Болгаре, Русь, Христіанство, Римъ и Константинополь, церковно-культурное раздвоеніе Славянъ. Славяне и Нѣмцы и Угры. Мысль о западнославянскомъ государствѣ; моравскіе Мойміровичи, чешскіе Болеславы, польскій Болеславъ Храбрый, чешскій Брѣчиславъ.

II. Славяне балтійскіе и полабскіе.	15
--	----

Ободричи, Велеты-Лютичи, Поморяне, Сербы. Борьба Славянъ съ Нѣмцами. Карлъ Великій и его преемники. Христіанство. Княжество ободричско-лютичское, Годескалькъ, Крутъ, Генрихъ, Прибыславъ, Никлотъ. Княжество поморско-лютичское. Рапа. Покореніе Славянъ полабско-балтійскихъ. Бранденбургъ. Германизація.

III. Чехи

Моравское государство Мойміровичей. Чешское государство Премысловичей. Присоединение Чехии къ Германіи, и водворение и распространение въ Чехіи нѣмецкаго вліянія. Политическое могущество чешскаго государства при Премыслѣ Отакарѣ II, Вячеславѣ II и Карлѣ, императорѣ римско-нѣмецкомъ. Гуситское движеніе, религиозное и національное, чешское, славянское. Юрій Подѣбрадскій. Польскіе Ягайловичи въ Чехіи. Габсбурги. Возстанія 1547-го и 1618-го гг. Падение Чехіи и его печальныя для чешской народности послѣдствія.

IV. Поляни 31

Польское государство Пястовичей. Распаденіе его, потеря Силезіи и Поморья. Возобновленіе польскаго королевства при послѣднихъ двухъ Пястовичахъ, Владиславѣ и Казиміръ. Борьба съ нѣмецкими крепостносоцами и соединеніе Польши и Литвы. Поворотъ Польши съ запада на востокъ и ея движеніе въ русскія земли, и происшедшая изъ этого борьба съ Москвою. Ослабленіе королевской власти и усиленіе шляхты, и водвореніе анархіи. Паденіе Польши и его причины. Побѣда Нѣмцевъ надъ всѣми западными Славянами.

V. Словенцы 44

Племена. Государство Сама. Раздробленіе Словенцевъ, покореніе ихъ Нѣмцами, овѣмоченіе сѣверной половины Словеніи. Габсбурги.

VI. Хорваты 47

Хорваты въ Далмаціи. Верховная власть Франковъ и Византіи. Народная династія. Соединеніе Хорватіи съ Угрією. Борьба Хорватовъ съ Уграми, Венеціанцами, Турками. Габсбурги въ Угріи и Хорватіи. Военная Граница. Дубровникъ. Раздробленіе хорватской земли.

VII. Сербы 55

Сербы въ Далмаціи и Мизіи. Сербское государство на сѣверѣ и на югозападѣ. Расскіе Неманичи и ихъ

завоевательныя стремленія на балканскомъ полуостровѣ. Царь Стефанъ Душанъ. Покореніе Сербіи и Босны Турками. Черная Гора. Сербы въ Хорватіи и въ Угріи.

VIII. Болгаре 62

Задунайскіе Словѣне. Образование болгарскаго государства и его борьба съ Византією. Царь Симеонъ. Южноболгарскіе Шишмановичи. Паденіе болгарскаго царства и его возобновленіе Асѣневичами. Покореніе Болгаріи Турками. Болгаре и Греки-Фанаріоты.

IX. Славяне въ Угріи и въ Румуніи. 68

Угорское государство. Румуны или Волохи, и ихъ государства Валахія и Молдавіи. Словаки, Русскіе, Словѣне. Вліяніе славянскаго элемента на угорскій и румунскій. Возрожденіе угорскихъ Славянъ и начало анти-угорскаго движенія.—Торжество Нѣмцевъ надъ всѣми Славянами западными и многими южными.

X. Русскіе 77

Русь и Варяги. Собраніе восточно-славянскихъ племень въ одно политическое цѣлое. Русь. Христіанство. Дробленіе Руси и побѣда сѣвера надъ югомъ. Монголы, Литовцы. Нѣмцы. Сѣверовосточная Русь, Москва, освобожденіе ея отъ монгольскаго ига. Юго-западная Русь — Литва, ея соединеніе съ Польшею. Борьба Литвы-Польши съ Москвою. Москва — царство русское. Иванъ III, Иванъ IV Грозный. Смутное время. Доцареніе Романовыхъ. Распространеніе польскаго вліянія въ югозападной Руси. Унія. Казаки. Стремленія русскихъ царей осуществить титулъ царя всей Руси и вытѣснить Польшу изъ русскихъ земель. Петръ Великій. Сношенія Россіи съ западною Европою, съ южными Славянами въ Турціи. Паденіе Польши и ослабленіе Турціи. Значеніе Россіи для Славянъ.

XI. Быть Славянъ 91

1. Колонизація 92

Географическая номенклатура. Названія племень и народовъ. Переселенія славянскихъ племень. Сла-

вианская колонизация востока и юговостока Европы.
Село (весь) и городъ

2. *Родъ* 100

Славянской родъ, югославянская задруга. Слѣды родового быта у западныхъ и восточныхъ Славянъ. Названія рода, семьи: родъ, племя, челядь, полкъ, вервь, жупа. Названія начальниковъ рода; дѣдъ, башта, господарь, кметъ, старшина-староста, владарь, князь, войвода, жупанъ. Женщины въ родѣ, вѣно, похищеніе. „Вражды“ родовъ, междоусобицы, кровавая месть. Имена. Постриги.

3. *Община* 111

Славянская община, жупа, вервь, волость, погость, околица, околина, ополе, мирь, гонитва, губа. Начальники общины, староста, жупанъ, кметъ, князь, ватаманъ. Тысячи, сотни, десятки и ихъ начальники, тысяцкіе-воеводы, сотскіе, десятскіе. Сходки общинъ—вѣча. Польское ополе, русская вервь—околица—волость—копа, западно-славянскія общины—села, югославянскія общины—кнежины—жупы—околины. Нѣмецкое и римское вліяніе.

4. *Сословія* 126

Люди вѣтшіе и меньшіе. Землевладѣльцы, земляне, земцы, дѣдичи. Простой людъ, чернь, полкъ, холопы, мужи, кмети, сябры, смерды, крестьяне, земледѣльцы, рольники, ратаи, люди пашенные, сошныя, тяглыя, нарочники, урочники, оброчники, серебряники, куничники, половники, мѣропхи, влахи. Купцы—гости, промышленники. Рабы, невольники, холопы, холуи, отроки, челядь, сироты, склавы. Горожане и селяне. Люди вѣтшіе, знать, земляне, князья, жупаны, паны, владыки, бояре, властеле; други, панопи, дѣтскіе, дворяне, витязи и пр. Шляхта, гербы, рыцари. Знать высшая и низшая. Знать—дѣдичи, владѣльцы дѣдинъ, отчинъ, выслугъ, проній, помѣстій. Знать и людъ.

5. *Государственное устройство* 142

Государства у Славянъ, князя, короли, цари; князья дѣдичи и отчичи своихъ государствъ—дѣдичи, от-

чинъ, своихъ удѣловъ. Старшинство въ родѣ княжескомъ, первородство, сажаніе на столъ дѣдень и отень, коронація. Сановники и чиновники, совѣтники (думцы, кметы, жупаны, князья) и намѣстники государя. Раздѣленіе на земли, волости, учѣды, жупы, станы, погосты, повѣты, городскіе округи. Государственныя повинности, дани и поборы, деньгами и натурою, распределяемыя по плугу, ралу—сохѣ, двору, дыму, люду; военная служба и военные порядки; повинности, относительно государства и двора. Нѣмецкое право.

6. *Народныя собранія* 162
 Сходки общинъ, соборы, снемы, вѣча, громады, копы, круги, рады и пр. Вѣчевое устройство на Руси вообще, въ Новгородѣ, Псковѣ, въ югозападной Руси, въ казацкихъ войскахъ; московскіе соборы. Вѣча у Югославянъ, особенно у адриатическихъ, въ Дубровникѣ, Винодолѣ, Керѣ, Полицахъ и др. Вѣча у балтійскихъ Лютичей и Поморянъ. Сеймы польскіе и чешскіе, соборы хорватскіе, сербскіе, болгарскіе.
7. *Право* 174
 Право обычное и писанное. Законъ. Судъ, судъ присяжныхъ, судъ божій; судопроизводство, вданіе, соки, сводъ, судебный приговоръ.
8. *Мифологія и поэзія* 178
 Обожаніе природы. Дуализмъ. Сварогъ небо и Сварожичи солнце, огонь, вѣтеръ. Русалки, вилы, дѣдки—домовые, роженицы и пр. Идолы, храмы, жрецы, жертвы и требы, богослуженіе. Волхвы, чародѣи, вѣдуны, колдуны и др., моры, волкодлаки упыри. Рай, навь, похороны, тризна, пирь—страва. Язычество и христіанство. Небесныя тѣла—мѣрильщики времени. Праздники солнца, коляда, русалія, крѣсь. Слѣды старинной религіи въ народной письменности, обычаяхъ и пр. Мифическія преданія. Эпическая поэзія у Сербовъ, Болгарь, Русскихъ.
9. *Языкъ и письмо* 179
 Славянскій праязыкъ и славянскіе языки, ихъ отличительныя черты; фонетика, удареніе, формы, словарь.

Письмо, книги, черты, рѣзы, буквы, доски. Письмо греческое и латинское; письмо греческо-славянское Константина, глаголица, кирилица, гражданка, букваца. Славянскій языкъ - свидѣтель древней славянской культуры.

ТОМЪ II-ОЙ.

ВВЕДЕНИЕ 1

I. Славяне балтійскіе и полабскіе 11

Балтійскіе Славяне (Ободричи, Лютичи, Поморяне)— „Словене“ (Венды). Древніе нѣмецкіе лѣтописцы о балтійскихъ Славянахъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ и др.: Кранць, Бугенгагенъ, Канцовъ. Полабско-лужицкіе Сербы. Сербскій языкъ и письменность. Вліяніе чешскаго языка. Мих. Френцель и его привѣтъ русскому царю Петру Алексѣевичу. Его сынъ Авраамъ. Антонъ.

II. Чехи.

1. *Славянская идея въ публичной жизни* 23

Опасное положеніе Чеховъ окруженныхъ Нѣмцами. Рокковыя послѣдствія отъ нежеланія Чеховъ и Лютичей примкнуть къ Болеславу Храброму. Воззваніе чешскаго короля Премысла II Отакара къ Польшѣ о помощи противъ „ненасытной пасти Нѣмцевъ“. Движеніе гуситское-славянское. Паденіе чешскаго государства, брошеннаго Польшею, и полное торжество Нѣмцевъ въ средней Европѣ. Славянское сознаніе Чеховъ въ публичной жизни.

2. *Историческая литература* 30

Легенды. Лѣтописи Косьмы, Далимила, Мариньолы, Пулкавы. Собраніе изъ чешскихъ лѣтописей (1437) и жалованная грамота Александра Великаго Славянамъ. Эней Сильвій, Кутенъ, Гаекъ, Дубравскій, Ведеславинъ, Пуховскій, Папроцкій. Мнѣніе о происхожденіи Чеховъ съ славянскаго юга и востока. Споръ объ этомъ въ пражскомъ университетѣ въ на-

чалъ XVII в. между Судетскимъ и Тромломъ. Исторія другихъ славянскихъ народовъ.

3. *Филологическая литература* 46

Знаніе славянскихъ языковъ въ Чехіи вообще, въ статьяхъ Голешовскаго и Гуса, въ сочиненіяхъ Грубаго изъ Еленья, Благослава, Бенешовскаго, Лодерекера. Чешскія книги у другихъ Славянъ.

4. *Славяновѣдніе въ чешской литературѣ XVII — XVIII вв.* 60

Чешскіе историки Бальбинъ, Пешина, Стредовскій, Йорданъ и др., филологи Роса, Долежалъ и др. Фрозинъ, Керманъ, Вхинскій, Шимекъ и др. Вопросъ о происхожденіи Чеховъ и о праотцѣ Чехъ. Добнеръ, Шубичка, Пельцель, Добровскій, Славянская идея въ возрожденіи чешскаго народа.

III. Поляки.

1. *Славянское сознаніе Поляковъ въ публичной жизни.* 70

Выгодное положеніе Польши среди Славянства, ея политика относительно другихъ Славянъ, и неудача этой политики. Поляки и Нѣмцы, наступающіе противъ западныхъ Славянъ. Габсбурги и ихъ планы завладѣть польскимъ престоломъ. Польша и Русь, планы Поляковъ о соединеніи всего восточнаго Славянства, Польши, Литвы, Москвы, и объ избраніи русскаго царя въ польскіе короли. Невозможность соглашенія интересовъ польскихъ и русскихъ, политическо-національныхъ и религіозныхъ, польскаго католичества и русскаго православія. Неудача плановъ Польши относительно Руси. Католическая исключительность Польши мѣшаетъ энергической защитѣ славянскихъ интересовъ въ средней Европѣ: политическія ошибки Польши относительно Чеховъ въ XV, XVI, XVII вѣкахъ. Ошибка Собескаго. Польша и южные Славяне. Мысли Константиновича, Андрашевича, Орѣховскаго, Варшевицкаго, Папроцкого, Грабовскаго, и др. о роли Польши относительно южныхъ Славянъ. Полная неудача славянской политики Польши. Замѣна Польши Россією. Торжество Нѣмцевъ въ Польшѣ.

2. *Историческая литература* 100
 Связь польской истории съ исторією Славянъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ, и мнѣніе о томъ Длугоша, Мѣховскаго, Сарницкаго. Древніе лѣтописцы, Мартынъ Галль, Викентій Кадлубекъ, Дзержава, Богухваль-Башекъ, и др. Длугошъ, Григорій изъ Савока, Ваповскій, Мѣховскій, Бѣльскій, Кромеръ, Стрыйковскій, и др. История другихъ славянскихъ народовъ. Полидамъ, Бѣльскій, Константиновичъ. Мысль объ общеславянской исторіи: Сарницкій, Папроцкій, Венгерскій. Географы. Мѣховскій, Бѣльскій, Красинскій, Кромеръ, Гвагнинъ и др. Вопросъ о происхожденіи Поляковъ. Варшевицкій, Орѣховскій, Кохановскій, Дѣмблянцикій и др. Спычинскій. Исторіи XVII—XVIII вв., Пасторій, Ленгинихъ, Яблоновскій, Клечевскій, Вага, Нарушевичъ.
3. *Филологическая литература* 146
 Зачатки польской славистики. Польскія книги у другихъ Славянъ. Словари Мончинскаго и Кнапскаго. Квятковскій. Вопросъ о польскомъ правописаніи, у Заборовскаго, Кохановскаго, Орѣховскаго, Горницкаго, Янушовскаго. Знаніе славянскихъ языковъ. Пашковскій, Статорій, Бѣльскій. Скарга, Сенникъ, Будный и др. Горницкій о славянскихъ языкахъ. Клечевскій.
4. *Славянская идея у польскихъ поэтовъ* 159
 Польскіе поэты—поэты „славянскіе“, ихъ стихи—стихи „славянскіе“, Славянская идея у І. Кохановскаго. Польскіе поэты и западно-славянскій вопросъ и Нѣмцы; Кохановскій, І. Бѣльскій, Гроховскій, В. Потоцкій, Трембецкій. Польскіе поэты и югославянскій вопросъ; Папроцкій, Ваповскій, Стрыйковскій, Клѣновичъ, Пашковскій, Твардовскій, Гавинскій, Коховскій, Барановичъ, Нарушевичъ, Князьнинъ, Трембецкій. Польскіе поэты и восточно-славянскій вопросъ, борьба Польши и Руси; Кохановскій, Пельgrimовскій, Гроховскій, Мясковскій, Витковскій, Твардовскій и др. Трембецкій — поэтъ панславизма.

IV. Южные Славяне.

1. *Юославяне по преимуществу „Славяне“* 198
 Словѣне, Словене подунайскіе и альпійскіе, балкан-

скіе и адріатическіе. „Илиры“ — Славяне, Югославяне. Роздробленіе и разрозненность южных Славянъ. Болгаре, Сербы и Греки. Порабощеніе Югославянъ Турками, и надежды возлагаемыя Югославянами на Угрію, Польшу, римскаго цесаря и русскаго царя. Голоса въ пользу соединенія христіанскихъ государствъ противъ Турціи; Константиновичъ, Андрашевичъ, Георгіевичъ, Чедолини и др. Римскій цесарь Нѣмецъ и русскій царь Славянинъ. Вопросъ югославянскій или „восточный“.

2. *Историческая литература* 218

Болгарскія и сербскія лѣтописи, и отождествленіе въ нихъ древнихъ Илировъ и Фракійцевъ съ Славянами. Далматинско-хорватскія лѣтописи; смѣшеніе Готовъ съ Славянами. Діоклейскій лѣтописецъ, Тома снѣтъскій, Црѣвичъ, Вранчичъ, М. Орбини, Раткай, Риттеръ-Витезовичъ, Качичъ-Міошичъ, Бандури, Лучичъ, Дюфренъ. Югославянскіе генеалоги и географы. Вопросъ и споръ объ имени „Илиръ“ въ илирскомъ подворьѣ св. Іеронима и въ исторіографіи; Леваковичъ, Джорджичъ, Мрнавичъ и др. Герберштейнъ и Вальвазоръ. Сербскія лѣтописи, Юрій Бранковичъ, Пансій, Рачъ.

3. *Филологическая литература* 255

Языкъ „словѣнскій“ (церковный), „словинскій“ (адріатическихъ Славянъ), „словенскій“ (альпійскихъ Славянъ), и вообще „славянскій“; языкъ „хорватскій“, „илирскій“. Югославянскіе грамматики и лексикографы. Вранчичъ, Микаля, Занотти, Деллабелла, Белостенецъ, Ямбрешичъ. Югославянское правописаніе, латиница, глаголица, кирилица. Кирилица — орудіе католической пропаганды среди православныхъ; книги Булинича, Матіевича, Маргитича, Пеикича, кириловскія книги іезуитовъ. Мнѣніе о глаголицѣ, письмѣ св. Іеронима. Грубишичъ. Югославянскія подрѣчи, снѣтъское, дубровницкое, босенское. Зачатки славистики. Дѣятельность словенскихъ и хорватскихъ протестантовъ и ихъ расчеты на распространеніе ихъ книгъ у другихъ Славянъ. Труберъ, Креллъ, Юрій Далматинъ, Антонъ Далматинъ, Стефанъ

Истриянинъ. Влаичъ. Филологи словенскіе, Бохоричъ, Мегизеръ, Иполитъ, Похлинъ, Гутсманнъ, Поповичъ, Хорватскіе—Георгіевичъ, Вранчичъ, Градичъ, Деллабелла, Сладичъ-Дольчи. Церковный словѣнскій языкъ у Сербовъ и Болгаръ, и языки славено-сербскій и славено-болгарскій. Борьба за кирилицу у Сербовъ угорскихъ. Славено-сербскіе писатели. Языкъ славено-сербскій уступааетъ народному сербскому. Обрадовичъ.

4. *Юрій Крижаничъ, Хорватъ славистъ и панславистъ.* 309

Положеніе славянскаго міра въ половинѣ XVII вѣка. Занятія Крижанича славистикою. Его путешествіе въ Москву черезъ Польшу и Малую Русь, и цѣль его переселенія на Русь. Ссылка въ Сибирь. Его сочиненія: Грамматика идеальнаго общеславянскаго (рускаго) языка, Политика, О божіемъ промыслѣ, Письмо объ освобожденіи, Русская лѣтопись, Описаніе Сибири и др.

5. *Славянская идея у словинскихъ (хорватско-далматинскихъ) поэтовъ* 351

„Словинскіе“ (хорватскіе) поэты—поэты обще-„словинскіе“ (славянскіе); Дубровникъ—гордость и цвѣтъ словинской державы, словинскаго народа между морями адриатическимъ и Чернымъ, балтійскимъ и ледовитымъ, словинскій югъ—гнѣздо сѣверныхъ и восточныхъ Славянъ. Хекторовичъ, Бараковичъ, Гундуличъ, Пальмотичи Юній и Яковъ, Джорджичъ, Каваянъ, Качичъ-Міошичъ. Драмы Ю. Пальмотича и ихъ славянская подкладка. Словинскіе поэты и порабощеніе Югославянъ Турками; Маруличъ, Ветраничъ, Мрнавичъ, Минчетичъ. Словинскіе поэты и Польша; И. Гундуличъ, Канавеловичъ, Богашиновичъ, Мрнавичъ, Каванинъ. Словинскіе поэты и Россія; Каванинъ, Витезовичъ, Градичъ, Русичъ—прославляющіе Петра Великаго, Раичъ, Феричъ, Крмпотичъ. Россія въ югославинской народной поэзіи.

V. **Русскіе.**

1. *Славянская Русь и ея роль въ Славянствѣ* 395

Соединеніе восточно-славянскихъ племенъ въ русскій народъ, Русь. Сношенія Русскихъ съ Славянами за-

падными и южными, и сношенія этихъ Славянъ съ Русскими. Борьба Руси на западѣ съ Варягами и Нѣмцами, на востокѣ и югѣ съ Татарами и Турками. Русь и Польша. Петръ Великій и Славяне. Роль Россіи въ югославянскомъ („восточномъ“) вопросѣ. Нѣмцы и Россія.

2. *Историческая литература* 420

Начальная русская лѣтопись о Славянахъ. Югославянскіе и польскіе памятники на Руси, хронографы, житія, хроники и др. Русскія лѣтописи и хронографы XVI — XVII вѣковъ. Вопросъ о Варягахъ, Руси, Славянахъ. Южнорусскіи хрники и др. сочиненія; Синопись. Вопросъ о дѣятельности свв. Константина и Мееодія въ русской исторической литературѣ. Русскіе православные и уніаты объ этомъ вопросѣ. Космографіи.

3. *Зачатки русской славистики* 463

Знаніе славянскихъ языковъ на Руси. Церковный словѣнскій языкъ. Русскій языкъ въ Руси сѣверовосточной и югозападной. Азбуковники.

4. *Славяновѣдѣніе въ русской литературѣ XVIII в.* . . . 470

Петръ Великій и его заботы о русскомъ языкѣ и литературѣ. Языкъ славенскій и русскій. Филологическіе труды Кошіевича, Поликарпова, Максимова, Максимовича. Славянское сознаніе въ трудахъ Кошіевича и Поликарпова. Историческіе труды Манкіева, южнорусскихъ хронистовъ; Лейбницъ; русскій переводъ славянской исторіи Орбини. Историческіе труды Байера, Миллера, Татищева, Ломоносова, Тредьяковскаго, Щербатова, Болтина. Вопросъ о Варягахъ и Руси. Языкъ славенскій и русскій; Тредьяковскій, Ломоносовъ; словарь академіи. Екатерина II.

VI. *Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ.*

1. *Распространеніе словѣнскаго языка у славянскихъ народовъ* 515

Словѣнскій языкъ—первый у Славянъ письменный языкъ. Словѣнское богослуженіе у западныхъ Славянъ, его исчезновеніе и слѣды у Моравянъ-Чеховъ,

Поляковъ, Словенцевъ. Словѣнское богослуженіе у Хорватовъ, и въ Болгаріи, Сербіи, Руси. Словѣнскія св. книги, глаголическія и кириловскія.

2. *Словѣнскій языкъ и его изводы* 529

Раздѣленіе славянскихъ языковъ. Вліяніе ихъ на письменный словѣнскій, и его изводы: чешскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, русскій. Изводы чешскій и хорватскій. Распространеніе словѣнско-хорватскаго извода въ Прагу и въ Краковъ, въ два монастыря. Словѣнскій языкъ въ Чехіи и въ Польшѣ.

3. *Словѣнскій языкъ и его изводы болгарскій, сербскій, русскій.* 555

Словѣнскій языкъ — соединяющее звено между православными Славянами. Словѣнско-болгарскія книги распространяются къ Сербамъ и къ Русскимъ, подвергаются все усиливающемуся вліянію мѣстныхъ языковъ, а въ Болгаріи—вліянію болгарскаго. Исправленіе книгъ терновскимъ патріархомъ Евѣиміемъ и Константиномъ Костенчскимъ. Изводы болгарскій и сербскій. Русскій изводъ. Разнообразіе текстовъ и правописанія въ словѣнскихъ (словенскихъ, славенскихъ) церковныхъ книгахъ. Библия острожская и московская, и другія словѣнско-русскія книги издаются не только для Русскихъ, а тоже для Сербовъ и Болгаръ. Исправленіе словѣнско-хорватскихъ книгъ и введеніе въ нихъ словѣнско-русскаго извода.

4. *Попытки научной разработки словѣнскаго языка. Переводы св. книгъ на народный языкъ русскій* . . . 584

Отождествленіе словѣнскаго языка съ болгарскимъ, сербскимъ, русскимъ. Мнѣніе терновской школы и Константина Костенческаго. Мнѣніе русскихъ книжниковъ. Языкъ словѣнско-русскій, „русскій“, благодаря церковнымъ книгамъ, букварямъ, грамматикамъ, словарямъ, считается настоящимъ славенскимъ, на Руси, въ Болгаріи, Сербіи и Хорватіи. Русскіе переводы св. книгъ, Скорины, Буднаго, Негалеускаго, Григорія пересопницкаго и Михаила саноцкаго, Тяпинскаго и др.

5. *Чествованіе св. Кирилла и Меводія у Славянъ* . . . 602

Память святыхъ апостоловъ у всѣхъ Славянъ, особенно у православныхъ. Возобновленіе ихъ чествованія у Славянъ католиковъ въ XIV в. Повѣствованія объ апостолахъ, житія и лѣтописи, у всѣхъ Славянъ. Кириллъ и Меѳодій—общеславянскіе учителя.

ТОМЪ III-Й (часть I).

ПРЕДИСЛОВІЕ I

I. Полабско-балтійскіе Славяне, Чехи и Поляки.

1. Связи политическія. Балтійско-полабскіе Ляхи и полабскіе Сербы. Великоморавская держава. Чехи и Лютичи. Балтійско-полабскіе Славяне и Поляки времени Болеслава Храбраго. Поморяне, Поляки, Чехи, лужицкіе Сербы и Чехи. Взглядъ Поляковъ и Чеховъ на гибель балтійско-полабскихъ Славянъ. Чешскій и польскій переводъ саксонскаго зеркала о взаимныхъ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Славянъ 1

2. Связи культурныя. Христіанство и христіанская терминологія у полабско-балтійскихъ Славянъ. Чешскій языкъ и правописаніе, чешскія книги у лужицкихъ Сербовъ. Сербскій новыи завѣтъ Н. Якубицы. М. Френцель, Я. Тицянъ, З. Бирлинъ. Католическая сербская семинарія въ Прагѣ. Полякъ І. Потоцкій и его путешествіе въ полабско-балтійскихъ странахъ 12

II. Чехи и Поляки.

1. Западно-славянскія государства моравскихъ Мириловичей; чешскихъ Болеславовъ, польскаго Болеслава Храбраго; неудавшаяся попытка чешскаго Брячислава. Премысловичи и Пястовичи. Чешскій король Премысль Отакаръ II, его отношеніе къ Польшѣ, его борьба съ нѣмецкимъ королемъ Рудольфомъ Габсбургомъ и смерть (1278). Габсбурги на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ. Чешскій король Вячеславъ II королемъ польскимъ (1300). Люксембурги въ Чехіи, присоединеніе Слезіи къ чешской коронѣ,

ихъ отношеніе къ Польшѣ. Прусско-нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ и ихъ борьба съ Польшею, Литвою и югозападною (литовскою) Русью. 20

2. Гуситское движеніе, національное чешское и славянское. Общие враги Славянства, Чеховъ, Поляковъ, Литвы и Русскихъ, Нѣмцы въ Германіи и нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ. Чешскій король Вячеславъ IV, тевтонскій орденъ и Польша. Домбровенская (грюневальдская) битва (1410). Чехи и польскій король Владиславъ Ягайло. I. Гусъ, Иеронимъ Пражскій, ихъ сожженіе на поворъ славянскому народу. Гуситскіе Чехи, ихъ борьба (1419—1434) противъ Нѣмцевъ за славянскіе интересы вообще, ихъ отношенія къ польскому королю Владиславу Ягайлу и великому князю литовско-русскому Александру Витовту, ихъ желаніе присоединиться къ славянскому востоку. Непониманіе Ягайломъ и Витовтомъ чешскаго вопроса какъ національнаго славянскаго, и тщетныя ихъ попытки примирить чешскихъ гуситовъ съ Римомъ. Литовско-русскій князь Сигизмундъ Кормбутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Национальная политика Шафранцевъ. Чехи и литовско-русскій князь Швитригайло. Чешскіе гуситы, союзники польскаго короля противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, въ балтійскихъ странахъ и на базельскомъ соборѣ. Паденіе ревностныхъ гуситовъ, Сиротковъ и Таборовъ (1434). Пораженіе Швитригайла (1435). Славянская партія Чеховъ призываетъ на чешскій престолъ польскаго короля противъ короля нѣмецкаго и ея манифестъ объ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Чеховъ и вообще Славянъ. Тревога Нѣмцевъ по поводу предстоящаго соединенія Чехіи и Польши. Неудача плановъ этой партіи и поддерживающей ее Польши (1437 — 1439). Польская партія въ Чехіи (1439 — 1443). Чешскія военныя роты въ Угріи, Польшѣ и Пруссіи, ихъ участіе въ борьбѣ Польши съ тевтонскимъ орденомъ изъ-за балтійскаго приморья и побѣда Польши (1454—1466). Чешскій король Юрій Подъбрадскій (1458—1471) и польскій король Казя-

миръ, ихъ славянское сознание, роль Польши примирительницы по чешскимъ дѣламъ. Война Польши съ Угрією изъ-за чешской короны. Ягайловичи въ Чехіи и въ Угріи (1471—1526) 33

3. Габсбурги на престолахъ чешскомъ и угорскомъ. Политическая ошибка Польши. Стремленія Габсбурговъ приобрести тоже польскую корону. Чешскіе паны въ Польшѣ какъ послы императора и чешскихъ чиновъ, Розенбергъ, Пернштейнъ, Лобковицъ и др. и ихъ сношенія съ соплеменными Поляками (1572 --- 1573). Вильгельмъ изъ Розенберга, кандидатъ польской короны (1575). Неудачи Габсбурговъ, именно императора Максимилиана (1576). Неудачная кандидатура Габсбурговъ въ 1587 г., особенно эрцгерцога Максимилиана. Оломуцкій епископъ Ст. Павловскій въ Польшѣ. Замоискій и Розенбергъ. Польскій король Сигизмундъ сближается съ Габсбургами; его отношеніе въ чешскимъ дѣламъ 1618—1620 г. Чехи и Поляки, ихъ славянское сознание въ тѣ времена. Польша способствуетъ паденію Чехіи. Лисовчики. Политическая ошибка Польши. Чехи и Поляки послѣ паденія чешскаго государства. Паденіе Польши 119

4. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. Ихъ государственныи и общественныи строй. Христианство у Чеховъ и Поляковъ, богосуженіе, словѣнское и латинское. Пражскій университетъ. Гуситство въ Польшѣ, мѣры противъ него; польскіе гуситы, паны Спытекъ изъ Мельптына, Авраамъ Эбонскій, Николай Сестронецъ и др. Гуситство въ Польшѣ до конца XV и начала XVI вѣковъ. Польскіе гуситскіе священники. Гуситскіи мнѣнія папа Іоанна изъ Остроорога. Вопросъ причащенія подъ обоими видами у католиковъ Поляковъ. Чешскіе братья въ Польшѣ (съ 1548 г.) и ихъ сношенія съ другими польскими протестантами. Чешскіе братья въ Польшѣ послѣ 1620 г., І. А. Коменскій въ Лешнѣ. Языки чешскій и польскій, ихъ нарѣчія, фонологія, морфологія, лексикальная часть. Вліяніе чешскаго языка на польскій въ древнепольской письменности.

Церковная терминологія. Чешское духовенство въ Польшѣ. Древнепольскіе переводы библейскихъ книгъ, пѣсенъ, молитвъ, романовъ и др. и чешское вліяніе. Польское и чешское правописаніе. Поляки и Словаки. Чешскій языкъ въ Слезіи—официальный, именно въ княжествахъ опольско-ратиборскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ, Статуты опольско-ратиборскій и тѣшинскій. Чешскій языкъ въ слезскихъ статутахъ, грамотахъ и пр. Чешскій языкъ въ слезскихъ княжествахъ, присоединенныхъ къ Польшѣ, въ кн. сѣверскомъ, освѣтимскомъ и заторскомъ. Польско-слезскіе памятники. Чешскій языкъ въ самой Польшѣ. Польскій языкъ въ Чехіи. Чешское военное искусство, чешскія наемныя роты въ Угріи и въ подунайскихъ странахъ, въ Польшѣ, Литвѣ, Руси; возовая ограда, названія оружія, военная терминологія и пр. 165

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ КО ВСѢМЪ ТРЕМЪ ТОМАМЪ *).

А.

Абель, уч. II, 67, 137.
 Августа, чеш. братъ, III¹, 186, III², 256.
 Августъ, кесарь рим. II, 347, 385, 436, 437, 440, 457, 482, 483.
 Августъ II Саксонскій, нор. поль. I, 40, II, 409, 410, III¹, 163, III², 56.
 Августъ III, кор. поль. I, 41, II, 415.
 Авраамоничъ, Феодоръ, II, 305, 307.
 Авраамъ Збонскій, III¹, 176, 183.
 Авраамъ Чарный изъ Гощицъ, III¹, 51, 58, 176.
 Агноса, абатиса, III¹, 25.
 Адамъ, прарод., II, 138, 139.
 Адамъ Вячеславъ, кн. тѣшин. III¹, 232.
 Адамъ, гѣтопис., I, 15, II, 12, 13.
 Адамъ изъ Радзѣва, III¹, 178.
 Адодуровъ, II, 507.
 Адрианъ II, папа, II, 451, 603, 615.

Адрианъ, патриархъ, II, 597.
 Аксамитъ, III¹, 229.
 Аланъ, II, 104.
 Алегретичъ, II, 389, 398, 399.
 Александръ Великій, II, 4, 5, 30, 33 — 35, 41, 87, 90, 104, 116, 117, 120, 123, 127, 135, 140, 230, 231, 233, 236, 238, 244, 245, 250, 273, 295, 345, 354, 257, 369, 370, 425, 438—440, 482, 503, III¹, 226, 233.
 Александръ I, имп. рус. II, 420.
 Александръ Невскій, I, 80, 81, II, 400.
 Александръ Витовтъ, см. Витовтъ.
 Александръ, кор. поль. и литов. I, 36, 175, II, 406, III¹, 116, 117, 254, III², 6, 47, 113, 179, 180—182, 193.
 Александръ (Омелько) Володимиров., III², 153, 154, 187.
 Александръ, господарь Молд. II, 551.
 Алексѣевъ Петръ, II, 511, 592.

*). Сюда не вошли лишь имена авторовъ и издателей источниковъ и пособій, цитруемыхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, да собственные имена приводимыя въ текстѣ—въ видѣ примѣровъ, иногда изъ источниковъ—именно со стороны ихъ формы и т. п. Рѣд.

Алексѣй, св., Ш², 213, 223.
 Алексѣй Михайловичъ, I, 85, 86,
 194, II, 79, 314, 332, 349, 399.
 Алексѣй Петровичъ, царев. II, 415.
 Алексѣй, сынъ Лазари пресвит., пи-
 сець, II, 532, 577.
 Алена Поповичъ, богатырь, I, 193.
 Альбертъ, войтъ крак., II, 164.
 Альбрехтъ, импер. нѣм., Ш¹, 81,
 151.
 Альбрехтъ, австр. герц. и чеш.
 угор. король, Ш¹, 61, 79—81,
 83, 85—92, 99, 110, Ш², 178.
 Альбрехъ, герц. баварскій, Ш¹,
 89, 91.
 Альбрехтъ, маркграфъ (XV в.),
 Ш¹, 100, 109.
 Альбрехтъ, прусс.-бранденбур. кн.,
 II, 148, 163, 165, Ш¹, 119, 120,
 123, 124, 253.
 Альбрехтъ Медвѣдь, маркгр., I, 19,
 Ш¹, 5, 6.
 Альбрехтъ Костка изъ Постуницъ,
 Ш¹, 97, 252.
 Альдобрандини, Сильвестръ, II,
 355.
 Альтанъ, Ш¹, 148.
 Анастасій, ц. II, 223.
 Ангеларъ, св. II, 577.
 Андрашевичъ, Транквиль Андро-
 никъ, II, 87, 88, 210.
 Андрей, св., II, 128, 422, 453, 455,
 502.
 Андрей, архіеп. далм.-сл. II, 523.
 Андрей Боголюбскій, I, 79.
 Андрей (Гедимин.), Ш², 152.
 Андрей, воевода смоленскій, I, 167.
 Андрей Галка, изъ Добчица, Ш¹,
 179, 180, 206, 214.
 Андрей изъ Дуби, панъ, I, 175.
 Андрей изъ Кокорина, Ш¹, 173.
 Андрей Русинъ, мон., II, 571.
 Андрей изъ Яшовиць, Ш¹, 217,
 222.
 Андриашевичъ, II, 284.
 Андриашевичъ, Дом. Ш², 265.
 Андроникъ, учит. Констант. Кост.,
 II, 560.
 Андроникъ, уч. св. Павла, II, 219,
 423, 453.

Д'Анжу, дюкъ, Ш¹, 129,
 Анна, греч. царица, II, 19.
 Анна Ивановна, имп. I, 88, 89,
 II, 414.
 Анна Сигизмундовна, королева,
 Ш¹, 126.
 Ансбертъ, Ш¹, 250.
 Антиохъ, черноризецъ, II, 566.
 Антонъ, Карлъ, ист. II, 21.
 Антонъ Сенянинъ II, 288.
 Аппіанъ, II, 117.
 Ардалеонъ Св., I, 196.
 Аристотель, II, 34.
 Арнольдъ, лѣтоп., II, 13.
 Арнольдъ изъ Доброславина, II,
 63.
 Арсеній, еп. перемыш., Ш², 45.
 Арсеній IV, патр. печск. II, 305,
 307.
 Асармотъ, праот. Сарм., II, 6, 103,
 119, 123, 124, 127, 141, 439.
 Ассемани, II, 238, 239.
 Асканій, II, 104.
 Асьни, II, 426.
 Асьнь, освобод. болг. I, 64.
 Атила, ц. I, 7, 183, II, 107, 485,
 Ш², 218, 224, 225.
 Аубанъ, истор. II, 46.
 Аванасій, патр. охрид., II, 213.
 Аванасій, уч., II, 67.
 Аванасій, рус. писецъ, II, 571.

Б.

Бадовскій, гетм., Ш², 218.
 Базиликъ, Киприанъ, Ш¹, 190.
 Байда, рыцарь, I, 195.
 Байеръ, II, 303, 489, 490, 500.
 Балабанъ (Болобаны), Ш², 52, 80,
 232.
 Балабанъ Адамъ, Ш², 104.
 Балабанъ Александръ, Ш², 104.
 Балицкіе, Ш², 61, 68, 80.
 Балицкій, панъ, Ш¹, 40.
 Балшичи, I, 60.
 Бальбинъ, чешск. ист., I, 30, II,
 34, 61—64, 611, Ш¹, 10, 38.
 Бандуловичъ, II, 264, 265.
 Бандури, Ансельмъ, II, 236, 303.
 Бановець, II, 264, 266.

Вараковичъ, II, 264, 285, 353.
 Вараповичъ, Лаз., II, 181, 185,
 III², 44.
 Барберини, кардин., II, 356, 380.
 Варниязъ, сынъ Лестька, II, 106.
 Бароній, II, 454, 486.
 Бартошевичъ, III², 63—64.
 Бартошекъ изъ Драгоничъ, лѣто-
 пис. III¹, 87.
 Барскій, В. Г. рус. путеш. II, 398.
 Батиторичъ, Мароѣ, II, 355.
 Баторій, Стефанъ, см. это имя.
 Батый, II, 450.
 Бахачекъ, Март. III¹, 190.
 Башкинъ, М. III², 237, 258.
 Башко (Башекъ), лѣтоп. II, 105,
 108, 109.
 Баянъ Симеоновичъ, царевичъ бол-
 гарск. I, 182.
 Бедрихъ, поль, III¹, 68, 72, 84, 86.
 Бедрихъ, III², 63.
 Безпремъ Болесл. кн. пол., III¹,
 22.
 Бела IV, кор. угорск., I, 57.
 Белостенецъ, II, 269.
 Бемъ, родоу чеховъ II, 38.
 Бенедиктъ, св., III, 366.
 Венешевичи, III², 75.
 Бенешовскій, филологъ, II, 36, 54—
 57, 14², 149, 546, 549, III¹, 137.
 Бенешъ изъ Мокровусъ, III¹, 84, 89.
 Бенко изъ Кухаръ, III², 63, 81.
 Березовскіе, III², 68, 80.
 Берславичъ, I, 50.
 Берковскій, Янъ Павловичъ, II,
 552.
 Бернардинъ Сплѣтининъ, II, 263,
 264, 271, 279, 283, 291, 539,
 540.
 Бернадъ, абб. влерь., III², 12, 13.
 Бернадъ изъ Цимбурга, III¹, 97, 98.
 Бернолакъ, II, 257.
 Берошъ, ист., II, 117.
 Бертольдъ изъ Липы, III¹, 125.
 Верьядъ, Памва, II, 485; 480, 579,
 592, III², 44, 189, 231, 232.
 Бесъ изъ Колна, панъ, III¹, 233.
 Бецковскій, II, 64.
 Вилеѣвскій, ист., II, 542, 546, 611,
 III², 254.

Бирецкіе (Верещкіе) III², 63, 64, 68.
 Бирецкій, Анастасій, III², 63.
 Бирецкій Иванъ; III² 63.
 Бирковскій, III¹, 214, III², 138, 139,
 144, 148.
 Бирлинъ, Зах., III¹, 17, 18.
 Биронъ, II, 414.
 Бискупскій, Петръ, III¹, 148, 149.
 Влаговлава, Я., II, 48—58, 148,
 III¹, 186, 247, 248, 254, III²,
 252, 256.
 Благовскій, III¹, 2.
 Блондъ, II, 7, 14, 112, 115, 117,
 227, 243.
 Бобаличъ, Маринъ, II, 229.
 Боболинскій, II, 484.
 Богатиновичъ П., II, 178, 381.
 Богорини, гербъ поль., I, 137, III¹,
 167.
 Богушъ, II, 139.
 Богухвалъ, лѣт. II, 105, 108, 109,
 111, 137, 421.
 Бодинъ, К., кн. сербск., I, 56, 64.
 Вою, II, 17.
 Болекъ, кн. опольск., III¹, 62.
 Болеславъ I Храбрый, кн. поль.,
 I, 14, 16—18, 21, 31—33; II,
 9, 12, 17, 23, 24, 73, 81, 99,
 164, 427, 520, III¹, 4—7, 21—
 23, 28, 32, 97, 165, 169, 205,
 229, III², 4, 15, 18.
 Болеславъ II, кн. поль., I, 32, II,
 74, III¹, 22, 32, III², 15.
 Болеславъ III, кн. поль., I, 19, 82;
 II, 73, 164; III¹, 7; 24, 28.
 Болеславъ IV, кн. поль., I, 138,
 III¹, 6.
 Болеславъ (V), кн. крак. и сандом.,
 III¹, 25, 215.
 Болеславы, кн. чеш., I, 14, 23, II,
 23, III¹, 3—5, 21, 22, 28, 165,
 230, III², 15.
 Болеславъ, сынъ Лестька, II, 106.
 Болеславъ Тройденевичъ, кн. ма-
 сов. (см. Юрій II), III², 17, 18.
 Болеславъ, кн. опольскій, III¹, 180.
 Болеславъ, кн. тѣшинскій, III¹,
 242.
 Волгянъ, Из., II, 506.
 Воинари изъ Балиць, III¹, 243.

Бонарь изъ Валиць, Северинъ, Ш¹, 243.
 Бонарь—, Иоаннъ, Ш¹, 245.
 Бонфиня, Ц, 126, Ш¹, 89, 110.
 Бошланъ, нижн. франц., Ш¹, 258.
 Боратинскіе, Ш², 68.
 Борецкіе, I, 169.
 Борецкій, Іовъ, митр., Ш², 220.
 Боривой I, кн. чеш., Ц, 125, 425, 449, 451, 604, 608, 610, 611.
 Боривой II Вратисл., чеш. кн. Ш¹, 22.
 Борисъ, кн. рус., Ц, 346, 569.
 Борисъ (Михаилъ), кн. болг., I, 63, Ц, 468, 589, 590, 609, 614.
 Борисъ, царь болг. (Асънев.) Ц, 585.
 Борисъ Годуновъ, I, 84, Ц, 192, Ш², 271.
 Боршовскіе, Ш², 68.
 Боруа (Борота), панъ, Ш¹, 40.
 Ботеръ, геогр. Ц, 133, 134, 441, 455.
 Бохоричъ, Ц, 249, 258, 270, 279, 285, 287, 290, 294—299, 546
 Боянъ, I, 184, 195.
 Браницкіе, Ш², 62, 207.
 Браницкій, старш. сан. Ш², 81.
 Бранковичи, I, 61, 109.
 Бранковичъ Юрій, десп. I, 59.
 Бранковичъ Юрій, ист. (XVIII в.), Ц, 218, 226, 251, 253, 307.
 Братѳовскіе, Ш², 80.
 Брачолни Поджо, Ш², 249.
 Брежевскій Амвр., Ц, 425.
 Брезакъ изъ Влоу, Ш¹, 252.
 Брезанъ Вич., Ш¹, 135
 Брѳзовскій Вал. Ш¹, 189, 228.
 Бродовичъ Θεодосій, Ш², 240, 241.
 Бродскій Андрей, Ш¹, 170.
 Бровичъ, Ц, 267, 582.
 Бронскій, Ш², 44.
 Бруно, Дж., Ш², 235.
 Бруновъ, еп. оломуц. Ш², 75.
 Брунтальскій Николай, изъ Вербна Ш¹, 236.
 Брюсъ, ген., Ц, 478, 490.
 Брюховецкій, гетм. Ш², 219.
 Брячиславъ, кн. чеш. I, 14, 24, Ц, 23, Ш¹, 22, 24, 28, 165, 169.

Бугенгагенъ, историкъ, Ц, 15, 16.
 Будничъ, Смм., Ц, 153, 264, 267, 270, 272, 275, 276, 278, 279.
 Будный, Смм., Ц, 152—151, 549, 595, 597, Ш¹, 214, 222, 223, 260, Ш², 139, 140, 211
 Бужинскій Гавр., Ц, 473, 479.
 Бужинскій Іосифъ Коглевичъ, Ц, 238.
 Буковецъ, Ш¹, 39.
 Букуа, Ш¹, 160.
 Булавинъ, атаманъ, I, 88, 169.
 Бундичъ Никол., Ц, 356.
 Бурцовъ Вас., Ц, 591.
 Бутовичъ Григор., Ш², 135, 148.
 Бутримы, Ш², 163.
 Буховецъ, таборитъ, Ш¹, 55.
 Буцерь, Ш¹, 186, Ш², 256.
 Бучацкіе (-Яаловецкіе), Ш², 62, 63, 70, 81, 106.
 Бучацкій Мих., Ш², 63, 82, 83.
 Бучацкій Янъ, Ш², 63.
 Бучацкій Бартошъ, Ш², 63.
 Бучацкій Мужилъ, Ш², 63.
 Бучацкій Федоръ, Ш², 82.
 Буничъ, Ц, 261.
 Быбольскіе, Ш², 67, 68, 102.
 Быбольскій, Сенко, Ш², 66.
 Быховецъ, гѳлоп., Ш¹, 96.
 Бѳлецкіе, Ш², 63, 67, 68.
 Бѳлецкій Іоаннъ, Ш², 64.
 Бѳлме, Ш¹, 252.
 Бѳлый Павелъ, I, 105.
 Бѳлый I., Ш¹, 253.
 Бѳльскіе, Ш², 171.
 Бѳльскій, Март., истор., Ц, 34, 42, 45, 72, 101, 103, 106, 109, 112, 115, 116, 119—121, 125, 126, 131—134, 137, 141, 150, 226, 425—427, 435—438, 442, 444, 449, 454—457, 548—550, 610, Ш¹, 2, 156, 209, 245, 254, 256—259, Ш², 117, 138 — 142, 148, 173, 212, 222, 254.
 Бѳльскій Іоаннъ, Ц, 109, 119, 166, 438, Ш², 271.

V.

Вага, Ц, 137, 141, 142.

Вазы (польскіе), II, 82.
Валлены, III¹, 160.
Вальваторъ Іоаннъ, бар., II, 248, 249.
Вальдемаръ, кор. дат., I, 19.
Вальдштейны, чеш. родъ, I, 137, III¹, 160.
Вальдштейнъ Гинекъ (Генрихъ), III¹, 50.
Вальдштейнъ Альбр. III¹, 160.
Вальдштейнъ Іоаннъ, III¹, 252.
Вальдштейнъ, архіеп., II, 59.
Ванда Краковна, II, 104, 117, 141, 142, 427.
Ванда, праот. Вандаловъ, II, 6, 15, 38, 104, 119, 127, 141.
Вавѣкъ Пиво, III¹, 51.
Ваповская Екатерина, кастел. перемыш. III², 57.
Ваповскій, учен., II, 43, 101, 112—116, 121, 140, 172, 186, 187, 207, 209, 442, III¹, 71, 94, 116, 202, 253, 254, 262, III², 178.
Варвара Радивиловна, вт. ж. Сигизм. Авг., III², 196.
Варшавскій Христоф., II, 76, 89, 134, 229, 231, III¹, 139.
Вароламей, кн. Минстербергскій, III¹, 242.
Василій I, моск. кн. I, 81.
Василій II, моск. кн., 81.
Василій Иван. III, I, 83, 169, II, 209, 348, III¹, 262, III², 2.
Василій, виз. императ., II, 19, 203, 454, 480, 609, 613.
Василій Петровичъ, черног. влад., II, 205.
Василій Буслаевичъ, богатырь, I, 193.
Василько Ростиславичъ, кн. рус., II, 401, III², 16.
Васильковскіе, III², 80.
Велеславнъ, ист., II, 34, 37, 39, 40, 42, 59, 224, 543, III², 254.
Велесъ, яз. бож. I, 179, 184, 185, 187, II, 424.
Величко, II, 484.
Венгерскій, ист., II, 127, 130, 131, 293, 315, III¹, 186, 191, 192, III², 256.

Венгерскій, повтъ, II, 196.
Веніаминъ, доминик., II, 573, III², 268.
Венява, поль. родъ., III¹, 166, 167, III², 140.
Вергерій П., III¹, 190.
Верещинскій Андрей, III², 69.
Верещинскій Федоръ, III², 69.
Верещинскій Іос., II, 89, 91, III², 69, 138, 143, 144.
Вертба (язъ —), чеш. родъ, III¹, 160.
Верушь, поль. гус. III¹, 63.
Вершовичи, III¹, 22.
Веста, II, 151.
Ветраничъ, II, 264, 371, 372.
Видомиръ, I, 183.
Видукиндъ, I, 15, 75, II, 11, 13, 117.
Викентій, лѣт., см. Кадлубекъ.
Викентій, чеш. лѣтоп., III¹, 6.
Виклефъ, III¹, 172, 173, 176, 177, 179, 180, 214.
Викторинъ изъ Вшегрдь, I, 175
Викторинъ, сынъ Юрія Под., III¹, 242.
Вильгельмъ австрійск., перв. мужъ Ядвиги поль., III¹, 91.
Вильгельмъ Костка изъ Поступиць, III¹, 38, 50, 51, 68, 69, 72, 76.
Винницкіе, III², 80.
Виргилій, I, 182.
Висаріонъ, митр. герцег., III², 265.
Витвицкіе, III², 69, 80.
Витезовичъ Риттеръ, Пав., II, 233, 234, 235, 239, 243, 260, 262, 267, 274, 373, 386, 389, 392, 409.
Витезь Иванъ, изъ Средны, III², 276.
Витковичи, чеш. родъ, I, 137.
Витковскій, II, 161, 190, 193.
Витовтъ Александръ (Ольгердовичъ), I, 82, 207, III¹, 34, 37, 40, 41, 44—48, 51—67, 74, 75, 77, 174, 253, III², 14, 62, 64, 152—154, 156—159, 165, 173, 177, 178, 180, 181, 184, 185, 189, 195, 199, 222, 247—249.
Витри, франц. посл., II, 84.

Витсень Ник., II, 348.
 Вить = Святovitъ, II, 40.
 Вить, св. I, 16.
 Вяшмиръ, смъ Лестька, II, 106.
 Вишневецкіе, рус. родъ, I, 138,
 139, 190, III¹, 78, 157, III², 171.
 Вишневецкій Мих., кор. II, 178,
 179, III¹, 79, 230.
 Вишневецкій Іеремія, кн., III¹, 78.
 Вишневецкій, гетм., III², 218.
 Вишничъ, сербск. рапсодеъ, I, 196.
 Вісторъ. III¹, 184.
 Владиміръ Святій, I, 78, 79, 193,
 195, II, 19, 312, 431, 443, 445,
 447, 453, 454, 457, 528, 589,
 III², 17, 26, 27, 130.
 Владиміръ Мономахъ, I, 80, III²,
 15, 17,
 Владиміръ Ярославичъ, кн., III², 97.
 Владинъ, гот. кор. II, 223.
 Владиславичъ Сава, II, 232.
 Владиславъ I Локотокъ, I, 33, II,
 164, III¹, 29, 30.
 Владиславъ II—Ягайло, см. Ягайло.
 Владиславъ III, кор. поль. и угро-
 чеш., I, 35, II, 82, 85, 86, 112,
 126, 169, 206, III¹, 76, 83—92,
 95, 251, 252, 257, III², 48, 85,
 86, 92, 178.
 Владиславъ IV, король и кор. поль.,
 I, 39, 84, II, 81, 178, 189, 193,
 374—377, 381, III², 220.
 Владиславъ I, кн. чеш., III¹, 23.
 Владиславъ Казиміровъ, кор. чеш. и
 угор., I, 28, 73, II, 86, 207—
 209, 227, III¹, 108, 109 — 118,
 121, 131, 180, 231.
 Владиславъ (Ладиславъ) Альбрех-
 товичъ (поступъ), I, 70, III¹, 89,
 91—93, 98—100, 103, 229, 251.
 Владиславъ, кн. серб. II, 450.
 Владиславъ, кн. ополь. (XIII в.),
 III¹, 27.
 Владиславъ, кн. ополь. (XIV в.),
 III², 63, 83, 108.
 Владиславъ Грамат., II, 221, 563.
 Власій, св., I, 187.
 Властиславъ, кн. Лучанъ, I, 134.
 Власть Петръ, III², 12, 13.
 Влачичъ Матъ, см. Франковичъ.

Водникъ, В., II, 201.
 Водошя, Марое, II, 355.
 Войшковъ, II, 471.
 Войшелъкъ Миндовг., III², 152.
 Войтъхъ, св., II, 28, 30, 47, 140,
 426, 448, 449, 452, 453, 518,
 519, 541, 548, 604, 608, III¹, 3,
 169, 170, III², 244.
 Войтъхъ, вельм. Славниковъ, III¹,
 22.
 Войтъхъ Ястрембець, см. крак., III¹,
 40, 44, 49.
 Войтъхъ изъ Хлума, III¹, 252.
 Волкъ, жуп. (его еванг.), II, 527,
 567, 568.
 Воловичи, III², 211.
 Володимиръ (Ольгерд.), III², 152
 153.
 Волчекъ изъ Ченова Вячеславъ,
 III², 251, 259, 262.
 Волчекъ Переслужичъ изъ Рогати-
 на, III², 118.
 Борошецкіе, III², 171.
 Вороничъ, II, 197.
 Воротынскіе, III², 171.
 Врамецъ Ант., II, 261, 266.
 Вранчичъ Ф., II, 14, 58, 227 —
 229, 243, 266, 290, 302, 510.
 Вратиславъ I, кн. чеш., III¹, 3.
 Вратиславъ II, кн. чеш., II, 518,
 III¹, 22, III², 244.
 Вратиславъ изъ Митровиць, II,
 223, 556.
 Вратиславъ, кн. мор., III¹, 5.
 Вршовичи, I, 107.
 Врубль В., III¹, 219, 220, III², 140.
 Всеволодъ Юрьевичъ, I, 79, 144.
 Всеславъ Помоцкій, I, 182, 184,
 III², 150.
 Вувекъ, II, 550, III¹, 222.
 Вукашинъ Мрияничъ, кор. сербск.,
 I, 58.
 Вуковичъ Божидаръ, II, 604, 663.
 Вуковичъ Винтій, II, 304.
 Вукачъ Стефанъ, воевода, I, 60.
 Вукъ Бранковичъ, I, 192.
 Вукъ Ст. Караджичъ, см. Кара-
 джичъ.
 Вхинскіе, III¹, 160.
 Вхинскій Вячеславъ, III¹, 142.

Выговскій, I, 169, III², 218.
 Вяземскіе, I, 138.
 Вятковъ, праотецъ Вятчей, II, 6,
 111, 124, 439, III², 3.
 Вячеславъ, св., I, 30, 102, II, 28,
 30, 59, 60, 61, 64, 423, 425,
 429, 442, 447, 451, 458, 460,
 518, 548, 604, 606, 607, III¹,
 3, 43, 60, 99, 105, 120, 169,
 170.
 Вячеславъ I, кор. чешск., I, 24.
 Вячеславъ II, кор. чешск., I, 24,
 33, II, 521, III¹, 27 — 29, 131,
 208.
 Вячеславъ III, кор. чешск., I, 70,
 III¹, 29.
 Вячеславъ IV, кор. чешск., I, 25, II,
 450, III¹, 32, 35, 36, 38, III², 92.
 Вячеславъ, кн. олавскій, III¹, 70,
 242.
 Вячеславъ, кн. тѣшинскій, III¹,
 235.
 Вячеславъ изъ Енштейна, III¹, 51.
 Вячеславъ изъ Рауцова, III¹, 150.

Г.

Габсбургъ, II, 27, 71, 72, 75, 76,
 82, 90, 93, 94, 164—166, 213,
 418, III¹, 27, 92, 95, 123—165,
 247.
 Гавенскій, I, 139.
 Гавинскій, II, 161, 177, 180, III²,
 144, 147.
 Гавриилъ, внокъ, II, 425.
 Гаекъ, ист. II, 34, 35, 37, 38, 42,
 43, 67, 68, 116, 117, 125, 231,
 449, 486, 610, 611, III¹, 248,
 III², 254.
 Гаекъ изъ Годѣтина, III¹, 259, 261.
 Галеотъ М., III¹, 114.
 Галеть Юаннъ, гус. полкъ, III¹, 180.
 Галлей, III², 235.
 Галка, см. Андрей Галка.
 Галласы, III¹, 159.
 Галлеръ, III¹, 184.
 Гальшовскій Мих., III², 192, 193.
 Галатовскій, III², 44.
 Гаральдъ, королев. норв., II, 432.
 Гарантъ Христоф., II, 200.

Гарасевичъ, II, 451.
 Гартнохъ, II, 141.
 Гартманъ А., чеш. бр. III¹, 192.
 Гасиллина, любовн., III¹, 244.
 Гаштовтъ Войтъхъ, воєв., III², 186,
 187.
 Гаштовты, III², 163.
 Гвагнинъ, истор., II, 35, 46, 133,
 173, 425, 441, 442, 445, 491,
 III², 139.
 Гдациусъ Адамъ, III¹, 240.
 Гедминовичи, I, 80, 134, III¹,
 33, III², 151 — 154, 161, 169,
 171, 172, 176.
 Гедминъ, III¹, 33, III², 2, 19, 150,
 151, 152.
 Гедройцъ Мельхиоръ, II, 292.
 Гедройцъ, III², 168.
 Гейдель изъ Рассенштейна, пос.
 нѣм., II, 398.
 Гейденштейнъ, II, 73.
 Гелса Гаєт., II, 114, 119.
 Гельмольдъ, лѣтоп., I, 15, II, 13,
 43, 117, 231, 248, 492, 500,
 502, III¹, 73, 74, 250.
 Геннадій, патр., III², 252.
 Геннадій, архієп., II, 573, III², 268.
 Геннигъ, учен. свящ., II, 13.
 Генрихъ I (Птицеловъ), кор., I, 17.
 Генрихъ II, имп. нѣм., III¹, 21.
 Генрихъ IV, кор. нѣм., I, 18, III¹, 5.
 Генрихъ д'Анжу (Валуа) кор. поль.,
 I, 38, 139, III¹, 132, 133.
 Генрихъ хорутанскій, кор. чеш.,
 III¹, 81.
 Генрихъ Левъ, герц. сакс., I, 19,
 III¹, 5.
 Генрихъ, кн. (Годескальков.), I, 18.
 Генрихъ, кн. вратислав., III¹, 26,
 27.
 Генрихъ, кн. глоговскій, III¹, 27,
 232.
 Генрихъ Эдикъ, еп. III¹, 5.
 Генрихъ изъ Манетини, III¹, 252.
 Генрихъ Пиво, III¹, 252.
 Генрихъ Пуэдро, III¹, 252.
 Георгиевичъ Варє., ученый, II, 45,
 149, 210, 301.
 Георгій св., I, 187, 189, 193.

- Георгій Амартолъ, II, 219, 420, 423.
 Георгій изъ Сръма, III¹, 122.
 Герасимъ, митр., III², 159, 237.
 Герберштейнъ, II, 35, 43, 45, 117, 119, 124, 132, 190, 230, 245—248, 303, 398, 404, 425, 435—437, 441, 500, III², 2, 268.
 Гербестъ, ієв., III¹, 191, III², 54.
 Гербуртъ изъ Фульштына, Іоаннъ, II, 94, 101, 160, 161, III², 23, 75 — 80, 116, 138, 142, 148, 165.
 Гербуртъ изъ Фульштына, Валентинъ, еп., III², 73.
 Гербурты, III², 64, 74.
 Гердерь, II, 514.
 Германовскіє, III², 67.
 Герміонъ, праот. нѣмц., II, 15.
 Геродотъ, ист., I, 182, II, 143.
 Гертвикъ изъ Рушинова, III¹, 84.
 Гесперь, учен., II, 21, 49.
 Гижицкіє, III², 63.
 Гизель, ист., II, 34, 444.
 Гильфердингъ Пантолонъ, II, 415.
 Главачъ изъ Голедча, III¹, 252.
 Главиничъ, истор., II, 34, 245, 264, 276, 281, 285, 389, 440.
 Глазь изъ Камениць, рыц., III¹, 51.
 Гледжевичъ Ант., II, 357.
 Глинскій Мях., кн., II, 436, III¹, 117, 262.
 Глѣбовичи, III², 211.
 Глѣбовичъ, II, 76, III², 207.
 Глѣбовичъ Станиславъ, III¹, 254.
 Глѣвъ, кн. рус., II, 346, 569.
 Гогенцоллерны, II, 27, III¹, 157, 162.
 Гогъ, II, 139.
 Годескалькъ, кн. ободричскій, I, 18, 107.
 Годуновъ Борясъ, см. Борисъ Г.
 Годзава, родъ поль., I, 137.
 Говій Станиславъ, еп., II, 554.
 Голешовскій Янъ, II, 520, 549.
 Голицкій Алешъ, III¹, 84.
 Голицкій Смиль, III¹, 69.
 Голицынъ В., кн., III¹, 262.
 Головчинскіє, III², 211.
 Голубекъ, II, 160.
 Голубъ, гетм., III², 220.
 Гольшпанскіє, III², 156, 165, 211.
 Гомеръ, II, 6, 138, 160.
 Гораздъ, св., II, 577.
 Горайскіє, III², 70.
 Горайскій, поль. панъ., III¹, 138.
 Горацій, II, 62.
 Горбачевскіє, III², 53.
 Гордіенко, I, 169.
 Горки, поль. родъ, I, 139, III¹, 135.
 Горка Андрей, II, 87.
 Горнекъ Оттокаръ, III¹, 27.
 Горницкій Л., II, 51, 57, 149, 155, 158, 549, 550, III¹, 200, 228, 245, III², 36, 138, 141.
 Горничка, лексикогр., II, 65.
 Гостомскіє, I, 138.
 Гостомысль, II, 347, 440.
 Гостоунскій Валтазаръ, III¹, 247, 248.
 Гошовскіє, III², 61, 68.
 Грабовецкіє, III¹, 53, 80.
 Грабовскій, II, 89, 90.
 Грабянка, II, 484.
 Градичъ Игнатій, II 387, 389, 392, 409, 486, III², 275.
 Градичъ Стеф., II, 284, 302, III², 272.
 Граціани Ант., III¹, 132.
 Григорій Богословъ, II, 529, 533, 565.
 Григорій XIII, папа, II, 278, 611, III², 262, 270.
 Григорій Цамблакъ, II, 221, 222, 224, 560, 571, 572, III², 157, 161.
 Григорій, архим. хил., II, 570.
 Григорій, архим. перессоп., II, 598, III², 226.
 Григорій, митроп. ун. (преемн. Исидора), III², 49.
 Григорій, діакопъ новогор., II, 525, 527, 532, 533.
 Григорій изъ Геймбурга, III¹, 108, 112, 252.
 Григорій изъ Жарновца, III¹, 189.
 Григорій изъ Санюка, II, 112.
 Григорій, чеш. бр., III², 255.
 Гримъ, франц. энцкл., II, 512.
 Гримултовскіє, I, 138.

Гродецкий, кан. вратисл., II, 550.
 Гроданка, бож. слав., I, 188,
 Гроновичи, чеш. родъ, I, 137.
 Гроховский, II, 159, 161, 167, 190,
 192.
 Грубишичъ, II, 281.
 Грубый, II, 148.
 Грнеъ, поль. гербъ, III², 189.
 Губачекъ Петръ, III¹, 241.
 Гундуличъ Ив., II, 159, 178, 244,
 257, 264, 267, 322, 352, 354,
 355, 356, 357, 369 — 371,
 374—378, 381, 383, III², 277.
 Гундуличъ Францискъ, II, 357,
 381, 389, 399.
 Гундуличъ Троянь, III², 276.
 Гундуличъ Матв., III², 266.
 Гурки, III², 154.
 Гусъ Иоаннь, I, 25, 206, II, 29,
 48, 82, 293, 392, 456, 505, 549,
 III¹, 34, 39—44, 153, 171, 172,
 173, 176, 177, 180, 183, 191,
 215, 227, III², 157, 235, 237,
 246—251, 253.
 Гусъ, воинъ, III¹, 39.
 Гутсманъ Освальдъ, грам., II,
 258, 300.
 Гурта, испан., III¹, 161.
 Гюйсонъ, баронъ, II, 482.

Д.

Давидовскіе, III², 67, 68.
 Даждбогъ (Дажбогъ), I, 179, 184,
 II, 423, 421.
 Далеевскіе, III², 62, 63, 81, 83.
 Далеевскій Иоаннь, III², 65.
 Далеевскій Кола, III², 83.
 Далимилъ, лѣтопис. II, 31, 33, 42,
 108, 336, 421, 604, III¹, 2, 8,
 9, 10, 24.
 Далматинъ Антонъ, II, 259, 264,
 285, 286, 288, 290, 291, 296.
 Далматинъ Юрій, II, 21, 257 —
 260, 267, 270, 285, 287, 288,
 293, 294, 297.
 Дамалевичъ, III¹ 178, III², 9.
 Даничичъ Юрій, III², 277.
 Даниилъ, прор., II, 139.

Даниилъ Романовичъ, I, 80, II,
 461, III², 2, 16, 17, 27, 75, 87.
 Даниилъ Александровичъ, I., 81.
 Даниилъ, серб. лѣтоп., II, 253.
 Дантышекъ Иоаннь, II, 186, 187,
 III¹, 255.
 Дашковичъ, гетм., III², 218.
 Деллабелла, II, 269, 283, 302.
 Денница, бож. слав., I, 188.
 Державинъ, II, 412.
 Дерславъ изъ Рытованъ, III¹, 176.
 Децій, III¹, 262, III², 50.
 Джаманичъ, II, 267, 270.
 Джорджичъ Игн., II, 244, 264,
 266, 271, 354, 355, 363—365,
 366, 389.
 Джорджичъ, хорв., II, 210.
 Джурини Юсифъ, II, 275.
 Держва, II, 104, 108.
 Дзѣдушицкий Маврикий, III¹, 49.
 Дзивишъ Борекъ изъ Милетинка,
 III¹, 69.
 Дивковичъ, II, 257, 264, 273, 274.
 Димитрій Донской, I, 81, 82, 184,
 II, 342, III², 26.
 Димитрій Ольгердовичъ Корыбутъ,
 III¹, 54.
 Димитрій изъ Зинкова, III², 135.
 Димитрій Ростовскій, II, 454, 455,
 484, 586.
 Димитрій царевичъ, I, 84, II, 191,
 192.
 Димитрій, дьякъ, II, 564.
 Дитрихштейны, III¹, 159.
 Дюклейскій цопъ (Дуклянскій),
 II, 223, 603.
 Дюклетіанъ, имп. II, 244.
 Дюнисій, митр. терн., III², 130.
 Длугошъ, истор., I, 183, II, 43, 74,
 75, 101—103, 106, 109 — 111,
 114, 119, 121, 125, 141, 363,
 434, 442, 444, 486, 491, 546,
 550, 610, III¹, 2, 7, 37, 41, 49,
 50, 78, 96, 97, 99, 103, 104,
 111, 156, 170, 173, 175, 176,
 256, 257, 260, III², 9, 10, 14,
 17, 65, 76, 140, 153, 162, 178,
 190, 250.
 Добеславъ изъ Куровенкъ („п. Лю-
 бельчикъ“) III¹, 110.

Добнеръ, П, 67, 68, 108, 137, 142, 612.
 Добрава Бодесл., кн. чеш., Ш¹, 21, 169.
 Добренскіе, Ш¹, 160.
 Добрыль, П, 528, 566.
 Добровский Юсефъ, П, 22, 68, 69, 159, 578, 612, Ш¹, 18.
 Добрыня Никитичъ, богатырь, I, 193.
 Добрянскіе, Ш², 81.
 Добрята, пѣвецъ, I, 196.
 Дойчинъ, юнакъ, I, 192.
 Долгоруковъ, кн., посолъ, П, 455.
 Долежалъ, П, 65, 257.
 Дольчи (= Сладичъ) Севаст., П, 244, 303.
 Домбровка, княжна, П, 427, 451.
 Донатъ, Ш², 254.
 Дорогостайскіе, Ш², 70, 211.
 Дорошенко, I, 169, Ш², 218.
 Дороея изъ Прибѣславидъ, Ш¹, 59.
 Дороей, патр. окрид., П, 564.
 Доскей Обрадовичъ, П, 214, 215, 308, 390, 487, 488, Ш², 276, 277.
 Драгомира, Ш¹, 3.
 Драгославъ Іоаннь, П, 443.
 Драгми, презвитъ, П, 567, 568.
 Драховскій, П, 555.
 Држичъ Маринъ, П, 284, 355.
 Дрогоѣвскіе, Ш², 70, 79.
 Друцкіе, I, 138, Ш², 171, 211.
 Дубовичъ I., П, 451.
 Дубравскіе, Ш², 53, 81.
 Дубравскій, лѣтоп., П, 37, 39, 43, 46, 117, 125, 231, 248, 303, 611.
 Дубрау Матъ., Ш¹, 17.
 Дуба (изъ—), чеш. родъ, Ш¹, 160.
 Дудичъ, Ш¹, 134.
 Дуклянъ, яз. бож., I, 187.
 Дульба, П, 111.
 Дунай Ивановичъ, I, 194.
 Душинъ, канъ, Ш¹, 40, 135.
 Дурихъ Фортунатъ, П, 66.
 Духинскій, П, 505.
 Духовскій, П, 67.
 Дембондцкій Войт., П, 138, 139, 300, Ш¹, 149.

Дембенскіе, Ш¹, 243.
 Дюкъ Степановичъ, I, 194.
 Дюфренъ (Диканжъ), П, 238, 239.
 Дѣдошицкіе (Дѣдушицкіе), Ш², 52, 61, 67, 68, 102, 127.
 Дѣдошицкій Вячеславъ, Ш², 67.
 Дѣдошицкій Іоаннь, Ш², 67.

Е.

Ева, П, 125.
 Евгений IV, папа, П, 402.
 Евдокимъ, рус. книжн., П, 464.
 Евнутій (Янута), Ш², 152.
 Евнутьевичи, Ш², 154.
 Евсевій, П, 571.
 Евстратій, попь, П, 563.
 Евемій, патр. болг., П, 222, 560, 561, 563, 586, 587.
 Евемій, мон., П, 591.
 Ежовскій, Ш², 142.
 Екатерина П, I, 88, 89, П, 184, 195, 196, 205, 390, 411, 417, 419, 420, 498, 505, 511, 512.
 Екатерина Мальхеръ, Ш², 235.
 Елагинъ, П, 505, 510.
 Елачичи—Бужимскіе, хорват. родъ, I, 138.
 Елена, св., П, 244, 384.
 Елизавета Петровна, I, 88, 89, П, 414, 415.
 Елисавета, дочь им. Сигизм., Ш¹, 79, 91, 92, 99, 229.
 Елисавета, дочь кор. поль. Премысла, Ш¹, 28.
 Елисавета Альбрехтовна, Ш¹, 97, 99.
 Елиты, поль. р., Ш¹, 167.
 Елиса, праот., П, 6, 31, 38.
 Еникъ, язъ Мечкова, Ш¹, 251, 253.
 Ефремъ Сиринъ, П, 566.
 Ешинъ Павелъ, Ш¹, 10.

Ж.

Жабокруцкіе, Ш², 63.
 Жабокруцкій (Кухарскій), Ш², 83.
 Жабчиць, П, 191, 192.
 Жакъ изъ Свеборовиць, Ш¹, 39, 97, 252.

Жатецкій Мартынъ, П, 53.
 Жачичи, III², 211.
 Жебровский, III², 139.
 Желиборскіе, III², 53.
 Желиборскій Арсеній, еп. львов., III², 45, 135.
 Желивскій Іоаннъ, попъ, III¹, 53.
 Жеротинскій Іоаннъ, III¹, 253.
 Жеротинскій Карлъ, III¹, 186.
 Жеславскіе (Заславскіе), III², 154, 171.
 Жефаровичъ, П, 289, 307.
 Жидекъ Павелъ, III¹, 244.
 Жижка Іоаннъ, I, 27, II, 26, 82, III¹, 37, 43, 50, 55, 56, 62, 63, 72, 94, 153, 158, 191, 251, 255, 256, 259.
 Жолковскіе, III², 70, 126, 207.
 Жолковскій, гетьм., П, 190, 192, III¹, 146, 149, 258, III², 116, 128.
 Жолковскіе, III², 53, 127.
 Жоховскій, П, 328, 552, III², 44.
 Жугаевъ Василій, изъ Яросл., III², 135.
 Жураковскіе, III², 80.

3.

Заборовскій, П, 148, 149, III¹, 227, 228.
 Завицкій, 161.
 Завиша Чарный, изъ Гарбова, III¹, 38, 40.
 Заглобы, поль. родъ, III, 167.
 Загоровскій Вас., III², 217.
 Загуровичъ, П, 585.
 Зализнякъ, I, 195.
 Замойскіе, I, 139, П, 160, III², 70, 80, 126, 207.
 Замойскій Іоаннъ, П, 72, 166, 167, 190, III¹, 127, 139 — 141, 153, 259, 261, III², 53, 115, 128.
 Замойскій Ома (с. Іоанна) III², 53.
 Замостьскіе, III², 53, 68, 102, 127.
 Замостьскій Олекно, III², 53.
 Занотти, П, 265, 269.
 Заславская Елизава., III², 76, 79.
 Збаражскіе, III¹, 78, 150, 157, III², 92, 171.
 Збаражскій Христофоръ, П, 94, 176, 190, III¹, 78, III², 78.

Збаражскій Юрій, П, 94, III¹, 78, 147, 148, 252, 153, 156.
 Збонскій, см. Авраамъ Збонскій.
 Зборовскіе, поль. родъ, I, 139, III¹, 135.
 Зборовскій Самуиль, III², 217, 218.
 Зборовскій Петръ, воев. повн., III¹, 123.
 Зборовскій Христоф., III¹, 247.
 Зборовичъ, П, 264.
 Збраславскій Петръ, П, 521.
 Збигнѣвъ Владисл., кн. поль., III¹, 22.
 Збигнѣвъ Олешницкій, еп. крак., П, 101, III¹, 49, 56, 66, 68, 84, 92—94, 175 — 177, 235, 244, III², 14, 49, 50, 158, 177.
 Збытитовскій Андр., III², 144.
 Звониміръ Диметрій, I, 49.
 Звечичъ, П, 289.
 Зденекъ изъ Рожмиталя, III¹, 119, 122, 243.
 Зденекъ изъ Штернберга, панъ, III¹, 103, 105.
 Зебридовскій, I, 39, III¹, 185, III², 75.
 Зеленко, П, 258.
 Земка Тарасъ, П, 576.
 Зеновичи, III², 211.
 Зеновичъ Ник., П, 147, III², 258.
 Зибартъ Іоаннъ, проф., III¹, 39, III², 249.
 Зизаній Лавр., П, 257, 592, III², 44, 231.
 Зиморовичъ Іос. В., П, 161, III², 18, 45, 112, 128, 138, 144—148.
 Зиморовичъ Ш., III², 138, 144, 145.
 Зиновій, книжникъ, П, 601.
 Зировскій, III¹, 233.
 Златаричъ, П, 264—266, 271, 322, 357.
 Змаевичъ, П, 389, 471, 583.
 Змаевичъ, контръ-адмир., III², 272.
 Змешкаль, ротм. III¹, 253.
 Змѣй Горыничъ, I, 193.
 Зонара, П, 119, 121, 219, 220, 423, 426, 434, 442, 569.
 Зоравичъ, П, 264.
 Зотовъ К., П, 415, 478.
 Зренчицкій Я., III¹, 154.

Зринскій Ник., Сигет. герой (XVI в.), I, 50, 51, 192, 260, 370, 373.
 Зринскій Петръ, I, 52, II, 84, 211, 260, 262, 266, 267, 373.
 Зринскій Ник., (бр. Петра, XVII в.), I, 52, II, 211, 212, 262, 373.
 Зутерь Андрей, III¹, 129.

И

Иванишевичъ, II, 265.
 Иванишъ, кн. цет., II, 271.
 Ивановъ Анастасій, дум. дьякъ, II, 188.
 Иванъ, св., (Предтеча), I, 189, 190, 191.
 Иванъ Калита, I, 84, 166.
 Иванъ III, I, 82, 156, 169, II, 208, 209, 398, 406, III¹, 117, 118, III², 268.
 Иванъ IV Грозный, I, 83, 84, 87, 194, II, 278, 342, 405, 436, 571, 578, III², 259, 260.
 Иванъ Алексѣев., ц. м. II, 211.
 Иванъ Москвитянинъ, типогр., III², 196.
 Иванъ, кн. кобринскій, III², 187.
 Иваншко, армян., III², 47.
 Иво Сенянинъ, монахъ, I, 192.
 Игнатій, диак., II, 427.
 Игорь Рюриковичъ, I, 78, 107, 188.
 Игорь Святославичъ, I, 184, 195.
 Израэль Георг., чеш. бр., II, 154, III¹, 186, 188, 189, III², 256.
 Изяславъ Мстиславичъ, кн. русскій, I, 138.
 Изяславъ Васильковичъ, III², 150.
 Изарионъ Могленскій, II, 424, 569.
 Илья св., I, 187.
 Илья Муромецъ, I, 193, 195, III², 26.
 Ингевонъ, потом. Твиска, II, 15.
 Иннокентій III, папа, II, 537.
 Иполитъ, патерь, II, 299.
 Исаія, архим. аеом. II, 211.
 Исидоръ, митрон., I, 85, II, 397, 402, 573, III², 47—49, 136, 267, 268.
 Исидоръ Севильскій, II, 4, 104, 109.

Искра Юаннъ, изъ Брандыса, I, 70, III¹, 95, 97, 229.
 Истевонъ, потом. Твиска, II, 15.

Л

Иванъ, (Лаетов.), II, 6, 38, 104, 110, 111, 114, 119, 141.
 Лаетовичи, II, 6, 107, 117, 133.
 Лаетъ, II, 4, 110, 111, 113, 119, 138, 139, 231.
 Лаетъ, чеш. бр., III², 254.
 Иезекиль, пророкъ, II, 10, 63, 124.
 Иеремія Богомилъ, полъ болгарскій, I, 182.
 Иеронимъ св., I, 206, II, 21, 22, 39, 114, 117, 120, 140, 231, 239, 240, 242, 244, 248, 271, 281, 296, 299, 300, 485, 493, 507, 508, 523, 526, 541, 544, 547, 548, 549, 554, 603, 605, III¹, 105, III², 270, 274.
 Иеронимъ Пражскій, II, 555, 612, III¹, 39—44, 172, 177, III², 157, 158, 235, 246—250, 254, 256.
 Иеронимъ изъ Праги, монахъ, III¹, 41, 74, 75, III², 249.
 Иоакимъ, иеродиак., II, 578.
 Иоакимъ, патр., II, 204.
 Иоанна Д'Аркъ, III², 235.
 Иоаннъ св., II, 394.
 Иоаннъ Богословъ, II, 526.
 Иоаннъ Дамаскинъ, II, 590.
 Иоаннъ Златоустъ, II, 466, 526, 563, III², 166.
 Иоаннъ VIII, папа, II, 603.
 Иоаннъ IX, папа, II, 517.
 Иоаннъ X, папа, II, 222.
 Иоаннъ XIII, папа, II, 603.
 Иоаннъ, патр. печскій, III², 265, 266, 269.
 Иоаннъ, архіеп. праж., II, 542.
 Иоаннъ Ласкій, арх. гнѣз., см. Ласкій.
 Иоаннъ, еп. (канцл. Руд. Габ.), III¹, 24.
 Иоаннъ, еписк. вратисл., III¹, 29.
 Иоаннъ, еп. мишенск., II, 17.
 Иоаннъ Людичъ, еп. печул., III¹, 114.

Іоаннъ Шафранецъ, еписк., см. Ша-
 франецъ Іоан.
 Іоаннъ Эвархъ, П, 255, 257, 557,
 584, 590, 602.
 Іоаннъ изъ Львова, свящ., Ш¹, 222.
 Іоаннъ, діак., П, 525, 533.
 Іоаннъ изъ Вишни, мон., П, 594,
 600, Ш², 44, 55, 128, 130—133,
 136, 146, 218, 214.
 Іоаннъ Рыльскій, П, 221, 424, 569.
 Іоаннъ Цимискій, П, 203.
 Іоаннъ V Пал., вив. нмп., П, 402.
 Іоаннъ Ш, ц. моск., см. Иванъ Ш.
 Іоаннъ Александръ, царь болгар-
 скій, I, 65, П, 559.
 Іоаннъ Асѣнь I (Калоянъ), I, 64.
 Іоаннъ Асѣнь II, I, 64, 203.
 Іоаннъ Шишманъ, I, 65, 192, П,
 560.
 Іоаннъ Люксембург., кор. чешск., I,
 25, 33, Ш¹, 29—31, 35, 81.
 Іоаннъ I Альбрехтъ, кор. поль., I,
 36, П, 86, 207—209, Ш¹, 115,
 116, 253, Ш², 47, 113.
 Іоаннъ Казиміръ, кор. поль., I, 40,
 41, П, 78, 79, 95, 194, 381.
 Іоаннъ Запольскій, I, 51, П, 87,
 Ш¹, 121, 122.
 Іоаннъ Искра, полков. чеш., см.
 Искра.
 Іоаннъ, кн. опольск., Ш¹, 242.
 Іоаннъ, кн. опав. и ратиб., Ш¹, 51,
 52.
 Іоаннъ, кн. осѣтимскій, Ш¹, 97.
 Іоаннъ Малала, П, 219, 423.
 Іоаннъ Витезь изъ Средны, архіеп.
 остригом., Ш¹, 114, 116.
 Іоаннъ Витезь, еп. Весприм., Ш¹,
 116.
 Іоаннъ Витовець изъ Гребни, Ш¹,
 95.
 Іоаннъ изъ Газенбурга, Ш¹, 184.
 Іоаннъ Гертвикъ изъ Рушикова,
 Ш¹, 89.
 Іоаннъ Годіонскій, П, 59.
 Іоаннъ изъ Голешова, П, 47.
 Іоаннъ изъ Карикова, Ш¹, 254.
 Іоаннъ Кольда изъ Находа, Ш¹, 89,
 95, 97, 98, 252.
 Іоаннъ Миротицкій, П, 46.

Іоаннъ Мѣричка изъ Кръгова, Ш¹
 252.
 Іоаннъ изъ Осѣтима, Ш², 49.
 Іоаннъ Пушкарь, Ш¹, 97.
 Іоаннъ Рогачъ изъ Дубы, Ш¹, 62.
 Іоаннъ Соколю, Ш¹, 37.
 Іоаннъ изъ Стобниці, П, 131.
 Іоаннъ Тернеа, Ш¹, 253.
 Іоаннъ изъ Тѣнчина, Ш¹, 86.
 Іоаннъ изъ Члжава, Ш¹, 7.
 Іоаннъ изъ Шарова, Ш¹, 252.
 Іоаннъ Филипець, уг. канцл. еписк.,
 Ш¹, 115.
 Іоаннъ Вѣльскій, см. Вѣльскій I.
 Іовій Пав., П, 35, 40, 45, 200, 201,
 404, 425.
 Іорданъ, ист., П, 64—66, 110, 117,
 143, 222, 225, 303.
 Іорданы изъ Закличина, Ш¹, 243.
 Іосифъ, сынъ Іакова, П, 104.
 Іосифъ Флавій, ист., П, 4, 570.
 Іосифъ I, нмп., П, 307.
 Іосифъ II, нмп., П, 69, 214, 215,
 390, 412, 413, Ш¹, 234, Ш², 27.

М.

Кабатникъ Март., Ш², 255, 256.
 Кабога, ист., П, 371.
 Кавечинскій, П, 597.
 Кавка изъ Собѣсуку, Ш¹, 97, 252,
 Кадлубекъ Викент., гѣтоп., П, 34,
 35, 74, 103, 104, 108, 109, 112,
 136, 436, Ш¹, 167, Ш², 4, 12, 76.
 Кавановскіе, поль. родъ, I, 138.
 Казиміръ I, кн. поль., I, 106.
 Казиміръ III Велик., кор. поль., I, 34,
 175, П, 328, Ш¹, 31, Ш², 18,
 22, 46, 50, 108.
 Казиміръ IV, к. п., I, 36, 82, 166,
 169, П, 548, 550, 572, Ш¹, 7,
 84—90, 93, 94, 96 — 115, 121,
 151, 171, 239, 241, 242, 247,
 252, Ш², 50, 51, 65, 93, 120,
 161, 165, 167, 170, 178—182,
 193, 276.
 Казиміръ Казиміровичъ (с. Каз-
 міра IV), Ш¹, 114.
 Казиміръ, сынъ Лестька, П, 106.
 Казя, княжна чеш., I, 182, 183.

- Канда, воевода, I, 183, 192.
 Кайсаровъ, II, 247.
 Калиновскіе, III², 62, 207.
 Калининскій Іоаннъ, II, 164, 179, 180, 183.
 Калимаха, ист., II, 126, 231, III¹, 89.
 Калоіоаннъ (Калоянъ), см. Іоаннъ Асѣнь I, I, 64.
 Кальвинъ, II, 82.
 Кальнофойскій, II, 552, III², 44.
 Камерарій, III², 256.
 Камилъ, III², 54.
 Канавеличъ (Канавеловичъ), II, 178, 264, 369, 378—380, 389, 392.
 Канижличъ, II, 266.
 Канизій, II, 60, 270, 279.
 Канповъ, истор., II, 15, 16.
 Каширь изъ Сулевиць, II, 83.
 Капистранъ Іоаннъ, III¹, 98, 94, III², 49.
 Капоунъ изъ Свойкова, Альбр., III¹, 129.
 Капунъ (Капоунъ) изъ Смириць, III¹, 97, 252.
 Капуста, кн. родъ, III², 171.
 Кара-Мустофа, II, 84.
 Караджичъ Вукъ, II, 323.
 Каражъ Іоанникій, II, 205.
 Караманъ Матв., II, 275, 291, 389, 583, 584, 593, III², 272.
 Карвааль, нап. лег., III¹, 179.
 Каріонъ, II, 46.
 Карловичъ, I, 50.
 Карлъ Великій, I, 17, II, 213, 228, 483.
 Карлъ IV (I), кор. чеш., I, 25, 58, II, 29, 31, 57, 89, 148, 234, 296, 299, 303, 357, 535, 541—544, 546, 605, 608, III¹, 31, 32, 35, 81, III², 253, 254.
 Карлъ VI, II, 307.
 Карлъ, кор. неаполь. I, 50.
 Карлъ, герцогъ бургунд., III¹, 109.
 Карлъ, эрцгерцогъ, III¹, 124.
 Карлъ, кн. Минстерберг., III¹, 243.
 Кариковскій Станиславъ, еп. II, 72, 78.
 Карпинскій, II, 435.
 Каспаръ изъ Вишавы, свящ., II, 288.
 Каспаръ изъ Мархин, III², 255.
 Каспаръ Шликъ, III¹, 84.
 Катанчичъ, II, 266.
 Качичъ-Миошичъ, II, 233, 235, 236, 243, 244, 264, 369, 371, 374, 385, 392, III², 275.
 Кашичъ, II, 264, 265, 267, 282, 284, III², 264.
 Квятковскій Март., II, 148, 163.
 Кезгайлы, III², 163.
 Кердеевичи (Кирдеевичи), III², 67, 68.
 Кердеевичъ Грицко, III², 63, 82.
 Керманъ Данилъ, II, 65.
 Кестутій (Кейстуть), III², 152, 153.
 Кестутьевичи, III¹, 33.
 Кибургъ, еп., III², 164.
 Кизаревичъ, II, 435.
 Кинскій Францъ, графъ, II, 66, III¹, 160.
 Киприанъ, митроп., II, 560, 571, 572, 575, 587, 588.
 Кирдеевичи, см. Кердеевичи.
 Кирдеевичъ изъ Квасилова, Ванко, III², 92.
 Кирдей Ванковичъ, III², 92.
 Кирикъ, новогор., II, 396.
 Кирилъ (Константинъ) св., ап. сл., I, 11, 23, 204—206, II, 5, 28, 30, 31, 40, 47, 66, 79, 120, 124, 126, 128, 223, 231, 239, 242, 248, 251, 252, 256, 257, 271, 275, 280, 281, 291, 300, 303, 328, 338, 397, 422, 423, 426—431, 434, 437, 439, 442, 443, 446—449, 451—459, 468, 469, 482, 484, 486, 493, 498, 507, 508, 515 — 616, III¹, 170, III², 16, 72, 244, 245, 253.
 Кирилъ Іерусалимскій, св., II, 550.
 Кирилъ, митроп., II, 569.
 Кирхнеръ Аванасій, II, 241, 310.
 Кисель, пис. дух., II, 328, 435.
 Кишка Микол., напъ, III², 198.
 Кія, II, 111, 124, 439, 447.
 Клёновичъ Севаст., II, 89, 137, 138, 173, 175, III¹, 245, III², 22, 138, 143, 148.

Клечевскій, II, 67, 143, 144, 158.
 Клечковскій, III¹, 150.
 Климентъ, св. (болг.), II, 517, 577, 584, 614.
 Климентъ VI, папа, II, 541.
 Климентъ VIII, папа, II, 210, 404, III², 265, 269—271.
 Кломбнеръ, II, 289, 294.
 Клоцъ, II, 526, 536.
 Ключерій, ученый, II, 21.
 Ключи (Клюсы), III², 67.
 Ключъ Іоаннъ (Вишнянскій), III², 66.
 Ключъ Иванъ (XVII в.), III², 67, 104.
 Кмита Ахаць, II, 190, III¹, 246.
 Кмита, старш., III², 81.
 Кмиты, III², 62.
 Кнапскій, II, 148, 152.
 Князьинъ Франць, II, 183, 184, 196.
 Кобенцель, пос. нѣм., II, 398, III¹, 160, III², 268.
 Кобрвнскіе, III², 154.
 Кобылянскій, III², 81.
 Кобятичъ Тарасъ, III², 194.
 Кованъинъ Іерон. (Каванинъ), II, 254, 355, 357, 366—370, 380, 383—285, 389, 392, 409.
 Кодицаль, астрон., II, 36, 40, 242.
 Кожичячъ, II, 267.
 Козубай, кав., III², 148.
 Коновець Марешъ, II, 555, III², 255, 256, 258.
 Кокальто, III¹, 160.
 Коларъ Янъ, II, 197, 578.
 Коленда, митроп. униат., III², 52, 80.
 Колонтай, II, 139.
 Колоредо, III¹, 160.
 Коловаты, III¹, 160.
 Коломанъ, кор. уг., I, 49, II, 74.
 Колоничи, II, 245.
 Колоничъ, II, 83, 279.
 Колумбъ, III², 235.
 Коль Іоаннъ, II, 507.
 Коменскій, Я. Ам., II, 611, III¹, 186, 190, 192, 193, III², 252, 254, 260.
 Коммендонъ I., II, 292, III¹, 132.
 Коморовскіе, братья, III¹, 229, 243.

Коморовскій Христофоръ, III¹, 243.
 Комуловичъ, II, 210, 279, 285, 290, 389, 398, 404, 408, 540, III², 270—273.
 Коначъ изъ Годышкова, II, 58, 59, 125, III¹, 243, 244.
 Конашеничъ, гетм., см. Сагайдач-ный.
 Концепольскіе, III², 62, 207.
 Концепольскій Став., гетм., II, 190, III¹, 153, III², 134.
 Концепольскій, старш., III², 81.
 Конвскій Георг., II, 484, III², 219, 221.
 Конопка Дерславъ, III², 63.
 Конопки, III², 62.
 Конрадъ, ин. олешниц., III¹, 31, 101.
 Конрадъ, кн. чеш. (XII в.), I, 175.
 Конрадъ Бичинъ, III¹, 73.
 Константиновичъ Млх., II, 45, 86, 87, 121, 127, 174, 207, 208, III¹, 36, 113, 202, 259.
 Константинъ Филос., см. Кириллъ.
 Константинъ Костенчскій, II, 221, 257, 560—562, 587—590. III², 250.
 Константинъ Багрянородный, II, 42, 68, 145, 220, 236, 613, III², 4.
 Константинъ, имп., II, 244, 384, 385, 456.
 Константинъ Тѣхъ, II, 328.
 Константинъ Манассія, см. Манас-сія.
 Констанція, чеш. сестра, III¹, 223.
 Ковти, фр. принць, III¹, 162.
 Коперникъ, III², 235.
 Копіевскій (Копіевичъ) Ілья, II, 473, 475, 479, 480.
 Кошитаръ, II, 577, 578.
 Коштыенскіе, III², 81.
 Коштыенскій, II, 94, 329, 435, 442, 449, 450, 452, 573, III², 9, 44, 57, 72, 75, 77.
 Корамбусъ Матвій, III², 274.
 Коранда Вяч., III², 253.
 Корецкіе, III², 154, 171.
 Корецкій Самуиль, III¹, 149.
 Коріятовичи, III², 63, 185.

- Коріятовичъ Александръ, кн., III², 50, 61, 63.
 Коріятовичъ Федоръ, I, 70.
 Корятъ Мих., III², 152, 154.
 Корибутовичи, III¹, 147, III², 171.
 Корибутъ (Корыбутъ) Дм., III², 152—154.
 Корицдинскій, старш., III², 81.
 Корьевичъ, II, 239.
 Косача Стефанъ, см. Стефанъ К.
 Косой Θεодосій, III², 258.
 Коссовъ Сильв., II, 442, 552, III², 44.
 Коста, II, 264.
 Костелакъ, ротм., III¹, 253.
 Косьма, пресв., II, 328.
 Косьма, гѣт., I, 13, II, 12, 24, 31, 42, 421, 604, III¹, 3, 8, 22, 23.
 Кожановскій, поэтъ, II, 9, 67, 136, 137, 142, 148, 149, 159 — 161, 163, 165, 187, 190, III¹, 209, 214, 228, III², 76, 138, 140, 141, 143, 147.
 Кожовскій Іерон. Веспасіанъ, II, 121, 161, 179, 180, III¹, 210, III², 139, 147.
 Коуницы, I, 75, III¹, 160.
 Коуницъ Вяч., II, 413, III¹, 160, 163.
 Коцель, кн., I, 11, II, 428 — 430, 448, 453, 455, 468, 586, 589, 590, 610.
 Коята, цвѣць, I, 196.
 Крайковъ Яковъ, II, 304, 564, 585.
 Краковны, княжны чеш., I, 182.
 Кракъ, II, 104, 141.
 Крамеръ I. Ф., 479.
 Кранцъ Альбертъ, истор., II, 14—16, 35, 102, 112, 117, 140.
 Красинскій, еписк., III¹, 127.
 Красинскій Іоаннъ, георг., II, 132.
 Красицкій Игн., II, 180, 183, 196.
 Краснодѣмбскій, II, 99.
 Крашевскій, II, 170.
 Крайчевичъ, II, 261.
 Крева, см. Креуса.
 Крель, II, 257, 258, 270, 279, 285, 987, 294, 297.
 Крень Осма, еп., II, 257, 266, 297, III², 269.
 Креснхлебъ, II, 553.
 Креуса (Кравза) Левъ, II, 441, 442, 451, III², 44.
 Крижаничъ Юрій, II, 3, 4, 34, 205, 211, 212, 240, 241, 260, 285, 309 — 351, 354, 362, 382, 383, 385, 389, 392, 405, 408, 410, 418, 436, 440, 441, 473, 514, 581, 589, III¹, 83, III², 28, 161, 233, 265, 272, 275.
 Крижъ, III¹, 171.
 Кринецкій Вильгельмъ, III¹, 124.
 Криницкій Григ., III², 134.
 Криштанъ (Христіанъ), маг., III¹, 57.
 Крнопотичъ, II, 389, 390, 392.
 Кровицкій Ж., II, 293.
 Крокъ, II, 427.
 Кроликъ, рус. книжн., II, 471.
 Кромеръ Март., ист., II, 35, 41, 43, 45, 54, 101, 103, 106, 109, 112, 113, 117—119, 121, 126, 132, 134, 141, 143, 231, 237, 243, 443 — 445, 452, 454, 486, 491, III¹, 2, 247, III², 103, 140, 148.
 Крошвицкіе, III², 81.
 Кротоскіе, III¹, 187, 189.
 Крумъ, кн., I, 63.
 Крупецкій, еп. ун., III², 75, 78.
 Крупскій, II, 59.
 Крутъ, кн., I, 18.
 Крушала Ив., II, 482.
 Крыскій, поль. пос., II, 408.
 Крышковскій Лавр., II, 154, 596, 597, III¹, 214, III², 211.
 Кръсиміры, I, 49.
 Кулаша, поль. іез., II, 328, 552.
 Кулинъ, банъ бос., II, 557.
 Кульчинскій Игн., II, 446, 447, 451.
 Кульчицкіе, III², 81.
 Кумердей, II, 577.
 Кунгунда, жена Прем. От. II-го, III¹, 25.
 Куняцкій, II, 383.
 Купецкій, живоп. чеш., II, 409.
 Курбскій, кн., II, 578.
 Курятевъ Нилъ, II, 575, 576.
 Куровенцкіе, III¹, 243.
 Куропатва изъ Ланкухова, III¹, 175, 176.

Курценичъ, III², 171.
Кутень, лѣтоп., II, 37—39, 548.
Кухарскій (Жабокруцкій,) III², 83.

Л.

Лаврентій Бенедиктъ изъ Нудожеръ, II, 58.
Лаврентій изъ Бревовы, II, 33, III¹, 42, 50, III², 246.
Лаврентій, еп. перемыш., III², 102.
Лаврентій изъ Панёна, III¹, 62, 63.
Лагодовскіе, III², 61, 68.
Ладиславъ Куманъ, хор. уг., II, 450.
Ладиславъ неаполит., I, 50.
Ладиславъ, угор. французскан., III¹, 94.
Лазарь Грбляновичъ, кн., I, 59, 192, II, 370, 394, 571.
Лазарь Бранковичъ, серб. деспотъ, III¹, 92.
Лавозъ, II, 500.
Ламорментъ, иез., II, 262.
Ламормены, II, 95.
Ланосовичъ, II, 266, 267.
Ланникъ Халкокондиль, II, 219.
Ларишъ, панъ, III¹, 233.
Ласи, фельдмарш. рус., II, 412.
Ласицкій, II, 293, 294, III¹, 186, 189—191, III², 256, 259.
Ласкіе, поль. родъ, I, 139.
Ласкій Іоаннъ, архіеп. гнѣз., II, 113, III², 2, 49, 95, 168.
Ласкій Геронимъ, воев. серадъ., III¹, 121, 122.
Ласкій Альбрехтъ, воев. серадъ., III¹, 128, 137.
Ласскій Іоаннъ, II, 160.
Лацекъ (Ладиславъ) изъ Краваръ, III¹, 38, 42.
Лацъ Март., II, 553, III¹, 191.
Леваковичъ Раѣ., учен., II, 14, 243, 267, 272, 275, 285, 310, 389, 580, 581, 592, III², 264, 265.
Левенклей, II, 45.
Левъ Муд., имп., II, 430, 454, 480.
Левъ Даниловичъ, кн., III², 17, 64, 103.

Леготскіе, I, 138.
Ледецкий, свящ., II, 555.
Лейбницъ, II, 331, 484, 485, 487, 500.
Леливы, III¹, 167, III², 189.
Ленгнихъ, II, 87, 137, 141, 142.
Леонардъ, доминик., III¹, 222.
Леонтій, монахъ, III², 213.
Леопольдъ, имп., II, 83.
Лепехинъ, II, 511.
Лестько, II, 75, 106, 119, III², 16.
Лещинскіе, III¹, 187.
Лещинскій Раѣ., III¹, 189, III², 259.
Лещинскій, товар. Собеск., II, 383.
Лжедмитрій, I, 84, II, 191, 278.
Либерда, III¹, 233.
Ликниій, II, 220, 244.
Лингартъ Антошъ, II, 243, 250.
Линде Сим., II, 159.
Липскіе, III¹, 187.
Лисовскій, II, 190, III¹, 149.
Лисы, поль. род., III¹, 167.
Лихтенштейны, III¹, 159.
Лихуды, уч. моск., II, 329.
Лобковицъ Ладиславъ, III¹, 129, 130—132, 136.
Лобковицъ Богуславъ, III¹, 251.
Лобковицы, чеш. родъ, I, 75, III, 160.
Лобода, каз. старш., III², 218.
Лодерекеръ изъ Прошовицъ, II, 57, 58, 228.
Лоевичи, III², 67, 68.
Лозинскіе, III², 68, 80.
Ломоносовъ, II, 412, 500 — 503, 509—512.
Лопатинскій Θεофилъ, II, 473, 486.
Лопатици (—Ченеровскіе), III², 64, 65, 68, 102.
Лорбахъ, нѣм. пос., II, 398, 399.
Лубенскій Станиславъ, еписк., III¹, 148, 156.
Лугвеній (Лыгвеній, Лыгвень), Семень, III², 96, 152, 153.
Лугвенъевичи, III², 154.
Лудольфъ, II, 465, 485.
Лука, чеш. братъ, III², 255, 256.
Лука изъ Теркополя, II, 573, 598, III², 135, 227—229.

Лука изъ Горки, воев. позн., III¹, 63.
 Лукарничъ, II, 303.
 Лукомскіе, III², 171.
 Лупачъ, II, 546.
 Лудичъ, II, 264, 267, 270, 322, 352, 357.
 Лучичъ Иванъ, II, 237, 243, 303.
 Лыцловъ Андр., II, 441.
 Лыщинскій, III², 235.
 Лѣхъ, праотець ляховъ, II, 6, 19, 32, 37 — 43. 64 — 68, 75, 94, 105, 108 — 121, 124, 125, 128, 134—137, 141—145, 160, 161, 199, 201, 229, 231, 233, 238, 242, 243, 245, 369, 427, 439, 443, 447, III¹, 152, 153, 159.
 Лвничкій Павелъ, II, 134.
 Любарть Гедиминовичъ, Дм., III², 150, 152.
 Любелчичъ Яковъ, II, 147, 148, 161.
 Любецкіе, III², 171.
 Любомирскіе, III², 207.
 Любомирскій, предвод. возстанія, I, 40, II, 160, 190, 383.
 Любуша, княжна чеш., I, 182, II, 78, 125, 142.
 Людгарда, III¹, 2.
 Людичъ Ив., еп., III², 275.
 Людмила, св., II, 30, 31, 125, 423, 429, 447, 451, 452, 458, 518, 548, 604, 605, 608, III¹, 8, 105.
 Людовикъ I Великій, I, 34, 50, II, 126, 128, 206.
 Людовикъ II, Ягайлов., кор. уг. I, 28, 51, II, 169, 209, III¹, 118, 119, 121.
 Людовикъ XIV, II, 83.
 Люндирандъ, II, 119.
 Лютеръ, I, 21, 28, II, 17, 18, 292, 493, III¹, 15, 186, 225, III², 256, 259.
 Лютомъръ, I, 105.
 Лянцорона, поль. родъ, I, 137.
 Лята (Ляда), мѣщ. крак., III¹, 262.

М.

Маврикій, св. (пѣм.), I, 17.

Маврикій, имп. виз., II, 341.
 Моголъ, праот., II, 6, 63, 139.
 Магомедъ, султанъ, I, 59.
 Мажураничъ Иванъ III², 277.
 Мазепа, гетм., I, 88, 169, II, 472, III², 220.
 Макарій, митроп. рус., II, 428, 429, 436, 586.
 Макарій, намісти. гал. еп., III², 52.
 Макарій, мон. II, 470.
 Макарій, черногор. мон., II, 304.
 Макаровъ, II, 415.
 Максимилианъ, имп. рим.-гер., III¹, 115—118, III², 268.
 Максимилианъ, чешск. кор. и имп., I, 29, II, 147, 166, 168, 286, 348, 398, III¹, 124, 126, 129 — 138, 244.
 Максимилианъ, эрцг., II, 72, III¹, 138—141.
 Максимичъ, имп., II, 244.
 Максимовичъ Иванъ, II, 475, 476.
 Максимовъ Федоръ, II, 475.
 Максимъ Грекъ, II, 469, 497, 575, 589.
 Малаховскій, II, 98.
 Малецкій Геронимъ, III¹, 225.
 Мальцанъ Юванъ, III¹, 124.
 Мальчицкіе, III², 61, 67, 68, 102, 119.
 Мальчицкій Е., III², 103.
 Мамай, ханъ, III², 153.
 Манассія Конст., II, 219, 220.
 Мандевиль, III², 246.
 Мандичъ, еписк. хорв., II, 306.
 Манкіевъ, ист., II, 34, 437, 482.
 Мавнъ, сынъ Твиста, II, 6, 14.
 Мануилъ, имп. виз., II, 203.
 Маргарита, жена Конрада Олешницкаго, III¹, 101.
 Маргитичъ, II, 264, 273, 274, 277, 282.
 Мардарій, монахъ, III², 276.
 Марина Мнишекъ, II, 191.
 Маринвола, лѣт. II, 29, 31.
 Марія (огненная), I, 187.
 Марія, дочь Людов. Вел., I, 50.
 Марія-Терезія, I, 54, II, 217, 307, 413, III², 27.
 Марія, жена кн. Тройдена, III², 17.

Марка Иванъ, П, 283.
 Марко Вукашиновичъ, королевичъ серб., I, 58, 192, 193, 196, П, 174, 370.
 Маркъ, св., евангелистъ, П, 18.
 Маркъ изъ Пётркова, врачъ, П, 151.
 Марнавичъ Ив. Томко, П, 178, 244, 264, 312, 372, 373, 382, 383.
 Мартинидъ изъ Руды, Ш¹, 233.
 Мартиницы, Ш¹, 160.
 Мартынъ, св., П, 140.
 Мартынь, пана, Ш, 108, 173.
 Мартынь Бѣльскій, см. Бѣльскій.
 Мартынь Галль, П, 103, 421, Ш¹, 21.
 Мартынь изъ Баворова, Ш¹, 79.
 Мартынь Гидзельскій изъ Ценжковецъ, Ш¹, 242.
 Маршевскіе, Ш¹, 187, 189.
 Маруличъ, П, 257, 264—266, 270, 283, 322, 371, 372, 389.
 Масальскіе, русскій родъ, I, 138.
 Матвѣй, еп. перемыш., Ш², 22, 98.
 Матвѣй Корвинъ Хунядъ (Гунядъ), кор. угор., I, 28, 50, 73, П, 86, 206, Ш¹, 98, 105, 108 — 117, 251—253, Ш², 276.
 Матвѣй, чеш. кор. и имп., I, 29, Ш, 144, 145.
 Матвѣй изъ Мѣхова, см. Мѣховскій.
 Матвѣй Вильгъ изъ Петровицъ, Ш¹, 236.
 Матіевичъ Стеф., П, 273, 276, 328.
 Матиоли, П, 59, 151.
 Матой, св., евангел., П, 18, 293.
 Матой, еп. крак., П, 103, 396, Ш², 12, 21.
 Мегизерь, П, 250, 258, 298.
 Мелантрихъ Юрій, П, 59.
 Меланхтонъ, П, 148.
 Мелетій, царегр. патр., Ш², 257.
 Мелешко Иванъ, панъ, Ш², 166, 208.
 Мельштынскій, см. Смытекъ изъ Мельштына.
 Мельштынскіе (отъ в. Мельштынъ), I, 137, Ш², 62, 81.
 Менжикъ изъ Домбровы, Ш², 81.
 Меншиковъ, П, 455

Меркаторъ, П, 425, 441, 455.
 Мечиславъ, кн. поль., П, 446.
 Меодій, св., ап. сл., I, 11, 12, 23, 205, 206, П, 5, 17, 21, 28, 30, 31, 40, 47, 66, 74, 124, 128, 231, 235, 242, 248, 249, 252, 256, 257, 271, 280, 281, 303, 323, 397, 422, 423, 426—429, 442, 443, 446 — 459, 484, 486, 493, 507, 508, 515 — 616, Ш¹, 12, 170, 213, Ш², 9, 72, 244, 245, 253.
 Микаля Яковъ, П, 268, 279, 284, 371, Ш², 263.
 Николаевскій, чеш. бр., Ш², 257.
 Милетичъ, франциск., П, 275.
 Миличъ Юаннъ, Ш¹, 172.
 Милишичъ, Ш², 272.
 Миллесимо, Ш¹, 160.
 Милорадовичъ, П, 389, 393, 409, 471.
 Милошъ Кобилевичъ (Кобилчъ), I, 192, 196, П, 174, 370.
 Милошъ Воиновичъ, юнакъ, I, 193.
 Милютинъ Стефанъ, см. Стефанъ М.
 Миндовъ, кн., Ш², 152.
 Минихъ, П, 414—415.
 Минчетичъ Влад., П, 264, 373, 389.
 Мирославъ (его еванг.), П, 527, 557.
 Мисаилъ, ун. митр., Ш², 48, 136.
 Митисъ, поетъ, П, 59.
 Митровскіе, I, 138.
 Митуса, пѣвецъ, I, 195.
 Михаилъ, имп., П, 433, 448, 449, 453, 455, 468, 516, 589, 607.
 Михаилъ Федоровичъ, царь, I, 84, 85, Ш¹, 262.
 Михаилъ болг., см. Борисъ.
 Михаилъ, кн. сербск., I, 56.
 Михаилъ изъ Санока, протоп., П, 598, Ш², 135, 226.
 Михаилъ, гус. поль, Ш¹, 112.
 Михаилъ Литвинъ, П, 436, Ш², 164.
 Михаилъ Полякъ, Ш¹, 180.
 Михаилъ Константиновичъ, см. Константиновичъ.
 Михаилъ Потыкъ (Потокъ), богатырь, I, 194, 195.

Мичмаеръ, III¹, 180.
 Младеновичъ Бранко, II, 527.
 Мнишекъ Юрій, II, 160, 190, 191.
 Могила П., II, 328, 329, 435, 552, 599, III², 44, 215.
 Модлибогъ, I, 108.
 Модревскій Фричь, III¹, 178, 179, 184, 190.
 Моисей, патр. печск., II, 305.
 Моисей Путникъ, митроп. серб., II, 306.
 Моисей Петровичъ, архіен. серб., II, 487.
 Моисей (его еванг.), II, 566.
 Моймировичи, кн. моравск., I, 22, 23, III¹, 2, 3, 21.
 Моллеръ, II, 21.
 Момчило, юнакъ, I, 192.
 Моввидъ, с. Гедим., III², 152.
 Моввиды, III², 163.
 Монлюкъ, фр. пос., III¹, 127, 130.
 Мончинскій, II, 147, 148, III², 117, 139, 141.
 Моровенко, I, 195, III², 148.
 Морштынъ Іоаннъ Андр., II, 189.
 Морштынъ Іерон., II, 170.
 Москвитинъ Иванъ Федоровичъ, II, 600, III², 196.
 Мосохъ, праотець, II, 6, 63, 103, 113, 119, 122—124, 127, 141, 144, 438, 439, 441, 443.
 Мошенки, Мошенчичи (— Мальчицкіе) III², 68, 119.
 Мощенскій, II, 67.
 Мукачевскій, вн., см. Фед. Коріятовичъ.
 Метибогъ, I, 108.
 Метиславецъ Петръ Тимоѣевичъ, II, 600, III², 196.
 Метиславскіе, рус. родъ., I, 138, III², 154, 171.
 Метиславъ Удалой, I, 80, III², 16.
 Метиславъ Владимір., кн. (его еванг.), II, 528, 532, 565, 567.
 Мужилоскій, II, 328.
 Мурделіовы, поль. р., III¹, 167.
 Мустафа, султ. тур., II, 176.
 Мустафа паша, III¹, 122.
 Мюллеръ Герардъ, II, 415, 489, 499—502, 506.

Мюнстеръ, II, 133.
 Мышковскіе, III¹, 239, 241, 243.
 Мѣшко, кн. поль., II, 451, 520, III¹, 169, 248, III², 14, 15.
 Мѣховскій Матвѣй, истор., II, 35, 45, 101—103, 106, 109, 110, 114, 115, 119, 121, 131, 404, 442, 550, 551, III¹, 2, 228, 254, III², 2, 49.
 Мисковскій К., II, 160, 161, 190, 192, III², 76.

Н.

Нагай, іеа., III², 54.
 Надажда, II, 84.
 Надобный изъ Рогова, III¹, 175.
 Наленчи, поль. гербъ и родъ, I, 137, 138, III¹, 167, III², 189.
 Налешковичъ, II, 264.
 Наливайко, атам., III¹, 258, III², 218.
 Наперскій Костка, III², 128.
 Наполеонъ I, имп., II, 201, 420.
 Наполеонъ III, имп., II, 420.
 Наримунтовичи, III², 154.
 Наримунтъ Глѣбъ, III², 152.
 Нарушевичъ, ист., II, 137, 141, 143—145, 183, 184, 196.
 Наумъ, св., II, 577.
 Негалевскій Валент., II, 597, III², 211.
 Негно, праот., II, 104.
 Неголевскіе, I, 138.
 Неманчи, I, 103, 143, 220.
 Неманя Стефанъ, см. Стефанъ Н.
 Немоевскій Як., III¹, 189, 191.
 Немродъ, II, 106.
 Ненадовичъ Алексѣй, II, 215.
 Ненадовичъ Павелъ, II, 307, 487.
 Ненній, II, 104.
 Неронъ, имп., II, 437.
 Несвицкій Иванъ, кн., III², 171.
 Несвицкій Федоръ, кн., III², 171.
 Несецкій, III², 63.
 Неслуховскіе, III², 68.
 Несторъ, лѣтоп., II, 443, 446, 453, 486, 490, 492, 499, 501—505, III², 25.
 Нетоплицкій, III¹, 134, 135.

Нечай, атаманъ, I, 195, III, 148.
 Нечуй, поль. р., III¹, 166.
 Никлотъ, кн., I, 19.
 Никифоръ, патр. цареград., II, 433.
 Никифоръ, митр. кiev., III², 16.
 Никодимъ, чеш. бр., II, 52.
 Никодимъ (его еванг.), III¹, 213, 223.
 Николай, св., I, 187.
 Николай изъ Пельгримова, еп., III¹, 62, 91, III², 251.
 Николай, еп. модруш., II, 523.
 Николай Павловичъ, имп., II, 85.
 Николай, кн. помор., III¹, 2.
 Николай I Черногорскій, I, 196.
 Николай Врезника, III¹, 79.
 Николай Богемець (Bohemus), III¹, 215.
 Николай изъ Гуси, III¹, 50.
 Николай изъ Брестя, инквиз., III¹, 175.
 Николай изъ Дубовца, III¹, 242.
 Николай изъ Знойма, писарь, III¹, 86.
 Николай Корничъ Сестренець, III¹, 52, 57, 60, 63, 66, 176.
 Николай Ланцкоронскій, III¹, 176.
 Николай, мноритъ, III¹, 86.
 Николай изъ Шадка, III¹, 244, 249.
 Никонъ, патр., I, 87, II, 574.
 Новаковичъ, сербъ, II, 512.
 Новакъ, кн. крбав., II, 544.
 Новакъ, гайдукъ, I, 193.
 Новакъ Дебелякъ, I, 196.
 Ной, II, 38, 103, 127, 139, 151.
 Нѣпръ, III¹, 171.

О.

Ободзинскій Алекс., II, 121, 161.
 Обрадовичъ, см. Досней: Обр.
 Обыховскій, стар., III², 81, 83, 101.
 Овчидъ, II, 363.
 Оглевичъ, II, 552.
 Огнинскіе, III², 211.
 Огнинскій Богданъ, II, 599.
 Оглендовскій, III², 81.
 Огончики, поль. р., III¹, 166.
 Одоевскіе, III², 171.

Одровонжи, поль. р., III¹, 166, III², 62, 127.
 Одровонжъ, старш. гал., III², 82.
 Одынцы, поль. р., III¹, 167.
 Окольскій, III², 138, 139, 144.
 Окша, поль. родъ, III¹, 166.
 Олегъ, кн., I, 78, 183.
 Олегъ Святославичъ, III², 17.
 Омельковичи, III², 153, 171.
 Омелько-Александръ Волод., III², 153.
 Олешницкій Збыгвѣвъ, см. это имя.
 Ольга, св., I, 78, 107, 183, II, 142, 447, 569.
 Ольгердовичи, I, 80, III¹, 33, 76, III², 151—154, 158, 159, 161, 171, 176.
 Ольгердъ Гед., I, 82, III², 151, 152, 171.
 Ольгимунтовичи (— Гольшанскіе), III², 156, 171.
 Ольдрихъ изъ Смолотель, см. Ульрихъ.
 Ольшевскій, еписк., II, 83.
 Опалинскіе, III¹, 187.
 Опалинскій Лука, II, 140, III², 139.
 Опець Валтазаръ, III¹, 211, 213.
 Оповровскій Владиславъ, свещ., III¹, 65, 66.
 Орбини Мавро, ист., II, 34, 37, 224, 229—233, 235—238, 242, 243, 245, 284, 303, 308, 315, 486; 487, 490, 494, III², 275.
 Орельскій, Св., III¹, 135, 138.
 Орфей, II, 244.
 Орфелинъ, II, 216, 307; 308; 488, 592, 595.
 Орѣховскій Станиславъ, II, 88; 135, 137, 149, 151; III¹, 36, 126, 202, 209, 214, 245, III², 22, 23, 70—73, 76, 138—142, 147, 165.
 Османъ, султ., II, 382.
 Остаповскіе (— Лопатичи—Чеперовскіе) III², 68.
 Остерманъ, II, 414.
 Остиковичи (— Радивилы), III², 163, 171.
 Остоя Стефанъ, I, 50, 59.
 Острица, гетм., III², 219.

Острожская Елизавета, III², 253.
 Острожские, III¹, 157, III², 172, 296.
 Острожский Конст., II, 190, 574, 577, 578, III², 27, 214, 215.
 Острожский Вячеслав, III¹, 62, 63.
 Острожский Федоръ, III¹, 63, 256, 257.
 Острожский Фридрихъ (= Федоръ?), III¹, 61—63, 175, 257, 261.
 Острожский Янушъ, III¹, 149.
 Остромиръ, I, 198, 205, II, 525, 528, 529, 532, 565.
 Остророги, I, 138, III¹, 181, 187.
 Остророгъ Юаннъ, II, 75, 129, III¹, 108, 179, 181, 183, 189.
 Остророгъ Станиславъ, III¹, 104, 190.
 Ота изъ Робоусъ, III¹, 39.
 Отикъ изъ Лозы, табор. полков., III¹, 71.
 Ортоиъ I, кор., I, 17.
 Оттоиъ, вн. мор., III¹, 5.
 Оттоиъ Бамбергскій, еп., I, 15, 19.
 Охмучевичъ, II, 200.

П.

Павель св., апостоль, II, 18, 128, 219, 235, 423, 453.
 Павель II, папа, II, 86, III², 49.
 Павель V, папа, III², 78.
 Павель Варда, архіеп. остриг., III¹, 122.
 Павель, пробоиць здравскій, III¹, 106, 112, 114.
 Павель Діак., II, 117.
 Павловичъ Бернадъ, II, 264, 283.
 Павловскій Станиславъ, еписк., II, 611, III¹, 138, 243.
 Павлюкъ, III², 134.
 Падиевскій Филиппъ, еп. крак., III², 123.
 Паксій, болг. ист., II, 233, 251, 307, 585, 588, 595, 609.
 Палацкій, ист., III², 251.
 Палицынъ Авр., II, 406.
 Палій (Палей), I, 195, III², 218.
 Пальмотичъ Ю., II, 159, 264, 273, 284, 302, 352, 354, 356, 357,

361—363, 370, 383, 389, 392, III², 276.
 Пальмотичъ Як., II, 353, 370.
 Панинъ, II, 416.
 Панкраць изъ св. Николая, III¹, 95.
 Пантелеймонъ, св., I, 187, II, 570, 571.
 Папанекъ Юрій, II, 66, 68.
 Папроцкій, истор., II, 34, 37, 42, 41, 45, 89, 90, 101, 103, 127, 129, 130, 170, 171, 315, 402, 546, 611, III¹, 139, 233, 246—248, 254, III², 63, 69, 117, 139, 217, 218, 254.
 Паркошь Яковъ, III¹, 227.
 Парчевичъ, болг., II, 177, 192, 210, III², 263, 266.
 Пасекъ, II, 83, 92.
 Пасторій, II, 67, 137, 142, 143.
 Пастричь Иеронимъ, II, 240, 583.
 Пахомій, архіеп. астрах., II, 454.
 Пахомій, серб. мюн., II, 571, 572.
 Пацы, III², 163, 211.
 Пашковскій Мартынъ, II, 133, 149, 161, 172—175, 302, III¹, 202, 255.
 Пенкичь, Кареть, II, 277.
 Пековичъ, II, 161.
 Пекосинскій Ф., III¹, 166, 167.
 Пельгримовскій Илья, II, 188, 189.
 Пельцель, I, 30, II, 68, III¹, 10.
 Пенёнжекъ, стар. сав., III², 81.
 Перебийнось, I, 195, III², 148.
 Пергошичь, II, 257, 261, III², 130.
 Пернштейнъ Вильгельмъ, III¹, 119.
 Пернштейнъ Вратиславъ, III¹, 127, 128, 247.
 Пернштейнъ Юаннъ, III¹, 84.
 Перунъ, I, 108, 179, 185, 187, 64, II, 424.
 Петанчиць Феликсъ, II, 208.
 Петка, II, 424, 569.
 Петретичъ, II, 257, 261, 262, 266.
 Петровичъ Василій, митр. черног., II, 205, 308.
 Пётровскій, чеш. бр., III², 257.
 Петрыжницкій, кав. ст., III², 218.
 Петръ I Великій, I, 87—89, 194, 206, II, 9, 18, 20, 211, 216, 232, 247, 279, 307, 308, 343,

- 348, 350, 369, 384, 386 — 390,
392, 393, 400, 401, 408—411,
413—415, 420, 470—490, 494,
498, 500, 513, 595, Ш², 28, 29,
55, 56, 275.
- Петръ II, I, 88.
- Петръ III Теодоровичъ, I, 88, II,
414.
- Петръ, п. болг., I, 64.
- Петръ изъ Младеновицъ, Ш¹, 40,
Ш², 251.
- Петръ Жатоцкій, попь, Ш¹, 76,
77, Ш², 274.
- Петръ изъ Враньяго, Ш¹, 252.
- Петръ Полякъ, Ш¹, 62, 86, 176.
- Петръ изъ Пробошовицъ, Ш¹, 249.
- Пешина изъ Чехорода, 63, 64, 611.
- Пещевичъ Яковъ, II, 239.
- Пилиціе, II, 151, Ш², 62.
- Пилицкій Петръ, пис., Ш¹, 244, 245.
- Пилицкій, стар., Ш², 81, 83.
- Пимень, митроп., II, 427.
- Пинскіе, Ш², 154.
- Планкаръ изъ Квисперка Іоаннъ,
Ш¹, 243.
- Плиній, II, 6, 117, 143.
- Повала, поль. гербъ, Ш², 189.
- Подбузскіе, паны Ранскіе, I, 134.
- Подвысоцкіе, Ш², 80.
- Погодзинскій Варъ., Ш¹, 154.
- Подкова, поль. гербъ, Ш¹, 233.
- Подманиціе, I, 138, Ш¹, 95.
- Подбрадскій Юрій, кор. чеш., I, 27,
II, 107, Ш¹, 98—112, 131, 231,
242, 247, 252, 261, Ш², 274.
- Полидамъ Валентинъ, II, 125.
- Поликарповъ Федоръ, II, 474—478,
481, 482, 487, 592.
- Поликарпъ (его еванг.), II, 566.
- Полоусъ, каз. ст., Ш², 218.
- Полубенскіе, Ш², 171.
- Полубенскій, кн., Ш², 215.
- Помяны, поль. родъ, Ш¹, 167, Ш²,
189.
- Повтанъ, II, 12, 257.
- Понятовскій Ст. Авг., см. Стави-
славъ Авг. II.
- Попели, Ш², 81.
- Попель Никол., посолъ изъ., II,
398, Ш¹, 116.
- Попель, II, 141, 427.
- Поповичъ Іоаннъ, словен. уч., II,
301.
- Порай, поль. г. и р., I, 137, Ш¹,
166.
- Порыцкіе, Ш², 171.
- Посидовичъ, II, 264, 267, 273.
- Поссевиць, II, 278, 404, 408.
- Потоцкіе, Ш², 70, 127, 207.
- Потоцкій Вяч., II, 84, 164, 167,
178 — 180, 380, Ш¹, 170, 198,
211, Ш², 138, 147.
- Потоцкій (Стан.), гетм., Ш², 78.
- Потоцкій Ник., гетм., II, 190, Ш²,
144.
- Потоцкій Андр., тов. Соб., II, 383,
Ш², 116.
- Потоцкій Іоаннъ, гр., II, 146, Ш¹,
19.
- Потоцкій Феликсъ, II, 98.
- Потъи, Ш², 211.
- Потъи Іпат. (Потъи), II, 435, 447,
Ш², 48, 57, 136.
- Похлинь Маркъ, II, 299, 300.
- Прай, ист. уг., II, 255.
- Предмирскіе, Ш², 81.
- Прекора Яковъ, Ш¹, 176.
- Премысловичи, кн. чеш., I, 23, 25,
101, 109, 143, Ш¹, 21, 22, 230,
231.
- Премыслъ, родонач., I, 145.
- Премыслъ (Премыславъ), кор. поль.,
I, 33, II, 427, Ш¹, 2.
- Премыслъ Отакаръ I, кн. чеш., I,
24.
- Премыслъ Отакаръ II, к. ч., I, 24,
25, 45, 57, II, 25, 74, 339, 462,
Ш¹, 24—27, 35, 107, 159, 254,
Ш², 244.
- Предавскій, Ш¹, 135.
- Прибоевичъ Влк., II, 229.
- Прибыславъ, кн. I, 19.
- Прибыславъ, сынъ Лестька, II, 106.
- Принцъ Дан., изъ Бухова, II, 246.
- Пріемскій, Ш¹, 135.
- Прокошій, св., II, 28, 30, 31, 242,
519, 535, 541, 544, 548, 560,
604, 605, Ш¹, 105, Ш², 244.
- Прокошій, ист., II, 30, 39, 117,
143, 435, 502, 504.

Прокоповичъ Θεосанъ, II, 232, 473, 486, 494.
 Прокопъ Великій, попь, I, 27, III¹, 68, 69, 72, 76, 77, 158.
 Протива, еписк., II, 543.
 Прусиновскій Вильг., еп. олом., III¹, 124.
 Прусовскій, панъ, III¹, 233.
 Псевдо-Берось, II, 7, 14.
 Птоломей, II, 6, 39, 117.
 Пубичка, II, 67, 68.
 Пугачовъ, I, 89, 169.
 Пузыны, III², 171, 211.
 Пулкава, лѣтоп., II, 31, 32, 42, 108, 110, 125, 420, 449, 610, 611, III¹, 6, 86.
 Путятинскіе, III², 81.
 Пуффендорфъ, ист., II, 479.
 Пухала Добеславъ, III¹, 62, 64, 65, 68, 69.
 Пухалы, поль. родъ, III¹, 167.
 Пуховскій Іоаннъ, II, 59.
 Пуховскій, лѣтоп., II, 37.
 Пуховскій Сигизмундъ, II, 59.
 Пудичъ-Солтановичъ, II, 362.
 Пѣтшиескій, ротм., III¹, 253.
 Панъ, свящ., III¹, 68.
 Пясецкій Павелъ, еписк., II, 74, 93, 101, 167, 248, 441, 520, III¹, 123, III², 23, 74, 75, 138.
 Пястовичи (Пясты), I, 84, 101, 102, 109, 139, 143, 182, III¹, 23, 29, 30, 33, 163, 230, 231, III², 12—14.
 Пясть, I, 31, II, 79, 427.

Р.

Рава, поль. гербъ, III², 189.
 Рагоза Михайлъ, митр. кiev., III², 214.
 Рагозинскій, попь, III², 162.
 Радзивиль Николай, II, 146, 147, III¹, 222, III², 211.
 Радзивиль Явушь, III¹, 143.
 Радзивиль, II, 76; III², 207.
 Радзивилы (Радзивилы), I, 130, II, 152, 190, 292, III², 163, 171, 211.
 Радигость, слав. бож., II, 64.
 Радимъ, I, 105, II, 6, 111, 124, III², 3.

Радимъ, архіеп. поль., III¹, 169.
 Радичъ Оома, іез., III², 270.
 Радичъ, II, 264, 273, 439.
 Радославъ, кн. сербск., I, 56, 450.
 Раду, воевода, I, 69.
 Разинъ Стенька, I, 87, 168, 169.
 Раичъ, II, 37, 233, 238, 253, 254, 307, 308, 390, 512, 595.
 Ракоцы Ф., II, 410, III², 56.
 Ранина Н., III², 38.
 Рановичи, I, 134.
 Раткай, ист., II, 34, 233, 242, 243, 245, 262.
 Ратоміръ, кор. гот., II, 223.
 Рачинскій Вышекъ, III¹, 62.
 Рачко Юрій, панъ, III², 192, 193.
 Рашиковичи, серб. родъ, I, 147.
 Рдестъ, I, 139.
 Рева, истор., II, 34, 61.
 Рей изъ Нагловиць, II, 41, 160, 161, III¹, 209, 246, III², 36, 67, 76, 117, 138—141.
 Рельковичъ, II, 266, 267.
 Ремеделли Діонисій, II, 217.
 Ременовскіе, III², 68.
 Рикардъ, уг. мовахъ, III², 7.
 Ритеровичи (Рытеровскіе), III², 68.
 Риттеръ-Витезовичъ, см. Витезовичъ.
 Рипелье, II, 96.
 Ричарди Петръ, II, 381.
 Роговскій Палладій, II, 473.
 Рожаницы, яз. слав. бож., I, 185.
 Роза (Ружичъ), Март., II, 232.
 Розенберги, чеш. родъ, I, 137, 166.
 Розенбергъ, панъ (его „Книга“), I, 175.
 Розенбергъ Вильгельмъ, II, 72, III¹, 125, 127—180, 134—141.
 Розенбергъ Генрихъ, панъ, III¹, 38.
 Розенбергъ Ульрихъ, панъ, III¹, 84, 179.
 Рѣзнятовскіе, III², 80.
 Рокита Янъ, чеш. братъ, III¹, 189, III², 243, 258—260.
 Рѣшицана Янъ, II, 134, 177, III², 252, 253.
 Романовичи, III², 16, 17.
 Романовскіе, III², 67, 68.
 Романовы, II, 77.

Романъ Мотисл., кн. вол., III², 16,
17, 58.

Роса Вяч., грамм., II, 63—65, 234.

Ростиславичи, кн. гал., III², 15, 16.

Ростиславъ, кн. рус., III², 58.

Ростиславъ, кн. мор., I, 11, 22, 23,
63, II, 9, 23, 30, 428, 430, 448,
453, 455, 586, 589, 590, 607,
609, III¹, 165.

Рось, II, 109, 110, 124, 144.

Рубчиць, II, 200, 239.

Рудольфъ, еп. лавантскій, паш. ле-
гатъ, III¹, 102, 104, 107, 110,
179.

Рудольфъ Габсбургскій, III¹, 24—
26.

Рудольфъ (австр.) I, кор. чеш., III¹,
81.

Рудольфъ II, кор. чеш. (и имп.),
I, 29, II, 426, 611, III¹, 135,
140, III², 266.

Рудольфъ, кронпр., III², 27.

Ружинскіе, III², 171.

Ружичъ Ст., свящ., III², 275.

Руликъ Іоаннъ, II, 100, III¹, 164.

Румовскій, II, 511.

Русдорфъ Павелъ, III¹, 75.

Русиновскій, III¹, 152.

Русичъ Стее., II, 388, 389, 392,
409, 584.

Русъ, прот. русовъ, II, 6, 19, 65,
105, 108 — 111, 114, 118, 124,
134, 135, 142, 145, 238, 242,
243, 245, 368, 439, 443, 447.

Рутскій Веням., митр. ун., II, 451.

Рыба, чеш. братъ, III¹, 188, 189.

Рыботицкіе, III², 68.

Рыло Максимилианъ, еп. холм., III²,
273.

Рысинскій, II, 41, III¹, 247.

Рюриковичи, I, 80, 102, 103, 109,
134, 143, II, 77, 111, 434, III¹,
116, III², 13, 14, 17, 58, 151,
169—171, 176.

Рюрикъ, I, 78, 79, II, 433, 434,
436, 437, 440, 445, 447, 449,
457, 483, 500.

Ръиниъ, II, 418.

Рябининъ, рус. раскодъ, I, 196.

С.

Сабелликъ, ист., II, 7, 112, 117.

Сава, королева, II, 105.

Сава (его еванг.), I, 205.

Сава, св., учит. слав., II, 577.

Сава, архіеп., I, 57, II, 394, 424,
450, 569, 571.

Сава Петровичъ, черног. влад., II,
205, 412.

Сава Владиславичъ (Рагузинскій),
II, 387, 389, 409, 471, 486.

Савва Романовъ, II, 575.

Савватій, справщ., II, 575.

Савонарола, III², 235.

Сагайдачный Конашевичъ Петръ,
гетм., II, 178, 374, 453, III²,
215, 220.

Сагайдачный Григорій, атам., III²,
220.

Сакмарди Иванъ, II, 354.

Саковичъ, К., II, 435, 552, III², 44,
219.

Саковичъ Андр., воев., III², 170.

Саковичъ Грынъ, III², 194.

Саксонъ Грам., II, 117, 492.

Самуиль, ц. болг., I, 64, II, 201,
203.

Самуиль изъ Праги, III¹, 254.

Самуиль Кошка, I, 195.

Самъ (Сапо), кн., I, 45.

Сангушки (Сонгушки, Сенкушки),
III², 154, 171.

Сангушко Дмитръ, III², 253.

Сандакъ Храничъ, I, 103.

Сапоцкій, ученый, II, 43.

Сапега Алекс., кн., II, 100.

Сапега, канцл., II, 188, 190, III²,
23, 202.

Сапеги (Сопеги), III¹, 157, III²,
172, 211.

Сарбовскій, II, 62, 161.

Сарницкій, ист., II, 34, 41, 71, 101
—103, 106, 126—129, 132, 206,
315, III¹, 19, 190, 247, 255, 257.

Саскій Іоаннъ, II, 238.

Сатановскій Арс. II, 472.

Свантоборичи, помор., родъ, I, 134.

Сварогъ, I, 179, II, 423, 424.

- Сварожичъ, сл. бож., I, 17, 179, 185, 187—190, II, 424.
- Сватава, кн. поль., III¹, 22.
- Свачичъ Петръ, I, 49.
- Свевладъ, кор. гот., II, 223.
- Свевъ, II, 6, 15.
- Свилосвиць, юнакъ, I, 192.
- Свистельницкіе, III², 68, 80, 102.
- Свобода Прокопій, II, 242.
- Свойше изъ Заграда, III¹, 89.
- Свѣтликъ Юрій, III¹, 18.
- Свѣтъбогъ, I, 108, 179.
- Свѣтовитъ, яв. бож., I, 16, 64, 179, 185, II, 39.
- Святогоръ I, 194.
- Святополкъ, кн. мор., I, 17, 23, 107, II, 17, 23, 126, 223, 224, 250, 251, 428 — 430, 448, 449, 453, 455, 520, 531, 586, 610, 611, 616, III¹, 165, 230.
- Святополкъ, кн. мор. (XII в.), III¹, 5.
- Святополкъ Владимировичъ, I, 180, II, 397.
- Святославъ, кн. русс., I, 64, 78, II, 401, 533.
- Святославъ, десп. болг., II, 569.
- Седовскій Яковъ, III², 134, 135, 148.
- Сенковскій, III², 7.
- Секлюціанъ Іоаннъ, III¹, 228, III², 36.
- Секула, юнакъ, I, 192, 193.
- Селява Анаст., архиманд., II, 596.
- Семечка изъ Семчиць, III¹, 39.
- Семовитъ, кн. поль., II, 251, 610.
- Сендживой изъ Остроорога, III¹, 73, 86, 181.
- Сенникъ Мартынъ, II, 59, 151.
- Сеннацкій, III¹, 214, III², 140.
- Сенявскіе, III², 62, 70.
- Сенявскій, тов. Іоан. Соб., II, 383.
- Сенявскій, III², 23.
- Сонявскій Геронимъ, воев. русс., III², 116.
- Сербъ, праот. серб., II, 6, 106.
- Серветъ, III², 235.
- Сецинскій Стан., еп., III², 74, 75, 78, 79.
- Сибинянинъ Янко, юнакъ, II, 192.
- Сива, слав. бож., II, 64.
- Сигизмундъ I Вел., кор. поль., I, 36, II, 113, 172, 186, 209, III¹, 118 — 121, 142, 215, 223, 238, 341, 242, 247, 252, III², 2, 47, 51, 52, 102, 103, 106, 112 — 114, 166, 170, 179, 181—183, 193.
- Сигизмундъ II Августъ, кор. поль., I, 36, II, 59, 78, 147, 163, 407, 425, 596, III¹, 124 — 127, 185, III², 70, 166, 167, 188, 189, 198, 212.
- Сигизмундъ III, кор. поль., I, 38, 84, 90, II, 72, 178, 189, 192, 193, 381, 453, III¹, 141 — 143, 150, 155, III², 202, 206 — 208, 220, 269.
- Сигизмундъ, кор. чеш. и уг., I, 27, 50, 65, 70, II, 38, 128, 206, 450, III¹, 32, 36—38, 42—47, 49, 50, 58, 64—72, 75—80, 90 — 92, 110, 122, 151, 172, III², 93, 166, 250.
- Сигизмундъ (Жигимонтъ) Кестульевичъ, III¹, 64, 77, 78, 84, III², 159, 163, 177, 178.
- Сигизмундъ (Жигимонтъ) Кормбутовичъ, III¹, 52 — 70, 72, 77—79, 92, 150, III², 153, 154.
- Сигизмундъ Грубный изъ Еленя, II, 48, 49, 52, 53.
- Сигизмундъ изъ Пухова, II, 40, III¹, 8.
- Сидичъ, II, 361.
- Сикстъ IV, папа, II, 447.
- Силеміръ, кор. гот., II, 223.
- Сильвій, см. Эней С.
- Симеонъ, св. (Стефанъ Нѣм.), I, 103, II, 427, 569, 571.
- Симеонъ, мнихъ—писецъ, II, 567.
- Симеонъ, многоъ сузд., II, 402, 573, III², 267.
- Симеонъ Полоцкій, II, 472.
- Симеонъ Борисовичъ, царь бол., I, 63, II, 202, 203, 424, 524, 525, 532, 533, 584, 585.
- Симеонъ, кн. моск., I, 81.
- Симеонъ Логоветъ, лѣт. пис., II, 109, 431.
- Симоновскій, II, 484.

Симъ, П, 138, 139.
 Сирко, каз. ст., Ш², 218.
 Ситовичъ Любушкій, П, 264, 267.
 Сиеъ, П, 139.
 Скала Павелъ, Ш¹, 144, 147, 148.
 Скарга П., П, 71, 94, 95, 99, 150,
 549, 550, Ш², 54, 131, 132,
 148, 156.
 Скандербергъ Юр. Кастріотичъ, П,
 236, 369, 370.
 Скиданъ, каз. ст., Ш², 218.
 Скрыгайло (Скырыгелло) Ив., Ш²,
 152, 153.
 Скорина Франц., П, 152, 292,
 595 — 59^м, Ш², 43, 135, 213,
 223, 225—228.
 Скринскій Дунинъ, Петръ, Ш¹, 139,
 Ш², 54.
 Скуминовичъ, Ш², 216.
 Скутецскій Викторинъ, П, 293.
 Славата Іоаннъ, Ш¹, 97.
 Славаты, Ш¹, 160.
 Славиборъ, кн., П, 30, Ш¹, 8.
 Славинецкій Епис., П, 457, 460,
 472.
 Славниковичи, Ш¹, 22.
 Славникъ, князь, П, 30.
 Славъ, праот. славянъ, П, 6, 105.
 Сладичъ, Ш², 272, см. тоже Дольчи.
 Сливскій Яковъ, Ш², 79.
 Слуцкіе, Ш², 171.
 Слѣнвороны, поль. г. и р., I, 139,
 Ш¹, 167.
 Смирицкіе, I, 138.
 Смогоревскій, митр., Ш², 239.
 Смолька Ст., Ш², 4, 155.
 Смотряцкій Мелет., П, 257, 322,
 332, 363, 435, 451, 452, 465,
 474, 475, 477, 487, 552, 579,
 592, 593, Ш², 44, 53, 216.
 Собескіе, Ш², 126.
 Собескій Іоаннъ, кор. поль., I, 40,
 П, 83 — 86, 92, 97, 169, 178,
 179, 183, 349, 378, 380 — 383,
 392, 393, Ш¹, 162, Ш², 55, 117.
 Собъборъ, вельм. Славников., Ш¹,
 22.
 Собъславъ, сынъ Лестька, П, 106.
 Собъславъ Вратисл., кн. чеш., Ш¹,
 22.

Совинскій Павелъ, Ш¹, 69.
 Совичъ, П, 593.
 Соколинскіе, Ш², 211.
 Соколовскій Станис., П, 606, Ш¹,
 170.
 Соколовскій Іоаннъ, Ш¹, 253.
 Сокольніцкій Михаилъ, П, 411.
 Соларичъ Пав., П, 278, 593.
 Соляковский, Ш², 110.
 Соловей Будимировичъ, I, 194, 195,
 196.
 Соломирецкій, Ш², 171.
 Сосновскій Григорій, Ш², 69.
 Сосновскій Иванъ, Ш², 69.
 Софія, царевна греч., I, 82.
 Софія, жена Вл. Ягайла, Ш², 156,
 165.
 Софія, королева поль., П, 148.
 Софія, любовн. армян. Ивашки,
 Ш², 47.
 Софоновичъ Феод., П, 443, 444,
 461.
 Спагарій Николай, П, 348.
 Спытекъ изъ Мельштына, Ш¹, 176,
 183, Ш², 18, 63.
 Спычинскій Іерон., П, 140.
 Срацимиръ, царь болг., I, 65.
 Ставеръ, богатырь, I, 193.
 Ставровецкій, П, 435, 466, 599,
 Ш², 44.
 Стадницкіе, Ш², 62, 70.
 Стадницкій, панъ, Ш¹, 190.
 Станимирскіе, Ш², 52, 68.
 Станиславовъ Филиппъ, П, 601,
 Ш², 267.
 Станиславъ, св., П, 140, 548, Ш¹,
 25, 68, 105, 170.
 Станиславъ Августъ Понятовскій,
 I, 41, П, 97, 98, 183, 388.
 Станиславъ Лещинскій, П, 388,
 414.
 Станиславъ Горка, Ш¹, 128, 129.
 Станиславъ, воев. калиш., Ш¹, 181.
 Станиславъ изъ Доброй Воды, Ш¹,
 39.
 Станиславъ изъ Скарбимбѣря, Ш¹,
 173.
 Станиславъ, мон. лѣсн., П, 563.
 Старовольскій Симонъ, I, 162, П,
 93, Ш¹, 156, 202, Ш², 139, 147.

Статорій (Стоенскій), II, 150.
 Сташиць Стан., II, 97, 98.
 Стефанъ Свят., кор. уг., I, 69, 71,
 74, II, 450, III², 15.
 Стефанъ, еп. перм., II, 396.
 Стефанъ Суроженскій, св., II, 430,
 431.
 Стефанъ Войславъ, кн., I, 56.
 Стефанъ Неманя, I, 56, 57, 144,
 II, 220, 221, 224, 394, 557.
 Стефанъ Первоувч., сынъ с. Не-
 мани, I, 57, II, 224.
 Стефанъ Урошь, кр. серб., I, 57,
 58.
 Стефанъ Драгутинъ, I, 57, 71.
 Стефанъ Милутинъ, I, 57, II, 203,
 570.
 Стефанъ Дечанскій, I, 58, II, 221,
 224, 424, 562.
 Стефанъ Душанъ, I, 58, 175, II,
 29, 203, 394, 541, 571, III¹, 31.
 Стефанъ Лазаревичъ, десп., I, 59,
 II, 394, 424, 562, III², 250.
 Стефанъ Тврдко, мор. босн., I,
 50, 59.
 Стефанъ Остоя, см. Остоя.
 Стефанъ Өмичъ, кор., I, 60.
 Стефанъ Ваторій, I, 38, II, 312,
 408, III¹, 136, 138, 255, III²,
 218.
 Стефанъ, воев. молдав., III², 101,
 106.
 Стефанъ Косача, воев., II, 212.
 Стефанъ Истриянскій, II, 259, 260,
 264, 267, 285, 286, 288, 290,
 291, 292.
 Стефанъ изъ Вербовца (Вербѣчи),
 III², 130.
 Стоенскій, см. Статорій.
 Стойковичъ Иванъ, домнина., III²,
 273, 274.
 Стоянъ, юнакъ, I, 192.
 Страбонъ, II, 6, 37, 117.
 Стражскій Янъ, III², 251.
 Странскій, II, 611, III², 254.
 Странъскій Я., II, 293.
 Странъ, III¹, 176.
 Страхота=Мееодій, св., II, 31, 605.
 Стредовскій Юаннъ, II, 64, 611,
 612.

Стревислава, княгиня, II, 31.
 Стрибогъ, яз. богъ., I, 179, 184.
 Стриттеръ, II, 505, 506.
 Струтинскіе, III², 68, 80.
 Стрыйковскій Мать, вст., II, 34,
 41, 72, 89, 101, 102, 106, 109,
 113, 121 — 127, 169, 173—175,
 187, 363, 424, 438, 441, 442,
 444 — 446, 454, 482, 505, III¹,
 247, 254, 262, III², 14, 139, 147,
 163.
 Стрѣла, III¹, 125.
 Стырь, богатырь, I, 183.
 Суворовъ, полков., II, 512.
 Суворовъ Максимъ, II, 592.
 Судетскій, II, 21, 43, 45.
 Сулима, кан. ст., III², 218.
 Сумароковъ, II, 412, 509.
 Суворецъ, дякъ, II, 573.
 Сухановъ Арсеній, II, 570, 615.
 Суша Яковъ, еп. холм. униат., III²,
 55, 58.
 Сыновцы изъ Сандовицъ, бр., III¹,
 242.

Г.

Галагусъ, III¹, 229.
 Гамъ Карлъ, II, 69.
 Ганнеръ, воев., II, 555.
 Гарло, III¹, 135.
 Гарло Андрей, III², 110.
 Гарлы, III², 62.
 Гарастъ Б., III², 124.
 Гарновскій, панъ (у Варшавя.),
 II, 134.
 Гарновскій I., III¹, 184, 257, 259,
 261.
 Гарновскій Стан., гр., II, 91.
 Гарновскій Спитекъ, III¹, 58, III²,
 81, 82.
 Гатищевъ В., II, 446, 486, 490—
 499, 506, III², 216.
 Гаубертъ, акад., II, 499.
 Гацигъ, II, 6, 14, 15, 117.
 Твардовскій Сам., II, 160, 161,
 176, 177, 190, 191, 193, 194,
 III¹, 78, III², 147.
 Тавско, праот. герм., II, 6, 14, 38.
 Тавкадъ, вождь нѣмцевъ, II, 33, 38.

Тевтовъ, вождь нѣмц., II, 88.
 Текели, II, 84.
 Теодорикъ, III², 10.
 Тержичъ Лука, II, 283.
 Терлецкіе, III², 80.
 Терлецкій Месодій, II, 310, 581,
 582, III², 48, 58, 264, 268, 269.
 Тидагъ, еп. праж., III¹, 4.
 Тисаровскіе, III², 80.
 Титмаръ, еп. праж., III¹, 4.
 Титмаръ мерзебург., лѣтоп., I, 15,
 II, 18, 17, III¹, 3, 21, 109.
 Тицинь, іез., II, 18, 21, III¹, 17,
 18.
 Томяцкій Петръ, III¹, 118, 121,
 189.
 Топоръ, поль. гербъ, III², 189.
 Трановскій изъ Тъшина, III¹, 233.
 Тредьяковский, II, 412, 500, 501,
 503, 505—508, 508, 512.
 Трѣмбецкій Стан., II, 98, 168, 183,
 184, 185, 195—197.
 Триглавъ, язвч. бож., I, 185.
 Тромль Святопольскій, II, 44, 45.
 Тройденъ, кн. маз., III², 17.
 Троянь, I, 5, 185, 187, II, 424.
 Труберъ, II, 21, 257, 259, 260,
 266, 270, 285 — 288, 290, 291,
 294, 296, 297.
 Тугаринъ Зыбевичъ, I, 193.
 Турновскій Симеонъ, II, 553, III¹,
 174, 179, 186, 189, 191, III²,
 257, 258.
 Турпъ Францъ, графъ, III¹, 136.
 Туробойскій Іос., II, 473.
 Тустановскіе, III², 81.
 Тышковичи, родъ, III¹, 157.
 Тышковичъ, гетм., III², 218.
 Тяпинскій Вас., II, 598, 599.
 Тѣнчинскіе, III², 62.
 Тѣнчинскій Амдр., II, 165.
 Тѣнчинскій, панъ, II, 135.

У.

Угары, III¹, 160.
 Ульрихъ, кн. чеш., III¹, 6, 21.
 Ульрихъ Червенка изъ Ледець,
 III¹, 97.
 Ульрихъ изъ Смиготель, III¹, 97,
 252.

Ульрихъ, ехол., III¹, 24.
 Унгнадъ Іоаннъ, бар., II, 285, 290,
 292—294.
 Упиръ Лмхій, попъ, II, 528, 573.
 Урбанъ VIII, папа, II, 576, 581,
 III², 262, 263.
 Урбанъ изъ Старицы, III¹, 252.
 Урбихъ, II, 484.
 Устрицкіе, III², 81.
 Устрицкій Викент., II, 172, 179,
 180.
 Уханскій Яковъ, арх., II, 76, 550,
 III¹, 186.

Ф.

Фабриціусъ Богум., III¹, 19.
 Фабриціусъ Донатъ, III¹, 17.
 Фантинъ de Valle, III², 274.
 Фаренсбахъ, III¹, 149.
 Фарлати, II, 238, 239.
 Федоръ Иван., царь, I, 84, III²,
 70, 128, 130, 271.
 Федоръ Алексѣев., царь, II, 244,
 349.
 Федоръ Коріятовичъ, кн. лит.-рус.,
 I, 70, см. Коріятовичъ.
 Федоръ Корнбутовичъ, III¹, 78.
 Федоръ Ольгирдовичъ, III², 154.
 Федоръ Любартовичъ, кн., III², 83.
 Феликсъ изъ Панѣва, III¹, 63.
 Фердинандъ I, кор. чеш., I, 28, 61,
 II, 125, III¹, 15, 120—126.
 Фердинандъ II, к. ч., f, 29, II, 276,
 580, III¹, 145, 148, 155, III², 266.
 Фердинандъ III, к. ч., II, 262, 310.
 Фердинандъ, братъ имп. Максими-
 лиана, III¹, 133, 136.
 Феричъ, II, 264, 290, 392, III²,
 275.
 Филалетъ Христоф., III², 58.
 Филипецъ Іоаннъ, еп., II, 208.
 Филиповичъ, II, 266.
 Филипъ, кор. вѣн., III¹, 156.
 Фирлей, III¹, 135, 255.
 Фишеръ, совѣт. ярцг. Альбр., III¹,
 149.
 Флетчеръ, II, 590.
 Фойгтъ, II, 68.
 Фока, имп. виз., II, 344.

Фотій, натр., II, 453—455, 613.
 Франкоцань, I, 50, 52, 103, 170,
 II, 84, 211.
 Франковичъ Матв. Влаичъ, II, 293,
 294, III¹, 186.
 Францискъ, лѣтоп. чеш., III², 18.
 Франць Іосифъ, III², 27.
 Фредро Андрей, II, 93.
 Фредро Іоаннь, III², 80.
 Фредро, воевода, III¹, 123.
 Фредры, III², 62, 63.
 Фрѣляхъ, книгопр., II, 292.
 Френцель Авраамъ, II, 20, 21, 293,
 484.
 Френцель Михаилъ, свящ. сербск.,
 II, 18, 2¹, 409, III¹, 16, 17, 18.
 Френцель Мих., сынъ его, II, 20,
 21.
 Фридрихъ I, имп., III¹, 6, 250.
 Фридрихъ III, имп., I, 50, II, 86,
 III¹, 91, 95, 103, 115, 116.
 Фридрихъ II, кор. прус., I, 41, II,
 413, 414, 418, III¹, 156, 163.
 Фридрихъ, курф. пфальцк. и кор.
 чеш., III, 145, 146, 150, 154,
 158.
 Фридрихъ, бранденб. курфюрстъ,
 III¹, 98, 100, 107, 108.
 Фридрихъ, кн. слезско-легн., III¹,
 120.
 Фриць, II, 22.
 Фришь Іоаннь, учен., II, 507.
 Фроянь Антоанъ, II, 65.
 Фволь Швайнолтъ, II, 550, 572,
 573, III¹, 183, III², 226.

Х.

Хабделичъ Юр., II, 262, 266.
 Ханенко, гетм., III¹, 258, III², 218.
 Хвалибогъ, I, 108.
 Хвалъ, табор., III¹, 55.
 Хвальчевскій Станиславъ, II, 109,
 115, III¹, 259, 260.
 Хекторовичъ, II, 264, 265, 355,
 370, 371.
 Хельцицкій Петръ, II, 134.
 Херасковъ, II, 412.
 Хервоя, воев. босенск., I, 50.
 Хмелецкіе, III², 68.

Хняковъ, кн., II, 483.
 Хитрей, учен., II, 21.
 Хлебовскій, II, 173—175.
 Хмѣльницкій Богданъ, I, 86, 168,
 195, II, 177, III¹, 258, III², 27,
 127, 128, 148, 218, 219.
 Хмѣльницкій Тимофей, I, 196.
 Ходаковский, II, 139.
 Ходецкіс, III², 62.
 Ходкевичъ Карлъ, II, 160, 178,
 190, 374.
 Ходковичи (Ходкевичи), родъ, III¹,
 157, 211.
 Ходковичъ Алекс. Иван., III², 195.
 Ходковичъ Григорій, сынъ Ал., II,
 600, III², 196.
 Ходковичъ Ивашка, III¹, 96.
 Ходоровскіе, III², 61, 67, 68.
 Хомутовскій Юрій, III¹, 253.
 Хомяковъ, II, 197.
 Хорсъ-Хръсъ, I, 108, 179, 184, 185,
 II, 424.
 Хотки, чеш. родъ, III¹, 160.
 Хотовскій, шляхт. поль., III¹, 137,
 214.
 Хоривъ, II, 111, 124.
 Храбръ, чернориа., II, 255, 280,
 468, 584, 588, 590, 602, 614.
 Храповицкій А. В., II, 420.
 Хребтовичъ, II, 98.
 Хребтовичъ Ив., III², 180.
 Хрѣнстовскій, свящ., III², 211.
 Христіанъ, кн. легницкій, III¹, 230.
 Хросьпинскій Войт., II, 179.

Ц.

Цамблякъ, см. Григорій Ц.
 Цебровскіе, III², 63.
 Цельтесъ Конрадъ, III¹, 244.
 Цирианичи, III², 274.
 Црноевичи, I, 60.
 Цръга = Кирилъ св., II, 31, III²,
 254.
 Црѣвичъ (Черва), Илья Людовикъ,
 II, 200, 208, 224 — 226, 242,
 243, 294, 303, III¹, 116, III²,
 275.
 Цтиборъ изъ Цимбурга, I, 175,
 III¹, 111, 248.

Цырусь Іоаннь, III¹, 125—127.
Цѣхановскій, еп. холм., III², 125.

Ч.

Чайковскіе, III², 68.
Чаки Матвѣй, I, 70.
Чапекъ Іоаннь изъ Санъ, III¹, 71,
73, 86, 89, 90, 95, 98.
Чалицы, III², 211.
Чарнковскіе, поль. родъ, I, 138.
Чарнковскій Іоаннь, лѣт., III², 168.
Чедолни Петръ, еп., II, 210, 404,
III², 269, 270.
Чезелитскій Матіашъ, III¹, 117.
Чеперовскіе (Донатичи), III², 65,
67.
Черва, ист., см. Црѣвичъ.
Червенка, III¹, 189, 248, III², 256,
259.
Черкасскіе, III², 61.
Чернинъ, графъ, II, 471.
Чернинъ изъ Худениць, III¹, 252.
Чернины, III¹, 160.
Черный, чешъ братъ., III¹, 189.
Черный Іоаннь, гойт. чеш., III¹,
254.
Четвертинскіе, III², 171.
Чеховичъ М., II, 597, III², 211.
Чехъ, прат. чеховъ, II, 6, 19, 31,
32, 37—43, 45, 65, 67, 68, 94,
105, 108—121, 123—125, 128,
134—136, 141—145, 199, 201,
209, 231, 233, 238, 242, 243,
368, 427, 439, 443, 447, III¹,
152, 153, 159.
Чижевскій Іоаннь, II, 75.
Чолганскіе, III², 52, 80.
Чорторыйскіе, I, 139, III¹, 157,
III², 171.
Чубрановичъ Андрей, II, 355.
Чурида Пленковичъ, I, 194, III²,
143.

Ш.

Шайвоха, III¹, 166, 167, III², 63,
126, 127, 155, 204.
Шалетъ Яковъ, II, 380.
Шаиникъ Іоаннь Леонтьевичъ, II,
551.

Шаринскій—Семь Ник., III², 138,
141.
Шарфенбергеръ, III¹, 184, 222.
Шафранецъ Іоаннь, еписк., III¹, 50,
59, 66.
Шафранецъ Петръ, III¹, 59, 62,
63, 82.
Шафранецъ, его сынъ, III¹, 59, 63.
Шафранецъ Станисл., III¹, 129.
Шафранцы, шляхет. родъ, III¹,
59, 64—67, 135.
Швайшолтъ, см. Фьоль Ш.
Шварценберги, III¹, 159.
Швегла, III¹, 229.
Швигригаю Левъ Болеславъ-Але-
ксандръ, в. кн. лит., III¹, 63, 67,
69, 70, 72, 75, 77, 79, 253, III²,
61, 83, 117, 152, 158, 159, 171,
177, 178, 185—187, 205.
Шенлебенъ, II, 250, 298.
Шентцккіе, III², 52, 68, 80, 102.
Шереметевъ Борисъ, III², 55.
Шидловецкіе, поль. родъ, III¹, 243.
Шидловецкій Николаѣ, III¹, 243.
Шидловецкій Христоф., II, 58, III¹,
120, 243.
Шимекъ, II, 66.
Шимоновичъ III, III², 138, 144.
Шимоновскій, II, 161, 191.
Шипгоричъ Юрій, II, 199.
Шипковъ, II, 513.
Шипмановичи, I, 63.
Шипмановичъ Михаиль, I, 65.
Шипманъ, царь, см. Іоаннь Шипм.
Шлецеръ Авг., II, 67, 499, 506,
514, 612.
Шомбергъ, ер. пос., III¹, 129.
Шпангенбергъ, II, 287.
Шпарка, III¹, 160.
Штарембергъ, II, 83, III¹, 160.
Штернберги, III¹, 160.
Штернбергъ Вяч., гр., II, 357.
Штернбергъ Ладиславъ, панъ, III¹,
118, 119.
Шуаненъ, III¹, 127.
Шубичи—Зринскіе, хорв. родъ, I,
138.
Шубичъ Павелъ, банъ, I, 50.
Шубичъ Младенъ, I, 50.
Шуйскій Мих., II, 396.

Шульць Парумъ, II, 13, III¹, 19.
 Шумахеръ, II, 414.
 Шумлянскіе, рус. родъ, III², 52,
 68, 80.
 Шумлянскій Іос., еп., II, 328, 435,
 III², 55, 56, 137.
 Шурцелейшъ, II, 21.

Щ.

Щекна, III¹, 171.
 Щекотскій, стар., III², 81, 83.
 Щемъ, II, 111, 124, 447.
 Щербатовъ, ист., II, 34, 416, 505,
 506.
 Щербичъ, III², 138, 148, 206.

Э.

Эггенбергъ, III¹, 159.
 Эгингардъ, лѣтоп., II, 13, 117.
 Элеонора, австр. эригерц., III¹, 79.
 Эльснеръ Іоаннъ, III¹, 193.
 Эмануэль Карлъ савойскій, III¹,
 154, III², 266.
 Эмсеръ, II, 17.
 Эминъ, II, 506.
 Энгель, ист., II, 254.
 Энгельбертъ, III¹, 24.
 Эней (сынъ Алкима), II, 104.
 Эней Сильвій, II, 7, 35, 37 — 39,
 58, 110, 117, 125, 131, 133,
 224, 248, 302, 303, 548, III²,
 41, 92, 180, 244, 246, III², 249.
 Д'Эонъ, франц. агентъ, II, 411.
 Эрдеды, I, 52.
 Эрнотъ Австр., сынъ имп. Мавсим.,
 I, 139, III¹, 125—133, 136.
 Эшенлоеръ Петръ, писарь брати-
 слав., III¹, 102, 104, 106, 207,
 109, 113.

Ю.

Юговичи, I, 192.
 Юзасовичъ, III², 128, 138.
 Югинацъ Пав., II, 307, 595.
 Юлій Цесарь, II, 8, 104.
 Юрикъ, пѣвецъ, I, 136.
 Юрничъ Юрій, II, 288.

Я.

Юрій Подѣбрадовій, ем. Подѣбрад-
 скій.
 Юрій II (Болеславъ Тройд.), князь,
 III², 8, 17, 18, 60, 108.
 Юрій изъ Гуменнаго, III¹, 148,
 Юстиніанъ, кми., II, 34, 113, 244,
 341, 548.

Яблоновскіе, III², 127, 207.
 Яблоновскій, кн., II, 67, 68, 143,
 144.
 Яворскіе, III², 81.
 Яворскій Отец., II, 473.
 Ягайло-Яковъ-Владиславъ, кн. лит.
 и кор. поль., I, 34, 84. II, 192,
 193, 546, 553, III¹, 33—35, 37,
 40, 42, 44—72, 75, 76, 78, 91,
 108, 151, 170—176, III², 9, 19¹
 21, 45, 46, 62, 85, 124, 142,
 152—159, 165, 167, 175, 177,
 207, 247.
 Ягайловичи, I, 28, 84, 85, II, 27,
 72, 75, 78, 82, 86, 93, 126,
 163, 165, 169, 183, 186, 207,
 209, III¹, 33, 34, 110, 114—116,
 119, 123, 131, 138, 163, 247,
 III², 21, 161, 175, 189.
 Ядвига, II, 546, 550, III¹, 91, 171,
 III², 81, 108.
 Ядвига Фредровна, III², 66.
 Язловскіе (— Вучацкіе), III², 62,
 63.
 Яковъ Свинна, архіск. гнѣз., II,
 74, III¹, 28.
 Яковъ, арх. галич., III², 60, 66.
 Яковъ изъ Дѣмбна, III¹, 104, 242.
 Яковъ изъ Куролова, III¹, 249.
 Якубицъ Никол., II, 18, III¹, 16.
 Якшичи, юнаки, I, 192.
 Ямбрешичъ, II, 269.
 Яндитъ, II, 65.
 Яницкій, чеш. бр., III², 257.
 Янко Сибинянинъ (Іоаннъ Хуніядъ),
 II, 236, 369, 370.
 Янковичъ Миріевскій, II, 306, 595.
 Яновичи, паны чеш., I, 134.
 Януковскій, II, 137, 148, 149.
 Янушъ изъ Тулишкова, III¹, 40.

Яня, бож. слав., I, 188.
 Янъ, II, 105, 107, 109.
 Янъ изъ Горки, предвод. поль.,
 III¹, 61—63.
 Янъ Заблудкй, III¹, 215.
 Янъ Пардусъ изъ Горки, табор.,
 III¹, 61.
 Янъ изъ Кротошина, III², 259.
 Япель, II, 577.
 Ярмолинскіе, III², 52, 64.
 Яровить, яз. богъ, I, 179, 185.
 Яромиръ Брчисл., кн. чеш., III¹,
 22.
 Ярославичи, III², 171.
 Ярославна, I, 184.
 Ярославъ, архіеп., III², 93.
 Ярославъ Володимировичъ, I, 79,
 106, 175, 532, 571, III², 3.

Ярославъ Всеволодовичъ, I, 20.
 Ярославъ Святославовъ, III², 16.
 Ярославъ Ѳеомомыслъ, III², 105.
 Ярославъ, канон. плецк., II, 105.
 Ясинскіе, III², 62.
 Ясинскій Варлаамъ, митр. кiev.,
 III², 55.
 Ястрембцы, III¹, 167.
 Яѣтъ, чеш. бр., II, 611.
 Яцекъ, нанъ поль., III¹ 6.
 Яцковскій, III¹, 245.

Ө.

Өеофилактъ, арх. болгар., II, 574.
 Өеофанъ, діак., II, 466.
 Өома Сплѣтскій (архид.), II, 224,
 537.
 Өома изъ Пѣтрова, III¹, 249.

